

НИ ТУРБИНЫХ

Михаил
Булгаков

драмы и
комедии

Б Е Г

Михаил
Булгаков
драмы и
комедии

**Издательство
«Искусство»
Москва
1965**

- Дни Турбиных
- Бег
- Кабала святош
- Полоумный Журден
- Последние дни
- Иван Васильевич
- Дон Кихот

Михаил Булгаков

драмы и комедии

P2
B90

ЗАМЕТКИ О ДРАМАТУРГИИ БУЛГАКОВА

1

Не перестаю сожалеть, что я не знал М. А. Булгакова и даже никогда не видел его. В 1954 году, выступая на Втором съезде писателей, я упомянул его как первоклассного писателя, незаслуженно и как бы насильственно забытого — насильственно, потому что его произведения выдержали «испытание временем» и не потеряли значения для нашей литературы. В ответ на мое выступление Е. С. Булгакова прислала мне пьесы и прозу покойного мужа, и началось знакомство, которое продолжается до сих пор, потому что время от времени я возвращаюсь к этим пьесам, к прозе, находя в них новые особенности, новую глубину.

В своих «Заметках к переводам шекспировских трагедий» Б. Л. Пастернак попытался разгадать тайну личности Шекспира, изучая его описки и повторения, «день за днем воспроизводя движения, проделанные великим прообразом». С неопровержимым ощущением подлинности, основанной, в сущности, лишь на внимательном чтении, он нарисовал юность Шекспира, «дни рождения его реализма, увидевшего свет не в одиночестве рабочей комнаты, а в заряженной бытом, как порохом, неубранной утренней комнате гостиницы...». Надеюсь, что никто не заподозрит меня в самонадеянном сопоставлении. Равным образом не сравниваю я и Булгакова с Шекспиром. Хочу только сказать, что увлекательные поиски личности писателя, начавшиеся десять

лет назад, продолжаютя и доныне. Их не могут заменить ни рассказы родных, ни воспоминания друзей. Мне кажется, что, читая Булгакова, я понял значение его иронического и трагического искусства, родившегося из острого ощущения самых фантастических сторон русской жизни, полного изобретательности, беспощадности и благородного риска.

2

Мне всегда казалось, что Чаплин многому научился у русской литературы. Это чувство окрепло и утвердилось, когда я увидел «Диктатора» и «Месье Верду». В этих произведениях соединение смешного и трагического направлено к той цели, которой всегда служила наша литература. Блок определил ее, как «указание жизненного пути». И другая черта: историзм. Историчен не только «Диктатор», но даже ранняя «Парижанка», хотя этот фильм не выходит за пределы «сцен личной жизни».

Стоит подумать над этим, читая Булгакова. Оба художника ищут «указаний жизненного пути» с помощью парадоксального смещения жанров. Оба с сознательным пристрастием творчески изучают идею справедливости, проникнутую духом историзма.

Оговорюсь, чтобы не быть ложно понятым. Говоря о русской традиции в искусстве Чаплина, я имел в виду лишь одно ее, недостаточно изученное направление. Кто не знает знаменитой формулы Достоевского: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели». Теперь, в середине XX века, следовало бы добавить: «И из гоголевского «Носа». Наметим эту традицию в общих чертах: начиная с загадки «Носа», через мефистофельскую горечь Сенковского (Брамбеуса), она идет к Салтыкову-Щедрину с его сказками и «Городом Глуповым». Нетрудно найти ее черты в творчестве Владимира Одоевского и Вельтмана, писателей второстепенных, но оригинальных. Наиболее полное выражение она находит в роковой неизбежности канцелярских манекенов Сухово-Кобылина, вырастающих до понятия судьбы.

Из наших современников к ней принадлежит, без сомнения, Булгаков, начавший «Диаволиадой», а кончивший «Мастером и Маргаритой», — романом, который, несмотря на всю его сложность, давно пора издать, потому что по своеобразности едва ли найдется ему равный во всей мировой литературе.

Не знаю, как назвать эту традицию. Трагический гротеск? Важно, что она является метким оружием познания действительности и блистательно воплотила идею справедливости и гуманизма.

Не буду возвращаться к этим соображениям. Все дальнейшее представляет собой их развитие, основанное на примерах.

3

«Дни Турбиных» создавались в те годы, когда еще отчетливы были воспоминания о гражданской войне. По впечатлениям первых зрителей, это была пьеса современная, рассказывающая о социальной группе, разбитой Октябрьской революцией и жадно, но беспомощно искавшей выхода. Перечитайте пьесу в наши дни — и вы увидите, что знак историзма стоит над ее героями, смутно, но остро чувствующими все значение происходящих событий. Недаром пьяный Мышлаевский своеобразно, но по-своему выразительно, излагает русскую историю в нескольких словах: «Алеша, разве это народ! Ведь это бандиты. Профессиональный союз цареубийц. Петр Третий... Ну что он им сделал? Что?.. Орут: «Войны не надо!» Отлично... Он же прекратил войну. И кто? Собственный дворянин царя по морде бутылкой. Павла Петровича князь портсигаром по уху. А этот... забыл, как его... с бакенбардами, симпатичный, дай, думаю, мужикам приятное сделаю, освобожу их, чертей полосатых. Так его бомбой за это?» Исторична и сама позиция автора — ее верность послужила основой многолетней, непрекращающейся жизни «Дней Турбиных» на сцене. Название пьесы подчеркивает эту позицию. Это именно дни — особенные, запоминающиеся, дни, из которых составляется жизнь.

Подобно тому как ощущение историчности окрашивает жизнь Турбиных, пьеса Булгакова о Пушкине всецело обращена к нам и глубоко современна. Наша любовь к Пушкину пронизывает ее от первого до последнего слова.

Даже то обстоятельство, что самого Пушкина нет среди действующих лиц, продиктовано тактом художника, глубоко чувствующего современное, новое отношение к поэту. У каждого из нас есть свой Пушкин, свое представление о нем, своя любовь к нему, собственная горечь утраты. Булгаков не захотел вторгнуться в это «тайное тайных». Сделал ли он это потому, что не понадеялся на свои, хотя и немалые силы? Зрители замирают, когда раненого Пушкина проносят через сцену — он появляется перед нами в первый и последний раз. Это лучше, чем заставить его, как сделали авторы некоторых пьес, два часа говорить плохими стихами.

В пьесе Булгакова Пушкин незримо присутствует в каждом слове; исподволь, из картины в картину, его трагедия становится трагедией почти всех действующих лиц; даже тех, кто способен ей вольно или невольно. Недаром же пьеса кончается монологом сыщика, приставленного к Пушкину, и смутно, сквозь всю ложь и туман николаевского строя чувствующего величие гения и тяжесть утраты.

«Битков. ...Что это меня мозжит?.. Налей-ка мне еще... Что это меня сосет?.. Да, трудно помирал. Ох, мучился. Пулюю то он ему в живот засадил...

Смотрительша. Ай-яй-яй...

Битков. Да, руки закусывал, чтобы не крикнуть, жена чтобы не услышала, а потом стих. (Пауза.) Только, истинный бог, я тут ни при чем. Я человек подневольный, погруженный в ничтожество... Ведь никогда его одного не пускали, куда он, туда и я. Ни на шаг, ни-ни-ни... А в тот день меня в другое место послали, в среду-то... Я сразу учуял,— один чтобы. Умные. Зна-

ют, что сам придет куда надо. Потому что пришло его время. Ну, и он прямо на Речку, а там уже его ждут. (Пауза.) Меня не было».

За этими наивными словами и тоска, и угрызения совести, и раскаяние, и внезапное, поражающее зрителя открытие, что этот самый ничтожный из преследователей Пушкина любит его и знает, что никому не уйти от ответственности за преступление века.

5

«Бег» много лет пролежал в архиве драматурга. Теперь пьеса напечатана, поставлена и, будем надеяться, будет поставлена неоднократно.

Можно — и это, без сомнения, сделает наша критика — сопоставить ее с «Днями Турбиных». Можно наметить черты сходства и различия в композиции и в стиле. Можно доказать, что по сравнению с «Днями Турбиных», в которых подчас проглядывает хроникальность, «Бег» построен стремительно и лаконично.

Но все эти сравнения и сопоставления не передадут того чувства, которое ни на минуту не оставляет вас за чтением «Бега». Это — чувство нового зрения, которое позволяет художнику познать виденное прежде (не только им, а многими, и не однажды, а тысячу раз) в неизвестном доселе, но единственно верном воплощении. Это стремительный, полный неожиданностей и вместе с тем поражающий своей внутренней логикой рассказ о трагическом поражении тех, кто пытался остановить движение истории. Подзаголовок пьесы — «Восемь снов». И действительно, подчас начинает казаться сном то, что возникает перед вами на сцене. Но это не сны, а подлинная жизнь, нарисованная зримо, отчетливо и беспощадно.

Превращение человеческого лица в страшную своей неподвижностью маску, социальная острота этого превращения — все, что

придает неповторимую оригинальность творениям Сухово-Кобылина, нашло свое отражение в «Беге». Эта пьеса не похожа на другие пьесы Булгакова. Его драматургии свойственны изящество, легкость построения, шутливость, подчас прячущаяся в глубине трагедии. Здесь нет этой игры: один тяжкий «сон» с роковой неизбежностью переходит в другой. За этой неизбежностью, о которой лишь смутно догадываются люди обреченного мира, сквозит такая правда, что одна только эта смелая и грустная правда заставляет задуматься над взлетами и провалами собственной жизни.

Драматургический жанр представляется понятием вполне определенным, особенно когда вы встречаетесь с произведением, характерные признаки которого позволяют легко заключить его в границы этого понятия. Но границы эти условны. «Героическая комедия», — пишет драматург, как бы предупреждая зрителей, что его произведение отнюдь не рассчитано на то, что зрители будут смеяться до упаду. «Лирическая комедия», — пишет другой, надеясь, что этот подзаголовок объяснит, а может быть, даже и оправдает приблизительность характеров, сентиментальность, длинноты. Третий пишет нейтральное — «пьеса», рассчитывая, что театр сам разберется в запутанном вопросе.

Толстой объяснял жанровое своеобразие «Войны и мира» не пренебрежением «к условным формам прозаического художественного произведения», а тем, что «русская литература со времен Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не дает даже ни одного примера противного».

Что такое «Бег»? То перед вами психологическая драма, то фантазмагория, почти выпадающая из реальных представлений об окружающем мире. Может быть, вернее всего было бы назвать это произведение сатирической трагедией. Или комедией?

Непостижимую игру ведет жизнь с людьми, оторвавшимися от родной земли. Комическое в этой игре вдруг оборачивается

трагедней, а сквозь неподвижную маску медленно сходящего с ума палача проглядывают человеческие черты, в которые вглядываешься с неподдельным волнением.

6

Пьесу «Мольер» невозможно отделить от всей «мольерианы» Булгакова, занимающей в его жизни огромное место. Он написал роман «Жизнь господина де Мольера», пьесу «Кабала святош» и пьесу «Полоумный Журден». Перевел «Скупого». Можно сказать, что он был «потрясен» любовью к Мольеру, подобно Меджуну, потрясенному любовью к Лейли. Это было чувство, развивавшееся вместе с его дарованием, и, увы, безнадежное, потому что ему так и не довелось увидеть ни на сцене, ни на страницах книг своих рожденных этим чувством произведений. Таким образом, сравнение с Меджуном, погибающим от безнадежной любви, только кажется нарочитым.

Говоря о «Кабале святош», нельзя обойти роман «Жизнь господина де Мольера» прежде всего потому, что в этом романе с убедительной непосредственностью сказался талант драматурга. Я имею в виду не только тонкое, чисто профессиональное понимание работы Мольера. Вся книга написана как монолог. Автор как бы представляет читателям своего героя. Да и не только его: Мадлену Бежар — любовницу, Арманду Бежар — жену, короля Людовика, друзей и врагов.

С проницательностью историка он взвешивает сомнительные факты его биографии. Отсутствие фактов он убедительно дополняет воображением.

«...С течением времени колдовским образом сгинули все до единой рукописи и письма Мольера. Говорили, что рукописи погибли во время пожара, а письма будто бы, тщательно собрав, уничтожил какой-то фанатик. Словом, пропало все, кроме двух клочков бумаги, на которых когда-то бродячий комедиант расписался в получении денег для своей труппы».

Зато сохранившаяся, добытая изучением история жизни Мольера известна Булгакову во всех подробностях — и он рассказывает ее изящно, свободно. Громадное знание материала не давит читателя, не ложится на его плечи, не внушает соезстливую мысль: «Ничего не поделаешь, надо прочесть». Не надо, а хочется прочесть, узнать, полюбить. Книга внушена поэтической любовью к Мольеру, которая передается читателю, едва он входит в историю этой мучительной и поучительной жизни.

7

Но почему Булгаков с таким душевным напряжением относился к Мольеру? Потому что величайший в мире комедиограф, над пьесами которого в течение трех столетий покатывались со смеху, прожил страшную, трагическую жизнь — и в пропасть этого несоответствия не мог не заглянуть Булгаков. Открывая для себя Мольера, он открывал самого себя. В пьесе это выразилось с большей силой, чем в романе. Экономия драматургии заставила Булгакова сосредоточить все усилия на главной теме борьбы за право самовыражения в искусстве.

С непостижимой смелостью изображена в «Кабале святош» отравленная, не терпящая правды общественная атмосфера, стремящаяся создать собственное, ползающее искусство. Боятся все, к любому чувству присоединяется ставшая почти привычной естественность страха. Страшна вежливость, подозрительна и страшна доброта. Все возможно в атмосфере доносов, неуверенности в завтрашнем дне, напрасных попыток угадать пристрастия и причуды мнимого гения, короля-Солнца. Что он сделает, куда кинется? Но куда бы он ни кинулся, все признано безупречным, вдохновляющим, необычайным. Король даже не приказывает, он просто говорит в пространство, его приказы не нуждаются в адресах. «Франция, господин де Мольер, перед вами в кресле. Она ест дышленка и не беспо-

коится». Король шутит — не дай бог ошибиться, переоценить или недооценить его шутку! Вера в священное писание вооружена, оснащена, для нее все средства хороши, в ее мнимой добровольности — постоянная, все возрастающая угроза. Мольер — один против короля, против черных ряс, против Одноглазого с его не знающей промаха шпагой.

В пьесе, как и в романе, — трагедия художника, который, мнимо изменяясь под давлением времени, гибнет, потому что остается самим собой.

В последнем акте, доведенный до полного отчаяния, он проклинает тиранию: «Что еще я должен сделать, чтобы доказать, что я червь?» Мушкетеры убивают привратника и врываются в театр. Зловещие маски насилия и невежества смутно, но грозно мерещатся актерам. Разве можно начать последний спектакль и не доиграть». Сцена давно стала жизнью, Мольер, наконец, играет самого себя. Когда он падает, зрители кричат: «Деньги обратно!» Но актер мертв, а мертвые не возвращают денег. Не деньгами, а бессмертием расплачивается с человечеством Мольер, сраженный в борьбе за свободу искусства.

8

Будущий исследователь с изумлением отметит ту неукротимую энергию ненависти, с которой Булгаков относился к тупицам и пошлякам. Он смеялся над беспредельной привязанностью ничтожных людей к столь же ничтожному быту. Он с тайным ожесточением изобретал фантастические обстоятельства, перед которыми они становились в тупик, открывая всю пустоту своих душ — «дырявых, глухонемых, прожженных» (Е. Шварц).

В «Иване Васильевиче» эти люди оказываются перед лицом катастрофы, и главная мысль пьесы заключается в том, что эта катастрофа, которая может только присниться, ничего не изменяет в их бессмысленном существовании.

Машина времени переносит в палату Иоанна Грозного Буншу, управдома, тупого человека, говорящего языком жактовских постановлений, и Милославского, веселого вора-оптимиста. Управдом вынужден играть роль Иоанна. Он посылает опричников «выбить крымского хана с Изюмского шляха». Он принимает шведского посла и отдает Швеции Кемскую волость. Он ведет государственный разговор с патриархом. И все получается, несмотря на то, что Бунша необычайно, поразительно глуп. Умный вор помогает ему. Будь управдом менее глуп, он и без посторонней помощи управился бы с дьяками, которые ежеминутно кидаются в ноги, с опричниками, которым можно приказать что угодно, с патриархом, у которого вор крадет с груди панагию. Порядки таковы, что управиться, в общем и целом, не так уж и трудно. Шведский посол говорит по-немецки, и когда Милославский требует переводчика, дьяк отвечает: «Был у нас толмач-немчин, да мы его анадьсь в кпятке сварили». Князя Милославского незадолго до появления его однофамильца в царской палате вешают на собственных воротах. Забавный контраст между двумя эпохами, основанный на остром столкновении современного полублатного-полуканцелярского языка с велеречием старой Руси, начинает выглядеть не таким уж забавным.

Так в легкой комедии, почти буффонаде, проступает наметенный пунктиром второй план и становится ясной мысль, что для разумного управления страной мало умения отдавать приказы.

9

Преувеличенный интерес к личной жизни писателя — не лучшее достижение XX века. Человечество ничего не потеряло, так и не выяснив, кто написал «Короля Лира» — лорд Бэкон или полунисший актер, и потеряло бы бесконечно много, если бы трагедия не дошла до нас. Внимательное чтение дает больше для понимания личности писателя, чем знание его био-

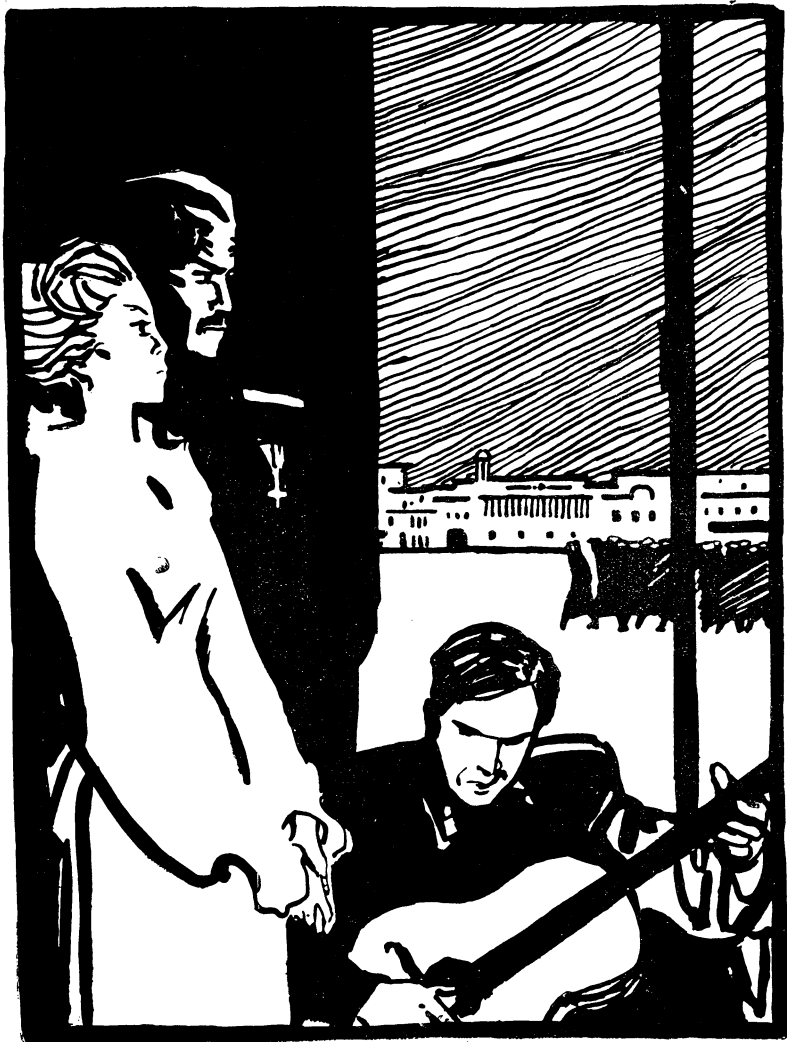
графии, потому что в биографии отражается то, чем он похож на все остальное человечество, а в его искусстве — то, чем он непохож.

Читая Булгакова, можно представить себе его жизнь и его личность — не ту личность, существо которой определяется анкетными данными, а личность литературную, позицию в литературе, взгляд на жизненную задачу.

Я всматриваюсь в его фотографии: над чем подсмеивается автор «Записок юного врача» — уж не над собственной ли растерянностью перед нелепостями устоявшейся за сотни лет деревенской жизни? С грустью или иронией смотрит на меня автор «Кабалы святош» — морщины прямым углом глубоко очеркнули надбровные дуги? Другая фотография — перед вами веселый человек, всегда готовый посмеяться над собственными затруднениями, устроить игру, превратить в водевиль неудачу. Это автор «Театрального романа», «Багрового острова», И вдруг меняется умное лицо: художник, работавший в трудное пятнадцатилетие, понимавший, что неискренность, искаительство, лесть — плохие советники в литературе, предсказавший многие открытия Артура Миллера и Арнольда Уэскера, задумчиво смотрит на вас, прислушиваясь к свинцовым шагам истории: «Ну-с, а что вы думаете о судьбах России, о судьбах искусства?..»

В. Каверин

Дни Турбинных

Дни Турбиных

Пьеса в четырех действиях

Действующие лица

Турбин Алексей Васильевич — полковник-артиллерист, 30 лет.

Турбин Николай — его брат, 18 лет.

Тальберг Елена Васильевна — их сестра 24 лет.

Тальберг Владимир Робертович — генштаба полковник, ее муж, 38 лет.

Мышлаевский Виктор Викторович — штабс-капитан, артиллерист, 38 лет.

Шервинский Леонид Юрьевич — поручик, личный адъютант гетмана.

Студзинский Александр Брониславович — капитан, 29 лет.

Лариосик — житомирский кузен, 21 года.

Гетман всея Украины.

Болботун — командир 1-й конной петлюровской дивизии.

Галаньба — сотник-петлюровец, бывший уланский ротмистр.

Ураган.

Кирпатый.

Фон Шратт — германский генерал.

Фон Дуст — германский майор.

Врач германской армии.

Дезертир-сечевик.

Человек с корзиной.

Камер-лакей.

Максим — гимназический педель, 60 лет.

Гайдамак — телефонист.

Первый офицер.

Второй офицер.

Третий офицер.

Первый юнкер.

Второй юнкер.

Третий юнкер.

Юнкера и гайдамаки.

Первое, второе и третье действия происходят зимой 1918 года, четвертое действие — в начале 1919 года.

Место действия — город Киев.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира Турбиных. Вечер. В камине огонь. При открытии занавеса часы бьют девять раз и нежно играют менуэт Боккерини.

Алексей склонился над бумагами.

Николка (*играет на гитаре и поет*).

Хуже слухи каждый час.
Петлюра идет на нас!
Пулеметы мы зарядили,
По Петлюре мы палили,
Пулеметчики-чики-чики...
Голубчики-чики...
Выручали вы нас, молодцы!

Алексей. Черт тебя знает, что ты поешь! Кухаркины песни. Пой что-нибудь порядочное.

Николка. Зачем кухаркины? Это я сам сочинил, Алеша. (*Поет.*)

Хошь ты пой, хошь не пой,
В тебе голос не такой!
Есть такие голоса...
Дыбом встанут волоса...

Алексей. Это как раз к твоему голосу и относится.

Николка. Алеша, это ты напрасно, ей-богу! У меня есть голос, правда, не такой, как у Шервинского, но все-таки довольно приличный. Драматический, вернее всего — баритон. Леночка, а Леночка! Как, по-твоему, есть у меня голос?

Елена (из своей комнаты). У кого? У тебя? Нету никакого.

Николка. Это она расстроилась, потому так и отвечает. А между прочим, Алеша, мне учитель пения говорил: «Вы бы, говорит, Николай Васильевич, в опере, в сущности, могли петь, если бы не революция».

Алексей. Дурак твой учитель пения.

Николка. Я так и знал. Полное расстройство нервов в турбинском доме. Учитель пения — дурак. У меня голоса нет, а вчера еще был, и вообще пессимизм. А я по своей натуре более склонен к оптимизму. (Трогает струны.) Хотя ты знаешь, Алеша, я сам начинаю беспокоиться. Девять часов уже, а он сказал, что утром приедет. Уж не случилось ли чего-нибудь с ним?

Алексей. Ты потише говори. Понял?

Николка. Вот комиссия, создатель, быть замужней сестры братом.

Елена (из своей комнаты). Который час в столовой?

Николка. Э... девять. Наши часы впереди, Леночка.

Елена (из своей комнаты). Не сочиняй, пожалуйста.

Николка. Ишь, волнуется. (Напевает.) Туманно... Ах, как все туманно!..

Алексей. Не надрывай ты мне душу, пожалуйста. Пой веселую.

Николка (поет).

Здравствуйте, дачницы!
Здравствуйте, дачники!
Съемки у нас уж давно начались...
Гей, песнь моя!.. Любимая!..
Буль-буль-буль, бутылочка
Казенного вина!..
Безкозырки тонные,
Сапоги фасонные,
То юнкера-гвардейцы идут...

Электричество внезапно гаснет. За окнами с песней проходит
воинская часть.

Алексей. Черт знает что такое! Каждую ми-
нуту тухнет. Леночка, дай, пожалуйста, свечи.

Елена (из своей комнаты). Да!.. Да!..

Алексей. Какая-то часть прошла.

Елена, выходя со свечой, прислушивается. Далекий пушечный
удар.

Николка. Как близко. Впечатление такое, буд-
то бы под Святошином стреляют. Интересно, что там
происходит? Алеша, может быть, ты пошлешь меня
узнать, в чем дело в штабе? Я бы съездил.

Алексей. Конечно, тебя еще не хватает. Сиди,
пожалуйста, смиренно.

Николка. Слушаю, господин полковник...
Я, собственно, потому, знаешь, бездействие... обидно
несколько... Там люди дерутся... Хотя бы дивизион
наш был скорее готов.

Алексей. Когда мне понадобятся твои советы
в подготовке дивизиона, я тебе сам скажу. Понял?

Николка. Понял. Виноват, господин полковник.

Электричество вспыхивает.

Елена. Алеша, где же мой муж?

Алексей. Приедет, Леночка.

Елена. Но как же так? Сказал, что приедет утром, а сейчас девять часов, и его нет до сих пор. Уже не случилось ли с ним чего?

Алексей. Леночка, ну, конечно, этого не может быть. Ты же знаешь, что линию на запад охраняют немцы.

Елена. Но почему же его до сих пор нет?

Алексей. Ну, очевидно, стоят на каждой станции.

Николка. Революционная езда, Леночка. Час едешь, два стоишь.

Звонок.

Ну вот и он, я же говорил! (Бежит открывать дверь.) Кто там?

Голос Мышлаевского. Открой, ради бога, скорей!

Николка (впускает Мышлаевского в переднюю). Да это ты, Витенька?

Мышлаевский. Ну я, конечно, чтоб меня раздавило! Никол, бери винтовку, пожалуйста. Вот дьяволова мать!

Елена. Виктор, откуда ты?

Мышлаевский. Из-под Красного Трактира. Осторожно вешай, Никол. В кармане бутылка водки. Не разбей. Позволь, Лена, ночевать, не дойду домой, совершенно замерз.

Елена. Ах, боже мой, конечно! Иди скорей к огню.

Идут к камину.

Мышлаевский. Ох... ох... ох...

Алексей. Что же они, валенки вам не могли дать, что ли?

Мышлаевский. Валенки! Это такие мерзавцы!
(Бросается к огню.)

Елена. Вот что: там ванна сейчас топится, вы его раздевайте поскорее, а я ему белье приготовлю.
(Уходит.)

Мышлаевский. Голубчик, сними, сними, сними...

Николка. Сейчас, сейчас. (Снимает с Мышлаевского сапоги.)

Мышлаевский. Легче, братик, ох, легче! Водки бы мне выпить, водочки.

Алексей. Сейчас дам.

Николка. Алеша, пальцы на ногах поморожены.

Мышлаевский. Пропали пальцы к чертовой матери, пропали, это ясно.

Алексей. Ну что ты! Отойдут. Николка, растирай ему ноги водкой.

Мышлаевский. Так я и позволил ноги водкой тереть. (Пьет.) Три рукой. Больно!.. Больно!.. Легче.

Николка. Ой-ой-ой! Как замерз капитан!

Елена (появляется с халатом и туфлями). Сейчас же в ванну его. На!

Мышлаевский. Дай тебе бог здоровья, Леночка. Дайте-ка водки еще. (Пьет.)

Елена уходит.

Николка. Что, согрелся, капитан?

Мышлаевский. Легче стало. (Закурил.)

Николка. Ты скажи, что там под Трактиром делается?

Мышлаевский. Метель под Трактиром. Вот что там. И я бы эту метель, мороз, немцев-мерзавцев и Петлюру!..

Алексей. Зачем же, не понимаю, вас под Трактир погнали?

Мышлаевский. А мужички там эти под Трактиром. Вот эти самые милые мужички сочинения графа Льва Толстого!

Николка. Да как же так? А в газетах пишут, что мужики на стороне гетмана...

Мышлаевский. Что ты, юнкер, мне газеты тычешь? Я бы всю эту вашу газетную шваль перевешал на одном суку! Я сегодня утром лично на разведке напоролся на одного деда и спрашиваю: «Где же ваши хлопцы?» Деревня точно вымерла. А он сослепу не разглядел, что у меня погоны под башлыком, и отвечает: «Уси побиглы до Петлюры...»

Николка. Ой-ой-ой-ой...

Мышлаевский. Вот именно «ой-ой-ой-ой»... Взял я этого толстовского хрена за манишку и говорю: «Уси побиглы до Петлюры? Вот я тебя сейчас пристрелю, старую... Ты у меня узнаешь, как до Петлюры бегают. Ты у меня сбегашь в царство небесное».

Алексей. Как же ты в город попал?

Мышлаевский. Сменили сегодня, слава тебе господи! Пришла пехотная дружина. Скандал я в штабе на посту устроил. Жутко было! Они там сидят, коньяк в вагоне пьют. Я говорю, вы, говорю, сидите с гетманом во дворце, а артиллерийских офицеров вышибли в сапогах на мороз с мужичьем перестреливаться! Не знали, как от меня отделаться. Мы, говорят, командирuem вас, капитан, по специальности в любую артиллерийскую часть. Поезжайте в город... Алеша, возьми меня к себе.

Алексей. С удовольствием. Я и сам хотел тебя вызвать. Я тебе первую батарею дам.

Мышлаевский. Благодетель...

Николка. Ура!.. Все вместе будем. Студзинский — старшим офицером... Прелестно!..

Мышлаевский. Вы где стоите?

Николка. Александровскую гимназию заняли. Завтра или послезавтра можно выступать.

Мышлаевский. Ты ждешь не дожدهшься, чтобы Петлюра тебя по затылку трахнул?

Николка. Ну, это еще кто кого!

Елена (*появляется с простыней*). Ну, Виктор, отправляйся, отправляйся. Иди мойся. На простыню.

Мышлаевский. Лена ясная, позволь, я тебя за твои хлопоты обниму и поцелую. Как ты думаешь, Леночка, мне сейчас водки выпить или уже потом, за ужином сразу?

Елена. Я думаю, что потом, за ужином, сразу. Виктор! Мужа ты моего не видел? Муж пропал.

Мышлаевский. Что ты, Леночка, найдется. Он сейчас приедет. (*Уходит.*)

Начинается непрерывный звонок.

Николка. Ну вот он-он! (*Бежит в переднюю.*)

Алексей. Господи, что это за звонок?

Николка отворяет дверь. Появляется в передней Лариосик с чемоданом и с узлом.

Лариосик. Вот я и приехал. Со звонком у вас я что-то сделал.

Николка. Это вы кнопку вдавили. (*Выбегает за дверь, на лестницу.*)

Лариосик. Ах, боже мой! Простите, ради бога! (*Входит в комнату.*) Вот я и приехал. Здравствуйте,

глубокоуважаемая Елена Васильевна, я вас сразу узнал по карточкам. Мама просит вам передать ее самый горячий привет.

Звонок прекращается. Входит Николка.

А равно также и Алексею Васильевичу.

Алексей. Мое почтение.

Ларисик. Здравствуйте, Николай Васильевич, я так много о вас слышал. (Всем.) Вы удивлены, я вижу? Позвольте вам вручить письмо, оно вам все объяснит. Мама сказала мне, чтобы я, даже не раздеваясь, дал вам прочитать письмо.

Елена. Какой неразборчивый почерк!

Ларисик. Да, ужасно! Позвольте, лучше я сам прочитаю. У мамы такой почерк, что она иногда напишет, а потом сама не понимает, что она такое написала. У меня тоже такой почерк. Это у нас наследственное. (Читает.) «Милая, милая Леночка! Посылаю к вам моего мальчика прямо по-родственному; приютите и согрейте его, как вы умеете это делать. Ведь у вас такая громадная квартира...». Мама очень любит и уважает вас, а равно и Алексея Васильевича. (Николке). И вас тоже. (Читает.) «Мальчуган поступает в Киевский университет. С его способностями...» — ах, уж эта мама!.. — «...невозможно сидеть в Житомире, терять время. Содержание я буду вам переводить аккуратно. Мне не хотелось бы, чтобы мальчуган, привыкший к семье, жил у чужих людей. Но я очень спешу, сейчас идет санитарный поезд, он сам вам все расскажет...». Гм... вот и все.

Алексей. Позвольте узнать, с кем я имею честь говорить?

Ларисик. Как — с кем? Вы меня не знаете?

Алексей. К сожалению, не имею удовольствия. Лариосик. Боже мой! И вы, Елена Васильевна?

Николка. И я тоже не знаю.

Лариосик. Боже мой, это прямо колдовство! Ведь мама послала вам телеграмму, которая должна вам все объяснить. Мама послала вам телеграмму в шестьдесят три слова.

Николка. Шестьдесят три слова!.. Ой-ой-ой!..

Елена. Мы никакой телеграммы не получали.

Лариосик. Не получали? Боже мой! Простите меня, пожалуйста. Я думал, что меня ждут, и прямо, не раздеваясь... Извините... я, кажется, что-то раздавил... Я ужасный неудачник!

Алексей. Да вы, будьте добры, скажите, как ваша фамилия?

Лариосик. Ларион Ларионович Суржанский.

Елена. Да это Лариосик?! Наш кузен из Житомира?

Лариосик. Ну да.

Елена. И вы... к нам приехали?

Лариосик. Да. Но, видите ли, я думал, что вы меня ждете... Простите, пожалуйста, я наследил вам... Я думал, что вы меня ждете, а раз так, то я поеду в какой-нибудь отель...

Елена. Какие теперь отели?! Погодите, вы прежде всего раздевайтесь.

Алексей. Да вас никто не гонит, снимайте пальто, пожалуйста.

Лариосик. Душевно вам признателен.

Николка. Вот здесь, пожалуйста. Пальто можно повесить в передней.

Лариосик. Душевно вам признателен. Как у вас хорошо в квартире!

Елена (*шепотом*). Алеша, что же мы с ним будем делать? Он симпатичный. Давай поместим его в библиотеке, все равно комната пуста.

Алексей. Конечно, поди скажи ему.

Елена. Вот что, Ларион Ларионович, прежде всего в ванну... Там уже есть один — капитан Мышлаевский... А то, знаете ли, после поезда...

Лариосик. Да-да, ужасно!.. Ужасно!.. Ведь от Житомира до Киева я ехал одиннадцать дней...

Николка. Одиннадцать дней!.. Ой-ой-ой!..

Лариосик. Ужас, ужас!.. Это такой кошмар!

Елена. Ну пожалуйста!

Лариосик. Душевно вам... Ах, извините, Елена Васильевна, я не могу идти в ванну.

Алексей. Почему вы не можете идти в ванну?

Лариосик. Извините меня, пожалуйста. Какие-то злодеи украли у меня в санитарном поезде чемодан с бельем. Чемодан с книгами и рукописями оставили, а белье все пропало.

Елена. Ну, это беда поправимая.

Николка. Я дам, я дам!

Лариосик (*интимно, Николке*). Рубашка, впрочем, у меня здесь, кажется, есть одна. Я в нее собрание сочинений Чехова завернул. А вот не будете ли вы добры дать мне кальсоны?

Николка. С удовольствием. Они вам будут велики, но мы их заколем английскими булавками.

Лариосик. Душевно вам признателен.

Елена. Ларион Ларионович, мы вас поместим в библиотеке. Николка, проводи!

Николка. Пожалуйте за мной.

Лариосик и Николка уходят.

Алексей. Вот тип! Я бы его остриг прежде

всего. Ну, Леночка, зажги свет, я пойду к себе, у меня еще масса дел, а мне здесь мешают. (Уходит.)

Звонок.

Елена. Кто там?

Голос Тальберга Я, я. Открой, пожалуйста.

Елена. Слава богу! Где же ты был? Я так волновалась!

Тальберг (входя). Не целуй меня, я с холоду, ты можешь простудиться.

Елена. Где же ты был?

Тальберг. В германском штабе задержали. Важные дела.

Елена. Ну иди, иди скорей, грейся. Сейчас чай будем пить.

Тальберг. Не надо чаю, Лена, погоди. Позвольте, чей это френч?

Елена. Мышлаевского. Он только что приехал с позиций, совершенно замороженный.

Тальберг. Все-таки можно прибрать.

Елена. Я сейчас. (Вешает френч за дверь.) Ты знаешь, еще новость. Сейчас неожиданно приехал мой кузен из Житомира, знаменитый Лариосик. Алексей оставил его у нас в библиотеке.

Тальберг. Я так и знал! Недостаточно одного сеньора Мышлаевского. Появляются еще какие-то житомирские кузены. Не дом, а постоянный двор. Я решительно не понимаю Алексея.

Елена. Володя, ты просто устал и в дурном расположении духа. Почему тебе не нравится Мышлаевский? Он очень хороший человек.

Тальберг. Замечательно хороший! Трактирный завсегда.

Елена. Володя!

Тальберг. Впрочем, сейчас не до Мышлаевского. Лена, закрой дверь... Лена, случилась ужасная вещь.

Елена. Что такое?

Тальберг. Немцы оставляют гетмана на произвол судьбы.

Елена. Володя, да что ты говоришь?! Откуда ты узнал?

Тальберг. Только что, под строгим секретом, в германском штабе. Никто не знает, даже сам гетман.

Елена. Что же теперь будет?

Тальберг. Что теперь будет... Гм... Половина десятого. Так-с... Что теперь будет?.. Лена!

Елена. Что ты говоришь?

Тальберг. Я говорю — «Лена»!

Елена. Ну что «Лена»?

Тальберг. Лена, мне сейчас нужно бежать.

Елена. Бежать? Куда?

Тальберг. В Германию, в Берлин. Гм... Дорогая моя, ты представляешь, что будет со мной, если русская армия не отобьет Петлюру и он войдет в Киев?

Елена. Тебя можно будет спрятать.

Тальберг. Миленькая моя, как можно меня спрятать! Я не иголка. Нет человека в городе, который не знал бы меня. Спрятать помощника военного министра. Не могу же я, подобно сеньору Мышлаевскому, сидеть без френча в чужой квартире. Меня отличнейшим образом найдут.

Елена. Постой! Я не пойму... Значит, мы оба должны бежать?

Тальберг. В том-то и дело, что нет. Сейчас

выяснилась ужасная картина. Город обложен со всех сторон, и единственный способ выбраться — в германском штабном поезде. Женщин они не берут. Мне одно место дали благодаря моим связям.

Елена. Другими словами, ты хочешь уехать один?

Тальберг. Дорогая моя, не «хочу», а иначе не могу! Пойми — катастрофа! Поезд идет через полтора часа. Решай, и как можно скорее.

Елена. Через полтора часа? Как можно скорее? Тогда я решаю — уезжай.

Тальберг. Ты умница. Я всегда это говорил. Что я хотел еще сказать, Да, что ты умница! Впрочем, я это уже сказал.

Елена. На сколько же времени мы расстаемся?

Тальберг. Я думаю, месяца на два. Я только пережду в Берлине всю эту кутерьму, а когда гетман вернется...

Елена. А если он совсем не вернется?

Тальберг. Этого не может быть. Даже если немцы отставят Украину, Антанта займет ее и восстановит гетмана. Европе нужна гетманская Украина, как кордон от московских большевиков. Ты видишь, я все рассчитал.

Елена. Да, я вижу, но только вот что: как же так, ведь гетман еще тут, они формируют свои войска, а ты вдруг бежишь на глазах у всех. Ловко ли это будет?

Тальберг. Милая, это наивно. Я тебе говорю по секрету — «я бегу», потому что знаю, что ты этого никогда никому не скажешь. Полковники генштаба не бегают. Они ездят в командировку. В кармане у меня командировка в Берлин от гетманского министерства. Что, недурно?

Елена. Очень недурно. А что же будет с ними со всеми?

Тальберг. Позволь тебя поблагодарить за то, что сравниваешь меня со всеми. Я не «все».

Елена. Ты же предупреди братьев.

Тальберг. Конечно, конечно. Отчасти я даже рад, что еду один на такой большой срок. Как-никак ты все-таки побережешь наши комнаты.

Елена. Владимир Робертович, здесь мои братья! Неужели же ты думаешь, что они вытеснят нас? Ты не имеешь права...

Тальберг. О нет, нет, нет... Конечно, нет... Но ты же знаешь пословицу: «Qui va à la chasse, perd sa place»¹. Теперь еще просьба, последняя. Здесь, гм... без меня, конечно, будет бывать этот... Шервинский...

Елена. Он и при тебе бывает.

Тальберг. К сожалению. Видишь ли, моя дорогая, он мне не нравится.

Елена. Чем, позволь узнать?

Тальберг. Его ухаживания за тобой становятся слишком назойливыми, и мне было бы желательно... Гм...

Елена. Что желательно было бы тебе?

Тальберг. Я не могу сказать тебе что. Ты женщина умная и прекрасно воспитана. Ты прекрасно понимаешь, как нужно держать себя, чтобы не бросить тень на фамилию Тальберг.

Елена. Хорошо... я не брошу тень на фамилию Тальберг.

Тальберг. Почему ты отвечаешь мне так су-

¹ «Кто уходит на охоту, теряет свое место» (франц.). Здесь и в дальнейшем перевод сделан автором.

хо? Я ведь не говорю тебе о том, что ты можешь мне изменить. Я прекрасно знаю, что этого быть не может.

Елена. Почему ты полагаешь, Владимир Робертович, что этого не может быть?!

Тальберг. Елена, Елена, Елена! Я не узнаю тебя. Вот плоды общения с Мышлаевским! Замужняя дама — изменить!.. Без четверти десять! Я опоздаю!

Елена. Я сейчас тебе уложу...

Тальберг. Милая, ничего, ничего, только чемоданчик, в нем немного белья. Только, ради бога, скорее, даю тебе одну минуту.

Елена. Ты же все-таки простись с братьями.

Тальберг. Само собой разумеется, только смотри, я еду в командировку.

Елена. Алеша! Алеша! (Убегает.)

Алексей (входя). Да, да... А, здравствуй, Володя.

Тальберг. Здравствуй, Алеша.

Алексей. Что за суета?

Тальберг. Видишь ли, я должен сообщить тебе важную новость. Нынче ночью положение гетмана стало весьма серьезным.

Алексей. Как?

Тальберг. Серьезно и весьма.

Алексей. В чем дело?

Тальберг. Очень возможно, что немцы не окажут помощи, и придется отбивать Петлюру своими силами.

Алексей. Что ты говоришь?!

Тальберг. Очень может быть.

Алексей. Дело желтенькое... Спасибо, что сказал.

Тальберг. Теперь второе. Так как я сейчас еду в командировку...

Алексей. Куда, если не секрет?

Тальберг. В Берлин.

Алексей. Куда? В Берлин?

Тальберг. Да. Как я ни барахтался, выкрутиться не удалось. Такое безобразие!

Алексей. Надолго, смею спросить?

Тальберг. На два месяца.

Алексей. Ах вот как.

Тальберг. Итак, позволь пожелать тебе всего хорошего. Берегите Елену. *(Протягивает руку.)*

Алексей прячет руку за спину.

Что это значит?

Алексей. Это значит, что командировка ваша мне не нравится.

Тальберг. Полковник Турбин!

Алексей. Я вас слушаю, полковник Тальберг.

Тальберг. Вы мне ответите за это, господин брат моей жены!

Алексей. А когда прикажете, господин Тальберг?

Тальберг. Когда... Без пяти десять... Когда я вернусь.

Алексей. Ну, бог знает что случится, когда вы вернетесь!

Тальберг. Вы... вы... Я давно уже хотел поговорить с вами.

Алексей. Жену не волновать, господин Тальберг!

Елена *(входя)*. О чем вы говорили?

Алексей. Ничего, ничего, Леночка!

Тальберг. Ничего, ничего, дорогая! Ну, до свидания, Алеша!

Алексей. До свидания, Володя!

Елена. Николка! Николка!

Николка (входя). Вот он я. Ох, приехал?

Елена. Володя уезжает в командировку. Простись с ним.

Тальберг. До свидания, Никол.

Николка. Счастливого пути, господин полковник.

Тальберг. Елена, вот тебе деньги. Из Берлина немедленно вышлю. Честь имею кланяться. (Стремительно идет в переднюю.) Не провожай меня, дорогая, ты простудишься. (Уходит. Елена идет за ним.)

Алексей (неприятным голосом). Елена, ты простудишься!

Пауза.

Николка. Алеша, как же это он так уехал? Куда?

Алексей. В Берлин.

Николка. В Берлин... В такой момент... (Смотря в окно.) С извозчиком торгуется. (Философски.) Алеша, ты знаешь, я заметил, что он на крысу похож.

Алексей (машинально). Совершенно верно, Никол. А дом наш — на корабль. Ну, иди к гостям. Иди, иди.

Николка уходит.

Дивизион в небо, как в копеечку, попадает. «Весьма серьезно». «Серьезно и весьма». Крыса! (Уходит.)

Елена (возвращается из передней. Смотрит в окно). Уехал...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Накрыт стол для ужина.

Елена (*у рояля, берет один и тот же аккорд*).
Уехал. Как уехал...

Шервинский (*внезапно появляется на пороге*). Кто уехал?

Елена. Боже мой! Как вы меня испугали, Шервинский! Как же вы вошли без звонка?

Шервинский. Да у вас дверь открыта — все настезь. Здравия желаю, Елена Васильевна. (*Вынимает из бумаги громадный букет.*)

Елена. Сколько раз я просила вас, Леонид Юрьевич, не делать этого. Мне неприятно, что вы тратите деньги.

Шервинский. Деньги существуют на то, чтобы их тратить, как сказал Карл Маркс. Разрешите снять бурку?

Елена. А если б я сказала, что не разрешаю?

Шервинский. Я просидел бы всю ночь в бурке у ваших ног.

Елена. Ой, Шервинский, армейский комплимент.

Шервинский. Виноват, это гвардейский комплимент. (*Снимает в передней бурку, остается в великолепнейшей черкеске.*) Я так рад, что вас увидел! Я так давно вас не видел!

Елена. Если память мне не изменяет, вы были у нас вчера.

Шервинский. Ах, Елена Васильевна, что такое в наше время «вчера»! Итак, кто же уехал?

Елена. Владимир Робертович.

Шервинский. Позвольте, он же сегодня должен был вернуться!

Елена. Да, он вернулся и... опять уехал.

Шервинский. Куда?

Елена. Какие дивные розы!

Шервинский. Куда?

Елена. В Берлин.

Шервинский. В... Берлин? И надолго, разрешите узнать?

Елена. Месяца на два.

Шервинский. На два месяца! Да что вы!.. Печально, печально, печально... Я так расстроен, я так расстроен!!..

Елена. Шервинский, пятый раз целуете руку.

Шервинский. Я, можно сказать, подавлен...

Боже мой, да тут все! Ура! Ура!

Голос Николки. Шервинский! Демона!

Елена. Чему вы так бурно радуетесь?

Шервинский. Я радуюсь... Ах, Елена Васильевна, вы не поймете!..

Елена. Вы не светский человек, Шервинский.

Шервинский. Я не светский человек? Позвольте, почему же?.. Нет, я светский... Просто я, знаете ли, расстроен... Итак, стало быть, он уехал, а вы остались.

Елена. Как видите. Как ваш голос?

Шервинский (*у рояля*). Ма-ма... миа... ми... Он далеко, он да... он далеко, он не узнает... Да... В бесподобном голосе. Ехал к вам на извозчике, казалось, что и голос сел, а сюда приезжаю — оказывается, в голосе.

Елена. Ноты захватили?

Шервинский. Ну как же, как же... Вы чистой воды богиня!

Елена. Единственно, что в вас есть хорошего, — это голос, и прямое ваше назначение — это оперная карьера.

Шервинский. Кое-какой материал есть. Вы знаете, Елена Васильевна, я однажды в Жмеринке пел эпиталаму, там вверху «фа», как вам известно, а я взял «ля» и держал девять тактов.

Елена. Сколько?

Шервинский. Семь тактов держал. Напрасно вы не верите. Ей-богу! Там была графиня Гендрикова... Она влюбилась в меня после этого «ля».

Елена. И что же было потом?

Шервинский. Отравилась. Цианистым калием.

Елена. Ах, Шервинский! Это у вас болезнь, честное слово. Господа, Шервинский! Идите к столу!

Входят Алексей, Студзинский и Мышлаевский.

Алексей. Здравствуйте, Леонид Юрьевич. Милости просим.

Шервинский. Виктор! Жив! Ну, слава богу! Почему ты в чалме?

Мышлаевский (в чалме из полотенца). Здравствуй, адъютант.

Шервинский (Студзинскому). Мое почтение, капитан.

Входят Лариосик и Николка.

Мышлаевский. Позвольте вас познакомить. Старший офицер нашего дивизиона капитан Студзинский, а это мсье Суржанский. Вместе с ним купались.

Николка. Кузен наш из Житомира.

Студзинский. Очень приятно.

Лариосик. Душевно рад познакомиться.

Шервинский. Ее императорского величества лейб-гвардии уланского полка и личный адъютант гетмана поручик Шервинский.

Лариосик. Ларион Суржанский. Душевно рад с вами познакомиться.

Мышлаевский. Да вы не приходите в такое отчаяние. Бывший лейб, бывшей гвардии, бывшего полка...

Елена. Господа, идите к столу.

Алексей. Да-да, пожалуйста, а то двенадцать часов, завтра рано вставать.

Шервинский. Ух, какое великолепие! По какому случаю пир, позвольте спросить?

Николка. Последний ужин дивизиона. Завтра выступаем, господин поручик...

Шервинский. Ага...

Студзинский. Где прикажете, господин полковник?

Шервинский. Где прикажете?

Алексей. Где угодно, где угодно. Прошу вас! Леночка, будь хозяйкой.

Усаживаются.

Шервинский. Итак, стало быть, он уехал, а вы остались?

Елена. Шервинский, замолчите.

Мышлаевский. Леночка, водки выпьешь?

Елена. Нет-нет-нет!..

Мышлаевский. Ну, тогда белого вина.

Студзинский. Вам позволите, господин полковник?

Алексей. Мерси, вы, пожалуйста, себе.

Мышлаевский. Вашу рюмку.

Лариосик. Я, собственно, водки не пью.

Мышлаевский. Помилуйте, я тоже не пью. Но одну рюмку. Как же вы будете селедку без водки есть? Абсолютно не понимаю.

Лариосик. Душевно вам признателен.

Мышлаевский. Давно, давно я водки не пил.

Шервинский. Господа! Здоровье Елены Васильевны! Ура!

Студзинский }
Лариосик } Ура!..
Мышлаевский }

Елена. Тише! Что вы, господа! Весь переулочок разбудите. И так уж твердят, что у нас каждый день попойка.

Мышлаевский. Ух, хорошо! Освежает водка. Не правда ли?

Лариосик. Да, очень!

Мышлаевский. Умоляю, еще по рюмке. Господин полковник...

Алексей. Ты не гони особенно, Виктор, завтра выступать.

Николка. И выступим!

Елена. Что с гетманом, скажите?

Студзинский. Да-да, что с гетманом?

Шервинский. Все обстоит благополучно. Какой вчера был ужин во дворце!.. На двести персон. Рябчики... Гетман в национальном костюме.

Елена. Да говорят, что немцы нас оставляют на произвол судьбы?

Шервинский. Не верьте никаким слухам, Елена Васильевна.

Лариосик. Благодарю, высокоуважаемый Виктор Викторович. Я ведь, собственно говоря, водки не пью.

Мышлаевский (выпивая). Стыдитесь, Ларион!

Шервинский }
Николка } Стыдитесь!

Лариосик. Покорнейше благодарю.

Алексей. Ты, Никол, на водку-то не налегай.

Николка. Слушаю, господин полковник! Я — белого вина.

Лариосик. Как это вы ловко ее опрокидываете, Виктор Викторович.

Мышлаевский. Достигается упражнением.

Алексей. Спасибо, капитан. А салату?

Студзинский. Покорнейше благодарю.

Мышлаевский. Лена золотая! Пей белое вино. Радость моя! Рыжая Лена, я знаю, отчего ты так расстроена. Брось! Все к лучшему.

Шервинский. Все к лучшему.

Мышлаевский. Нет-нет, до дна, Леночка, до дна!

Николка (*берет гитару, поет*). Кому чару пить, кому здраву быть... пить чару...

Все (*поют*). Свет Елене Васильевне!

— Леночка выпейте!

— Выпейте... выпейте...

Елена пьет.

— Bravo!!!

Аплодируют.

Мышлаевский. Ты замечательно выглядишь сегодня. Ей-богу. И капот этот идет к тебе, клянусь честью. Господа, гляньте, какой капот, совершенно зеленый!

Елена. Это платье, Витенька, и не зеленое, а серое.

Мышлаевский. Ну, тем хуже. Все равно. Господа, обратите внимание, не красивая она женщина, вы скажете?

Студзинский. Елена Васильевна очень красивая. Ваше здоровье!

Мышлаевский. Лена ясная, позволь, я тебя обниму и поцелую.

Шервинский. Ну-ну, Виктор, Виктор!..

Мышлаевский. Леонид, отойди. От чужой, мужней жены отойди!

Шервинский. Позволь...

Мышлаевский. Мне можно, я друг детства.

Шервинский. Свинья ты, а не друг детства...

Николка (вставая). Господа, здоровье командира дивизиона!

Студзинский, Шервинский и Мышлаевский встают.

Лариосик. Ура!.. Извините, господа, я человек не военный.

Мышлаевский. Ничего, ничего, Ларион! Правильно!

Лариосик. Многоуважаемая Елена Васильевна! Не могу выразить, до чего мне у вас хорошо...

Елена. Очень приятно.

Лариосик. Многоуважаемый Алексей Васильевич... Не могу выразить, до чего мне у вас хорошо!..

Алексей. Очень приятно.

Лариосик. Господа, кремовые шторы... за ними отдыхаешь душой... забываешь о всех ужасах гражданской войны. А ведь наши израненные души так жаждут покоя...

Мышлаевский. Вы, позвольте узнать, стихи сочиняете?

Лариосик. Я? Да... пишу.

Мышлаевский. Так. Извините, что я вас перебил. Продолжайте.

Лариосик. Пожалуйста... Кремовые шторы...

Они отделяют нас от всего мира... Впрочем, я человек не военный... Эх!.. Налейте мне еще рюмочку.

Мыш лаевский. Bravo, Ларион! Ишь, хитрец, а говорил — не пьет. Симпатичный ты парень, Ларион, но речи произносишь, как глубокоуважаемый сапог.

Лариосик. Нет, не скажите, Виктор Викторович, я говорил речи и не однажды... в обществе сослуживцев моего покойного папы... в Житомире... Ну, там податные инспектора... Они меня тоже... ох как ругали!

Мыш лаевский. Податные инспектора — известные звери.

Шервинский. Пейте, Лена, пейте, дорогая!

Елена. Напоить меня хотите? У, какой противный!

Николка (*у рояля, поет*).

Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль на радость соседей-врагов
Могильной засыплюсь землею?

Лариосик (*поет*).

Так громче, музыка, играй победу.

Все (*поют*).

Мы победили, и враг бежит.
Так за...

Лариосик. Царя!..

Алексей. Что вы, что вы!

Все (*поют фразу без слов*).

.

Мы грянем громкое «Ура! Ура! Ура!»

Николка (поет).

Из темного леса навстречу ему...

Все поют.

Лариосик. Эх! До чего у вас весело, Елена Васильевна, дорогая! Огни!.. Ура!

Шервинский. Господа! Здоровье его светлости гетмана всея Украины. Ура!

Пауза.

Студзинский. Виноват. Завтра драться я пойду, но тост этот пить не стану и другим офицерам не советую.

Шервинский. Господин капитан!

Лариосик. Совершенно неожиданное происшествие.

Мышлаевский (пьян). Из-за него, дьявола, я себе ноги отморозил. (Пьет.)

Студзинский. Господин полковник, вы тост одобряете?

Алексей. Нет, не одобряю!

Шервинский. Господин полковник, позвольте, я скажу!

Студзинский. Нет, уж позвольте, я скажу!

Лариосик. Нет, уж позвольте, я скажу. Здоровье Елены Васильевны, а равно ее глубокоуважаемого супруга, отбывшего в Берлин!

Мышлаевский. Во! Угадал, Ларион! Лучше — трудно!

Николка (поет).

Скажи мне всю правду, не бойся меня...

Лариосик. Простите, Елена Васильевна, я человек не военный.

Елена. Ничего, ничего, Ларион. Вы душевный человек, хороший. Идите ко мне сюда.

Лариосик. Елена Васильевна! Ах, боже мой, красное вино!..

Николка. Солью, солью посыплем... ничего.

Студзинский. Этот ваш гетман!..

Алексей. Одну минуту, господа!.. Что же, в самом деле? В насмешку мы ему дались, что ли? Если бы ваш гетман, вместо того чтобы ломать эту чертову комедию с украинизацией, начал бы формирование офицерских корпусов, ведь Петлюры бы духу не пахло в Малороссии. Но этого мало: мы бы большевиков в Москве прихлопнули, как мух. И самый момент! Там, говорят, кошек жрут. Он бы, мерзавец, Россию спас!

Шервинский. Немцы бы не позволили формировать армию, они ее боятся.

Алексей. Неправда-с. Немцам нужно было объяснить, что мы им не опасны. Конечно! Войну мы проиграли. У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем немцы, чем вообще все на свете: у нас большевики. Немцам нужно было сказать: «Вам что? Нужен хлеб, сахар? Нате, берите, лопаите, подавитесь, но только помогите нам, чтобы наши мужички не заболели московской болезнью». А теперь поздно, теперь наше офицерство превратилось в завсегдаев кафе. Кафейная армия! Пойди его заberi. Так он тебе и пойдет воевать. У него, у мерзавца, валюта в кармане. Он в кофейне сидит на Крещатике, а вместе с ним вся эта гвардейская штабная орава. Нуте-с, великолепно! Дали полковнику Турбину дивизион: лети, спеши, формируй, ступай, Петлюра идет!.. Отлично-с! А вот глянул я вчера на них и, даю вам слово чести — в первый раз дрогнуло мое сердце.

Мыш ла евский. Алеша, командирчик ты мой!
Артиллерийское у тебя сердце! Пью здоровье!

Алексей. Дрогнуло, потому что на сто юнкеров — сто двадцать студентов, и держат они винтовку, как лопату. И вот вчера на плацу... Снег идет, туман вдали... Померещился мне, знаете ли, гроб...

Елена. Алеша, зачем ты говоришь такие мрачные вещи? Не смей!

Николка. Не извольте расстраиваться, господин командир, мы не выдадим.

Алексей. Вот, господа, сижу я сейчас среди вас, и все у меня одна неотвязная мысль. Ах! Если бы мы все это могли предвидеть раньше! Вы знаете, что такое этот ваш Петлюра? Это миф, это черный туман. Его и вовсе нет. Вы гляньте в окно, посмотрите, что там. Там метель, какие-то тени... В России, господа, две силы: большевики и мы. Мы еще встретимся. Вижу я более грозные времена. Вижу я... Ну, ладно! Мы не удержим Петлюру. Но ведь он ненадолго придет. А вот за ним придут большевики. Вот из-за этого я и иду! На рожон, но пойду! Потому что, когда мы встретимся с ними, дело пойдет веселее. Или мы их закопаем, или, вернее, они нас. Пью за встречу, господа!

Лариосик (за роялем, поет).

Жажда встречи,
Клятвы, речи —
Все на свете
Трын-трава...

Николка. Здорово, Ларион! (Поет.)

Жажда встречи...
Клятвы, речи....

Все сумбурно поют. Лариосик внезапно зарыдал.

Елена. Лариосик, что с вами?

Николка. Ларион!

Мышлаевский. Что ты, Ларион, кто тебя обидел?

Лариосик (пьян). Я испугался.

Мышлаевский. Кого? Большевиков? Ну, мы им сейчас покажем! (Берет маузер.)

Елена. Виктор, что ты делаешь?!

Мышлаевский. Комиссаров буду стрелять. Кто из вас комиссар?

Шервинский. Маузер заряжен, господа!!

Студзинский. Капитан, сядь сию минуту!

Елена. Господа, отнимите у него!

Отнимает маузер. Лариосик уходит.

Алексей. Что ты, с ума сошел? Сядь сию минуту! Это я виноват, господа.

Мышлаевский. Стало быть, я в компанию большевиков попал. Очень приятно. Здравствуйте, товарищи! Выпьем за здоровье комиссаров. Они симпатичные!

Елена. Виктор, не пей больше!

Мышлаевский. Молчи, комиссарша!

Шервинский. Боже, как нализался!

Алексей. Господа, это я виноват. Не слушайте того, что я сказал. Просто у меня расстроены нервы.

Студзинский. О нет, господин полковник. Поверьте, что мы понимаем и что мы разделяем всё, что вы сказали. Империю Российскую мы будем защищать всегда!

Николка. Да здравствует Россия!

Шервинский. Позвольте слово! Вы меня не

поняли! Гетман так и сделает, как вы предлагаете. Вот когда нам удастся отбиться от Петлюры и союзники помогут нам разбить большевиков, вот тогда гетман положит Украину к стопам его императорского величества государя императора Николая Александровича...

Мышляевский. Какого Александровича?
А говорит, я нализался.

Николка. Император убит...

Шервинский. Господа! Известие о смерти его императорского величества...

Мышляевский. Несколько преувеличено.

Студзинский. Виктор, ты офицер!

Елена. Дайте же сказать ему, господа!

Шервинский. ...вымыслено большевиками. Вы знаете, что произошло во дворце императора Вильгельма, когда ему представлялась свита гетмана? Император Вильгельм сказал: «А о дальнейшем с вами будет говорить...» — портьера раздвинулась, и вышел наш государь.

Входит Лариосик.

Он сказал: «Господа офицеры, поезжайте на Украину и формируйте ваши части. Когда же настанет время, я лично вас поведу в сердце России, в Москву!» И прослезился.

Студзинский. Убит он!

Елена. Шервинский! Это правда?

Шервинский. Елена Васильевна!

Алексей. Поручик, это легенда! Я уже слышал эту историю.

Николка. Все равно. Пусть император мертв, да здравствует император! Ура!.. Гимн! Шервинский! Гимн! (Поет.) Боже, царя храни!...

Шервинский }
Студзинский } Боже, царя храни!
Мышлаевский }
Лариосик (поет). Сильный, державный...

Николка }
Студзинский } } Царствуй на...
Шервинский } }

Елена }
Алексей } } Господа, что вы! Не нужно этого!

Мышлаевский (плачет). Алеша, разве это народ! Ведь это бандиты. Профессиональный союз царубийц. Петр Третий... Ну что он им сделал? Что? Орут: «Войны не надо!» Отлично... Он же прекратил войну. И кто? Собственный дворянин царя по морде бутылкой!.. Павла Петровича князь портсигаром по уху... А этот... забыл, как его... с бакенбардами, симпатичный, дай, думает, мужикам приятное сделаю, освобожу их, чертей полосатых. Так его бомбой за это? Пороть их надо, негодяев. Алеша! Ох, мне что-то плохо, братцы...

Елена. Ему плохо!

Николка. Капитану плохо!

Алексей. В ванну.

Студзинский, Николка и Алексей поднимают Мышлаевского и выносят.

Елена. Я пойду посмотрю, что с ним.

Шервинский (загородив дверь). Не надо, Лена!

Елена. Господа, господа, ведь нужно же так... Хаос... Накурили... Лариосик-то, Лариосик!..

Шервинский. Что вы, что вы, не будите его!

Елена. Я сама из-за вас напилась. Боже, ноги не ходят.

Шервинский. Вот сюда, сюда... Вы мне разрешите... возле вас?

Елена. Садитесь... Шервинский, что с нами будет? Чем же все это кончится? А?.. Я видела дурной сон. Вообще кругом за последнее время все хуже и хуже.

Шервинский. Елена Васильевна! Все будет благополучно, а снам вы не верьте...

Елена. Нет, нет, мой сон — вещий. Будто мы все ехали на корабле в Америку и сидим в трюме. И вот шторм. Ветер воеет. Холодно-холодно. Волны. А мы в трюме. Вода поднимается к самым ногам... Влезаем на какие-то нары. И вдруг крысы. Такие омерзительные, такие огромные. Так страшно, что я проснулась.

Шервинский. А вы знаете что, Елена Васильевна? Он не вернется.

Елена. Кто?

Шервинский. Ваш муж.

Елена. Леонид Юрьевич, это нахальство. Какое вам дело? Вернется, не вернется.

Шервинский. Мне-то большое дело. Я вас люблю.

Елена. Слышала. И все вы сочиняете.

Шервинский. Ей-богу, я вас люблю.

Елена. Ну и любите про себя.

Шервинский. Не хочу, мне надоело.

Елена. Пойдите, пойдите. Почему вы вспомнили о моем муже, когда я сказала про крыс?

Шервинский. Потому что он на крысу похож.

Елена. Какая вы свинья все-таки, Леонид! Впервые, вовсе не похож.

Шервинский. Как две капли. Пенсне, носик острый...

Елена. Очень, очень красиво! Про отсутствующего человека гадости говорить, да еще его жене!

Шервинский. Какая вы ему жена!

Елена. То есть как?

Шервинский. Вы посмотрите на себя в зеркало. Вы красивая, умная, как говорится, интеллектуально развитая. Вообще женщина на ять. Аккомпанируете прекрасно на рояле. А он рядом с вами — вешалка, карьерист, штабной момент.

Елена. За глаза-то! Отлично! (*Зажимает ему рот.*)

Шервинский. Да я ему это в глаза скажу. Давно хотел. Скажу и вызову на дуэль. Вы с ним несчастливы.

Елена. С кем же я буду счастлива?

Шервинский. Со мной.

Елена. Вы не годитесь.

Шервинский. Ого-го!.. Почему это я не го-жусь?

Елена. Что в вас есть хорошего?

Шервинский. Да вы всмотритесь.

Елена. Ну побрякушки адъютантские, смазлив, как херувим. И голос. И больше ничего.

Шервинский. Так я и знал! Что за несчастье! Все твердят одно и то же: Шервинский — адъютант, Шервинский — певец, то, другое... А что у Шервинского есть душа, этого никто не замечает. И живет Шервинский, как бездомная собака, и не к кому Шервинскому на грудь голову склонить.

Елена (*отталкивает его голову*). Вот гнусный ловелас! Мне известны ваши похождения. Всем одно и то же говорите. И этой вашей, длинной. Фу, губы покрашенные...

Шервинский. Она не длинная. Это меццо-

сопрано. Елена Васильевна, ей-богу, ничего подобного я ей не говорил и не скажу. Нехорошо с вашей стороны, Лена, как нехорошо с твоей стороны, Лена.

Елена. Я вам не Лена!

Шервинский. Ну, нехорошо с твоей стороны, Елена Васильевна. Вообще у вас нет никакого чувства ко мне.

Елена. К несчастью, вы мне очень нравитесь.

Шервинский. Ага! Нравлюсь. А мужа своего вы не любите.

Елена. Нет, люблю.

Шервинский. Лена, не лги. У женщины, которая любит мужа, не такие глаза. Я видал женские глаза. В них все видно.

Елена. Ну да, вы опытни, конечно.

Шервинский. Как он уехал?!

Елена. И вы бы так сделали.

Шервинский. Я? Никогда! Это позорно. Со знайтесь, что вы его не любите!

Елена. Ну, хорошо: не люблю и не уважаю. Не уважаю. Довольны? Но из этого ничего не следует. Уберите руки.

Шервинский. А зачем вы тогда поцеловались со мной?

Елена. Лжешь ты! Никогда я с тобой не целовалась. Лгун с аксельбантами!

Шервинский. Я лгу?.. А у рояля? Я пел «Бога всесильного»... и мы были одни. И даже скажу когда — восьмого ноября. Мы были одни, и ты поцеловала в губы.

Елена. Я тебя за голос поцеловала. Понял? За голос. Матерински поцеловала. Потому что голос у тебя замечательный. И больше ничего.

Шервинский. Ничего?

Елена. Это мучение. Честное слово! Посуда грязная. Эти пьяные. Муж куда-то уехал. Кругом свет...

Шервинский. Свет мы уберем. (*Тушит верхний свет.*) Так хорошо? Слушай, Лена, я тебя очень люблю. Я тебя ведь все равно не выпущу. Ты будешь моей женой.

Елена. Пристал, как змея... как змея.

Шервинский. Какая же я змея?

Елена. Пользуется каждым случаем и соблазняет. Ничего ты не добьешься. Ничего. Какой бы он ни был, не стану я из-за тебя ломать свою жизнь. Может быть, ты еще хуже окажешься.

Шервинский. Лена, до чего ты хороша!

Елена. Уйди! Я пьяна. Это ты сам меня напоил нарочно. Ты известный негодяй. Вся жизнь наша рушится. Все пропадает, валится.

Шервинский. Елена, ты не бойся, я тебя не покину в такую минуту. Я возле тебя буду, Лена.

Елена. Выпустите меня. Я боюсь бросить тень на фамилию Тальберг.

Шервинский. Лена, ты брось его совсем и выходи за меня... Лена!

Целуются.

Разведешься?

Елена. Ах, пропади все пропадом!

Целуются.

Лариосик (*внезапно*). Не целуйтесь, а то меня тошнит.

Елена. Пустите меня! Боже мой! (*Убегает.*)

Лариосик. Ох!..

Шервинский. Молодой человек, вы ничего не видали!

Лариосик (*мутно*). Нет, видал.

Шервинский. То есть как?

Лариосик. Если у тебя король, ходи с короля, а дам не трогай!.. Не трогай!.. Ой!..

Шервинский. Я с вами не играл.

Лариосик. Нет, ты играл.

Шервинский. Боже, как нарезался!

Лариосик. Вот посмотрим, что мама вам скажет, когда я умру. Я говорил, что я человек не военный, мне водки столько нельзя. (*Падает на грудь Шервинскому.*)

Шервинский. Как надрался!

Часы бьют три, играют менуэт.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Рабочий кабинет гетмана во дворце. Громадный письменный стол, на нем телефонные аппараты. Отдельно полевой телефон. На стене огромная карта в раме. Ночь. Кабинет ярко освещен. Дверь отворяется, и камер-лакей впускает Шервинского.

Шервинский. Здравствуйте, Федор.

Лакей. Здравия желаю, господин поручик.

Шервинский. Как! Никого нет? А кто из адъютантов дежурит у аппаратов?

Лакей. Его сиятельство князь Новожильцев.

Шервинский. А где же он?

Лакей. Не могу знать. С полчаса назад вышли.

Шервинский. Как это так? И аппараты полчаса стояли без дежурного?

Лакей. Да никто не звонил. Я все время был у дверей.

Шервинский. Мало ли что не звонил! А если бы позвонил? В такой момент! Черт знает что такое!

Лакей. Я бы принял телефонограмму. Они так и распорядились, чтобы, пока вы не придете, я бы записывал.

Шервинский. Вы? Записывать военные телефонограммы?!.. Да что у него, размягчение мозга? А, понял, понял! Он заболел?

Лакей. Никак нет. Они вовсе из дворца вы-
были.

Шервинский. То есть как это — вовсе из дворца? Вы шутите, дорогой Федор. Не сдав дежурства, отбыл из дворца? Значит, он в сумасшедший дом отбыл?

Лакей. Не могу знать. Только они забрали свою зубную щетку, полотенце и мыло из адъютантской комнаты. Я же им еще газету давал.

Шервинский. Какую газету?

Лакей. Я же докладываю, господин поручик: во вчерашний номер они мыло завернули.

Шервинский. Позвольте, да вот же его шашка!

Лакей. Да они в штатском уехали.

Шервинский. Или я с ума сошел, или вы. Запись-то он мне оставил по крайней мере? Что-нибудь приказал передать?

Лакей. Приказали кланяться.

Шервинский. Вы свободны, Федор.

Лакей. Слушаю. Разрешите доложить, господин адъютант?

Шервинский. Ну-с?

Лакей. Они изволили неприятное известие получить.

Шервинский. Откуда? Из дому?

Лакей. Никак нет. По полевому телефону. И сейчас же заторопились. При этом в лице очень изменились.

Шервинский. Я надеюсь, Федор, что вас не касается окраска лица адъютантов его светлости. Вы лишнее говорите.

Лакей. Прошу извинить, господин поручик. (Уходит.)

Шервинский (говорит по телефону на гетман-

ском столе). 12-23... Мерси... Это квартира князя Новожильцева?.. Попросите Сергея Николаевича... Что? Во дворце? Его нет во дворце. Я сам говорю из дворца... Постой, Сережа, да это твой голос!.. Сере... Позвольте...

Телефон звонит отбой.

Что за хамство! Я же отлично слышал, что это он сам. (Пауза.) Шервинский, Шервинский... (Вызывает по полевому телефону, телефон пищит.) Штаб Святошинского отряда... Попросите начштаба... Как — его нет! Помощника... Штаб Святошинского отряда?.. Что за чертовщина!.. (Садится за стол, звонит.)

Входит камер-лакей.

(Пишет записку.) Федор, сейчас же эту записку передайте вестовому. Чтобы срочно поехал ко мне на квартиру, на Львовскую улицу, там ему по этой записке дадут сверток. Чтобы сейчас же привез его сюда. Вот два карбованца ему на извозчика. Вот записка в комендатуру на пропуск.

Лакей. Слушаю. (Уходит.)

Шервинский (трогает баки, задумчиво). Что за чертовщина, честное слово!

На столе звонит телефон.

Я слушаю... Да. Личный адъютант его светлости поручик Шервинский... Здравия желаю, ваше превосходительство... Как-с? (Пауза.) Болботун?!.. Как, со всем штабом?.. Слушаю!.. Так-с, передам... Слушаю, ваше превосходительство... Его светлость должен быть в двенадцать часов ночи. (Вешает трубку.)

Телефон звонит отбой. Пауза.

Шервинский. Я убит, господа! (Свистит.)

За сценой глухая команда: «Смирно!» — потом многоголосый крик караула: «Здравия желаем, ваша светлость!»

Лакей (открывает обе половинки двери). Его светлость!

Входит гетман. Он в богатейшей черкеске, малиновых шароварах и сапогах без каблуков кавказского типа и без шпор. Блестящие генеральские погоны. Коротко подстриженные седящие усы, гладко обритая голова, лет сорока пяти.

Гетман. Здравствуйте, поручик.

Шервинский. Здравия желаю, ваша светлость.

Гетман. Приехали?

Шервинский. Осмелюсь спросить — кто?

Гетман. Как это — кто? Я назначил без четверти двенадцать совещание у меня. Должен быть командующий русской армией, начальник гарнизона и представители германского командования. Где они?

Шервинский. Не могу знать. Никто не был.

Гетман. Вечно опаздывают. Сводку мне за последний час. Живо!

Шервинский. Осмелюсь доложить вашей светлости: я только что принял дежурство. Корнет князь Новожильцев, дежуривший передо мной...

Гетман. Я давно уже хотел поставить на вид вам и другим адъютантам, что следует говорить по-украински. Это безобразие, в конце концов! Ни один мой офицер не говорит на языке страны, а на украинские части это производит самое отрицательное впечатление. Прохаю ласково.

Шервинский. Слухаю, ваша светлость. Дежурный адъютант корнет... князь... (В сторону.) Черт

его знает, как «князь» по-украински!.. Черт! (*Вслух.*) Новожильцев, временно исполняющий обязанности... Я думая... думаяю... думоваю...

Гетман. Говорите по-русски!

Шервинский. Слушаю, ваша светлость. Корнет князь Новожильцев, дежуривший передо мной, очевидно, внезапно заболел и отбыл домой еще до моего прибытия...

Гетман. Что вы такое говорите? Отбыл с дежурства? Вы сами-то как? В здравом уме? То есть как это — отбыл с дежурства? Значит, бросил дежурство? Что у вас тут происходит, в конце концов? (*Звонит по телефону.*) Комендатура?.. Дать сейчас же наряд... По голосу надо слышать, кто говорит. Наряд на квартиру к моему адъютанту корнету Новожильцеву, арестовать его и доставить в комендатуру. Сию минуту.

Шервинский (*в сторону*). Так ему и надо! Будет знать, как чужими голосами по телефону разговаривать. Хам!

Гетман (*по телефону*). Зараз! (*Шервинскому.*) Ну а запись он оставил?

Шервинский. Так точно. Но на ленте ничего нет.

Гетман. Да что ж он? Спятил? Рехнулся? Да я его расстреляю сейчас, здесь же, у дворцового парадета. Я вам покажу всем! Соединитесь сейчас же со штабом командующего. Просить немедленно ко мне! То же самое начгарнизона и всех командиров полков. Живо!

Шервинский. Осмелюсь доложить, ваша светлость, известие чрезвычайной важности.

Гетман. Какое там еще известие?

Шервинский. Пять минут назад мне звонили

из штаба командующего и сообщили, что командующий добровольческой армии при вашей светлости внезапно заболел и отбыл со всем штабом в германском поезде в Германию.

Пауза.

Гетман. Вы в здравом уме? У вас глаза больные... Вы соображаете, о чем вы доложили? Что такое произошло? Катастрофа, что ли? Они бежали? Что же вы молчите? Ну!..

Шервинский. Так точно, ваша светлость, катастрофа. В десять часов вечера петлюровские части прорвали городской фронт и конница Болботуна пошла в прорыв...

Гетман. Болботуна?.. Где?..

Шервинский. За Слободкой, в десяти верстах.

Гетман. Погодите... погодите... так... что такое?.. Вот что... Во всяком случае, вы отличный, расторопный офицер. Я давно это заметил. Вот что. Сейчас же соединитесь со штабом германского командования и просите представителей его сию минуту пожаловать ко мне. Живо, голубчик, живо!

Шервинский. Слушаю. *(По телефону.)* Третий. Seien Sie bitte so liebenswürdig, Herrn Major von Dust an den Apparat zu bitten.

Стук в дверь.

Ja... Ja...¹

Гетман. Войдите, да.

Лакей. Представители германского командования генерал фон Шратт и майор фон Дуст просят их принять.

¹ Будьте любезны, позовите к телефону господина майора фон Дуста. Да... Да... *(нем.)*.

Гетман. Просить сюда сейчас же. (*Шервинскому*). Отставить.

Лакей впускает фон Шратта и фон Дуста. Оба в серой форме. Шратт — длиннолицый, седой. Дуст — с багровым лицом. Оба в моноκлях.

Шратт. Wir haben die Ehre, Euer Durchlaucht zu begrüßen¹.

Гетман. Sehr erfreut, Sie zu sehen, meine Herren. Bitte nehmen Sie Platz.

Немцы усаживаются.

Ich habe eben die Nachricht von der schwierigen Lage unserer Armee erhalten².

Шратт. Das ist uns schon längere Zeit bekannt³.

Гетман (*Шервинскому*). Пожалуйста, записывайте протокол совещания.

Шервинский. По-русски разрешите, ваша светлость?

Гетман. Генерал, могу просить говорить по-русски?

Шратт (*с резким акцентом*). О да! С большим удовольствием.

Гетман. Мне сейчас стало известно, что петлюровская конница прорвала городской фронт.

Шервинский пишет.

Кроме того, из штаба русского командования я имею какие-то совершенно невероятные известия. Штаб рус-

¹ Имеем честь приветствовать вашу светлость (*нем.*).

² Я очень рад вас видеть, господа. Прошу вас, садитесь... Я только что получил известия о тяжелом положении нашей армии (*нем.*).

³ Мы об этом знали уже давно (*нем.*).

ского командования позорно бежал! Das ist ja unerhört! ¹ (Пауза.) Я обращаюсь через ваше посредство к германскому правительству... со следующим заявлением: Украине угрожает смертельная опасность. Банды Петлюры грозят занять столицу. В случае такого исхода в столице произойдет анархия. Поэтому я прошу германское командование немедленно дать войска для отражения хлынувших сюда банд и восстановления порядка на Украине, столь дружественной Германии.

Шратт. Сожалени, германски командование не может такое сделать.

Гетман. Как? Уведомьте, генерал, почему?

Шратт. Physisch unmöglich! Физически невозможно есть. Erstens, во-первых, по нашим сведениям, Петлюра имеет двести тисч войск, великелепно вооружен. А между тем германски командование забирайт дивизии и уводит их в Германии.

Шервинский (в сторону). Мерзавцы!

Шратт. Таким образом, в распоряжении нашим вооружении достаточны сил нет. Zweitens, во-вторых, вся Украина оказывает на стороне Петлюры.

Гетман. Поручик, подчеркните эту фразу в протоколе.

Шервинский. Слушаю-с.

Шратт. Ничего не имеют протиф. Подчеркнуть. Таким образом, остановить Петлюру невозможно есть.

Гетман. Значит, меня, армию и правительство германское командование внезапно оставляет на произвол судьбы?

Шратт. Ниэт, ми командированы брать мери к спасению вашей светлости.

¹ Это неслыханно! (нем.).

Гетман. Какие же меры командование предлагает?

Шратт. Моментальную эвакуацию вашей светлости. Сейчас вагон и nach Германия.

Гетман. Простите, я ничего не понимаю. Как же так?.. Виноват. Может быть, это германское командование эвакуировало князя Белорукова?

Шратт. Точно так.

Гетман. Без согласия со мной? (*Волнуясь.*) Я не согласен. Я заявляю правительству Германии протест против таких действий. У меня есть еще возможность собрать армию в городе и защищать Киев своими средствами. Но ответственность за разрушение столицы ляжет на германское командование. И я думаю, что правительства Англии и Франции...

Шратт. Правительство Англии! Правительство Франции!! Германское правительство ощущает в себе достаточно силы, чтобы не давать разрушение столицы.

Гетман. Это угроза, генерал?

Шратт. Предупреждение, ваша светлость. В распоряжении вашей светлости никаких вооруженных сил нет. Положение катастрофическое...

Дуст (*тихо, Шратту*). Mein General, wir haben gar keine Zeit. Wir müssen...

Шратт. Ja-ja... Ваша светлость, позвольте сказать последнее: мы сейчас перехватили сведения, что конница Петлюры восемь верст от Киева. И завтра утром она войдет...

Гетман. Я узнаю об этом последний!

Шратт. Ваша светлость, вы знаете, что будет с

¹ Ваше превосходительство, у нас нет времени. Мы должны... (*нем.*).

вами случае взятия вас в плен? На вашей светлости есть приговор. Он есть весьма печален.

Гетман. Какой приговор?

Шратт. Прошу извинения у вашей светлости. (Пауза.) Повиэсить. (Пауза.) Ваша светлость, я попросил бы ответ мгновенно. В моем распоряжении только десять маленьких минут, после этого я раздаю с себя ответственность за жизнь вашей светлости.

Большая пауза.

Гетман. Я еду!

Шратт. Ах, едете? (Дусту.) Будьте любезны, действовать тайно и без всяки шум.

Дуст. О, никакой шум! (Стреляет из револьвера в потолок два раза.)

Шервинский растерян.

Гетман (берясь за револьвер). Что это значит?

Шратт. О, будьте спокойны, ваша светлость. (Скрывается в портьере правой двери.)

За сценой гул, крики: «Караул, в ружье!» Топот.

Дуст (открывая среднюю дверь). Ruhig!¹ Спокойно! Генерал фон Шратт зацепил брюками револьвер, ошибочно попал к себе на голова.

Голоса за сценой: «Гетман! Где гетман?»

Гетман есть очень здоровый. Ваша светлость, любезно высуньтесь... Караул...

Гетман (в средних дверях). Все спокойно, прекратите тревогу.

¹ Тише! (нем.).

Дуст (в дверях). Прошу, пропускаяте врача с инструментом.

Тревога утихает. Входит врач германской армии с ящиком и медицинской сумкой. Дуст закрывает среднюю дверь на ключ.

Шратт (выходя из-за портьеры). Ваша светлость, прошу переодеться в германский униформ, как будто вы есть я, а я есть раненый. Мы вас тайно вывезем из города, чтобы никто не знал, чтобы не вызвать возмущения караул.

Гетман. Делайте как хотите.

Звонок по полевому телефону.

Поручик, к аппарату!

Шервинский. Кабинет его светлости... Как?.. Что?.. (Гетману.) Ваша светлость, два полка сердюков перешли на сторону Петлюры... На обнаженном участке появилась неприятельская конница. Ваша светлость, что передать?

Гетман. Что передать? Передайте, чтобы задержали конницу ну хотя бы на полчаса! Я же должен уехать! Я дам им бронемашины!

Шервинский (по телефону). Вы слушаете?.. Задержитесь на полчаса хотя бы! Его светлость даст вам бронемашины!

Дуст (вынимая из ящика германскую форму). Ваша светлость! Где угодно?

Гетман. В спальне.

Гетман и Дуст уходят направо.

Шервинский (у авансцены). Бежать, что ли? Поедет Елена или не поедет? (Решительно, Шратту.) Ваше превосходительство, покорнейше прошу взять

меня с гетманом, я его личный адъютант. Кроме того, со мной... моя невеста...

Ш р а т т. С сожалением, поручик, не только ваша невеста, но и вас не могу брать. Если вы хотите ехать, отправляйтесь станцию наш штабной поезд. Предупреждаю — никаких мест нет, там уж есть личный адъютант.

Ш е р в и н с к и й. Кто?

Ш р а т т. Как его... Князь Новожильцев.

Ш е р в и н с к и й. Новожильцев! Да когда же он успел?

Ш р а т т. Когда бывает катастрофа, каждый стаёт проворный очень. Он был у нас в штабе сейчас.

Ш е р в и н с к и й. И он там, в Берлине, будет при гетмане служить?

Ш р а т т. О ниэт! Гетман будет один. Никакая свита. Мы только доведем до границ тех, кто желает спасти своя шея от ваш мужик, а там каждый как желает.

Ш е р в и н с к и й. О, покорнейше благодарю. Я и здесь сумею спасти свою шею...

Ш р а т т. Правильно, поручик. Никогда не следует покидать свой родина. Heimat ist Heimat¹.

Входят гетман и Дуст. Гетман переодет германским генералом. Растерян, курит.

Гетман. Поручик, все бумаги здесь сжечь.

Дуст. Herr Doktor, seien Sie so liebenswürdig²...
Ваша светлость, садитесь.

Гетмана усаживают. Врач забинтовывает ему голову наглухо.

¹ Родина есть родина (нем.).

² Господин доктор, будьте так любезны... (нем.).

Врач. Fertig¹.

Шратт (*Дусту*). Машину!

Дуст. Sogleich².

Шратт. Ваша светлость, ложитесь.

Гетман. Но ведь нужно же объявить об этом народу... Манифест?..

Шратт. Манифест!.. Пожалуй...

Гетман (*глухо*). Поручик, пишите... Бог не дал мне силы... и я...

Дуст. Манифест... Нет никакой времени манифест... Из поезда телеграммой...

Гетман. Отставить!

Дуст. Ваша светлость, ложитесь.

Гетмана укладывают на носилки. Шратт прячется. Среднюю дверь открывают, появляется лакей. Дуст, врач и лакей выносят гетмана в левую дверь. Шервинский помогает до двери, возвращается. Входит Шратт.

Шратт. Все в порядке. (*Смотрит на часы-браслет.*) Один час ночи. (*Надевает кепи и плащ.*) До свидания, поручик. Вам советую не засиживаться здесь. Вы можете покойно расходиться. Снимайте погоны. (*Прислушивается.*) Слышите?

Шервинский. Беглый огонь.

Шратт. Именно. Каламбур! «Беглый»! Пропуск на боковой ход имеете?

Шервинский. Так точно.

Шратт. Auf Wiedersehen³. Спешите. (*Уходит.*)

Шервинский (*подавлен*). Чистая немецкая работа. (*Внезапно оживает.*) Ну-те-с, времени нету.

¹ Готово (*нем.*).

² Сию минуту (*нем.*).

³ До свидания! (*нем.*).

Нету, нету... нету... (У стола.) О, портсигар! Золотой! Гетман забыл. Оставить его здесь? Невозможно, лакей сопрут. Ого! Фунт, должно быть, весит. Историческая ценность. (Прячет портсигар в карман.) Нуте-с... (За столом.) Бумаг мы никаких пасть не будем, за исключением адъютантского списка. (Сжигает бумаги.) Свинья я или не свинья? Нет, я не свинья. (По телефону.) 14-53... Да... Дивизион?... Командира к телефону! Срочно!.. Разбудить! (Пауза.) Полковник Турбин?.. Говорит Шервинский. Слушайте, Алексей Васильевич, внимательно: гетман драпу дал... Драпанул!.. Серьезно говорю... Нет, до рассвета есть время... Елене Васильевне передайте, чтобы из дома завтра ни в коем случае не выходила... Я приеду утром прятаться. Прощайте. (Дает отбой.) И совесть моя чиста и спокойна... Федор!

Входит камер-лакей.

Вестовой привез сверточек?

Лакей. Так точно.

Шервинский. Скорей дайте его сюда!

Лакей выходит, потом возвращается с узлом.

Лакей (растерян). Позвольте узнать, что с их светлостью?

Шервинский. Что это за вопрос? Гетман изволит почивать. И вообще молчите. Вы хороший человек, Федор. В вашем лице есть что-то... этакое... привлекательное... пролетарское...

Лакей. Так-с.

Шервинский. Федор, принесите мне из адъютантской комнаты мое полотенце, бритву и мыло.

Лакей. Слушаю. Газету прикажете?

Шервинский. Совершенно верно. И газету.

Лакей выходит в левую дверь. Шервинский в это время надевает штатское пальто и шляпу, снимает шпоры. Свою шашку и шашку Новожильцева увязывает в узел. Появляется лакей.

Идет мне эта шляпа?

Лакей. Как же-с. Бритвочку в карман возьмете?

Шервинский. Бритву в карман... Ну-с... Дорогой Федор, позвольте вам на память оставить пятьдесят карбованцев.

Лакей. Покорнейше благодарю.

Шервинский. Позвольте пожать вашу честную трудовую руку. Не удивляйтесь, я демократ по натуре. Федор! Я во дворце никогда не был, адъютантом никогда не служил.

Лакей. Понятно.

Шервинский. Вас не знаю. Вообще я оперный артист...

Лакей. Неужто ходу дал?

Шервинский. Смылся.

Лакей. Ах, прощельга!

Шервинский. Бандит неопиcуемый!

Лакей. А нас всех, стало быть, на произвол судьбы?

Шервинский. Вы же видите. Вам-то еще полгоря, а какво мне?

Звонок телефона.

Слушаю... А! Капитан!.. Да! Бросайте все к чертовой матери и бегите... Значит, знаю, что говорю... Шервинский... Всего хорошего. До свидания!.. Дорогой Федор, как ни приятно мне беседовать с вами, но вы сами видите, что у меня времени нет никакого... Федор, пока я у власти, дарю вам этот кабинет. Что вы

смотрите? Чудак! Вы сообразите, какое одеяло выйдет из этой портьеры. (Исчезает.)

Пауза. Звонок телефона.

Лакей. Слушаю... Чем же я вам могу помочь?.. Знаете что? Бросайте все к чертовой матери и бегите... Федор говорит... Федор!..

КАРТИНА ВТОРАЯ

Пустое, мрачное помещение. Надпись: «Штаб 1-й кинной дивизии». Штандарт голубой с желтым. Керосиновый фонарь у входа. Вечер. За окнами изредка стук лошадиных копыт. Тихо наигрывает гармоника знакомые мотивы.

Телефонист (по телефону). Це я, Франько, вновь включився в цепь... В цепь, кажу!.. Слухаете?.. Це штаб кинной дивизии.

Телефон поет сигналы. Шум за сценой. Ураган и Карпаты вводят дезертира-сечевика. Лицо у него окровавленное.

Болботун. Що такое?

Ураган. Дезертира поймали, пан полковник.

Болботун. Якого полку?

Молчание.

Якого полку, я тебя спрашиваю?

Молчание.

Телефонист. Та це ж я! Я из штабу, Франько, включився в цепь! Це штаб кинной дивизии!.. Слухаете?.. Тьфу ты, черт!..

Болботун. Що ж ты, бога душу твою мать! А? Що ж ты... У то время, як всякий честный казак

вийшов на защиту Украинской республики вид белогвардейцев та жидив коммунистив, у то время, як всякий хлибороб встал в ряды украинской армии, ты ховаешься в кусты? А ты знаешь, що роблють з нашими хлиборобами гетманские офицеры, а там комиссары? Живых у землю зарывают! Чув? Так я ж тебе самого закопаю у могилу! Самого! Сотника Галаньбу!

Голос за сценой: «Сотника требуют к полковнику!»
Суета.

Де ж вы его взяли?..

Кирпатый. По за штабелями, сукин сын, бежав, ховався!..

Болботун. Ах ты зараза, зараза!

Входит Галаньба, холоден, черен, с черным штыком.

Допросить, пан сотник, дезертира... Франько, диспозицию! Не ковыряй аппарат!

Телефонист. Зараз, пан полковник, зараз! Що з ним зробишь? «Не ковыряй...».

Галаньба (с холодным лицом). Якого полку?

Молчание.

Якого полку?

Дезертир (плача). Я не дезертир. Змилуйтесь, пан сотник! Я до лазарету побырався. У меня ноги поморожены зовсим.

Телефонист (по телефону). Де же диспозиция?.. Прохаю ласково. Командир кинной дивизии прохае диспозицию... Вы слухаете?.. Что ты будешь робить с этим аппаратом!

Галаньба. Ноги поморожены? А чому же це

ты не взяв посвидченья вид штабу своего полка? А? Якого полку? (*Замахивается.*)

Слышно, как лошади идут по бревенчатому мосту.

Дезертир. Второго сечевого.

Галаньба. Знаем вас, сечевиков. Все зрадники. Изменники. Большевики. Скидай сапоги, скидай. И если ты не поморозив ноги, а брешешь, то я тебя тут же расстреляю. Хлопцы! Фонарь!

Телефонист (*по телефону*). Пришлите нам ординарца для согласования... В слободку!.. Так!.. Так!.. Слухаю!.. Грицко! Хай ординарец захватит диспозицию для нашего штабу. Добре?.. Пан полковник, диспозиция зараз буде...

Болботун. Добре...

Галаньба (*вынув маузер*). И вот тебе условие: ноги здоровые — будешь ты у меня на том свете. Отойдите сзади, чтобы я в кого-нибудь не попал.

Дезертир садится на пол, разувается. Молчание.

Болботун. Це правильно. Щоб другим був пример.

Фонарем освещают дезертира.

Кирпатый (*со вздохом*). Поморожены... Правду казав.

Галаньба. Записку треба було узять. Записку, мразь! А не бежать из полка...

Дезертир. Нема у кого записку взять. У нас ликаря в полку нема. Никого нема. (*Плачет.*)

Галаньба. Взять его под арест! И под арестом до лазарету! Як ему ликарь ногу перевяжет, вернуть его сюды в штаб и дать ему пятнадцать шом-

полив, щоб вин знав, як без документів бегать с свого полку.

Ураган (выводя). Иди, иди!

За сценой гармоника. Голос поет уныло: «Ой, яблочко, куда котишься, к гайдамакам попадешь — не воротишься...» Тревожные голоса за окном: «Держи их! Держи их! Мимо мосту...
Побиглы по льду...»

Галаньба (в окно). Хлопцы, що там? Що?

Голос: «Якись, жиды, пан сотник, мимо мосту по льду дали ходу из Слободки».

Хлопцы! Разведка! По коням! По коням! Садись! Садись! Кирпатый! А ну, проскачить за ними! Тильки живыми вызьмити! Живыми!

Болботун. Франько, держи связь!

Телефонист. Держу, пан полковник, во как держу!

Топот за сценой. Появляется Ураган, вводит человека с корзиной.

Человек с корзиной. Миленькие, я ж ничего. Что вы! Я ремесленник...

Галаньба. С чем задержали?

Человек с корзиной. Помилуйте, товарищ военный...

Галаньба. Що? Товарищ? Кто ж тут тебе товарищ?

Человек с корзиной. Виноват, господин военный.

Галаньба. Я тебе не господин. Господа все с гетманом в городе сейчас. И мы твоим господам кишки повывымаем. Хлопец, дай ему, тебе близче.

Урежь этому господину по шее. Теперь бачишь, яки господа тут? Видишь?

Человек с корзиной. Вижу.

Галаньба. Осветить его, хлопцы! Мени щесь здається, що вин коммунист.

Человек с корзиной. Что вы! Что вы, помиуйте! Я, изволите ли видеть, сапожник.

Болботун. Що-то ты дуже гарно розмовляєшь на московской мови.

Человек с корзиной. Калуцкие мы, ваше здоровье. Калужской губернии. Да уж и жизни не рады, что сюда, на Украину к вам, заехали. Сапожник я.

Галаньба. Документ!

Человек с корзиной. Паспорт? Сию минуту. Паспорт у меня чистый, можно сказать.

Галаньба. С чем корзина? Куда шел?

Человек с корзиной. Сапоги в корзине, ваше... бла... ва... сапожки... с... Мы на магазин работаем. Сами в Слободке живем, а сапоги в город носим.

Галаньба. Почему ночью?

Человек с корзиной. Как раз в самый раз, к утру в городе.

Болботун. Сапоги... Ого-го... Це гарно!

Ураган вскрывает корзину.

Человек с корзиной. Виноват, уважаемый гражданин, они не наши, из хозяйского товару.

Болботун. Из хозяйского! Це наикраще. Хозяйский товар — хороший товар. Хлопцы, берите по паре хозяйского товару.

Разбирают сапоги.

Человек с корзиной. Гражданин военный министр! Мне без этих сапог погибать. Прямо форменно в гроб ложиться! Тут на две тысячи рублей... Это хозяйское...

Болботун. Мы тебе расписку дадим.

Человек с корзиной. Помилуйте, что ж мне расписка? (*Бросается к Болботуну, тот дает ему в ухо. Бросается к Галаньбе.*) Господин кавалерист! На две тысячи рублей. Главное, что если б я буржуй был бы или, скажем, большевик...

Галаньба дает ему в ухо.

(*Садится на землю, растерянно.*) Что ж это такое делается? А впрочем, берите! Это значит—на снабжение армии?.. Только уж позвольте и мне парочку за компанию. (*Начинает снимать сапоги.*)

Телефонист. Дивись, пан полковник, что винробит?

Болботун. Ты що ж, смеешься, гнида? Отойти от корзины. Долго ты будешь крутиться под ногами? Долго? Ну, терпение мое лопнуло. Хлопцы, расступитесь. (*Берется за револьвер.*)

Человек с корзиной. Что вы! Что вы! Что вы!..

Болботун. Геть отсюда!

Человек с корзиной бросается к двери.

Все. Покорно благодарим, пан полковник!

Телефонист (*по телефону*). Слухаю!.. Слухаю!.. Слава! Слава! Пан полковник! Пан полковник! В штаб пришли ходоки от двух гетьманских сердюкских полкив. Батько веде с ними переговоры о переходе на нашу сторону.

Болботун. Слава! Як ти полки будут з нами, то Киев наш.

Телефонист (по телефону). Грицько! А у нас сапоги новые!.. Так... так... Слухаю, слухаю... Слава! Слава, пан полковник, пожалуйста швидче до апарату.

Болботун (по телефону). Командир першей кинной дивизии полковник Болботун... Я вас слухаю... Так... Так... Выезжаю зараз. (Галаньбе) Пан сотник, прикажите швидче, вси четыре полка на конь! Подступы к городу взяли! Слава! Слава!

Ураган
Кирпатый } Слава! Наступление!

Суета.

Галаньба (в окно). Садись! Садись! По коням!

За окном гул: «Ура!». Галаньба убегаєт.

Болботун. Снимай апарат! Коня мне!

Телефонист снимает апарат. Суета.

Ураган. Коня командиру!

Голоса. Перший курень, рысью марш!

— Другой курень, рысью марш!..

За окном топот, свист. Все выбегают со сцены. Потом гармоника гремит, пролетая...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Вестибюль Александровской гимназии. Ружья в козлах. Ящики, пулеметы. Гигантская лестница. Портрет Александра I наверху. В стеклах рассвет. За сценой грохот: дивизион с музыкой проходит по коридорам гимназии.

Николка (*за сценой запекает на нелепый мотив солдатской песни*).

Дышала ночь восторгом сладострастья,
Неясных дум и трепета полна.

Свист.

Юнкера (*оглушительно поют*).

Я вас ждала с безумной жаждой счастья,
Я вас ждала и млела у окна.

Свист.

Николка (*поет*).

Наш уголок я убрала цветами...

Студзинский (*на площадке лестницы*). Дивизион, стой!

Дивизион за сценой останавливается с грохотом.

Отставить! Капитан!

Мышлаевский. Первая батарея! На месте!
Шагом марш!

Дивизион марширует за сценой.

Студзинский. Ножку! Ножку!
Мышлаевский. Ать! Ать! Ать! Первая батарея, стой!

Первый офицер. Вторая батарея, стой!

Дивизион останавливается.

Мышлаевский. Батарея, можете курить!
Вольно!

За сценой гул и говор.

Первый офицер (Мышлаевскому). У меня, господин капитан, пятерых во взводе не хватает. По-видимому, ходу дали. Студентики!

Второй офицер. Вообще чепуха свинячья. Ничего не разберешь.

Первый офицер. Что ж командир не едет? В шесть назначено выходить, а сейчас без четверти семь.

Мышлаевский. Тише, поручик, во дворец, по телефону вызвали. Сейчас приедет. (Юнкерам.) Что, озябли?

Первый юнкер. Так точно, господин капитан, прохладно.

Мышлаевский. Отчего ж вы стоите на месте? Синий, как покойник. Потопчитесь, разомнитесь. После команды «вольно» вы не монумент. Каждый сам себе печка. Пободрей! Эй, второй взвод, в классы парты ломать, печи топить! Живо!

Юнкера (кричат). Братцы, вали в класс!
— Парты ломать, печки топить!

Шум, суета.

Максим (появляется из каморки, в ужасе).
Ваше превосходительство, что ж это вы делаете такое? Партами печи топить?! Что ж это за поношение! Мне господином директором велено...

Первый офицер. Явление четырнадцатое...

Мышлаевский. А чем же, старик, печи топить?

Максим. Дровами, батюшка, дровами.

Мышлаевский. А где у тебя дрова?

Максим. У нас дров нету.

Мышлаевский. Ну, катись отсюда, старик, колбасой к чертовой матери! Эй, второй взвод, какого черта?..

Максим. Господи боже мой, угодники-святители! Что же это делается! Татары, чистые татары. Много войска было... (Уходит. Кричит за сценой.) Господа военные, что же это вы делаете!

Юнкера (ломают парты, пилят их, топят печь. Поют).

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя,
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

Максим. Эх, кто же так печи растопляет?
Юнкера (поют).

Ах, вы, Сашки-канашки мои!..

(Печально.)

Помилуй нас, боже, в последний раз...

Внезапный близкий разрыв. Пауза. Суета.

Первый офицер. Снаряд.

Мышлаевский. Разрыв где-то близко.

Первый юнкер. Это по нас, господин капитан, пожалуй.

Мышлаевский. Вздор! Петлюра плюнул.

Песня замирает.

Первый офицер. Я думаю, господин капитан, что придется сегодня с Петлюрой повидаться. Интересно, какой он из себя?

Второй офицер (мрачен). Узнаешь, не спеши.

Мышлаевский. Наше дело маленькое. Прикажут — повидаем. (Юнкерам.) Юнкера, какого ж вы... Чего скисли? Веселей!

Юнкера (поют).

И когда по белой лестнице
Поведут нас в синий край...

Второй юнкер (подлетает к Студзинскому).
Командир дивизиона!

Студзинский. Становись! Дивизион, смирно!
Равнение на середину! Господа офицеры! Господа офицеры!

Мышлаевский. Первая батарея, смирно!

Входит Алексей.

Алексей (Студзинскому). Список! Скольких нету?

Студзинский (тихо). Двадцати двух человек.

Алексей (рвет список). Наша застава на Демиевке?

Студзинский. Так точно!

Алексей. Вернуть!

Студзинский (второму юнкеру). Вернуть заставу!

Второй юнкер. Слушаю. (Убегает.)

Алексей. Приказываю господам офицерам и дивизиону внимательно слушать то, что я им объявляю. Слушать, запоминать. Запомнив, исполнять.

Тишина.

За ночь в нашем положении, в положении всей русской армии, я бы сказал, в государственном положении Украины произошли резкие и внезапные изменения... Поэтому я объявляю вам, что наш дивизион я распускаю.

Мертвая тишина.

Борьба с Петлюрой закончена. Приказываю всем, в том числе и офицерам, немедленно снять с себя погоны, все знаки отличия и немедленно же бежать и скрыться по домам.

Пауза.

Я кончил. Исполнять приказание!

Студзинский. Господин полковник! Алексей Васильевич!

Первый офицер. Господин полковник! Алексей Васильевич!

Второй офицер. Что это значит?

Алексей. Молчать! Не рассуждать! Исполнять приказание! Живо!

Третий офицер. Что это значит, господин полковник? Арестовать его!

Шум.

Юнкера. Арестовать!..

— Мы ничего не понимаем!..

— Как — арестовать?!.. Что ты, взбесился?!..

— Петлюра ворвался!..

— Вот так штука! Я так и знал!..

— Тише!..

Первый офицер. Что это значит, господин полковник?

Третий офицер. Эй, первый взвод, за мной!

Вбегают растерянные юнкера с винтовками.

Николка. Что вы, господа, что вы делаете?

Второй офицер. Арестовать его! Он передался Петлюре!

Третий офицер. Господин полковник, вы арестованы!

Мышляевский (*удерживая третьего офицера*).
Постойте, поручик!

Третий офицер. Пустите меня, господин капитан, руки прочь! Юнкера, взять его!

Мышляевский. Юнкера, назад!

Студзинский. Алексей Васильевич, посмотрите, что делается.

Николка. Назад!

Студзинский. Назад, вам говорят! Не слушать младших офицеров!

Первый офицер. Господа, что это?

Второй офицер. Господа!

Суматоха. В руках у офицеров револьверы.

Третий офицер. Не слушать старших офицеров!

Первый юнкер. В дивизионе бунт!

Первый офицер. Что вы делаете?

Студзинский. Молчать! Смирно!

Третий офицер. Взять его!

Алексей. Молчать! Я буду еще говорить!

Юнкера. Не о чем разговаривать!

— Не хотим слушать!

— Не хотим слушать!

— Равняйтесь по командиру второй батареи!

Николка. Дайте ему сказать!

Третий офицер. Тише, юнкера, успокойтесь!

Дайте ему высказаться, мы его не выпустим отсюда!

Мышлаевский. Уберите своих юнкеров назад сию секунду.

Первый офицер. Смирно! На месте!

Юнкера. Смирно! Смирно! Смирно!

Алексей. Да... Очень я был бы хорош, если бы пошел в бой с таким составом, который мне послал господь бог в вашем лице. Но, господа, то, что простительно юноше-добровольцу, непростительно (*третьему офицеру*) вам, господин поручик! Я думал, что каждый из вас поймет, что случилось несчастье, что у командира вашего язык не поворачивается сообщить позорные вещи. Но вы недогадливы. Кого вы желаете защищать? Ответьте мне.

Молчание.

Отвечать, когда спрашивает командир! Кого?

Третий офицер. Гетмана обещали защищать.

Алексей. Гетмана? Отлично! Сегодня в три часа утра гетман, бросив на произвол судьбы армию, бежал, переодевшись германским офицером, в германском поезде, в Германию. Так что в то время, как

поручик собирается защищать гетмана, его давно уже нет. Он благополучно следует в Берлин.

Юнкера. В Берлин?!

— О чем он говорит?!

— Не хотим слушать!

Первый юнкер. Господа, да что вы его слушаете?

Студзинский. Молчать!

Гул. В окнах рассвет.

Алексей. Но этого мало. Одновременно с этой канальей бежала по тому же направлению другая каналья — его сиятельство командующий армией князь Белоруков. Так что, друзья мои, не только некого защищать, но даже и командовать нами некому, ибо штаб князя дал ходу вместе с ним.

Гул.

Юнкера. Быть не может!

— Быть не может этого!

— Это ложь!

Алексей. Кто сказал — ложь? Кто сказал — ложь? Я сейчас был в штабе. Я проверил все сведения. Я отвечаю за каждое мое слово!.. Итак, господа! Вот мы, нас двести человек. А там — Петлюра. Да что я говорю — не там, а здесь! Друзья мои, его конница на окраинах города! У него двухсоттысячная армия, а у нас — на месте мы, две-три пехотные дружины и три батареи. Понятно? Тут один из вас вынул револьвер по моему адресу. Он меня безумно напугал. Мальчишка!

Третий офицер. Господин полковник.

Алексей. Молчать! Так вот-с. Если бы вы все сейчас, вот при этих условиях вынесли бы постанов-

ление защищать... что? кого?.. одним словом, идти в бой,— я вас не поведу, потому что в балагане я не участвую, тем более что за этот балаган заплатите своей кровью и совершенно бессмысленно вы все!

Николка. Штабная сволочь!

Гул и рев.

Юнкера. Что нам делать теперь?

— В гроб ложиться!

— Позор!..

— Поди ты к черту!.. Что ты, на митинге?

— Стоять смирно!

— В капкан загнали.

Третий юнкер (*вбегает с плачем*). Кричали: вперед, вперед, а теперь — назад. Найду гетмана — убью!

Первый офицер. Убрать эту бабу к черту! Юнкера, слушайте: если верно, что говорит полковник,— равняться на меня! Достанем эшелоны — и на Дон, к Деникину!

Юнкера. На Дон! К Деникину!..

— Легкое дело... что ты несешь!

— На Дон — невозможно!..

Студзинский. Алексей Васильевич, верно, надо все бросить и вывезти дивизион на Дон.

Алексей. Капитан Студзинский! Не смей! Я команду дивизионом! Я буду приказывать, а вы — исполнять! На Дон? Слушайте, вы! Там, на Дону, вы встретите то же самое, если только на Дон проберетесь. Вы встретите тех же генералов и ту же штабную ораву.

Николка. Таковую же штабную сволочь!

Алексей. Совершенно правильно. Они вас за-

ставят драться с собственным народом. А когда он вам расколет головы, они убегут за границу... Я знаю, что в Ростове то же самое, что и в Киеве. Там дивизионы без снарядов, там юнкера без сапог, а офицеры сидят в кофейнях. Слушайте меня, друзья мои! Мне, боевому офицеру, поручили вас толкнуть в драку. Было бы за что! Но не за что. Я публично заявляю, что я вас не поведу и не пушу! Я вам говорю: белому движению на Украине конец. Ему конец в Ростове-на-Дону, всюду! Народ не с нами. Он против нас. Значит, кончено! Гроб! Крышка! И вот я, кадровый офицер Алексей Турбин, вынесший войну с германцами, чему свидетелями капитаны Студзинский и Мышлаевский, я на свою совесть и ответственность принимаю все, все принимаю, предупреждаю и, любя вас, посылаю домой. Я кончил.

Рев голосов. Внезапный разрыв.

Срывают погоны, бросают винтовки и немедленно по домам!

Юнкера срывают погоны, бросают винтовки.

Мышлаевский (*кричит*). Тише! Господин полковник, разрешите зажечь здание гимназии?

Алексей. Не разрешаю.

Пушечный удар. Дрогнули стекла.

Мышлаевский. Пулемет!

Студзинский. Юнкера, домой!

Мышлаевский. Юнкера, бей отбой, по домам!

Труба за сценой. Юнкера и офицеры разбегаются. Николка ударяет винтовкой в ящик с выключателями и убегает. Гаснет свет. Алексей у печки рвет бумаги, сжигает их. Долгая пауза. Входит Максим.

Алексей. Ты кто такой?

Максим. Я сторож здешний.

Алексей. Пошел отсюда вон, убьют тебя здесь.

Максим. Ваше высокоблагородие, куда ж это я отойду? Мне отходить нечего от казенного имущества. В двух классах парты поломали, такого убытку наделали, что я и выразить не могу. А свет... Много войска бывало, а такого — извините...

Алексей. Старик, уйди ты от меня.

Максим. Меня теперь хоть саблей рубите, а я не уйду. Мне что было сказано господином директором...

Алексей. Ну, что тебе сказано господином директором?

Максим. Максим, ты один останешься... Максим, гляди... А вы что же...

Алексей. Ты, старичок, русский язык понимаешь? Убьют тебя. Уйди куда-нибудь в подвал, скройся там, чтоб духу твоего не было.

Максим. Кто отвечать-то будет? Максим за все отвечай. Всякие — за царя и против царя были, солдаты оголтелые, но чтоб парты ломать...

Алексей. Куда списки девались? *(Разбивает шкаф ногой.)*

Максим. Ваше высокопревосходительство, ведь у него ключ есть. Гимназический шкаф, а вы — ножкой. *(Отходит, крестится.)*

Пушечный удар.

Максим. Царица небесная... Владычица... Господи Иисусе...

Алексей. Так его! Даешь! Даешь! Концерт! Музыка! Ну, попадешься ты мне когда-нибудь, пан гетман! Гадина!

Мышляевский появляется наверху. В окна пробивается легонькое зарево.

Максим. Ваше превосходительство, хоть вы ему прикажите. Что ж это такое? Шкаф ногой взломал!

Мышляевский. Старик, не путайся под ногами. Пошел вон.

Максим. Татары, прямо татары... *(Исчезает.)*

Мышляевский *(издали)*. Алеша! Зажег я цейхгауз! Будет Петлюра шиш иметь вместо шинелей!

Алексей. Ты, бога ради, не задерживайся. Беги домой.

Мышляевский. Дело маленькое. Сейчас вкачу еще две бомбы в сено — и ходу. Ты-то чего сидишь?

Алексей. Пока застава не прибежит, не могу.

Мышляевский. Алеша, надо ли? А?

Алексей. Ну что ты говоришь, капитан!

Мышляевский. Я тогда с тобой останусь.

Алексей. На что ты мне нужен, Виктор? Я приказываю: к Елене сейчас же! Карауль ее! Я следом за вами. Да что вы, взбесились все, что ли? Будете ли вы слушать или нет?

Мышляевский. Ладно, Алеша. Бегу к Ленке!

Алексей. Николка, погляди, ушел ли. Гони его в шею, ради бога.

Мышляевский. Ладно! Алеша, смотри, не рискуй!

Алексей. Учи ученого!

Мышляевский исчезает.

Серьезно. «Серьезно и весьма»... И когда по белой лестнице... поведут нас в синий край... Застава бы не засыпалась...

Николка *(появляется наверху, крадется)*. Алеша!

Алексей. Ты что же, шутки со мной вздумал шутить, что ли?! Сию минуту домой, снять погоны! Вон!

Николка. Я без тебя, полковник, не пойду.

Алексей. Что?! (*Вынул револьвер.*)

Николка. Стреляй, стреляй в родного брата!

Алексей. Болван.

Николка. Ругай, ругай родного брата. Я знаю, чего ты сидишь! Знаю, ты, командир, смерти от позора ждешь, вот что! Ну, так я тебя буду караулить. Ленка меня убьет.

Алексей. Эй, кто-нибудь! Взять юнкера Турбина! Капитан Мышлаевский!

Николка. Все уже ушли!

Алексей. Ну погоди, мерзавец, я с тобой дома поговорю!

Шум и топот. Вбегают юнкера, бывшие в заставе.

Юнкера (*пробегая*). Конница Петлюры следом!..

Алексей. Юнкера! Слушать команду! Подвальным ходом на Подол! Я вас прикрою. Срывайте погоны по дороге!

За сценой приближающийся лихой свист, глухо звучит гармоника: «И шумит, и гудит...»

Бегите, бегите! Я вас прикрою! (*Бросается к окну наверху.*) Беги, я тебя умоляю. Ленку пожалей!

Близкий разрыв снаряда. Стекла лопнули. Алексей падает.

Николка. Господин полковник! Алешка, Алешка, что ты наделал?!

Алексей. Унтер-офицер Турбин, брось геройство к чертям! (*Смолкает.*)

Николка. Господин полковник... этого быть не может! Алеша, поднимись!

Топот и гул. Вбегают гайдамаки.

Ураган. Тю! Бачь! Бачь! Тримай его, хлопцы! Тримай!

Кирпатый стреляет в Николку.

Галаньба (вбегая). Живьем! Живьем возьмем его, хлопцы!

Николка отползает вверх по лестнице, оскалился.

Кирпатый. Ишь, волчонок! Ах сукино отродье! Ураган. Не уйдешь! Не уйдешь!

Появляются гайдамаки.

Николка. Висельники, не дамся! Не дамся, бандиты! (Бросается с перил и исчезает.)

Кирпатый. Ах циркач! (Стреляет.) Нема больше никого.

Галаньба. Что ж вы выпустили его, хлопцы? Эх, шляпа!..

Гармоника: «И шумит, и гудит...» За сценой крик: «Слава, слава!» Трубы за сценой. Болботун, за ним — гайдамаки со штандартами. Знамена плывут вверх по лестнице. Оглушительный марш.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Квартира Турбиных. Рассвет. Электричества нет. Горит свеча на ломберном столе.

Лариосик. Елена Васильевна, дорогая! Располагайте мной, как вам угодно! Хотите, я оденусь и отправлюсь их искать?

Елена. Ах, нет, нет! Что вы, Лариосик! Вас убьют на улице. Будем ждать. Боже мой, еще зарево.

Какой ужасный рассвет! Что там делается? Я только хотела бы одно знать: где они?

Л а р и о с и к. Боже мой, как ужасна гражданская война!

Е л е н а. Знаете что: я женщина, меня не тронут. Я пойду посмотрю, что делается на улице.

Л а р и о с и к. Елена Васильевна, я вас не пущу! Да я... я вас просто не пущу!.. Что мне скажет Алексей Васильевич! Он велел ни в коем случае не выпустить вас на улицу, и я ему дал слово.

Е л е н а. Я близко...

Л а р и о с и к. Елена Васильевна!

Е л е н а. Хотя бы узнать, в чем дело...

Л а р и о с и к. Я сам пойду...

Е л е н а. Оставьте это... Будем ждать...

Л а р и о с и к. Ваш супруг очень хорошо сделал, что отбыл. Это очень мудрый поступок. Он переживет теперь в Берлине эту ужасную кутерьму и вернется.

Е л е н а. Мой супруг? Мой супруг?.. Имени моего супруга больше в доме не упоминайте. Слышите?

Л а р и о с и к. Хорошо, Елена Васильевна... Всегда я найду что сказать вовремя... Может быть, вы чаю хотите? Я бы поставил самоварчик...

Е л е н а. Нет, не надо...

Стук.

Л а р и о с и к. Пойдите, пойдите, не открывайте, надо спросить, кто там. Кто там?

Ш е р в и н с к и й. Это я! Я... Шервинский...

Е л е н а. Слава богу! (Открывает.) Что это значит? Катастрофа?

Ш е р в и н с к и й. Петлюра город взял.

Л а р и о с и к. Взял? Боже, какой ужас!

Елена. Где они? В бою?

Шервинский. Не волнуйтесь, Елена Васильевна! Я предупредил Алексея Васильевича несколько часов тому назад. Все обстоит совершенно благополучно.

Елена. Как же все благополучно? А гетман? Войска?

Шервинский. Гетман сегодня ночью бежал.

Елена. Бежал? Бросил армию?

Шервинский. Точно так. И князь Белоруков.
(Снимает пальто.)

Елена. Подлецы!

Шервинский. Неопишутые прохвосты!

Лариосик. А почему свет не горит?

Шервинский. Обстреляли станцию.

Лариосик. Ай-ай-ай...

Шервинский. Елена Васильевна, можно у вас спрятаться? Сейчас офицеров будут искать.

Елена. Ну конечно!

Шервинский. Елена Васильевна, если бы вы знали, как я счастлив, что вы живы и здоровы.

Стук в дверь.

Ларион, спросите, кто там...

Лариосик. Кто там?

Голос Мышлаевского. Свои, свои...

Лариосик открывает дверь. Входят Мышлаевский и Студзинский

Елена. Слава тебе господи! А где же Алеша и Николай?

Мышлаевский. Спокойно, спокойно, Лена. Сейчас придут. Не бойся ничего, улицы еще свобод-

ны. Их обоих застава проводит. А, этот уж тут? Ну, стало быть, ты все знаешь...

Елена. Спасибо, все. Ну, немцы! Ну, немцы!

Студзинский. Ничего... ничего... когда-нибудь вспомним мы все... Ничего!

Мышлаевский. Здравствуй, Ларион!

Лариосик. Вот, Витенька, какие ужасные происшествия!

Мышлаевский. Да, происшествия первого сорта.

Елена. На кого вы похожи! Идите грейтесь, я вам сейчас самовар поставлю.

Шервинский (от камина). Помочь вам, Лена?

Елена. Не надо. Я сама. (Убегает.)

Мышлаевский. Здоровеньки булы, пане личный адъютант. Чому ж це вы без аксельбантов?.. «Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте ваши части»... И прослезился. За ноги вашу мамашу!

Шервинский. Что означает этот балаганный тон?

Мышлаевский. Балаган получился, оттого и тон балаганный. Ты ж сулил и государя императора и за здоровье светлости пил. Кстати, где эта светлость теперь, в настоящее время?

Шервинский. Зачем тебе?

Мышлаевский. А вот зачем: если бы мне попалась сейчас эта самая светлость, взял бы я ее за ноги и хлопал бы головой о мостовую до тех пор, пока не почувствовал бы полного удовлетворения. А вашу штабную ораву в уборной следует утопить!

Шервинский. Господин Мышлаевский, прошу не забываться!

Мышлаевский. Мерзавцы!

Шервинский. Что-о?

Лариосик. Зачем же ссориться?

Студзинский. Сию же минуту, как старший, прошу прекратить этот разговор! Совершенно нелепо и ни к чему не ведет! Чего ты, в самом деле, пристал к человеку? Поручик, успокойтесь.

Шервинский. Поведение капитана Мышлаевского в последнее время нестерпимо... И главное — хамство! Я, что ль, виноват в катастрофе? Напротив, я всех вас предупредил. Если бы не я, еще вопрос, сидел бы он сейчас здесь живой или нет!

Студзинский. Совершенно верно, поручик. И мы вам очень признательны.

Елена (входит). Что такое? В чем дело?

Студзинский. Елена Васильевна, вы не волнуйтесь, все будет в полном порядке. Я вам ручаюсь. Идите к себе.

Елена уходит.

Виктор, извинись, ты не имеешь никакого права.

Мышлаевский. Ну, ладно, брось, Леонид! Я погорячился. Ведь такая обида!

Шервинский. Довольно странно...

Студзинский. Бросьте, совсем не до этого. (Садится к огню.)

Пауза.

Мышлаевский. Где Алеша с Николкой, в самом деле?

Студзинский. Я сам беспокоюсь... Пять минут жду, а после этого пойду навстречу...

Пауза.

Мышлаевский. Что ж, он, значит, при тебе ходу дал?

Шервинский. При мне: я был до последней минуты.

Мышлаевский. Замечательное зрелище! Дорого бы дал, чтобы присутствовать при этом! Что ж ты не пришиб его, как собаку?

Шервинский. Ты бы пошел и сам его пришиб!

Мышлаевский. Пришиб бы, будь спокоен. Что ж, он тебе сказал что-нибудь на прощанье?

Шервинский. Что ж, сказал! Обнял, поблагодарил за верную службу...

Мышлаевский. И прослезился?

Шервинский. Да, прослезился...

Лариосик. Прослезился? Скажите пожалуйста!..

Мышлаевский. Может быть, подарил что-нибудь на прощанье? Например, золотой портсигар с монограммой?

Шервинский. Да, подарил портсигар.

Мышлаевский. Вишь, черт!.. Ты меня извини, Леонид, боюсь, что ты опять рассердишься. Человек ты, в сущности, не плохой, но есть у тебя странности...

Шервинский. Что ты хочешь этим сказать?

Мышлаевский. Да как бы выразиться... Тебе бы писателем быть... Фантазия у тебя богатая... Прослезился... Ну а если бы я сказал: покажи портсигар!

Шервинский молча показывает портсигар.

Убил! Действительно монограмма!

Шервинский. Что нужно сказать, капитан Мышлаевский?

Мышлаевский. Сию минуту. При вас, господа, прошу у него извинения.

Ларисик. Я в жизни не видал такой красоты! Целый фунт, вероятно, весит?

Шервинский. Восемьдесят четыре золотника.

В окно стук.

Господа!..

Встают.

Мышлаевский. Не люблю фокусов... Почему не через дверь?..

Шервинский. Господа... револьверы... лучше выбросить. (*Прячет портсигар за камин.*)

Студзинский и Мышлаевский подходят к окну и, осторожно отодвинув шторы, выглядывают.

Студзинский. Ах, я себе простить не могу!

Мышлаевский. Что за дьявольщина!

Ларисик. Ах, боже мой! (*Кидается известить Елену.*) Елена...

Мышлаевский. Куда ты, черт?.. С ума сошел!.. Да разве можно!.. (*Зажимает ему рот.*)

Все выбегают. Пауза. Вносят Николку.

Ленку, Ленку надо убрать куда-нибудь... Боже мой! Алеша-то где же?.. Убить меня мало!.. Кладите, кладите... прямо на пол...

Студзинский. Лучше бы на диван. Ищи рану, рану ищи!

Шервинский. Голова разбита!..

Студзинский. Кровь в сапоге... Снимайте сапоги...

Шервинский. Давайте перенесем его... туда... Нельзя же на полу, в самом деле...

Студзинский. Лариосик! Живо несите подушку и одеяло. Кладите на диван.

Переносят Николку на диван.

Режь сапог!.. Режь сапог!.. У Алексея Васильевича бинты в кабинете.

Шервинский убегает.

Спирт захватите! Господи боже мой, как он подвернулся? Что такое?.. Где Алексей Васильевич?..

Шервинский прибегает с йодом и бинтами. Студзинский бинтует голову Николки.

Лариосик. Он умирает?

Николка (*приходя в себя*). О!

Мышлаевский. С ума сойти!.. Говори одно только слово: где Алешка?

Студзинский. Где Алексей Васильевич?

Николка. Господа...

Мышлаевский. Что?

Стремительно входит Елена.

Леночка, ты не волнуйся. Упал он и головой ударился. Страшного ничего нет.

Елена. Да его ранили! Что ты говоришь?

Николка. Нет, Леночка, нет...

Елена. А где Алексей? Где Алексей? (*Настойчиво.*) Ты же с ним был. Отвечай одно слово: где Алексей?

Мышлаевский. Что же теперь делать-то?

Студзинский (*Мышлаевскому*). Этого не может быть! Не может!..

Елена. Что же ты молчишь?

Николка. Леночка... Сейчас...
Елена. Не лги! Только не лги!

Мышлаевский делает знак Николке — «молчи».

Студзинский. Елена Васильевна...

Шервинский. Лена, что вы...

Елена. Ну, все понятно! Убили Алексея!

Мышлаевский. Что ты, что ты, Лена! С чего ты взяла?

Елена. Ты посмотри на его лицо. Посмотри. Да что мне лицо! Я ведь знала, чувствовала, еще когда он уходил, знала, что так кончится!

Студзинский (Николке). Говорите, что с ним?!

Елена. Ларион! Алешу убили...

Шервинский. Дайте воды...

Елена. Ларион! Алешу убили! Вчера вы с ним за столом сидели — помните? А его убили...

Лариосик. Елена Васильевна, миленькая...

Шервинский. Лена, Лена...

Елена. А вы?! Старшие офицеры! Старшие офицеры! Все домой пришли, а командира убили?..

Мышлаевский. Лена, пожалей нас, что ты говоришь?! Мы все исполняли его приказание. Все!

Студзинский. Нет, она совершенно права! Я кругом виноват! Нельзя было его оставить! Я старший офицер, и я свою ошибку поправлю!
(Берет револьвер.)

Мышлаевский. Куда? Нет, стой! Нет, стой!

Студзинский. Убери руки!

Мышлаевский. Что ж, я один останусь? Ты ни в чем ровно не виноват! Ни в чем! Я его видел последним, предупреждал и все исполнил. Лена!

Студзинский. Капитан Мышлаевский, сию минуту выпустите меня!

Мышлаевский. Отдай револьвер! Шервинский!

Шервинский. Вы не имеете права! Вы что, еще хуже сделать хотите? Вы не имеете права! (*Держит Студзинского.*)

Мышлаевский. Лена, прикажи ему! Все из-за твоих слов. Возьми у него револьвер!

Елена. Я от горя сказала. У меня помутилось в голове. Отдайте револьвер!

Студзинский (*истерически*). Никто не смеет меня упрекать! Никто! Никто! Все приказания полковника Турбина я исполнил!

Елена. Никто!.. Никто!.. Я обезумела.

Мышлаевский. Николка, говори... Лена, будь мужественна. Мы его найдем... Найдем... Говори начистоту...

Николка. Убили командира...

Елена падает в обморок.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Через два месяца. Крещенский сочельник 1919 года. Квартира освещена. Елена и Лариосик убирают елку.

Лариосик (на лесенке). Я полагаю, что эта звезда... (Таинственно прислушивается.)

Елена. Что вы?

Лариосик. Нет, это мне показалось... Елена Васильевна, уверяю вас, это конец. Они возьмут город.

Елена. Не спешите, Лариосик, ничего еще не известно.

Лариосик. Верный признак — стрельбы нет. Откровенно вам признаюсь, Елена Васильевна, за эти последние два месяца мне страшно надоела стрельба. Я не люблю...

Елена. Я разделяю ваш вкус.

Лариосик. Я полагаю, что эта звезда здесь будет очень уместна.

Елена. Слезайте, Лариосик, а то я боюсь, что вы себе голову разобьете.

Лариосик. Ну что вы, Елена Васильевна!.. Елка на ять, как говорит Витенька. Хотел бы я видеть человека, который бы сказал, что елка некрасива! Ах, Елена Васильевна, если бы вы знали!.. Елка напоминает мне невозвратные дни моего детства в Житомире... Огни... Елочка зеленая... (Пауза.)

Впрочем, здесь мне лучше, гораздо лучше, чем в детстве. Вот отсюда я никуда бы не ушел... Так бы просидел весь век под елкой у ваших ног и никуда бы не ушел...

Елена. Вы бы соскучились. Вы страшный поэт, Лариосик.

Лариосик. Нет, уж какой я поэт! Куда там, к чер... Ах, извините, Елена Васильевна!

Елена. Прочтите, прочтите что-нибудь новенькое. Ну прочтите. Мне очень нравятся ваши стихи. Вы очень способный.

Лариосик. Вы искренно говорите?

Елена. Совершенно искренно.

Лариосик. Ну хорошо... Я прочту... Я прочту... Посвящается... Ну, одним словом, посвящается... Нет, не буду я вам читать стихи.

Елена. Почему?

Лариосик. Нет, зачем?..

Елена. А кому посвящается?

Лариосик. Одной женщине.

Елена. Секрет?

Лариосик. Секрет. Вам.

Елена. Спасибо вам, милый.

Лариосик. Что мне спасибо!.. Из спасибо шинели не сошьешь... Ой, извините, Елена Васильевна, это я от Мышлаевского заразился. Вы знаете, такие выражения вырываются...

Елена. Я вижу. По-моему, вы в Мышлаевского влюблены.

Лариосик. Нет. Я в вас влюблен.

Елена. Не надо в меня влюбляться, Лариосик, не надо.

Лариосик. Знаете что? Выйдите за меня замуж.

Елена. Вы трогательный человек. Только это невозможно.

Лариосик. Он не вернется!.. А как же вы будете одна? Одна, без поддержки, без участия. Ну, правда, я поддержка довольно парши... слабая, зато я вас очень буду любить. Всю жизнь. Вы — мой идеал. Он не придет. Теперь в особенности, когда наступают большевики... Он не вернется!

Елена. Он не вернется. Но не в этом дело. Если бы он даже и вернулся, все равно моя жизнь с ним кончена.

Лариосик. Его отрезали... Я не мог смотреть на вас, когда он уехал. У меня сердце кровью обливалось. Ведь на вас было страшно смотреть, ей-богу...

Елена. Разве я такая плохая была?

Лариосик. Ужас! Кошмар! Худая-прехудая... Лицо — желтое-прежелтое...

Елена. Что вы выдумываете, Ларион!

Лариосик. Ой... действительно, черт те что... Но теперь вы лучше, гораздо лучше... Вы теперь румяная-прерумяная...

Елена. Вы, Лариосик, неподражаемый человек. Идите ко мне, я вас в лоб поцелую.

Лариосик. В лоб? Ну, в лоб — так в лоб!

Елена целует его в лоб.

Конечно, разве можно меня полюбить!

Елена. Очень даже можно. Только у меня есть роман.

Лариосик. Что? Роман! У кого? У вас? У вас роман? Не может быть!

Елена. Разве уж я не гожусь?

Лариосик. Вы — святая! Вы... А кто он? Я его знаю?

Елена. И очень хорошо.

Лариосик. Очень хорошо знаю?.. Стойте... Кто же? Стойте, стойте, стойте!.. Молодой человек... вы ничего не видали... Ходи с короля, а дам не трогай... А я думал, что это сон. Проклятый счастливец!

Елена. Лариосик! Это нескромно!

Лариосик. Я ухожу... Я ухожу...

Елена. Куда, куда?

Лариосик. Пойду к армянину за водкой и напьюсь до бесчувствия...

Елена. Так я вам и позволила... Ларион, я буду вам другом.

Лариосик. Читал, читал в романах... Как «другом буду» — значит, конечно, крышка! Конец! *(Надевает пальто.)*

Елена. Лариосик! Возвращайтесь скорее! Скоро гости придут!

Лариосик, открыв дверь, сталкивается в передней с входящим Шервинским. Тот в мерзкой шляпе и изодранном пальто, в синих очках.

Шервинский. Здравствуйте, Елена Васильевна! Здравствуйте, Ларион!

Лариосик. А... здравствуйте... здравствуйте. *(Исчезает.)*

Елена. Бог мой! На кого вы похожи!

Шервинский. Ну, спасибо, Елена Васильевна. Я уж попробовал! Сегодня еду на извозчике, а уже какие-то пролетарии по тротуарам так и шныряют, так и шныряют. И один говорит таким ласковым голоском: «Ишь, украинский барин! Пого-

ди, говорит, до завтра. Завтра мы вас с извозчиков поснимаем!» У меня глаз опытный. Я, как на него посмотрел, сразу понял, что надо ехать домой и переодеваться. Поздравляю вас, — Петлюре крышка!

Елена. Что вы говорите?!

Шервинский. Сегодня ночью красные будут. Стало быть, Советская власть и тому подобное!

Елена. Чему же вы радуетесь? Можно подумать, что вы сами большевик!

Шервинский. Я сочувствующий! А пальтишко я у дворника напрокат взял. Это — беспартийное пальтишко.

Елена. Сию минуту извольте снять эту гадость!

Шервинский. Слушаю-с! *(Снимает пальто, шляпу, калоши, очки, остается в великолепном фрачном костюме.)* Вот, поздравьте, только что с дебюта. Пел и принят.

Елена. Поздравляю вас.

Шервинский. Лена, никого дома нет? Как Николка?

Елена. Спит...

Шервинский. Лена, Лена...

Елена. Пустите.... Пойдите, зачем же вы сбрили баки?

Шервинский. Гримироваться удобнее.

Елена. Большевиком вам так удобнее гримироваться. У, хитрое, малодушное создание! Не бойтесь, никто вас не тронет.

Шервинский. Ну пусть попробуют тронуть человека, у которого две полные октавы в голосе да еще две ноты наверху!.. Леночка! Можно объяснить?

Елена. Объяснитесь.

Шервинский. Лена! Вот все кончилось... Ни-

колка выздоравливает... Петлюру выгоняют... Я де-бютировал... Теперь начинается новая жизнь. Больше томиться нам невозможно. Он не придет. Его отрезали, Лена! Я не плохой, ей-богу!.. Я не плохой. Ты посмотри на себя. Ты одна. Ты чахнешь...

Елена. Ты справишься?

Шервинский. А от чего мне, Леночка, исправляться?

Елена. Леонид, я стану вашей женой, если вы изменитесь. И прежде всего перестанете лгать!

Шервинский. Неужели я такой лгун, Леночка?

Елена. Вы не лгун, а бог тебя знает, какой-то пустой, как орех... Что такое?! Государя императора в портьере видел. И прослезился... И ничего подобного не было. Эта длинная — меццо-сопрано, а оказывается, она — просто продавщица в кофейне Семадени...

Шервинский. Леночка, она очень недолго служила, пока без ангажемента была.

Елена. У нее, кажется, был ангажемент!

Шервинский. Лена! Клянусь памятью покойной мамы, а также и папы — у нас ничего не было. Я ведь сирота.

Елена. Мне все равно. Мне неинтересны ваши грязные тайны. Важно другое: чтобы ты перестал хвастать и лгать. Единственный раз сказал правду, когда говорил про портсигар, и то никто не поверил, доказательство пришлось предъявлять. Фу!.. Срам... Срам...

Шервинский. Про портсигар я именно все наврал. Гетман мне его не дарил, не обнимал и не прослезился. Просто он его на столе забыл, а я его спрятал.

Елена. Стащил со стола?

Шервинский. Спрятал. Это историческая ценность.

Елена. Боже мой, этого еще не доставало! Дайте его сюда! (*Отбирает портсигар и прячет.*)

Шервинский. Леночка, папиросы там — мои.

Елена. Счастлив ваш бог, что вы догадались мне об этом сказать. А если бы я сама узнала?..

Шервинский. А как бы вы узнали?

Елена. Дикарь!

Шервинский. Вовсе нет. Леночка, я страшно изменился. Сам себя не узнаю, честное слово! Катастрофа на меня подействовала или смерть Алеши... Я теперь иной. А материально ты не беспокойся, Ленуша, я ведь — ого-го... Сегодня на дебюте спел, а директор мне говорит: «Вы, говорит, Леонид Юрьевич, изумительные надежды подаете. Вам бы, говорит, надо ехать в Москву, в Большой театр...» Подошел ко мне, обнял меня и...

Елена. И что?

Шервинский. И ничего... Пошел по коридору...

Елена. Неисправим!

Шервинский. Лена!

Елена. Что ж мы будем делать с Тальбергом?

Шервинский. Развод. Развод. Ты адрес его знаешь? Телеграмму ему и письмо о том, что все кончено! Кончено!

Елена. Ну хорошо! Скучно мне и одиноко. Тоскливо. Хорошо! Я согласна!

Шервинский. Ты победил, Галилеянин! Лена! (*Поет.*) И будешь ты царицей ми-и-и-ра... «Соль» чистое! (*Указывает на портрет Тальберга.*)

Я требую выбросить его вон! Я его видеть не могу!

Елена. Ого, какой тон!

Шервинский (ласково). Я его, Леночка, видеть не могу. (Выламывает портрет из рамы и бросает его в камин.) Крыса! И совесть моя чиста и спокойна!

Елена. Тебе жабо очень пойдет... Красив ты, что говорить!..

Шервинский. Мы не пропадем...

Елена. О, за тебя-то я не боюсь!.. Ты не пропадешь!

Шервинский. Лена, идем к тебе... Я спою, ты проаккомпанируешь... Ведь мы два месяца не виделись. Все на людях да на людях.

Елена. Да ведь придут сейчас.

Шервинский. А мы тогда вернемся обратно.

Уходят, закрывают дверь. Слышен рояль. Шервинский великолепным голосом поет эпиталаму из «Нерона».

Николка (входит, в черной шапочке, на костылях. Бледен и слаб. В студенческой тужурке). А!.. Репетируют! (Видит раму портрета.) А!.. Вышибли. Понимаю... Я давно догадывался. (Ложится на диван.)

Лариосик (появляется в передней). Николаша! Встал? Один? Подожди, сейчас подушку тебе принесу. (Приносит подушку Николке.)

Николка. Не беспокойся, Ларион, не нужно. Спасибо. Видно, Ларион, я так калекой и останусь.

Лариосик. Ну что ты, что ты, Николаша, как тебе не стыдно!

Николка. Слушай, Ларион, что их-то еще нету?

Лариосик. Нет еще, но скоро будут. Ты знаешь, иду сейчас по улице — обозы, обозы, и на них эти, с хвостами. Видно, здорово поколотили их большевики.

Николка. Так им и надо!

Лариосик. Но тем не менее я водочки достал! Единственный раз в жизни мне повезло! Думал, ни за что не достану. Такой уж я человек! Погода была великолепная, когда я выходил. Небо ясно, звезды блещут, пушки не стреляют... Все обстоит в природе благополучно. Но стоит мне показаться на улице — обязательно пойдет снег. И действительно, вышел — и мокрый снег лепит в самое лицо. Но бутылочку достал!.. Пусть знает Мышлаевский, на что я способен. Два раза упал, затылком трахнулся, но бутылку держал в руках.

Голос Шервинского. «Ты любовь благословляешь...»

Николка. Смотри, видишь?.. Потрясающая новость! Елена расходится с мужем. Она за Шервинского выйдет.

Лариосик (*роняет бутылку*). Уже?

Николка. Э, Лариосик, э-э!.. Что ты, Ларион, что ты?.. А-а... понимаю! Тоже врезался?

Лариосик. Никол, когда речь идет о Елене Васильевне, такие слова, как «врезался», неуместны. Понял? Она золотая!

Николка. Рыжая она, Ларион, рыжая. Прямо несчастье! Оттого всем и нравится, что рыжая. Как кто увидит, сейчас букеты начинает таскать. Так что у нас все время в квартире букеты, как веники, стояли. А Тальберг злился. Ну, ты осколки соберай, а то сейчас Мышлаевский явится, он тебя убьет.

Лариосик. Ты ему не говори. (Собирает осколки.)

Звонок. Лариосик впускает Мышлаевского и Студзинского. Оба в штатском.

Мышлаевский. Красные разбили Петлюру! Войска Петлюры город оставляют!

Студзинский. Да-да! Красные уже в Слободке. Через полчаса будут здесь.

Мышлаевский. Завтра, таким образом, здесь получится советская республика... Позвольте, водкой пахнет! Кто пил водку раньше времени? Сознвайтесь. Что ж это делается в этом богоспасаемом доме!.. Вы водкой полы моете?!.. Я знаю, чья это работа! Что ты все бьешь?! Что ты все бьешь! Это в полном смысле слова золотые руки! К чему ни приронется — бац, осколки! Ну если уж у тебя такой зуд — бей сервизы!

За сценой все время рояль.

Лариосик. Какое ты имеешь право делать мне замечания! Я не желаю!

Мышлаевский. Что это на меня все кричат? Скоро бить начнут! Впрочем, я сегодня добрый почему-то. Мир, Ларион, я на тебя не сержусь.

Николка. А почему стрельбы нет?

Мышлаевский. Тихо, вежливо идут. И без всякого боя!

Лариосик. А главное, удивительнее всего, что все радуются, даже буржуи недорезанные. До того всем Петлюра надоел!

Николка. Интересно, как большевики выглядят?

Мышлаевский. Увидишь, увидишь.

Л а р и о с и к. Капитан, ваше мнение?

С т у д з и н с к и й. Не знаю, ничего не понимаю теперь. Лучше всего нам подняться и уйти вслед за Петлюрой. Как мы, белогвардейцы, уживемся с большевиками, не представляю себе!

М ы ш л а е в с к и й. Куда за Петлюрой?

С т у д з и н с к и й. Пристроиться к какому-нибудь обозу и уйти в Галицию.

М ы ш л а е в с к и й. А потом куда?

С т у д з и н с к и й. А там на Дон, к Деникину, и биться с большевиками.

М ы ш л а е в с к и й. Опять, значит, к генералам под команду? Это очень остроумный план. Жаль, что лежит Алешка в земле, а то бы он много интересного мог рассказать про генералов. Но жаль, успокоился командир.

С т у д з и н с к и й. Не терзай мою душу, не вспоминай.

М ы ш л а е в с к и й. Нет, позвольте, его нет, позвольте, я поговорю... Опять в армию, опять биться?.. И прослезился?.. Спасибо, спасибо, я уже смеялся. В особенности когда Алешку повидал в анатомическом театре.

Николка заплакал.

Л а р и о с и к. Николаша, Николаша, что ты, погоди!

М ы ш л а е в с к и й. Довольно! Я воюю с девятьсот четырнадцатого года. За что? За отечество? А это отечество, когда бросили меня на позор?!.. И я опять иди к этим светлостям?! Ну нет. Видали? (Показывает шиш.) Шиш!

С т у д з и н с к и й. Изъясняйся, пожалуйста, словами.

Мышлаевский. Я сейчас изъяснюсь, будьте благонадежны. Что я, идиот, в самом деле? Нет, я, Виктор Мышлаевский, заявляю, что больше я с этими мерзавцами генералами дела не имею. Я кончил!

Лариосик. Виктор Мышлаевский большевиком стал.

Мышлаевский. Да, ежели угодно, я за большевиков!

Студзинский. Виктор, что ты говоришь?!

Мышлаевский. Я за большевиков, но только против коммунистов.

Студзинский. Это смешно. Надо понимать, о чем ты говоришь.

Лариосик. Позволь тебе сказать, что это одно и то же: большевизм и коммунизм.

Мышлаевский (*передразнивая*). «Большевизм и коммунизм». Ну, тогда и за коммунистов...

Студзинский. Слушай, капитан, ты упомянул слово «отечество». Какое же отечество, когда большевики? Россия кончена. Вот помнишь, командир говорил, и командир был прав: вот они, большевики!..

Мышлаевский. Большевики?.. Великолепно! Очень рад!

Студзинский. Да ведь они тебя мобилизуют.

Мышлаевский. И пойду, и буду служить. Да!

Студзинский. Почему?!

Мышлаевский. А вот почему! Потому! Потому что у Петлюры, вы говорили, сколько? Двести тысяч! Вот эти двести тысяч пятки салом подмазали и дуют при одном слове «большевики». Видал? Чисто! Потому что за большевиками мужички тучей... А я им всем что могу противопоставить? Рей-

тузы с кантом? А они этого канта видеть не могут... Сейчас же за пулеметы берутся. Не угодно ли... Спереди красногвардейцы, как стена, сзади спекулянты и всякая рвань с гетманом, а я посередине? Слуга покорный! Нет, мне надоело изображать навоз в проруби. Пусть мобилизуют! По крайней мере буду знать, что я буду служить в русской армии. Народ не с нами. Народ против нас. Алешка был прав!

Студзинский. Да какая же, к черту, русская армия, когда они Россию прикончили?! Да они нас все равно расстреляют!

Мышлаевский. И отлично сделают! Заберут в Чека, обложат и выведут в расход. И им спокойнее, и нам...

Студзинский. Я с ними буду биться!

Мышлаевский. Пожалуйста, надевай шинель! Валяй! Дуй!.. Шпарь к большевикам, кричи им: не пушу! Николку с лестницы уже сбросили раз! Голову видал? А тебе ее и вовсе оторвут. И правильно— не лезь. Теперь пошли дела не наши!

Лариосик. Я против ужасов гражданской войны. В сущности, зачем проливать кровь?

Мышлаевский. Ты на войне был?

Лариосик. У меня, Витенька, белый билет. Слабые легкие. И, кроме того, я единственный сын у моей мамы.

Мышлаевский. Правильно, товарищ белобилетник.

Студзинский. Была у нас Россия — великая держава!..

Мышлаевский. И будет!.. Будет!

Студзинский. Да, будет, будет — ждите!

Мышлаевский. Прежней не будет, новая будет. Новая! А ты вот что мне скажи. Когда вас рас-

хлопают на Дону — а что вас расхлопают, я вам предсказываю, — и когда ваш Деникин даст деру за границу — а я вам это тоже предсказываю, — тогда куда?

Студзинский. Тоже за границу.

Мышлаевский. Нужны вы там, как пушке третье колесо! Куда ни приедете, в харю наплюют от Сингапура до Парижа. Я не поеду, буду здесь, в России. И будь с ней что будет!.. Ну и конечно, довольно, я закрываю собрание.

Студзинский. Я вижу, что я одинок.

Шервинский (вбегает). Подождите, подождите, не закрывайте собрания. Я имею внеочередное заявление. Елена Васильевна Тальберг разводится с мужем своим, бывшим полковником генерального штаба Тальбергом, и выходит... (Кланяется, указывая рукой на себя.)

Входит Елена.

Лариосик. А!..

Мышлаевский. Брось, Ларион, куда нам с суконным рылом в калашный ряд. Лена ясная, позовь, я тебя обниму и поцелую.

Студзинский. Поздравляю вас, Елена Васильевна.

Мышлаевский (идет за Лариосиком, убежавшим в переднюю). Ларион, поздравь — неудобно! Потом опять сюда придешь.

Лариосик (Елене). Поздравляю вас и желаю вам счастья. (Шервинскому.) Поздравляю вас... поздравляю.

Мышлаевский. Но ты молодец, молодец! Ведь какая женщина! По-английски говорит, на фортепьянах играет, а в то же время самоварчик может

поставить. Я сам бы на тебе, Лена, с удовольствием женился.

Елена. Я бы за тебя, Витенька, не вышла.

Мышлаевский. Ну и не надо. Я тебя и так люблю. А сам я по преимуществу человек холостой и военный. Люблю, чтобы дома было уютно, без женщин и детей, как в казарме... Ларион, наливай! Поздравить надо!

Шервинский. Погодите, господа! Не пейте это вино! Я вам сейчас принесу. Вы знаете, какое это вино! Ого-го-го!.. *(Взглянул на Елену, увял.)* Ну так, среднее винишко. Обыкновенное Абрау-Дюрсо.

Мышлаевский. Лена, твоя работа! Женись, Шервинский... ты совершенно здоров! Ну, поздравляю вас и желаю вам...

Дверь в переднюю открывается, входит Тальберг, в штатском пальто, с чемоданом.

Студзинский. Господа! Владимир Робертович... Владимир Робертович...

Тальберг. Мое почтение.

Мертвая пауза.

Мышлаевский. Это номер!

Тальберг. Здравствуй, Лена! Вы как будто удивлены?

Пауза.

Немного странно! Казалось бы, я мог больше удивляться, застав на своей половине столь веселую компанию в столь трудное время. Здравствуй, Лена. Что это значит?

Шервинский. А вот что...

Елена. Погоди... Господа, выйдите все на минутку, оставьте нас вдвоем с Владимиром Робертовичем.

Шервинский. Лена, я не хочу!

Мышлаевский. Постой, постой... Все уладим. Соблюдай спокойствие... Нам выкатываться, Леночка?

Елена. Да.

Мышлаевский. Я знаю, ты умница. В случае чего кликни меня. Персонально. Ну что ж, господа, покурим, пойдем к Лариону. Ларион, забирай подушку и идем.

Все уходят, причем Лариосик почему-то на цыпочках.

Елена. Прошу вас.

Тальберг. Что все это значит? Прошу объяснить.

Пауза.

Что за шутки? Где Алексей?

Елена. Алексея убили.

Тальберг. Не может быть!.. Когда?

Елена. Два месяца тому назад, через два дня после вашего отъезда.

Тальберг. Ах, боже мой, это ужасно! Но ведь я же предупреждал. Ты помнишь?

Елена. Да, помню. А Николка — калека.

Тальберг. Конечно, все это ужасно... Но ведь я же не виноват во всей этой истории... И согласись, это никак не причина для устройства такой, я бы сказал, глупой демонстрации.

Пауза.

Елена. Скажите, как же вы вернулись? Ведь сегодня большевики уже будут...

Тальберг. Я прекрасно в курсе дела. Гетманщина оказалась глупой опереткой. Немцы нас обманули. Но в Берлине мне удалось достать командировку на Дон, к генералу Краснову. Киев надо бросить немедленно... времени нету... Я за тобой.

Елена. Я, видите ли, с вами развожусь и выхожу замуж за Шервинского.

Тальберг (после долгой паузы). Хорошо! Очень хорошо! Воспользоваться моим отсутствием для устройства пошлого романа...

Елена. Виктор!..

Входит Мышлаевский.

Мышлаевский. Лена, ты меня уполномочишь объяснитьсь?

Елена. Да! (Уходит.)

Мышлаевский. Понял. (Подходит к Тальбергу). Ну? Вон!.. (Ударяет его.)

Тальберг растерян. Идет в переднюю, уходит.

Мышлаевский. Лена! Персонально!

Входит Елена.

Уехал. Дает развод. Очень мило поговорили.

Елена. Спасибо, Виктор! (Целует его и убегает.)

Мышлаевский. Ларион!

Лариосик (входит). Уже уехал?

Мышлаевский. Уехал!

Лариосик. Ты гений, Витенька!

Мышлаевский. «Я гений — Игорь Северя-

нин». Туши свет, зажигай елку и сыграй какой-нибудь марш.

Лариосик тушит свет в комнате, освещает елку электрическими лампочками, выбегает в соседнюю комнату. Марш.

Господа, прошу!

Входят Шервинский, Студзинский, Николка и Елена.

Студзинский. Очень красиво! И как стало сразу уютно!

Мышляевский. Ларионова работа. Ну, теперь позвольте вас поздравить по-настоящему. Ларион, довольно!

Входит Лариосик с гитарой, передает ее Николке.

Поздравляю тебя, Лена ясная, раз и навсегда. Забудь обо всем. И вообще — ваше здоровье! (Поет.)

Николка (*трогает струны гитары, поет*).

Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль на радость соседей-врагов
Могильной засыплюсь землею?
Так громче, музыка, играй победу,
Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит!

Мышляевский (*поет*).

Так за Совет Народных Комиссаров...

Все, кроме Студзинского, подхватывают:

Мы грянем громкое «Ура! Ура! Ура!»

Студзинский. Ну, это черт знает что!.. Как вам не стыдно!

Николка (запевает).

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник...

Лариосик. Замечательно!.. Огни... елочка...

Мышлаевский. Ларион! Скажи нам речь!

Николка. Правильно, речь!..

Лариосик. Я, господа, право, не умею! И, кроме того, я очень застенчив.

Мышлаевский. Ларион говорит речь!

Лариосик. Что ж, если обществу угодно, я скажу. Только прошу извинить: ведь я не готовился. Господа! Мы встретились в самое трудное и страшное время, и все мы пережили очень, очень много... и я в том числе. Я пережил жизненную драму... И мой утлый корабль долго трепало по волнам гражданской войны...

Мышлаевский. Как хорошо про корабль...

Лариосик. Да, корабль... Пока его не прибило в эту гавань с кремовыми шторами, к людям, которые мне так понравились... Впрочем, и у них я застал драму... Ну, не стоит говорить о печалях. Время повернулось. Вот сгинул Петлюра... Все живы... да... мы все снова вместе... И даже больше того: вот Елена Васильевна, она тоже пережила очень и очень много и заслуживает счастья, потому что она замечательная женщина. И мне хочется сказать ей словами писателя: «Мы отдохнем, мы отдохнем...»

Далекie пушечные удары.

Мышлаевский. Так-с!.. Отдохнули!.. Пять... шесть... девять!..

Елена. Неужто бой опять?

Шервинский. Нет. Это салют!

Мышляевский. Совершенно верно: шестидюймовая батарея салютует.

За сценой издалека, все приближаясь, оркестр играет «Интернационал».

Господа, слышите? Это красные идут!

Все идут к окну.

Николка. Господа, сегодняшний вечер — великий пролог к новой исторической пьесе.

Студзинский. Кому — пролог, а кому — эпилог.

Бег

Бег

ВОСЕМЬ СЛОВ

Пьеса в четырех действиях

Бессмертье — тихий, светлый брег;

Наш путь — к нему стремленье.

Покойся, кто свой кончил бег!..

Жуковский

Действующие лица:

Серафима Владимировна Корзухина — молодая петербургская дама.

Сергей Павлович Голубков — сын профессора-идеалиста из Петербурга.

Африкан — архиепископ симферопольский и карасубазарский, архипастырь именитого воинства, он же химик Махров.

Пансий — монах.

Дряхлый игумен.

Баев — командир полка в конармии Буденного.

Буденовец.

Григорий Лукьянович Чарнота — запорожец по происхождению, кавалерист, генерал-майор в армии белых.

Барabanчикова — дама, существующая исключительно в воображении генерала Чарноты.

Люська — походная жена генерала Чарноты.

Крапилин — вестовой Чарноты, человек, погибший из-за своего красноречия.

Дебризар — командир гусарского полка у белых.

Роман Валерьянович Хлудов.

Голован — есаул, адъютант Хлудова.

Комендант станции.
Начальник станции.
Николаевна — жена начальника станции.
Олька — дочь начальника станции, 4-х лет.
Парамон Ильич Корзухин — муж Серафимы.
Тихий — начальник контрразведки.
Скунский }
Гурин } служащие в контрразведке.
Белый главнокомандующий.
Личико в кассе.
Артур Артурович — тараканий царь.
Фигура в котелке и в интендантских погонах.
Турчанка, любящая мать.
Проститутка-красавица.
Грек-донжуан.
Антуан Грищенко — лакей Корзухина.
Монахи, белые штабные офицеры, конвойные казаки Белого главнокомандующего, контрразведчики, казаки в бурках, английские, французские и итальянские моряки, турецкие и итальянские полицейские, мальчишки турки и греки, армянские и греческие головы в окнах, толпа в Константинополе.

Сон первый происходит в Северной Таврии в октябре 1920 года. Сны второй, третий и четвертый — в начале ноября 1920 года в Крыму.

Пятый и шестой — в Константинополе летом 1921 года.

Седьмой — в Париже осенью 1921 года.

Восьмой — осенью 1921 года в Константинополе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СОН ПЕРВЫЙ

...Мне снился монастырь...

Слышно, как хор монахов в подземелье поет глухо: «Святителю отче Николае, моли бога о нас...»

Тьма, а потом появляется скупое освещенная свечечками, прилепленными у икон, внутренность монастырской церкви. Неверное пламя выдирает из тьмы конторку, в коей продают свечи, широкую скамейку возле нее, окно, забранное решеткой, шоколадный лик святого, полинявшие крылья серафимов, золотые венцы. За окном безотрадный октябрьский вечер с дождем и снегом. На скамейке, укрытая с головой попоной, лежит Баранчикова.

Химик Махров, в бараньем тулупе, примостился у окна и все силится в нем что-то разглядеть...

В высоком игуменском кресле сидит Серафима, в черной шубе. Судя по лицу, Серафиме нездоровится.

У ног Серафимы на скамеечке, рядом с чемоданом,— Голубков, петербургского вида молодой человек в черном пальто и в перчатках.

Голубков (*прислушиваясь к пению*). Вы слышите, Серафима Владимировна? Я понял, у них внизу подземелье... В сущности, как странно все это! Вы знаете, временами мне начинает казаться, что я вижу сон, честное слово! Вот уже месяц, как мы бежим с вами, Серафима Владимировна, по всяким и городам, и, чем дальше, тем непонятнее становится кругом... видите, вот уж и в церковь мы с вами по-

пали! И знаете ли, когда сегодня случилась вся эта кутерьма, я заскучал по Петербургу, ей-богу! Вдруг так отчетливо вспомнилась мне зеленая лампа в кабинете...

Серафима. Эти настроения опасны, Сергей Павлович. Берегитесь затосковать во время скитаний. Не лучше ли было бы вам остаться?

Голубков. О нет, нет, это бесповоротно, и пусть будет что будет! И потом, ведь вы уже знаете, что скрашивает мой тяжелый путь... С тех пор как мы случайно встретились в теплушке под тем фонарем, помните... прошло ведь, в сущности, немного времени, а между тем мне кажется, что я знаю вас уже давно-давно! Мысль о вас облегчает этот полет в осенней мгле, и я буду горд и счастлив, когда донесу вас в Крым и сдам вашему мужу. И хотя мне будет скучно без вас, я буду радоваться вашей радостью.

Серафима молча кладет руку на плечо Голубкову.

(*Погладив ее руку.*) Позвольте, да у вас жар?

Серафима. Нет, пустяки.

Голубков. То есть как пустяки? Жар, ей-богу, жар!

Серафима. Вздор, Сергей Павлович, пройдет...

Мягкий пушечный удар. Барабанчикова шевельнулась и про-
стонала.

Послушайте, madame, вам нельзя оставаться без помощи. Кто-нибудь из нас проберется в поселок, там, наверно, есть акушерка.

Голубков. Я сбегаю.

Барабанчикова молча схватывает его за полу пальто.

Серафима. Почему же вы не хотите, голубушка?

Барабанчикова (капризно). Не надо.

Серафима и Голубков в недоумении.

Махров (тихо, Голубкову). Загадочная и всяма загадочная особа!

Голубков (шепотом). Вы думаете, что...

Махров. Я ничего не думаю, а так... лихолетье, сударь, мало ли кого не встретишь на своем пути! Лежит какая-то странная дама в церкви...

Пение под землей смолкает.

Паисий (появляется бесшумно, черен, испуган). Документики, документики приготовьте, господа честные! (Задует все свечи, кроме одной.)

Серафима, Голубков и Махров достают документы. Барабанчикова высовывает руку и выкладывает на попону паспорт.

Баев (входит, в коротком полушубке, забрызган грязью, возбужден. За Баевым — Буденовец с фонарем). А чтоб их черт задавил, этих монахов! У, гнездо! Ты, святой папаша, где винтовая лестница на колокольню?

Паисий. Здесь, здесь, здесь...

Баев (Буденовцу). Посмотри.

Буденовец с фонарем исчезает в железной двери.

(Паисию.) Был огонь на колокольне?

Паисий. Что вы, что вы! Какой огонь?

Баев. Огонь мерцал! Ну, ежели я что-нибудь на колокольне обнаружу, я вас всех до единого и с вашим седым шайтаном к стенке поставлю! Вы фонарями белым махали!

Паисий. Господи! Что вы?!

Баев. А эти кто такие? Ты же говорил, что в монастыре ни одной души посторонней нету!

Паисий. Беженцы они, бе...

Серафима. Товарищ, нас всех застиг обстрел в поселке, мы и бросились в монастырь. (Указывает на Барabanчикову.) Вот женщина, у нее роды начинаются...

Баев (подходит к Барabanчиковой, берет паспорт, читает). Барabanчикова, замужняя...

Паисий (сатанея от ужаса, шепчет). Господи господи, только это пронеси! (Готов убежать.) Святой славный великомученик Димитрий...

Баев. Где муж?

Барabanчикова простонала.

Баев. Нашла время, место рожать! (Махрову.) Документ!

Махров. Вот документик! Я — химик из Мариуполя.

Баев. Много вас тут химиков во фронтовой полосе!

Махров. Я продукты ездил покупать, огурчики...

Баев. Огурчики!

Буденовец (появляется внезапно). Товарищ Баев! На колокольне ничего не обнаружил, а вот что... (Шепчет на ухо Баеву.)

Баев. Да что ты! Откуда?

Буденовец. Верно говорю. Главное, темно, товарищ командир.

Баев. Ну ладно, ладно, пошли. (Голубкову, который протягивает свой документ.) Некогда, не-

когда, после. (*Паисию.*) Монахи, стало быть, не вмешиваются в гражданскую войну?

Паисий. Нет, нет, нет...

Баев. Только молитесь? А вот за кого вы молитесь, интересно было бы знать? За черного барона или за Советскую власть? Ну ладно, до скорого свидания, завтра разберемся! (*Уходит вместе с Буденовцем.*)

За окнами послышалась глухая команда, и все стихло, как бы ничего и не было.

Паисий жадно и часто крестится, зажигает свечи и исчезает.

Махров. Расточились... Недаром сказано: и даст им начертание на руках или на челах их... Звезды-то пятиконечные, обратили внимание?

Голубков (*шепотом, Серафиме*). Я совершенно теряюсь, ведь эта местность в руках у белых, откуда же красные взялись? Внезапный бой?.. Отчего все это произошло?

Барабанчикова. Это оттого произошло, что генерал Крапчиков задница, а не генерал! (*Серафиме.*) Пардон, мадам.

Голубков (*машинально.*) Ну?

Барабанчикова. Ну что — ну? Ему прислали депешу, что конница красная в тылу, а он, язви его душу, расшифровку отложил до утра и в винт сел играть.

Голубков. Ну?

Барабанчикова. Мальй в червах объявил.

Махров (*тихо*). Ого-го, до чего интересная особа!

Голубков. Простите, вы, по-видимому, в курсе дела: у меня были сведения, что здесь, в Курчулане, должен был быть штаб генерала Чарноты...

Барабанчикова. Вот какие у вас подробные сведения! Ну, был штаб, как не быть. Только он весь вышел.

Голубков. А куда же он удалился?

Барабанчикова. Совершенно определенно — в болото.

Махров. А откуда вам все это известно, мадам?

Барабанчикова. Очень, уж ты, архипастырь, любопытен!

Махров. Позвольте, почему вы именуете меня архипастырем?

Барабанчикова. Ну ладно, ладно, это скучный разговор, отойдите от меня.

Паисий вбегает, опять тушит свечи все, кроме одной, смотрит в окно.

Голубков. Что еще?

Паисий. Ох, сударь, и сами не знаем, кого нам еще господь послал, и будем ли мы живы к ночи! *(Исчезает так, что кажется, будто он проваливается сквозь землю.)*

Послышался многокопытный топот, в окне затанцевали отблески пламени.

Серафима. Пожар?

Голубков. Нет, это факелы. Ничего не понимаю, Серафима Владимировна! Белые войска, клянусь, белые! Свершилось! Серафима Владимировна, слава богу, мы опять в руках белых! Офицеры в погонах!

Барабанчикова *(садится, кутаясь в попону)*. Ты, интеллигент проклятый, заткнись мгновенно! «Погоны», «погоны»! Здесь не Петербург, а Тав-

рия, коварная страна! Если на тебя погоны нацепить, это еще не значит, что ты стал белый! А если отряд переодетый? Тогда что?

Вдруг мягко ударил колокол.

Ну, зазвонили! Засыпались монахи-идиоты! (Голубкову.) Какие штаны на них?

Голубков. Красные!.. А вон еще въехали, у тех синие с красными боками...

Барabanчикова. «Въехали с боками»!.. Черт тебя возьми! С лампасами?

Послышалась глухая команда де Бризара: «Первый эскадрон, слезай!»

Что такое? Не может быть! Его голос! (Голубкову.)

Ну, теперь кричи, теперь смело кричи, разрешаю! (Сбрасывает с себя попону и тряпье и выскакивает в виде генерала Чарноты. Он в черкеске со смятыми серебряными погонами. Револьвер, который у него был в руках, засовывает в карман; подбегает к окну, распахивает его, кричит.) Здравствуйтесь, гусары! Здравствуйтесь, донцы! Полковник Бризар, ко мне!

Дверь открывается, и первой вбегает Люська, в косынке сестры милосердия, в кожаной куртке и в высоких сапогах со шпорами.

За ней — обросший бородой де Бризар и вестовой Крапин с факелом.

Люська. Гриша! Гри-Гри! (Бросается на шею Чарноты.) Не верю глазам! Живой? Спасся? (Кричит в окно.) Гусары, слушайте! Генерала Чарноту отбили у красных!

За окном шум и крики.

Люська. Ведь мы по тебе панихиду собирались служить!

Чарнота. Смерть видел вот так близко, как твою косынку. Я как поехал в штаб к Крапчикову, а он меня, сукин кот, в винт посадил играть... малый в червах... и на тебе — пулеметы? Буденный — на тебе, с небес! Начисто штаб перебили! Я отстрелялся, в окно и огородами в поселок к учителю Барабанчикову, давай, говорю, документы! А он, в панике, взял, да не те документы мне и сунул! Приползаю сюда в монастырь, глядь, документы-то бабьи, женины — мадам Барабанчикова, и удостоверение — беременная! Кругом красные, ну, говорю, кладите меня, как я есть, в церкви! Лежу, рожаю, слышу, шпорами — шлеп, шлеп!..

Люська. Кто?

Чарнота. Командир-буденовец.

Люська. Ах!

Чарнота. Думаю, куда же ты, буденовец, шлепаешь? Ведь твоя смерть лежит под попоной! Ну приподымай, приподымай ее скорей! Будут тебя хоронить с музыкой! И паспорт он взял, а попону не поднял!

Люська визжит.

(Выбегает, в дверях кричит.) Здравствуй, племя казачье! Здорово, станичники!

Послышались крики. Люська выбегает вслед за Чарнотой.

Де Бризар. Ну, я-то попону приподыму! Не будь я краповый черт, если я на радостях в монастыре кого-нибудь не повешу! Этих, видно, красные второпях забыли! *(Махрову.)* Ну, у тебя и документ

спрашивать не надо. По волосам видно, что за птица! Крапилин, свети сюда!

Паисий (*влетает*). Что вы, что вы? Это его высокопреосвященство! Это высокопреосвященнейший Африкан!

Де Бризар. Что ты, сатана чернохвостая, несешь?

Махров сбрасывает шапку и тулуп.

(*Всматривается в лицо Махрова.*) Что такое? Ваше высокопреосвященство, да это действительно вы?! Как же вы сюда попали?

Африкан. В Курчулан приехал благословить донской корпус, а меня пленили красные во время набега. Спасибо, монахи снабдили документиками.

Де Бризар. Черт знает что такое! (*Серафиме.*) Женщина, документ!

Серафима. Я жена товарища министра торговли. Я застряла в Петербурге, а мой муж уже в Крыму. Я бегу к нему. Вот фальшивые документы, а вот настоящий паспорт. Моя фамилия Корзухина.

Де Бризар. Mille excuses, madame!¹ А вы, гусеница в штатском, уж не обер ли вы прокурор?

Голубков. Я не гусеница, простите, и отнюдь не обер-прокурор! Я сын знаменитого профессора-идеалиста Голубкова и сам приват-доцент, бегу из Петербурга к вам, к белым, потому что в Петербурге работать невозможно.

Де Бризар. Очень приятно! Ноев ковчег!

Кованый люк в полу открывается, из него подымается дряхлый Игумен, а за ним — хор монахов со свечами.

¹ Тысяча извинений, мадам! (*франц.*).

Игумен (*Африкану*). Ваше высокопреосвященство! (*Монахам.*) Братие! Сподобились мы владыку от рук нечестивых социалов спасти и сохранить!

Монахи облачают взволнованного Африкана в мантию, подают ему жезл.

Владыко. Прими вновь жезл сей, им же утверждай паству...

Африкан. Воззри с небес, боже, и виждь и посети виноград сей, его же насади десница твоя!

Монахи (*внезапно запели*). *Εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα!..*¹

В дверях вырастает Чарнота, с ним — Люська.

Чарнота. Что вы, отцы святые, белены объелись, что ли? Не ко времени эту церемонию затеяли! Ну-ка, хор!.. (*Показывает жестом — «уходите».*)

Африкан. Братие! Выйдите!

Игумен и монахи уходят в землю.

Чарнота (*Африкану*). Ваше высокопреосвященство, что же это вы тут богослужение устроили? Драпать надо! Корпус идет за нами по пятам, ловят нас! Нас Буденный к морю придушит! Вся армия уходит! В Крым идем! К Роману Хлудову под крыло!

Африкан. Всеблагий господи, что же это? (*Схватывает свой тулуп.*) Двуколки с вами-то есть? (*Исчезает.*)

Чарнота. Карту мне! Свети, Крапилин! (*Смотрит на карту.*) Все заперто! Гроб!

Люська. Ах ты, Крапчиков, Крапчиков!..

¹ Греческая молитва: «На все века, владыка!»

Чарнота. Стой! Щель нашел! (Де Бризару.) Возьмешь свой полк, пойдешь на Алманайку. Притянешь их немножко на себя, тогда на Бабий Гай и переправляйся хоть по глотку! Я после тебя подамся к молоканам на хутора, с донцами, и хоть позже тебя, а выйду на Арабатскую стрелу, там соединимся. Через пять минут выходи!

Де Бризар. Слушаю, ваше превосходительство.

Чарнота. Ф-фу!.. Дай хлебнуть, полковник.

Голубков. Серафима Владимировна, вы слышите? Белые уезжают. Нам надо бежать с ними, иначе мы опять попадем в руки к красным. Серафима Владимировна, почему вы не отзываетесь, что с вами?

Люська. Дай и мне.

Де Бризар подает фляжку Люське.

Голубков (Чарноте). Господин генерал, умоляю вас, возьмите нас с собой! Серафима Владимировна заболела... Мы в Крым бежим... С вами есть лазарет?

Чарнота. Вы в университете учились?

Голубков. Конечно, да...

Чарнота. Производите впечатление совершенно необразованного человека. Ну, а если вам пуля попадет в голову на Бабьем Гае, лазарет вам очень поможет, да? Вы бы еще спросили, есть ли у нас рентгеновский кабинет. Интеллигенция!.. Дай-ка еще коньячку!

Люська. Надо взять. Красивая женщина, красным достанется...

Голубков. Серафима Владимировна, подымайтесь! Надо ехать!

Серафима (глухо). Знаете что, Сергей Пав-

лович, мне, кажется, действительно нездоровится... Вы поезжайте один, а я здесь в монастыре прилягу... мне что-то жарко...

Голубков. Боже мой! Серафима Владимировна, это невысказано! Серафима Владимировна, подымитесь!

Серафима. Я хочу пить... и в Петербург...

Голубков. Что же это такое?..

Люська (победоносно). Это тиф, вот что это такое.

Де Бризар. Сударыня, вам бежать надо, вам худо у красных придется. Впрочем, я говорить не мастер. Крапелин, ты красноречив, уговори даму!

Крапелин. Так точно, ехать надо.

Голубков. Серафима Владимировна, надо ехать...

Де Бризар. Крапелин, ты красноречив, уговори даму!

Крапелин. Так точно, ехать надо!

Де Бризар (глянув на браслет-часы). Пора! (Выбегает.)

Послышалась его команда: «Садись!» — потом топот.

Люська. Крапелин! Подымай ее, бери силой!

Крапелин. Слушаюсь! (Вместе с Голубковым поднимают Серафиму, ведут под руки.)

Люська. В двуколку ее!

Уходят.

Чарнота (один, допивает коньяк, смотрит на часы). Пора!

Игумен (вырастает из люка). Белый генерал! Куда же ты? Неужто ты не отстоишь монастырь, давший тебе приют и спасение?!

Чарнота. Что ты, папаша, меня расстраиваешь? Колоколам языки подвяжи, садись в подземелье! Прощай! *(Исчезает.)*

Послышался его крик: «Садись! Садись!» — потом страшный топот, и все смолкает. Паисий появляется из люка.

Паисий. Отче игумен! А отец игумен! Что ж нам делать? Ведь красные прискачут сейчас! А мы белым звонили! Что же нам, мученический венец принимать?

Игумен. А где ж владыко?

Паисий. Ускакал, ускакал в двуколке!

Игумен. Пастырь, пастырь недостойный!.. Покинувший овцы своя! *(Кричит глухо в подземелье.)* Братие! Молитесь!

Из-под земли глухо послышалось: «Святителю отче Николае, моли бога о нас...»

Тьма съедает монастырь. Сон первый кончается.

СОН ВТОРОЙ

...Сны мои становятся все тяжелее...

Возникает зал на неизвестной и большой станции где-то в северной части Крыма. На заднем плане зала необычных размеров окна, за ними чувствуется черная ночь с голубыми электрическими лунами.

Случился зверский, непонятный в начале ноября в Крыму мороз. Сковал Сиваш, Чонгар, Перекоп и эту станцию. Окна оледенели, и по ледяным зеркалам время от времени текут змеиные огненные отблески от проходящих поездов. Горят переносные железные черные печки и керосиновые лампы на столах. В глубине, над выходом на главный перрон, надпись по старой орфографии: «Отделение оперативное». Стекланная перегородка, в ней зеленая лампа казенного типа и два зеленых, похожих на глаза чудовищ, огня кондукторских фонарей. Рядом, на темном облупленном фоне, белый юноша на коне копы-

ем поражает чешуйчатого дракона. Юноша этот — Георгий Победоносец, и перед ним горит граненая разноцветная лампада. Зал занят белыми штабными офицерами. Большинство из них в башлыках и наушниках. Бесчисленные полевые телефоны, штабные карты с флажками, пишущие машинки в глубине. На телефонах то и дело вспыхивают разноцветные сигналы, телефоны поют нежными голосами.

Штаб фронта стоит третьи сутки на этой станции и третьи сутки не спит, но работает, как машина. И лишь опытный и наблюдательный глаз мог бы увидеть беспокойный налет в глазах у всех этих людей. И еще одно — страх и надежду можно разобрать в этих глазах, когда они обращаются туда, где некогда был буфет первого класса.

Там, отделенный от всех высоким буфетным шкафом, за конторкой, съездившись на высоком табурете, сидит Роман Валерьянович Хлудов. Человек этот лицом бел, как кость, волосы у него черные, причесаны на вечный неразрушимый офицерский пробор. Хлудов курнос, как Павел, брит, как актер, кажется моложе всех окружающих, но глаза у него старые. На нем солдатская шинель, подпоясан он ремнем по ней не то по-бабьи, не то как помещики подпоясывали шлафрок. Погоны суконные, и на них небрежно нашит черный генеральский зигзаг. Фуражка защитная, грязная, с тусклой кокардой, на руках варежки. На Хлудове нет никакого оружия.

Он болен чем-то, этот человек, весь болен с ног до головы. Он морщится, дергается, любит менять интонации. Задает самому себе вопросы и любит сам же на них отвечать. Когда хочет изобразить улыбку, скалится. Он возбуждает страх. Он болен — Роман Валерьянович.

Возле Хлудова, перед столом, на котором несколько телефонов, сидит и пишет исполнительный и влюбленный в Хлудова есаул Голован.

Хлудов (диктует Головану). «...Запятая. Но Фрунзе обозначенного противника на маневрах изображать не пожелал. Точка. Это не шахматы и не Царское незабвенное Село. — Точка. Подпись — Хлудов. Точка».

Голован (передает написанное кому-то). Зашифровать, послать главнокомандующему.

Первый штабной (осветившись сигналом с

телефона, стонет в телефон). Да, слушаю... слушаю... Буденный?... Буденный?..

Второй штабной (стонет в телефон). Таганаш... Таганаш...

Третий штабной (стонет в телефон). Нет, на Карпову балку...

Голован (осветившись сигналом, подает Хлудову трубку). Ваше превосходительство...

Хлудов (в трубку). Да. Да. Да. Нет. Да. (Возвращает трубку Головану.) Мне коменданта.

Голован. Коменданта!

Голоса-эхо побежали: «Коменданта, коменданта!» Комендант, бледный, косящий глазами, растерянный офицер в красной фуражке, пробегает между столами, предстает перед Хлудовым.

Хлудов. Час жду бронепоезд «Офицер» на Таганаш. В чем дело? В чем дело? В чем дело?

Комендант (мертвым голосом). Начальник станции, ваше превосходительство, доказал мне, что «Офицер» пройти не может.

Хлудов. Дайте мне начальника станции.

Комендант (бежит, на ходу говорит кому-то всхлипывающим голосом). Что ж я-то поделаю?

Хлудов. У нас трагедии начинаются. Бронепоезд параличом разбило. С палкой ходит бронепоезд, а пройти не может. (Звонит.)

На стене вспыхивает надпись: «Отделение контрразведывательное».

На звонок из стены выходит Тихий, останавливается около Хлудова, тих и внимателен.

Хлудов (обращается к нему). Никто нас не любит, никто. И из-за этого трагедии, как в театре все равно.

Тихий тих.

Хлудов (*яростно*). Печка с угаром, что ли? Голован. Никак нет, угару нет.

Перед Хлудовым предстает Комендант, а за ним — Начальник станции.

Хлудов (*Начальнику станции*). Вы доказали, что бронепоезд пройти не может?

Начальник станции (*говорит и движется, но уже сутки человек мертвый*). Так точно, ваше превосходительство. Физической силы-возможности нету! Вручную сортировали и забили начисто, пробка!

Хлудов. Вторая, значит, с угаром?

Голован. Сию минуту! (*Кому-то в сторону*). Залить печку!

Начальник станции. Угар, угар.

Хлудов (*Начальнику станции*). Мне почему-то кажется, что вы хорошо относитесь к большевикам. Вы не бойтесь, поговорите со мной откровенно. У каждого человека есть свои убеждения, и скрывать их он не должен. Хитрец!

Начальник станции (*говорит вздор*). Ваше высокопревосходительство, за что же такое подозрение? У меня детишки... еще при государе императоре Николае Александровиче... Оля и Павлик, детки... тридцать часов не спал,—верьте богу!—и лично председателю Государственной думы Михаилу Владимировичу Родзянко известен. Но я ему, Родзянко, не сочувствую... у меня дети...

Хлудов. Искренний человек, а? Нет? Нужна любовь, а без любви ничего не сделаешь на войне! (*Укоризненно, Тихому*.) Меня не любят. (*Сухо*.) Дать сапер. Толкать, сортировать! Пятнадцать минут времени, чтобы «Офицер» прошел за выходной семафор! Если в течение этого времени приказание

не будет исполнено, коменданта арестовать! А начальника станции повесить на семафоре, осветив под ним подпись «Саботаж».

Вдали в это время слышался нежный медный вальс! Когда-то под этот вальс танцевали на гимназических балах.

Начальник станции (*вяло*). Ваше превосходительство, мои дети еще в школу не ходили...

Тихий берет Начальника станции под руку и уходит. За ними — Комендант.

Хлудов. Вальс?

Голован. Чарнота подходит, ваше превосходительство.

Начальник станции (*за стеклянной перегородкой оживает, кричит в телефон*). Христофор Федорович! Христом-богом заклинаю: с четвертого и пятого пути все составы вплотную гони на Таганаш! Саперы будут! Как хочешь толкай! Господом заклинаю!

Николаевна (*появилась возле Начальника станции*). Что такое, Вася, что?

Начальник станции. Ох, беда, Николаевна! Беда над семьей! Ольку, Ольку волоки сюда, в чем есть волоки!

Николаевна. Ольку? Ольку? (*Исчезает.*)

Вальс обрывается. Дверь с перрона открывается, и входит Чарнота, в бурке и папахе, проходит к Хлудову. Люська, вбежавшая вместе с Чарнотой, остается в глубине у дверей.

Чарнота. С Чонгарского дефиле, ваше превосходительство, сводная кавалерийская дивизия подошла.

Хлудов молчит, смотрит на Чарноту.

Чарнота. Ваше превосходительство! (Указывает куда-то вдаль.) Что же это вы делаете? (Внезапно снимает папаху.) Рома! Ты генерального штаба! Что же ты делаешь? Рома, прекрати!

Хлудов. Молчать!

Чарнота надевает папаху.

Обоз бросите здесь, пойдете на Карпову балку, станете там.

Чарнота. Слушаю. (Отходит.)

Люська. Куда?

Чарнота (тускло). На Карпову балку.

Люська. Я с тобой. Бросаю я этих раненых и Серафиму тифозную!

Чарнота (тускло). Можешь погибнуть.

Люська. Ну и слава богу! (Уходит с Чарнотой.)

Послышалось ляганье, стук, потом страдальческий вой бронепоезда.

Николаевна врывается за перегородку, тащит Ольку, закутанную в платок.

Николаевна. Вот она, Олька, вот она!

Начальник станции (в телефон). Христофор Федорович, дотянул?! Спасибо тебе, спасибо! (Схватывает Ольку на руки, бежит к Хлудову. За ним — Тихий и Комендант.)

Хлудов (Начальнику станции). Ну что, дорогой, прошел? Прошел?

Начальник станции. Прошел, ваше высокопревосходительство, прошел!

Хлудов. Зачем ребенок?

Начальник станции. Олечка, ребенок... способная девочка. Служу двадцать лет и двое суток не спал.

Х л у д о в. Да, девочка... Серсо. В серсо играет? Да? (Достает из кармана карамель.) Девочка, на! Курить доктора запрещают, нервы расстроены. Да не помогает карамель, все равно курю и курю.

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и. Бери, Олюшенька, бери... Генерал добрый. Скажи, Олюшенька, «мерси»... (Подхватывает Ольку на руки, уносит за перегородку, и Николаевна исчезает с Олькой.)

О п я т ь п о с л ы ш а л с я в а л ь с и с т а л у д а л я т ь с я .
Из двери, не той, в которую входил Чарнота, а из другой, входит Парамон Ильич Корзухин. Это необыкновенно европейского вида человек в очках, в очень дорогой шубе и с портфелем.

П о д х о д и т к Г о л о в а н у , п о д а е т е м у к а р т о ч к у . Г о л о в а н п е р е д а е т к а р т о ч к у Х л у д о в у .

Х л у д о в. Я слушаю.

К о р з у х и н (Х л у д о в у) . Ч е с т ь и м е ю п р е д с т а в и т ь с я . Т о в а р и щ м и н и с т р а т о р г о в л и К о р з у х и н . С о в е т м и н и с т р о в у п о л н о м о ч и л м е н я , в а ш е п р е в о с х о д и т е л ь с т в о , о б р а т и т ь с я к в а м с т р е м я з а п р о с а м и . Я т о ь к о ч т о и з С е в а с т о п о л я . П е р в о е : м н е п о р у ч и л и у з н а т ь о с у д ь б е а р е с т о в а н н ы х в С и м ф е р о п о л е п я т и р а б о ч и х , у в е з е н н ы х , с о г л а с н о в а ш е г о р а с п о р я ж е н и я , с ю д а в с т а в к у .

Х л у д о в. Так. Ах да, ведь вы с другого перрона! Есаул! Предъявите арестованных господину товарищу министра.

Г о л о в а н. Прошу за мной.

П р и о б щ е м н а п р я ж е н н о м в н и м а н и и в е д е т К о р з у х и н а к г л а в н о й д в е р и н а з а д н е м п л а н е , п р и о т к р ы в а е т е е и у к а з ы в а е т к у д а - т о в в ы с ь .

К о р з у х и н в з д р а г и в а е т . В о з в р а щ а е т с я с Г о л о в а н о м к Х л у д о в у .

Хлудов. Исчерпан первый вопрос? Слушаю второй.

Корзухин (*волнуясь*). Второй касается непосредственно моего министерства. Здесь на станции застряли грузы особо важного назначения. Испрашиваю разрешения и содействия вашего превосходительства к тому, чтобы их срочно протолкнуть в Севастополь.

Хлудов (*мягко*). А какой именно груз?

Корзухин. Экспортный пушной товар, предназначенный за границу.

Хлудов (*улыбнувшись*). Ах пушной экспортный! А в каких составах груз?

Корзухин (*подает бумагу*). Прошу вас.

Хлудов. Есаул Голован! Составы, указанные здесь, выгнать в тупик, в керосин и зажечь!

Голован, приняв бумагу, исчез.

(*Мягко*). Покороче, третий вопрос?

Корзухин (*остолбенев*). Положение на фронте?..

Хлудов (*зевнув*). Ну какое может быть положение на фронте! Бестолочь! Из пушек стреляют, командующему фронтом печку с угаром под нос подсунули, кубанцев мне прислал главнокомандующий в подарок, а они босые. Ни ресторана, ни девочек! Зеленая тоска. Вот и сидим на табуретах, как попугаи. (*Меня интонацию, шипит.*) Положение? Поезжайте, господин Корзухин, в Севастополь и скажите, чтобы тыловые гниды укладывали чемоданы! Красные завтра будут здесь! И еще скажите, что заграничным шляхам собольих манжет не видать! Пушной товар!

Корзухин. Неслыханно! (*Травленно озирает-*

ся.) Я буду иметь честь доложить об этом главнокомандующему.

Хлудов (*вежливо*) Пожалуйста.

Корзухин (*пятясь, уходит к боковой двери, по дороге спрашивает*). Какой поезд будет на Севастополь сейчас?

Никто ему не отвечает. Слышно, как подходит поезд.

Начальник станции (*мертвея, предстает перед Хлудовым*). С Кермана Кемальчи особое назначение!

Хлудов. Смирно! Господа офицеры!

Вся ставка встает. В тех дверях, из которых выходил Корзухин, появляются двое конвойных казаков в малиновых башлыках, вслед за ними — Белый главнокомандующий в заломленной на затылок папахе, длиннейшей шинели, с кавказской шашкой, а вслед за ним — высокопреосвященнейший Африкан, который ставку благословляет.

Главнокомандующий. Здравствуйте, господа!

Штабные. Здравия желаем, ваше высокопревосходительство!

Хлудов. Попрошу разрешения рапорт представить вашему высокопревосходительству конфиденциально.

Главнокомандующий. Да. Всем оставить помещение. (*Африкану.*) Владыко, у меня будет конфиденциальный разговор с командующим фронтом.

Африкан. В добрый час! В добрый час!

Все выходят, и Хлудов остается наедине с Главнокомандующим.

Хлудов. Три часа тому назад противник взял Юшунь. Большевики в Крыму.

Главномандующий. Конец?!

Хлудов. Конец.

Молчание.

Главномандующий (в дверь). Владыко!

Африкан, встревоженный, появляется.

Владыко! Западноевропейскими державами покинутые, коварными поляками обманутые, в этот страшный час только на милосердие божие уповаем!

Африкан (понял, что наступила беда). Ай-яй-яй!

Главномандующий. Помолитесь, владыко святой!

Африкан (перед Георгием Победоносцем). Всемогуший господь! За что? За что новое испытание посылаешь чадам своим, Христову именованному воинству? С нами крестная сила, она низлагает врага благословенным оружием...

В стеклянной перегородке показалось лицо Начальника станции, тоскующего от страха.

Хлудов. Ваше высокопреосвященство, простите, что я вас перебиваю, но вы напрасно беспокоите господа бога. Он уже явно и давно от нас отступился. Ведь это что ж такое? Никогда не бывало, а теперь воду из Сиваша угнало, и большевики, как по паркету, прошли. Георгий-то Победоносец смеется!

Африкан. Что вы, доблестный генерал?!

Главномандующий. Я категорически против такого тона. Вы явно нездоровы, генерал, и я жалею, что вы летом не уехали за границу лечиться, как я советовал.

Хлудов. Ах вот как! А у кого бы, ваше высокопревосходительство, ваши солдаты на Перекопе вал удерживали? У кого бы Чарнота в эту ночь с

музыкой с Чонгара на Карпову балку пошел? Кто бы вешал? Вешал бы кто, ваше высокопревосходительство?

Главкомандующий (темнея). Что это такое?

Африкан. Господи, воззри на них, просвети и укрепи! Еще царство разделится, вскоре разорьтся!..

Главкомандующий. Впрочем, сейчас не время...

Хлудов. Да, не время. Вам нужно немедленно возвращаться в Севастополь.

Главкомандующий. Да. (Вынимает конверт, подает его Хлудову.) Прошу немедленно вскрыть.

Хлудов. А, уже готово! Вы предвидели? Это хорошо. Ныне отпускаеши раба твоего, владыко... Слушаю. (Кричит.) Поезд главнокомандующему! Конвой! Ставка!

Начальник станции (за перегородкой бросается к телефону). Керман Кемальчи! Дай жезл! Дай жезл!

Появляются конвойные казаки и все штабные.

Главкомандующий. Командующий фронтом...

Ставка берет под козырек.

...объявит вам мой приказ! Да ниспошлет нам всем господь силы и разум пережить русское лихолетие! Всех и каждого честно предупреждаю, что иной земли, кроме Крыма, у нас нет.

Внезапно дверь распаивается, и появляется де Бризар с завязанной марлей головой, становится во фронт Главкомандующему.

Де Бризар. Здравия желаю, ваше императорское величество! (Ставке, таинственно.) «Графиня, ценой одного рандеву, хотите, пожалуй, я вам назову...».

Главкомандующий. Что это?

Голован. Командир гусарского полка граф де Бризар контужен в голову.

Хлудов (как во сне). Чонгар... Чонгар...

Главкомандующий. В мой поезд со мной, в Севастополь! (Быстро выходит в сопровождении конвойных казаков.)

Африкан. Господи! Господи! (Благословляет ставку, быстро выходит.)

Де Бризар (увлекаемый штабными). Виноват!.. «Графиня, ценой одного рандеву...».

Штабные. В Севастополь, граф, в Севастополь...

Де Бризар. Виноват!.. Виноват!.. (Исчезает.)

Хлудов (вскрывает конверт. Прочитал, оскалился. Головану). Летчика на Карпову балку к генералу Барбовичу. Приказ — от неприятеля оторваться, рысью в Ялту и грузиться на суда!

По ставке проносится шелест: «Аминь, аминь...» Потом могильная тишина.

Другого — к генералу Кутепову: оторваться, в Севастополь и грузиться на суда. Фостикову — с кубанцами в Феодосию. Калинину — с донцами в Керчь. Чарноте — в Севастополь! Всем на суда! Ставку свернуть мгновенно, в Севастополь! Крым сдан!

Голован (поспешно выходя). Летчиков! Летчиков!

Группы штабных начинают таять. Сворачиваются карты, начинают исчезать телефоны.

Послышалось, как взревел поезд и ушел. Суета, порядка уже

нет. Тут распахивается дверь, из которой выходил Чарнота, и появляется Серафима, в бурке. За ней — Голубков и Крапилин, пытающиеся ее удержать.

Голубков. Серафима Владимировна, опомнитесь, сюда нельзя! (Удивленным штабным.) Тифозная женщина!..

Крапилин. Так точно, тифозная.

Серафима (звонко). Кто здесь Роман Хлудов?

При этом нелепом вопросе возникает тишина.

Хлудов. Ничего, пропустите ко мне. Хлудов — это я.

Голубков. Не слушайте ее, она больна!

Серафима. Из Петербурга бежим, все бежим да бежим... Куда? К Роману Хлудову под крыло! Все Хлудов, Хлудов, Хлудов... Даже снится Хлудов! (Улыбается.) Вот и удостоилась лицезреть: сидит на табуретке, а кругом висят мешки. Мешки да мешки!.. Зверюга! Шакал!

Голубков (отчаянно). У нее тиф! Она бредит!.. Мы из эшелона!

Хлудов звонит, и из стены выходят Тихий и Гурин.

Серафима. Ну что же! Они идут и всех вас прикончат!

В группе штабных шорох: «А-а... коммунистка!»

Голубков. Что вы! Что вы! Она жена товарища министра Корзухина! Она не отдает себе отчета в том, что говорит!

Хлудов. Это хорошо, потому что, когда у нас, отдавая отчет, говорят, ни слова правды не добьешься.

Голубков. Она — Корзухина!

Хлудов. Стоп, стоп, стоп! Корзухина? Это — пушной товар? Так у этого негодяя еще и жена коммунистка? У, благословенный случай! Ну, я с ним сейчас посчитаюсь! Если только он не успел уехать, дать мне его сюда!

Тихий делает знак Гурину, и тот исчезает.

Тихий (мягко, Серафиме). Как ваше имя-отчество?

Голубков. Серафима Владимировна... Серафима...

Гурин вводит Корзухина. Тот смертельно бледен, чует беду.

Вы — Парамон Ильич Корзухин?

Корзухин. Да, это я.

Голубков. Слава богу, вы выехали нам на встречу! Наконец-то!

Тихий (ласково, Корзухину). Ваша супруга, Серафима Владимировна, приехала к вам из Петербурга.

Корзухин (посмотрел в глаза Тихому и Хлудову, учуял какую-то ловушку). Никакой Серафимы Владимировны не знаю, эту женщину вижу впервые в жизни, никого из Петербурга не жду, это обман.

Серафима (поглядев на Корзухина, мутно). А-а, отрекся! У, гадина!

Корзухин. Это шантаж!

Голубков (отчаянно). Парамон Ильич, что вы делаете?! Этого не может быть!

Хлудов. Искренний человек, а? Ну, ваше счастье, господин Корзухин! Пушной товар! Вон!

Корзухин исчезает.

Голубков. Умоляю вас допросить нас! Я докажу, что она его жена!

Хлудов (*Тихому*). Взять обоих, допросить!
Тихий (*Гурина*). Забирай в Севастополь.

Гурин берет Серафиму под руку.

Голубков. Вы же интеллигентные люди!.. Я докажу!..

Серафима. Вот один только человек и нашелся в дороге... Ах, Крапилин, красноречивый человек, что же ты не заступишься?

Серафиму и Голубкова уводят.

Крапилин (*став перед Хлудовым*). Точно так. Как в книгах написано: шакал! Только одними удавками войны не выиграешь! За что ты, мировой зверь, порезал солдат на Перекопе? Попался тебе, впрочем, один человек, женщина. Пожалела удушенных, только и всего. Но мимо тебя не проскочишь, не проскочишь! Сейчас ты человека — цап и в мешок! Стервятиной питаешься?

Тихий. Позвольте убрать его, ваше превосходительство?

Хлудов. Нет. В его речи проскальзывают здравые мысли насчет войны. Поговори, солдат, поговори.

Тихий (*манит кого-то пальцем, и из двери контрразведывательного отделения выходят два контрразведчика. Шепотом*). Доску.

Появляется Третий контрразведчик с куском фанеры.

Хлудов. Как твоя фамилия, солдат?

Крапилин (*заносясь в гибельные выси*). Да что фамилие? Фамилие у меня неизвестное — Крапилин-вестовой! А ты пропадешь, шакал, пропадешь, оголтелый зверь, в канаве! Вот только подожди здесь на своей табуретке! (*Улыбаясь.*) Да нет, убежишь, убежишь в Константинополь! Храбер ты только женщин вешать да слесарей!

Хлудов. Ты ошибаешься, солдат, я на Чонгарскую Гать ходил с музыкой и на Гати два раза ранен.

Крапилин. Все губернии плюют на твою музыку! (*Вдруг очнулся, вздрогнул, опустился на колени, говорит жалобно.*) Ваше высокопревосходительство, смилуйтесь над Крапилиным! Я был в забытьи!

Хлудов. Нет! Плохой солдат! Ты хорошо начал, а кончил скверно. Валяешься в ногах? Повесить его! Я не могу на него смотреть!

Контрразведчики мгновенно накидывают на Крапилина черный мешок и увлекают его вон.

Голован (*появляясь.*) Приказание вашего превосходительства исполнено. Летчики вылетели.

Хлудов. Всем в поезд, господа. Готовь, есаул, мне конвой и вагон!

Все исчезают.

(*Один, берет телефонную трубку, говорит в нее.*) Командующий фронтом говорит. На бронепоезд «Офицер» передать, чтобы прошел, сколько может, по линии, и огонь, огонь! По Таганашу огонь, огонь! Пусть в землю втопчет на прощанье! Потом пусть

рвет за собой путь и уходит в Севастополь! (*Кладет трубку, сидит один, скорчившись на табуретке.*)

Пролетел далекий вой бронепоезда.

Чем я болен? Болен ли я?

Раздается залп с бронепоезда. Он настолько тяжел, этот залп, что звука почти не слышно, но электричество мгновенно гаснет в зале станции, и обледенелые окна обрушиваются. Теперь обнажается перрон. Видны голубоватые электрические луны. Под первой из них, на железном столбе, висит длинный черный мешок, под ним фанера с надписью углем: «Вестовой Крапилин — большевик».

Под следующей мачтой — другой мешок, дальше ничего не видно.

Хлудов (один в полутьме смотрит на повешенного Крапилина). Я болен, я болен. Только не знаю чем.

Олька появилась в полутьме, выпущенная в панике. Тащится в валенках по полу.

Начальник станции (в полутьме ищет и сонно бормочет). Дура, дура Николаевна... Олька. Олька-то где? Олечка, Оля, куда же ты, дурочка, куда ты? (*Схватывает Ольку на руки.*) Иди на руки, на руки к отцу... А туда не смотри... (*Счастлив, что не замечен, проваливается в тьму, и сон второй кончается.*)

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СОН ТРЕТИЙ

...Игла светит во сне...

Какое-то грустное освещение. Осенние сумерки. Кабинет в контрразведке в Севастополе. Одно окно, письменный стол, диван. В углу на столике множество газет. Шкаф. Портьеры. Тихий сидит за письменным столом в штатском платье. Дверь открывается, и Гурин впускает Голубкова.

Гурин. Сюда... (Скрывается.)

Тихий. Садитесь, пожалуйста.

Голубков (он в пальто, в руках шляпа). Благодарю вас. (Садится.)

Тихий. Вы, по-видимому, интеллигентный человек?

Голубков робко кашлянул.

И я уверен, вы понимаете, насколько нам, а следовательно, и командованию важно знать правду. О контрразведке красные распространяют гадкие слухи. На самом же деле это учреждение исполняет труднейшую и совершенно чистую работу по охране государства от большевиков. Согласны ли вы с этим?

Голубков. Я, видите ли...

Тихий. Вы меня боитесь?

Голубков. Да.

Тихий. Но почему же? Разве вам причинили какое-нибудь зло, пока везли сюда, в Севастополь?

Голубков. О нет, нет, этого я не могу сказать!

Тихий. Курите, пожалуйста. *(Предлагает папиросы.)*

Голубков. Я не курю, благодарю вас. Умоляю вас, скажите, что с ней?

Тихий. Кто вас интересует?

Голубков. Она... Серафима Владимировна, арестованная вместе со мной. Клянусь, что это просто нелепая история! У нее припадок был, она тяжело больна!

Тихий. Вы волнуетесь, успокойтесь. О ней я вам скажу несколько позже.

Молчание.

Ну, довольно разыгрывать из себя приват-доцента! Мне надоела эта комедия! Мерзавец! Перед кем сидишь? Встать смирно! Руки по швам!

Голубков *(поднимаясь)*. Боже мой!

Тихий. Слушай, как твоя настоящая фамилия?

Голубков. Я поражен... моя настоящая фамилия Голубков!

Тихий *(вынимает револьвер, целится в Голубкова. Тот закрывает лицо руками)*. Ты понимаешь ли, что ты в моих руках? Никто не придет к тебе на помощь! Ты понял?

Голубков. Понял.

Тихий. Итак, условимся: ты будешь говорить чистую правду. Смотри сюда. Если ты начнешь лгать, я включу эту иглу *(включает иглу, которая, нагреваясь от электричества, начинает светить)* и коснусь ею тебя. *(Тушит иглу.)*

Голубков. Клянусь, что я действительно...

Тихий. Молчать! Отвечать только на вопросы. (*Прячет револьвер, берет перо, говорит скучающим голосом.*) Садитесь, пожалуйста. Ваше имя, отчество и фамилия?

Голубков. Сергей Павлович Голубков.

Тихий (*пишет, скучно*). Где проживаете постоянно?

Голубков. В Петрограде.

Тихий. Зачем вы прибыли в расположение белых из Советской России?

Голубков. Я давно уже стремился в Крым, потому что в Петрограде такие условия жизни, при которых я работать не могу. И в поезде познакомился с Серафимой Владимировной, которая тоже бежала сюда, и поехал с ней к белым.

Тихий. Зачем же приехала к белым именуемая себя Серафимой Корзухиной?

Голубков. Я твердо... я знаю, что она действительно Серафима Корзухина!

Тихий. Корзухин при вас на станции сказал, что это ложь.

Голубков. Клянусь, что он солгал!

Тихий. Зачем же ему лгать?

Голубков. Он испугался, он понял, что ему угрожает какая-то опасность.

Тихий кладет перо, пододвигает руку к игле.

Что вы делаете? Я говорю правду!

Тихий. У вас расстроены нервы, господин Голубков. Я записываю ваши показания, как вы видите, и ничего больше не делаю. Давно она состоит в коммунистической партии?

Голубков. Этого не может быть!

Тихий. Так. (*Пододвигает Голубкову лист бу-*

маги, дает ему перо.) Пишите все, что сейчас показали, я буду вам диктовать, так вам будет легче. Предупреждаю вас, что если вы остановитесь, я коснусь вас иглой. Если не будете останавливаться, ничего не бойтесь, вам ничего не угрожает. (*Зажигает иглу, которая освещает бумагу, диктует.*) «Я, нижеподписавшийся...

Голубков начинает писать под диктовку.

...Голубков, Сергей Павлович, на допросе в контрразведывательном отделении ставки комфронтом 31 октября 1920 года показал двоеточие Серафима Владимировна Корзухина, жена Парамона Ильича Корзухина...» — не останавливайтесь! — «...состоящая в коммунистической партии, приехала из города Петрограда в район, занятый вооруженными силами Юга России, для коммунистической пропаганды и установления связи с подпольем в городе Севастополе точка. Приват-доцент... подпись». (*Берет лист у Голубкова, тушит иглу.*) Благодарю вас за чистосердечное показание, господин Голубков. В вашей невиновности я совершенно убежден. Извините, если я с вами был временами несколько резок. Вы свободны. (*Звонит.*)

Гурин (*входит*). Я!

Тихий. Выведи этого арестованного на улицу и отпусти, он свободен.

Гурин (*Голубкову*). Иди.

Голубков выходит вместе с Гуриным, забыв свою шляпу.

Тихий. Поручик Скунский!

Скунский входит. Очень мрачен.

Тихий (зажигая на столе лампу). Оцените документ! Сколько даст Корзухин, чтобы откупиться? Скунский. Здесь, у трапа? Десять тысяч долларов. В Константинополе меньше. Советую у Корзухиной получить признание.

Тихий. Да. Задержите под каким-нибудь предлогом посадку Корзухина на полчаса.

Скунский. Моя доля?

Тихий пальцами показывает — две.

Сейчас пошлю агентуру. С Корзухиной поскорей. Поздно, сейчас конница уже идет грузиться. (Уходит.)

Тихий звонит. Гурин входит.

Тихий. Арестованную Корзухину. Она в памяти?

Гурин. Сейчас как будто полегче.

Тихий. Давай.

Гурин выходит, потом через несколько времени вводит Серафиму. Та в жару. Гурин выходит.

Вы больны? Я не стану вас задерживать, садитесь на диван, туда, туда.

Серафима садится на диван.

Сознайтесь, что вы приехали для пропаганды, и я вас отпущу.

Серафима. Что?.. А?.. Какая пропаганда? Боже мой, зачем я сюда поехала?

Послышался вальс, стал приближаться, а с ним — стрекот копыт за окном.

Почему вальс играют у вас?

Тихий. Конница Чарноты идет на пристань, не отвлекайтесь. Ваш сообщник Голубков показал, что вы приехали сюда для пропаганды.

Серафима (ложится на диван, тяжело отдувается). Уйдите все из комнаты, не мешайте мне спать...

Тихий. Нет. Очнитесь, прочтите. (Показывает написанное Голубковым Серафиме.)

Серафима (щурится, читает). Петербург... лампа... он с ума сошел... (Вдруг схватывает документ, комкает, подбегает к окну, локтем выбивает стекло, кричит.) Помогите! Помогите! Здесь преступление! Чарнота! Сюда, на помощь!

Тихий. Гурин!

Гурин вбегает, схватывает Серафиму.

Отними документ! А, черт тебя возьми!

Вальс обрывается. В окне мелькнуло лицо под папашой. Голос: «Что такое у вас?» Послышались голоса, стук дверей, шум. Дверь открывается, появляется Чарнота в бурке, за ним еще двое в бурках. Вбегает Скунский. Гурин выпускает Серафиму.

Серафима. Чарнота! Это вы? Чарнота! Заступитесь! Посмотрите, что они делают со мной! Посмотрите, что они заставили его написать!

Чарнота берет документ.

Тихий. Попрошу немедленно оставить помещение контрразведки!

Чарнота. Нет, что же — оставить? Что вы делаете с женщиной?

Тихий. Поручик Скунский, зовите караул!

Чарнота. Я вам покажу — караул! (Вытаскивает револьвер.) Что вы делаете с женщиной?

Т и х и й. Поручик Скунский, гасите свет!

Свет гаснет.

(В темноте.) Вам дорого это обойдется, генерал Чарнота!

Тьма. Сон кончается.

СОН ЧЕТВЕРТЫЙ

...И множество разноплеменных
Людей вышли с ними...

Сумерки. Кабинет во дворце в Севастополе. Кабинет в странном виде: одна портьера на окне наполовину оборвана, на стене беловатое квадратное пятно на том месте, где была большая военная карта. На полу деревянный ящик, кажется, с бумагами. Горит камин. У камина сидит неподвижно де Бризар с перевязанной головой. Входит Главкомандующий.

Главкомандующий. Ну как ваша голова?

Де Бризар. Не болит, ваше высокопревосходительство. Пирамидону доктор дал.

Главкомандующий. Так. Пирамидон? (Рассеян.) Как, по-вашему, я похож на Александра Македонского?

Де Бризар (не удивляясь). Я, ваше превосходительство, к сожалению, давно не видел портретов его величества.

Главкомандующий. Про кого говорите?

Де Бризар. Про Александра Македонского, ваше высокопревосходительство.

Главкомандующий. Величества?.. Гм... Вот что, полковник, вам надлежит отдохнуть. Я был очень рад приютить вас во дворце, вы честно испол-

нили свой долг перед отечеством. А теперь поезжайте, пора.

Де Бризар. Куда прикажете ехать, ваше высокопревосходительство?

Главнокомандующий. На корабль. Я позабочусь о вас за границей.

Де Бризар. Слушаюсь. Когда будет одержана победа над красными, я буду счастлив первый стать во фронт вашему величеству в Кремле!

Главнокомандующий. Полковник, нельзя так остро ставить вопросы. Вы слишком крайних взглядов. Итак, благодарю вас, поезжайте.

Де Бризар. Слушаю, ваше высокопревосходительство. *(Идет к выходу, останавливается, таинственно поет.)* «Графиня, ценой одного рандеву...». *(Скрывается.)*

Главнокомандующий *(вслед за ним говорит в дверь)*. Оставшихся посетителей впускать ко мне автоматически, через три минуты одного после другого. Приму, сколько успею. Пошлите казака отконвоировать полковника де Бризара ко мне на корабль! Напишите врачу на корабль, что пирамидон — не лекарство! Он же явно ненормален! *(Возвращается к камину, задумывается.)* Александр Македонский... Вот негодяи!

Входит Корзухин.

Вам что?

Корзухин. Товарищ министра Корзухин.

Главнокомандующий. А! Вовремя! Я вызвать вас хотел, невзирая на эту кутерьму. Господин Корзухин, я похож на Александра Македонского?

Корзухин поражен.

Я вас серьезно спрашиваю, похож? *(Схватывает с*

камина газетный лист, тычет его Корзухину.) Вы редактор этой газеты? Значит, вы отвечаете за все, что в ней напечатано? Ведь это ваша подпись — редактор Корзухин? (Читает.) «Главкомандующий, подобно Александру Македонскому, ходит по перрону...». Что означает эта свиньячья петрушка? Во времена Александра Македонского были перроны? И я похож? Дальше-с! (Читает.) «При взгляде на его веселое лицо всякий червяк сомнения должен рассеяться...». Червяк не туча и не батальон, он не может рассеяться! А я весел? Я очень весел? Где вы набрали, господин Корзухин, эту безграмотную продажную ораву? Как вы смели это позорище печатать за два дня до катастрофы? Под суд отдам в Константинополе! Пирамидон принимать, если голова болит!

Оглушительно грянул телефон в соседней комнате. Главкомандующий выходит, хлопнув дверью.

Корзухин (отдышавшись). Так вам и нужно, Парамон Ильич! Какого черта, спрашивается, меня понесло во дворец? Одному бесноватому жаловаться на другого? Ну схватили Серафиму Владимировну, ну что же я могу сделать? Ну погибнет, ну царство небесное! Что же мне из-за нее самому лишаться жизни? Александр Македонский грубиян!.. Под суд? Простите, Париж не Севастополь! В Париж! И будьте вы все прокляты и ныне, и присно, и во веки веков! (Устремляется к дверям.)

Африкан (входя). Аминь. Господин Корзухин, что делается, а?

Корзухин. Да, да, да... (Незаметно ускользает.)

Африкан (глядя на ящики). Ай-яй-яй! Господи, господи! И отправились сыны израилены из Рамсеса в Сокхоф до шестисот пеших мужчин, кроме детей... Ах, ах... И множество разноплеменных людей вышли с ними...

Быстро входит Хлудов.

Вы, ваше превосходительство? А тут только что был господин Корзухин, вот странно...

Хлудов. Вы мне прислали Библию в ставку в подарок?

Африкан. Как же, как же...

Хлудов. Помню-с, читал от скуки ночью в купе. «Ты дунул духом твоим, и покрыло их море... Они погрузились, как свинец, в великих водах...». Про кого это сказано? А? «Погонюсь, настигну, разделю добычу, насытится ими душа моя, обнажу меч мой, истребит их рука моя...». Что, хороша память? А он клеветает, будто я ненормален! А вы чего здесь торчите?

Африкан. Торчите! Роман Валерьянович! Я ожидаюсь главнокомандующего...

Хлудов. Кто дожидается, тот дождется. Это в стиле вашей Библии. Знаете, чего вы здесь дождетесь?

Африкан. Чего?

Хлудов. Красных.

Африкан. Может ли быть так скоро?

Хлудов. Все может быть. Мы вот тут с вами сидим, Священное писание вспоминаем, а в это время, вообразите, рысью с севера конница к Севастополю подходит... (Подводит Африкана к окну.) Гляньте...

Африкан. Зарево! Господи!

Х л у д о в. Оно самое. На корабль скорей, святой отец, на корабль!

А ф р и к а н, осенив себя частыми крестами, уходит.

Провалился!

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й (входит). А, слава богу! С нетерпением вас ждал. Ну что, все ушли?

Х л у д о в. Конницу по дороге сильно трепали зеленые. Но, в общем, можно считать, ушли. А я сам уютно ехал. Забился в уголок купе, ни я никого не обижаю, ни меня никто. В общем, сумерки, ваше высокопревосходительство, как в кухне.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Я вас не понимаю, что вы говорите?

Х л у д о в. Да в детстве это было. В кухню раз вошел в сумерки — тараканы на плите. Я зажег спичку, чирк, а они и побежали. Спичка возьми да и погасни. Слышу, они лапками шуршат — шур-шур, мурмур... И у нас тоже — мгла и шуршание. Смотрю и думаю: куда бегут? Как тараканы, в ведро. С кухонного стола — бух!

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Благодарю вас, генерал, за все, что вы, с вашим громадным стратегическим талантом, сделали для Крыма, и больше не задерживаю. Я и сам сейчас переезжаю в гостиницу.

Х л у д о в. К воде поближе?

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Если вы не перестанете забываться, я вас арестую.

Х л у д о в. Предвидел. В вестибюле мой конвой. Произойдет большой скандал, я популярен.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Нет, тут не болезнь. Вот уж целый год вы омерзительным паясничеством прикрываете ненависть ко мне.

Х л у д о в. Не скрою, ненавижу.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Зависть? Тоска по власти?

Х л у д о в. О нет, нет. Ненавижу за то, что вы меня вовлекли во все это. Где обещанные союзные рати? Где Российская империя? Как могли вы вступить в борьбу с ними, когда вы бессильны? Вы понимаете, как может ненавидеть человек, который знает, что ничего не выйдет, и который должен делать? Вы стали причиной моей болезни! (Утихая.) Впрочем, теперь вообще не время, мы оба уходим в небытие.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Я вам советую остаться здесь во дворце, это лучший способ для вас перейти в небытие.

Х л у д о в. Это мысль. Но я не продумал еще этого как следует.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Я не держу вас, генерал.

Х л у д о в. Гоните верного слугу? «И аз иже кровь в непрестанных боях за тя аки воду лиях и лиях...».

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й (стукнув стулом). Клоун!

Х л у д о в. Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й (при словах «Александр Македонский» пришел в ярость). Если вы еще одно слово!.. Если вы...

К о н в о й н ы й (вырос из-под земли). Ваше высокопревосходительство, кавалерийская школа из Симферополя подошла. Все готово!

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Да? Едем! (Хлудову.) Мы еще увидимся! (Выходит.)

Хлудов (один, садится к камину, спиной к двери). Пусто и очень хорошо. (Вдруг беспокойно встает, открывает дверь, показывается анфилада темных и брошенных комнат с люстрами в темных кисейных мешках.) Эй, кто тут есть? Нет никого. (Садится.) Итак, остаться? Нет, это не разрешает мой вопрос. (Оборачивается, говорит кому-то). Уйдешь ты или нет? Ведь это вздор! Я могу пройти сквозь тебя подобно тому, как вчера стрелой я пронзил туман. (Проходит как бы сквозь что-то.) Ну вот я и раздавил тебя. (Садится, молчит.)

Дверь тихонько открывается, и входит Голубков.
Он в пальто, без шляпы.

Голубков. Ради бога, позвольте мне войти на одну минуту!

Хлудов (не оборачиваясь). Пожалуйста, пожалуйста, войдите.

Голубков. Я знаю, что это безумная дерзость, но мне обещали, что меня допустят именно к вам. Но все разошлись куда-то, и я вошел.

Хлудов (не оборачиваясь). Что вам нужно от меня?

Голубков. Я осмелился прибежать сюда, ваше высокопревосходительство, чтобы сообщить об ужаснейших преступлениях, совершающихся в контрразведке. Я прибежал жаловаться на зверское преступление, причиной которого является генерал Хлудов.

Хлудов оборачивается.

(Узнав Хлудова, пятится.) А-а...

Хлудов. Это интересно. Позвольте, но ведь вы

живой, вы же не повешены, надеюсь? В чем ваша претензия?

Молчание.

Приятное впечатление производите. Я вас где-то видел. Так будьте любезны, в чем претензия? Да не проявляйте, пожалуйста, трусости. Вы пришли говорить, ну и говорите.

Голубков. Хорошо. Позавчера на станции вы велели арестовать женщину...

Хлудов. Помню, да. Помню. Вспомнил. Я вас узнал. Позвольте, кому же вы хотели здесь жаловаться на меня?

Голубков. Главнокомандующему.

Хлудов. Поздно. Нету его. *(Указывает в окно.)*

Вдали мерцают огоньки, и видно малое зарево.

Ведро с водой. Он погрузился в небытие навсегда. На генерала Хлудова более некому пожаловаться. *(Подходит к столу, берет одну из телефонных трубок, говорит в нее.)* Вестибюль?.. Есаула Голована... Слушай, есаул, возьми с собой конвой и в контрразведку, там за мной записана женщина... *(Голубкову.)* Корзухина?

Голубков. Да-да, Серафима Владимировна!

Хлудов *(в телефон)*. Серафима Владимировна Корзухина. Если она не расстреляна, сию же минуту доставь мне ее сюда во дворец. *(Кладет трубку.)* Подождем.

Голубков. Если не расстреляна — вы сказали? Если не расстреляна?.. Ее расстреляли? Ну, если вы это сделали... *(Плачет.)*

Хлудов. Ведите себя как мужчина.

Голубков. Ах, вы еще издеваетесь! Хорошо, я поведу... Если только ее нет в живых, я вас убью!

Хлудов (вяло). Что же, это, может быть, лучший исход. Да нет, никого вы не убьете, к сожалению. Молчите.

Голубков садится и умолкает.

(Отвернувшись от Голубкова, говорит кому-то.) Если ты стал моим спутником, солдат, то говори со мной. Твое молчание давит меня, хотя и представляется мне, что твой голос должен быть тяжелым и медным. Или оставь меня. Ты знаешь, что я человек большой воли и не поддамся первому видению, от этого выздоравливают. Пойми, что ты просто попал под колесо, и оно тебя стерло и кости твои сломало, И бессмысленно таскаться за мной. Ты слышишь, мой неизменный красноречивый вестовой?

Голубков. С кем вы говорите?

Хлудов. А? С кем? Сейчас узнаем. (Рукой разрезает воздух.) Ни с кем, сам с собой. Да. Так кто она вам, любовница?

Голубков. Нет-нет! Она случайно встреченный человек, но я ее люблю. Ах, я жалкий безумец! Зачем, зачем тогда в монастыре я ее, больную, поднял, уговорил ехать в эти дьявольские лапы... Ах, я жалкий человек!

Хлудов. В самом деле, зачем вы подвернулись мне под ноги? Зачем вас принесло сюда? А теперь, когда машина сломалась, вы явились требовать у меня того, чего я вам дать не могу. Нет ее и не будет. Ее расстреляли.

Голубков. Злодей! Злодей! Бессмысленный злодей!

Хлудов. И вот с двух сторон: живой, говорящий, нелепый, а с другой — молчаливый вестовой. Что со мной? Душа моя раздвоилась, и слова я слышу мутно, как сквозь воду, в которую погружаюсь, как свинец. Оба, проклятые, висят на моих ногах и тянут меня во мглу, и мгла меня призывает.

Голубков. А, теперь я понял! Ты сумасшедший! Теперь все понимаю! И лед на Чонгаре, и черные мешки, и мороз! Судьба! За что ты гнетешь меня? Как же я не сберег мою Серафиму? Вот он, вот он, ее слепой убийца! А что с него взять, если разум его помутился!

Хлудов. Вот чудак! *(Бросает Голубкову револьвер.)* Сделайте одолжение, стреляйте. *(В пространство.)* Ну, оставь меня. Может быть, этот догадается выстрелить.

Голубков. Нет, не могу я стрелять в тебя, ты мне жалок, страшен, омерзителен!

Хлудов. Да что это за комедия, в конце концов?

Послышались вдали шаги.

Стойте, стойте, идут! Может быть, это он? Сейчас все узнаем.

Входит Голован.

Расстреляна?

Голован. Никак нет.

Голубков. Жива? Жива? Где же она, где?

Хлудов. Тише. *(Головану.)* Почему же не доставили вы ее в таком случае?

Голован косится на Голубкова.

Говорите при нем.

Голован. Слушаю. Сегодня в четыре часа дня генерал-майор Чарнота ворвался в помещение контрразведки, арестованную Корзухину, угрожая вооруженной силой, отбил и увез.

Голубков. Куда? Куда?

Хлудов. Тише. (Головану.) Куда?

Голован. На пароход «Витязь». В пять «Витязь» вышел на рейд, а после пяти в открытое море.

Хлудов. Довольно. Спасибо. Итак, вот, жива. Жива эта ваша женщина Серафима.

Голубков. Да-да, жива, жива...

Хлудов. Есаул, берите конвой, знамя, грузитесь на «Святителя», я сейчас приеду.

Голован. Осмелюсь доложить...

Хлудов. Я в здравом уме, приеду, не бойтесь, приеду.

Голован. Слушаю. (Исчез.)

Хлудов. Ну, стало быть, она плывет туда, в Константинополь.

Голубков (слепо). Да-да-да, в Константинополь... Я все равно от вас не отстану. Вот огни, это огни в порту, смотрите. Возьмите меня в Константинополь.

Хлудов. О, черт, черт, черт...

Голубков. Хлудов, едем скорее!

Хлудов. Замолчи. (Бормочет.) Ну вот, одного я удовлетворил, теперь на свободе могу поговорить с тобой. (В пространство.) Чего ты хочешь? Чтобы я остался? Нет, не отвечает. Бледнеет, отходит, покрывается тьмой и стал вдали.

Голубков (тоскуя). Хлудов, ты болен! Хлудов, это бред! Оставь его! Нам надо спешить! Ведь «Святитель» уйдет, мы опоздаем!

Хлудов. Черт... черт... Какая-то Серафима...
В Константинополь... Ну, едем, едем! (*Быстро вы-
ходит.*)

Голубков выходит за ним.

Тьма. Сон кончается.

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СОН ПЯТЫЙ

...«Янычар» сбоят!...

Странная симфония. Поют турецкие напевы, в них вплетается русская шарманочная «Разлука», стоны уличных торговцев, гудение трамваев.

И вдруг загорается Константинополь в предвечернем солнце. Виден господствующий минарет, кровли домов. Стоит необыкновенного вида сооружение, вроде карусели, над которым красуется крупная надпись на французском, английском и русском языках:

«Стой! Сенсация в Константинополе! Тараканьи бега!!!» «Русская азартная игра с дозволения полиции» «Sensation à Constantinople! Courses des cafards» «Races of cock-roachs!»

Сооружение украшено флагами разных стран. Касса с надписями: «В ординаре» и «В двойном». Надпись над кассой на французском и русском языках: «Начало в пять часов вечера», «Commencement à 5 heures du soir». Сбоку ресторан на воздухе под золотушными лаврами в кадках. Надпись: «Русский деликатес — вобла. Порция 50 пиастров». Выше — вырезанный из фанеры и раскрашенный таракан во фраке, подающий пенящуюся кружку пива. Лаконическая надпись: «Пиво».

Выше сооружения и сзади живет в зное своей жизнью узкий переулок: проходят турчанки в чарчафах, турки в красных фесках, иностранные моряки в белом; изредка проводят осликов с корзинами. Лавчонка с кокосовыми орехами.

Мелькают русские в военной потрепанной форме. Слышны звоночки продавцов лимонада. Где-то отчаянно вопит мальчишка: «Пресс дю суар!»¹

¹ «Presse du soir» — «Вечерняя газета» (франц.).

У выхода с переулка вниз к сооружению Чарнота в черкеске без погон, выпивший, несмотря на жару, и мрачный, торгует резиновыми чертями, тещиными языками и какими-то прыгающими фигурками с лотка, который у него на животе.

Чарнота. Не бьется, не ломается, а только кувыркается! Купите красного комиссара для увеселения ваших детишек-ангелочков! Мадам! Мадам! Аштэ пур вотр анфан! ¹

Турчанка, любящая мать. Бунун фиа ты надыр? Комбьен? ²

Чарнота. Сенкан пиастр, мадам, сенкан! ³

Турчанка, любящая мать. О, иох! Бу пахалы дыр! ⁴ (Проходит.)

Чарнота. Мадам! Сорок! Каран! А, чтоб тебе пропасть! Да у тебя и детей никогда не было! Геен зи!.. Геен зи!.. ⁵ Ступай в гарем! Боже мой, до чего же сволочной город!

Константинополь стонет над Чарнотой. Где-то надрываются тенера — продавцы лимонов, кричат сладко: «Амбуляси! Амбуляси!» Басы поют в симфонии: «Каймаки, каймаки!» Струится зной.

В кассе возникает личико. Чарнота подходит к кассе.

Марья Константиновна, а Марья Константиновна!

Личико. Что вам, Григорий Лукьянович?

Чарнота. Видите ли, какое дельце... Нельзя ли мне сегодня в кредит поставить на «Янычара»?

¹ Achetez pour vôtres enfants! — Купите для ваших детей! (франц.).

² Сколько это стоит? (турецк.). Сколько? (франц.).

³ Cinquante piastres, madame, cinquante! — Пятьдесят пиастров, мадам! (франц.).

⁴ Ох, нет! Это дорого! (турецк.).

⁵ Gehen Sie!.. Gehen Sie!.. — Пошла ты!.. Пошла!.. (нем.).

Личико. Помилуйте, Григорий Лукьянович, не могу я.

Чарнота. Что же, я жулик, или фармазон константинопольский, или неизвестный вам человек? Можно бы, кажется, поверить генералу, который имеет свое торговое дело рядом с бегами?

Личико. Так-то оно так... Скажите сами Артуру Артуровичу.

Чарнота. Артур Артурович!

Артур (*появляется на карусели, как Петрушка из-за ширм, мучается, пристегивая фрачный воротничок*). В чем дело? Кому я понадобился? А!.. Чем могу?

Чарнота. Видите ли, я хотел вас попросить...

Артур. Нет! (*Скрывается.*)

Чарнота. Что это за хамство! Куда ты скрылся, прежде чем я сказал?

Артур (*появляется*). Так ведь я же знаю, что вы скажете.

Чарнота. Интересно — что?

Артур. Гораздо интереснее то, что я вам скажу.

Чарнота. Интересно — что?

Артур. Кредит — никому! (*Скрывается.*)

Чарнота. Вот скотина!

В ресторане появляются двое французских моряков, кричат: «Un bock! Un bock!»¹

Лакей подает пиво.

Личико. Клоп по вас ползет, Григорий Лукьянович, снимите.

Чарнота. Да ну его к черту, и не подумаю снимать, совершенно бесполезно. Пускай ползет, он мне не мешает. Ах, город!.. Каких я только городов не

¹ «Бокал пива! Бокал пива!» (*франц.*).

перевидал, но такого... Да, видал многие города, очаровательные города, мировые!

Личико. Какие же вы города видали, Григорий Лукьянович?

Чарнота. Господи! А Харьков! А Ростов! А Киев! Эх, Киев-город, красота, Марья Константиновна! Вот так лавра пылает на горах, а Днепро, Днепро! Неопиcуемый воздух, неопиcуемый свет! Травы, сеном пахнет, склоны, доли, на Днепре черторой! И помню, какой славный бой был под Киевом, прелестный бой! Тепло было, солнышко, тепло, но не жарко, Марья Константиновна. И вши, конечно, были... Вошь — вот это насекомое!

Личико. Фу, гадости какие говорите, Григорий Лукьянович!

Чарнота. Почему же гадость? Разбираться все-таки нужно в насекомых. Вошь — животное военное, боевое, а клоп — паразит. Вошь ходит эскадронами, в конном строю, вошь кроет лавой, и тогда, значит, будут громаднейшие бои! *(Тоскует.)* Артур!

Артур *(выглядывает во фраке)*. Чего вы так кричите?

Чарнота. Смотрю я на тебя и восхищаюсь, Артур! Вот уж ты и во фраке. Не человек ты, а игра природы — тараканий царь. Ну и везет тебе! Впрочем, ваша нация вообще везучая!

Артур. Если вы опять начнете проповедовать здесь антисемитизм, я прекращу беседу с вами.

Чарнота. Да тебе-то что? Ты же говорил, что ты венгерец.

Артур. Тем не менее.

Чарнота. Вот и я говорю: везет вам, венгерцам! Вот чего, Артур Артурович: хочу я ликвидировать свое предприятие. *(Показывает на лоток.)*

Артур. Пятьдесят.

Чарнота. Чего?

Артур. Пиастров.

Чарнота. Ты что же, насмешки строишь надо мной? Я штуку продаю по пятьдесят!

Артур. Ну и продолжай!

Чарнота. Вы, стало быть, и впредь намерены кровопийствовать?

Артур. Я вам не навязываюсь.

Чарнота. Счастливый вы человек, Артур Артурович, не попались вы мне в Северной Таврии!

Артур. Ну, здесь, слава богу, не Северная Таврия!

Чарнота. Возьми газыри. Серебряные.

Артур. Газыри вместе с ящиком — две лиры пятьдесят.

Чарнота. На, бери! *(Отдает ящик и газыри Артуру.)*

Артур. Пожалуйста. *(Отдает деньги Чарноте.)*

В карусель проходят трое в шапках с павлиньими перьями, в безрукавках и с гармониями.

(Скрылся, потом опять выглянул, кричит). Пять часов! Мы начинаем! Пожалуйста, господа!

Над каруселью взвивается русский трехцветный флаг. В карусели гармонии заиграли залихватский марш. Чарнота первым устремляется к кассе.

Чарнота. Давайте, Марья Константиновна, на две лиры пятьдесят на «Янычара»!

К кассе повалила публика. Вламывается группа итальянских военных моряков, за ними — английские матросы, с ними — Проститутка-красавица. Полезли жулики разного типа, мелькнул Негр. Марш гремит. В ресторане летает Лакей, подает пиво. Артур, во фраке и в цилиндре, взвился над каруселью. Марш смолк.

А р т у р. Мсье, дам! Бега открыты! Невиданная нигде в мире русская придворная игра! Тараканьи бега! Курс де кафар! Корсо дель пьятелло! Рейс оф кок-рочс! Любимая забава покойной императрицы в Царском Селе! Ламюземан префере де ла дефянт эмператрис рюсс а Царское Село!

Появляются двое полицейских — итальянский и турецкий.

Первый заезд! Бегут: первый номер — «Черная Жемчужина»! Номер второй — фаворит «Янычар».

Итальянцы-матросы (аплодируют, кричат). Evviva! ¹

Англичане-матросы (свистят, кричат). Away! Away! ²

Вламывается потная, взволнованная фигура в котелке и в интендантских погонах.

Ф и г у р а. Опоздал?! Побежали?

Голос: «Поспешь!»

А р т у р. Третий — «Баба-Яга»! Четвертый — «Не плачь, дитя»! Серый в яблоках таракан!

Крики: «Ура! «Не плачь, дитя»!
It is a swindle!
It is a swindle ³.

Шестой — «Хулиган»! Седьмой — «Пуговица»!

Свист. Крики: «А trap!», «А trap!» ⁴

¹ Да здравствует! (итал.).

² Долой! Долой! (англ.).

³ Афера! афера! (англ.).

⁴ Ловушка! Ловушка! (англ.).

Артур. Ай бег ёр пардон!¹ Никаких шансов! Тараканы бегут на открытой доске, с бумажными наездниками! Тараканы живут в опечатанном ящике под наблюдением профессора энтомологии Казанского императорского университета, еле спасшегося от рук большевиков! Итак, к началу! (*Проваливается в карусель.*)

Толпа игроков хлынула в карусель. Мальчишки появились на каменном заборе. В карусели гул, потом мертвое молчание. Потом гармонии заиграли «Светит месяц»; в музыке побежали, шурша, тараканьи лапки.

Отчаянный голос в карусели: «Побежали!»

Мальчишка-грек, похожий на дьяволенка, танцует на заборе, кричит: «Побезали, побезали!»

Крик в карусели: «Янычар» сбоят!» Гул.

Чарнота (*у кассы*). Как — сбоят? Быть этого не может!!!

Голос в карусели: «Не плачь, дитя!»

Другой голос: «Давай, давай, давай!»

Убить Артурку мало!

Личико беспокойно высовывается из кассы. Полицейские проявляют беспокойство, заглядывают в карусель.

Фигура (*выбежав из карусели*). Жульничество! Артурка пивом опоил «Янычара»!

Артур вырывается из карусели. Обе фалды фрака у него оторваны, цилиндр превращен в лепешку, воротничка нет. Лицо в крови. За ним гонится толпа игроков.

Артур (*кричит отчаянно*). Марья Константиновна, зовите полицию!

Личико исчезает. Полицейские свистят.

¹ I beg your pardon! — Прошу прощения! (*англ.*)

Итальянцы-матросы (кричат). Ladro! Scroccone! Trufatore! ¹

Проститутка-красавица. Бей Артура, Джанни! (Артуру.) Ingannatore! ²

Матросы-англичане. Hip, hip, hurrah! Long live «Pugovitz»! ³

Проститутка-красавица. Братики! Фрателли! Кто-то подкупил Артурку, чтобы «Пуговицу» играть! Фаворит трясет лапками, пьян, как зюзя! Где это видано, чтобы «Янычар» сбиол?!

Артур (в отчаянии). Где вы видели когда-либо пьяного таракана? Же ву деманд эн пё, у эсе-кё ву заве вю эн кафар суль? Полис! Полис! О скур!.. Полиция! На помощь!

Проститутка-красавица. Мансонж! Ложь! Вся публика играла «Янычара»! Бейте его, мошенника!

Итальянец-матрос (схватывает Артура за глотку, кричит). А, marmalia! ⁴

Итальянцы (кричат). Canalia! ⁵

Артур (томно). Убивают...

Боцман-англичанин (Итальянцу). Stop! Keer back! ⁶ (Схватывает Итальянца.)

Фигура. Дай ему по уху!

Проститутка-красавица (Англичанину). А, так вы заступаться?!

Англичанин ударяет итальянца, тот падает.

¹ Жулик! Мошенник! Плут! (итал.).

² Мерзавец! (итал.).

³ Хип, хип, ура! Да здравствует «Пуговица!» (англ.).

⁴ Сброд!.. (итал.).

⁵ Негодяй! (итал.).

⁶ Стой! Назад! (англ.).

Проститутка-красавица. А soccorso, fratelli! На помощь, братики! Бейте, братики, англичан! Итальянцы, на помощь!

Англичане схватываются с итальянцами. Итальянцы вытаскивают ножи. При виде ножей публика с воем бросается в разные стороны.

Мальчишка-грек, танцуя на стене, кричит: «Англицанов резут!!!»

Из переулка, свистя, врывается толпа итальянских и турецких полицейских с револьверами. Чарнота у кассы, схватывается за голову.

Сон вдруг разваливается.

Тьма. Настает тишина, и течет новый сон.

СОН ШЕСТОЙ

...Разлука, ты, разлука!..

Появляется двор с кипарисами, двухэтажный дом с галереей. Водоем у каменной стены, тихо стучат капли воды. Каменная скамья у калитки. Повыше дома кривой пустынный переулок. Солнце садится за балюстраду минарета. Первые предвечерние тени. Тихо.

Чарнота (*входит во двор*). Чертова «Пуговица»! Впрочем, дело не в «Пуговице», а в том, что я пропал бесповоротно... Съест она меня, съест. Убежать, что ли? А куда, если спросить вас, Григорий Лукьянович, вы побежите? Здесь вам не Таврия, бегать не полагается. Ай-яй-яй!

Дверь на галерею открывается, и выходит Люська. Одетая неряшливо. Люська голодна, от этого глаза ее блестят, а лицо дышит неземной, но мимолетной красотой.

Люська. А, здравия желаю, ваше превосходительство! Бонжур, мадам Барабанчикова!

Чарнота. Здравствуй, Люсьенка!

Люська. Отчего же вы так рано? Я бы на вашем месте прошлялась до позднего вечера, тем более что дома очень скучно — ни провизии, ни денег. Но счастливые вести написаны на вашем выразительном лице, и ящика нет. И газыри отсутствуют. Кажется, я начинаю понимать, в чем дело. Пожалуйста деньги, я и Серафима не ели со вчерашнего дня ничего. Будьте любезны.

Чарнота. А где Серафима?

Люська. Это не важно. Она стирает. Ну, подавай деньги.

Чарнота. Случилась катастрофа, Люсьенка.

Люська. Неужели? Где газыри?

Чарнота. Я, Люся, задумал продать их и, видишь ли, положил в ящик, на минутку снял ящик на Гран-Базаре, и...

Люська. Украли?

Чарнота. Угу...

Люська. Конечно, человек с черной бородой украл, не правда ли?

Чарнота (слабей). При чем тут человек с черной бородой?

Люська. А он всегда крадет у мерзавцев на Гран-Базаре. Так честное слово — украли?

Чарнота кивает головой.

Тогда вот что. Ты знаешь, кто ты, Гриша, таков?

Чарнота. Кто?

Люська. Последний подлец!

Чарнота. Как ты смеешь?!

Серафима выходит с ведром, останавливается. Ссорящиеся ее не замечают.

Люська. Смею, потому что ящик был куплен на мои деньги!

Чарнота. Ты мне жена, и у нас общие деньги.

Люська. У мужа — от торговли чертями, а у жены — от торговли совсем другими вещами!

Чарнота. Что ты сказала?

Люська. Да что ты валяешь дурака! На прошлой неделе с французом я псалмы ездила петь? Кто-нибудь у меня спросил, откуда у меня пять лир появилось? И на пять лир неделю жили, и ты, и я, и Серафима! Но это еще не все! Ящик с газырями остался не на Гран-Базаре, а на тараканьих бегах! Ну-с, подведем итоги. Лихой рыцарь генерал Чарнота разгромил контрразведку, вынужден был из армии бежать, ну и теперь нищенствует в Константинополе, а с ним и я!

Чарнота. Ты что же, можешь упрекнуть меня за то, что я женщину от гибели спас? За Симку можешь упрекнуть?

Люська. Нет! А ее, Симку, могу упрекнуть, могу! (Закусила удила.) Пусть живет непорочная Серафима, вздыхает по своем пропавшем без вести Голубкове, пусть живет и блистательный генерал за счет распутной Люськи.

Серафима. Люся!

Люська. Подслушивать тебе как будто и не к лицу, Серафима Владимировна!

Серафима. Я и не думала подслушивать, не занимаюсь этим. Услышала случайно, и хорошо, что услышала. Почему же ты раньше мне ничего не сказала насчет пяти лир?

Люська. Что ты лукавишь, Серафима, что ты, слепая, что ли?

Серафима. Клянусь тебе, я ничего не знала. Я думала, что пять лир он принес. Но не беспокойся, Люся, я отработаю.

Люська. Пожалуйста, без благородства!

Серафима. Не сердись, не будем ссориться. Выясним положение.

Люська. Выяснить тут нечего. Завтра греки нас турнут с квартиры, жрать абсолютно нечего, все продано. (*Загорается вновь.*) Нет, я не могу успокоиться! Это он меня довел до белого каления! (*Чарноте.*) Отвечай, проиграл?

Чарнота. Проиграл.

Люська. Ах ты!..

Чарнота. Войди в мое положение! Не могу я торговать чертями! Я воевал!

Серафима. Люся, брось, брось... Ну брось! Полторы-две лиры, ну чем они нам помогут?

Молчание.

А ведь действительно какой-то злостный рок нас травит!

Люська. Лирика!

Чарнота (*внезапно, Люське*). Ты была с французом?

Люська. Поди ты к черту от меня!

Серафима. Тише, тише, тише! Перестаньте ссориться, сейчас я принесу ужин.

Люська. Брось, Симка, не берись не за свои дела. Ты моими словами не обижайся. Я все равно пойду по этой дороге. Я не евши сидеть не буду, у меня принципов нету!

Серафима. И я не евши сидеть не буду, и на чужой счет питаться не буду. А знать, что ты ходишь, зарабатываешь, и сидеть здесь — это уж та-

кая подлость, такая подлость! Надо было мне все сказать! Попали вместе в яму — вместе и действовать будем!

Люська. Чарнота продаст револьвер.

Чарнота. Люсенька, штаны продам, все продам, только не револьвер! Я без револьвера жить не могу!

Люська. Он тебе голову заменяет. Ну и питайся на женский счет!

Чарнота. Ты не искушай меня!

Люська. Вот только тронь меня пальцем, я тебя отравлю ночью!

Серафима. Перестаньте! Что вы грызетесь все время? Я вам говорю — будет ужин! Это вы с голоду!

Люська. Что ты там затеваешь, дура?

Серафима. Ничего я не дура, я была действительно душой! Да не все ли равно, чем торговать. Все это такая чепуха! *(Уходит на галерейку, потом возвращается в шляпе. Уходя.)* Ждите меня, только, пожалуйста, без драки.

Где-то шарманка заиграла «Разлуку».

Люська. Симка! Симка!

Чарнота. Сима!

Молчание.

Люська. У, гнусный город! У, клопы! У, Босфор!.. А ты...

Чарнота. Замолчи.

Люська. Ненавижу я тебя, и себя, и всех русских! Изгой чертовы! *(Уходит в галерею.)*

Чарнота *(один)*. В Париж или в Берлин, куда податься? В Мадрид, может быть? Испанский го-

род... Не бывал. Но могу пари держать, что дыра. (Присаживается на корточки, шарит под кипарисом, находит окурок.) До чего греки жадный народ, ведь до самого хвостика докуривает, сукин кот! Нет, я не согласен с ней, наши русские лучше, определенно лучше. (Зажигает окурок и уходит на галерею.)

Во двор входит Голубков, он в английском френче, в обмотках и в турецкой феске. С шарманкой. Ставит ее на землю, начинает играть «Разлуку», потом марш.

(Кричит с галереи.) Перестанешь ли ты, турецкая морда, мне душу надрывать?

Голубков. Что? Гри... Григорий Лукьянович? Говорил, что найду! Нашел!

Чарнота. Кто такой? Ты, приват-доцент?

Голубков (садится на край водоема, в волнении). Нашел.

Чарнота (сбегает к нему). Меня-то нашел, нашел... Я тебя за турка принял. Здравствуй! (Целует Голубкова.) На что ты похож?! Э, постарел! Мы думали, что ты у большевиков остался. Где же ты пропал полгода?

Голубков. Сперва в лагере околачивался, потом тифом заболел, в больнице два месяца провалялся, а теперь вот хожу по Константинополю, Хлудов приютил. Его, ты знаешь, разжаловали, из армии вон!

Чарнота. Слышал. Я, брат, и сам теперь человек штатский. Насмотрелись мы тут... Но с шарманкой еще никого не было.

Голубков. Мне с шарманкой очень удобно. По дворам хожу и таким образом ищу. Говори

сразу, умерла она? Говори, не бойся. Я ко всему привык.

Чарнота. А, Серафима! Зачем умерла? Поправилась, живехонька!

Голубков. Нашел! (Обнимает Чарноту.)

Чарнота. Конечно, жива. Но, надо сказать, в трудное положение мы попали, доцент! Все рухнуло! Добегались мы, Сережа, до ручки!

Голубков. А где же она, где Серафима?

Чарнота. Тут она. Придет. Мужчин пошла ловить на Перу.

Голубков. Что?!

Чарнота. Ну чего ты на меня выпятился? Сдыхаем с голоду. Ни газырей, ни денег.

Голубков. Как так — пошла на Перу? Ты лжешь!

Чарнота. Чего там лжешь? Я сам не курил сегодня полдня. В Мадрид меня чего-то кидает... Снился мне всю ночь Мадрид...

Послышались голоса. Во двор входит Серафима, а за ней — Грек-донжуан, увешанный покупками и с бутылками в руках.

Серафима. О нет, нет, это будет очень удобно, мы посидим, поболтаем... Правда, мы живем на би-вуаках...

Грек-донжуан (с сильным акцентом). Очень, очень мило! Я боюсь стеснить вас, мадам.

Серафима. Позвольте, я познакомлю вас...

Чарнота поворачивается спиной к ней.

Куда же вы, Григорий Лукьянович, это неудобно!

Грек-донжуан. Очень, очень приятно!

Серафима (узнав Голубкова). Боже мой!

Голубков, тяжело морщась, подымается с водоема, подходит к Греку и дает ему в ухо.

Грек-донжуан роняет покупки, крайне подавлен.

В окнах появляются встревоженные греческие и армянские головы.

Люська выходит на телерею.

Грек-донжуан. Что это? Такое что?..

Серафима. Боже мой!.. Позор, позор!

Чарнота. Господин грек!

Грек-донжуан. А, это я в мухоловку попал, притон! (Печален.)

Серафима. Простите меня, мсье, простите, ради бога! Это ужас, это недоразумение!..

Чарнота (берясь за револьвер, оборачивается к окнам). Сию минуту провалиться!

Головы проваливаются, и окна закрываются.

Грек-донжуан (тоскливо). Ой, боже...

Голубков (двинулся к нему). Вы...

Грек-донжуан (вынув бумажник и часы). На кошелек и на часы, храбрый человек! Жизнь моя дорогая — у меня семья, магазин, детки... Ничего не скажу полиции... живи, добрый человек, славь бога всемогущего...

Голубков. Вон отсюда!

Грек-донжуан. Ах, Стамбул, какой стал!..

Голубков. Покупки взять!

Грек-донжуан хотел было взять покупки, но всмотрелся в лицо Голубкова и кинулся бежать.

Люська. Господин Голубков? А мы вас не далее как час назад вспоминали! Думали, что вы нахо-

дитесь там, в России. Но ваш выход можно считать блестящим!

Голубков. А вы, Серафима Владимировна, что же это вы делаете?! Я и плыл, и бежал, был в больнице, видите, голова моя обрита... Бежал только за тобой! А ты, что ты тут делаешь?

Серафима. Кто вам дал право упрекать меня?

Голубков. Я тебя люблю, я гнался за тобой, чтобы тебе это сказать!

Серафима. Оставьте меня. Я больше ничего не хочу слышать! Мне все это надоело! Зачем вы появились опять передо мной? Все мы нищие! Отделяюсь от вас!.. Хочу погибать одна! Боже, какой позор! Какой срам! Прощайте!

Голубков. Не уходите, умоляю!

Серафима. Ни за что не вернусь! *(Уходит.)*

Голубков. Ах так! *(Выхватывает внезапно кинжал у Чарноты и бросается вслед за Серафимой.)*

Чарнота *(обхватив его, отнимает кинжал)*. Ты что, с ума сошел? В тюрьму хочется?

Голубков. Пусти! Я все равно ее найду, я все равно ее задержу! Ладно! *(Садится на край водоема.)*

Люська. Вот представление, так представление! Греки поражены. Ну, довольно. Чарнота, открывай сверток, я голодна.

Голубков. Не дам прикоснуться к сверткам!

Чарнота. Нет, не открою.

Люська. Ах вот что! Ну, терпение мое кончилось! Выпила я свою константинопольскую чашу, довольно! *(Берет в галерее шляпу, какой-то сверток, выходит.)* Ну-с, Григорий Лукьянович, желаю вам всего хорошего. Совместная наша жизнь кон-

чена. У Люськи есть знакомства в восточном экспрессе, и Люська была душой, что сидела здесь полгода! Прощайте!

Чарнота. Куда ты?

Люська. В Париж! В Париж! Прощайте! (Исчезает в переулке.)

Чарнота и Голубков сидят на краю водоема и молчат. Мальчишка-турок ведет кого-то, манит, говорит: «Здесь, здесь!» За мальчишкой идет Хлудов в штатском. Поста- рел и поседел.

Чарнота. Вот и Роман. И он появился. Ты что смотришь, что газырей нет? Я тоже, как и ты, человек вольный.

Хлудов. Да, уж вижу. Ну здравствуй, Григорий Лукьянович. Да, вот так все и ходим один по следам другого. (Указывая на Голубкова.) То я его лечил, а теперь он носится с мыслью меня вылечить. Между делом на шарманке играет. (Голубкову.) Ну что, и тут безрезультатно?

Голубков. Нет, нашел. Только ты меня ни о чем не спрашивай. Не спрашивай ни о чем.

Хлудов. Я тебя и не спрашиваю. Это дело твое. Мне важно только — нашел?

Голубков. Хлудов! Я попрошу тебя только об одном, и ты один это можешь сделать. Догони ее, она ушла от меня, задержи ее, побереги, чтобы она не ушла на панель.

Хлудов. Почему же ты сам не можешь этого сделать?

Голубков. Здесь, на водоеме, я принял твердое решение, я уезжаю в Париж. Я найду Корзухина, он богатый человек, он обязан ей помочь, он ее погубил.

Хлудов. Как ты поедешь? Кто тебя пустит во Францию?

Голубков. Тайком уеду. Я сегодня играл в порту на шарманке, капитан принял во мне участие, я вас, говорит, в трюм заберу, в трюме в Марсель отвезу.

Хлудов. Что же? Долго я должен ее караулить?

Голубков. Я скоро вернусь и даю тебе клятву, что больше никогда ни о чем не попрошу.

Хлудов. Дорого мне обошлась эта станция. (Оборачивается.) Нет, нету.

Чарнота (шепотом). Хорош караульщик!

Голубков (шепотом). Не смотри на него, он борется с этим.

Хлудов. Куда же она сейчас пошла?

Чарнота. Это не трудно угадать. Пошла у грека прощения вымаливать, на Шишлы, в комиссионный магазин. Я его знаю.

Хлудов. Ну хорошо.

Голубков. Только чтоб не ушла на панель!

Хлудов. У меня-то? У меня не уйдет. Недаром говорил один вестовой — мимо тебя не проскочишь... Ну, впрочем, не будем вспоминать... Помяни, господа! (Голубкову.) Денег нет?

Голубков. Не надо денег!

Хлудов. Не дури. Вот две лиры, больше сейчас нету. (Отстегивает медальон от часов.) Возьми медальон, в случае крайности — продашь. (Уходит.)

Вечерние тени гуще. С минарета полился сладкий голос муэдзина: «La illâh illa illâh...»¹.

¹ Молитва магометан: «Нет бога, кроме бога».

Голубков. Вот и ночь наступает... Ужасный город! Нестерпимый город! Душный город! Да, чего же я сижу-то? Пора! Ночью уеду в трюме.

Чарнота. Я поеду с тобой. Никаких мы денег не достанем, я и не надеюсь на это, а только вообще куда-нибудь ехать надо. Я же говорю — думал, в Мадрид, но Париж — это, пожалуй, как-то пристойнее. Идем. То-то греки-хозяева удивятся и обрадуются!

Голубков (*идет*). Никогда нет прохлады — ни днем, ни ночью!

Чарнота (*уходит с ним*). В Париж так в Париж!

Мальчишка-турок подбегает к шарманке, вертит ручку. Шарманка играет марш.

Голос муэдзина летит с минарета.

Тени. Кое-где загораются уже огоньки. В небе бледноватый золотой рог.

Потом тьма. Сон кончается.

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СОН СЕДЬМОЙ

...Три карты, три карты, три карты!..

Осенний закат в Париже. Кабинет господина Корзухина в собственном особняке. Кабинет обставлен необыкновенно внушительно. В числе прочего несгораемая касса. Кроме письменного стола — карточный. На нем приготовлены карты и две незажженные свечи.

К о р з у х и н. Антуан!

Входит очень благообразного французского вида лакей Антуан, в зеленом фартуке.

Monsieur Marchand m'avait averti qu'il ne viendra pas aujourd'hui. Ne remuez pas la table. Je me servirai plus tard.

Молчание.

Répondez-donc quelque chose! ¹ Да вы, кажется, ничего не поняли?

А н т у а н. Так точно, Парамон Ильич, не понял.

К о р з у х и н. Как «так точно» по-французски?

А н т у а н. Не могу знать, Парамон Ильич.

¹ Мсье Маршан сообщил, что не придет сегодня. Со стола не надо убирать. Я буду обедать позднее. Да отвечайте же! (франц.).

Корзухин. Антуан, вы русский лентяй. Запомните: человек, живущий в Париже, должен знать, что русский язык пригоден лишь для того, чтобы ругаться непечатными словами или, что еще хуже, провозглашать какие-нибудь разрушительные лозунги. Ни то ни другое в Париже не принято. Учитесь, Антуан, это скучно. *Que faites-vous à ce moment?* Что вы делаете в настоящую минуту?

Антуан. Же... Я ножи чищу, Парамон Ильич.

Корзухин. Как — ножи, Антуан?

Антуан. Ле куте, Парамон Ильич.

Корзухин. Правильно. Учитесь, Антуан.

Звонок.

(Расстегивает пижаму, говорит, выходя.) Принять. Авось партнер подвернется. *Je suis à la maison*¹. *(Выходит.)*

Антуан выходит и возвращается с Голубковым. Тот в матросских черных брюках, сером потертом пиджачке, в руках у него кепка.

Голубков. *Je voudrais parler à monsieur Корзухин*².

Антуан. Пожалуйста вашу визитную карточку, вотр карт.

Голубков. Как? Вы русский? А я вас принял за француза. Как я рад!

Антуан. Так точно, я русский. Я — Грищенко.

Голубков жмет руку Антуану.

¹ Я — дома *(франц.)*.

² Я хотел бы поговорить с мсье... *(франц.)*.

Голубков. Дело вот в чем — карточек у меня нет. Вы просто скажите, что, мол, Голубков из Константинополя.

Антуан. Слушаю-сь. (Скрывается.)

Корзухин (выходя уже в пиджаке, бормочет). Какой такой Голубков?.. Голубков... Чем могу служить?

Голубков. Вы, вероятно, не узнаете меня? Мы с вами встретились год тому назад в ту ужасную ночь на станции в Крыму, когда схватили вашу жену. Она сейчас в Константинополе на краю гибели.

Корзухин. На краю чего? Простите, во-первых, у меня нет никакой жены, а во-вторых, и станции я не припоминаю.

Голубков. Как же? Ночь... еще сделался ужасный мороз, вы помните мороз во время взятия Крыма?

Корзухин. К сожалению, не помню никакого мороза. Вы изволите ошибаться.

Голубков. Но ведь вы — Парамон Ильич Корзухин, вы были в Крыму, ведь я же вас узнал!

Корзухин. Действительно, я некоторое время проживал в Крыму, как раз тогда, когда там бушевали эти полоумные генералы. Но, видите ли, я тогда же уехал, никаких связей с Россией не имею и не намерен иметь. Я принял французское подданство, женат не был, и должен вам сказать, что вот уже третий месяц, как у меня в доме проживает в качестве личного секретаря русская эмигрантка, также принявшая французское подданство и фамилию Фрежоль. Это очаровательнейшее существо настолько тронуло мое сердце, что, по секрету вам сказать, я намерен вскоре на ней жениться, так что всякие раз-

говору о какой-то якобы имеющейся у меня жене мне неприятны.

Голубков. Фрежоль... Значит, вы отказываетесь от живого человека! Но ведь она же ехала к вам! Помните, ее арестовали? Помните, мороз, окна, фонарь — голубая луна?..

Корзухин. Ну да, голубая луна, мороз... Контрразведка уже пыталась раз шантажировать меня при помощи легенды о какой-то моей жене-коммунистке. Мне неприятен этот разговор, господин Голубков, повторяю вам.

Голубков. Ай-яй-яй! Моя жизнь мне снится!..

Корзухин. Вне всяких сомнений.

Голубков. Я понял. Она вам мешает, и очень хорошо. Пусть она не жена вам. Так даже лучше. Я люблю ее, поймите это! И сделаю все для того, чтобы выручить ее из рук нищеты. Но я прошу вас помочь ей хотя бы временно. Вы — богатейший человек, всем известно, что все ваши капиталы за границей. Дайте мне взаймы тысячу долларов, и, лишь только мы станем на ноги, я вам свято ее верну. Я отработаю! Я поставлю себе это целью жизни.

Корзухин. Простите, мсье Голубков, я так и предполагал, что разговор о мифической жене приведет именно к долларам. Тысячу? Я не ослышался?

Голубков. Тысячу. Клянусь вам, я верну ее!

Корзухин. Ах, молодой человек! Прежде чем говорить о тысяче долларов, я вам скажу, что такое один доллар. *(Начинает балладу о долларе и вдохновляется.)* Доллар! Великий всемогущий дух! Он всюду! Глядите туда! Вон там, далеко, на кровле, горит золотой луч, а рядом с ним высоко в воздухе согбенная черная кошка — химера! Он и там! Химера его стережет! *(Указывает таинственно в пол.)*

Неясное ощущение, не шум и не звук, а как бы дыхание вспученной земли: там стрелой летят поезда, в них доллар. Теперь закройте глаза и вообразите — мрак, в нем волны ходят, как горы. Мгла и вода — океан! Он страшен, он сожрет. Но в океане, с сипением топок, взрывая миллионы тонн воды, идет чудовище! Идет, кряхтит, несет на себе огни! Оно роет воду, ему тяжело, но в адских топках, там, где голые кочегары, оно несет свое золотое дитя, свое божественное сердце — доллар! И вдруг тревожно в мире!

Где-то далеко послышались звуки проходящей военной музыки.

И вот они уже идут! Идут! Их тысячи, потом миллионы! Их головы запаяны в стальные шлемы. Они идут! Потом они бегут! Потом они бросаются с воем грудью на колючую проволоку! Почему они кинулись? Потому что где-то оскорбили божественный доллар! Но вот в мире тихо, и всюду, во всех городах, ликующе кричат трубы! Он отомщен! Они кричат в честь доллара! (Утихает.)

Музыка удаляется.

Итак, господин Голубков, я думаю, что вы и сами перестанете настаивать на том, чтобы я вручил неизвестному молодому человеку целую тысячу долларов?

Голубков. Да, я не буду настаивать. Но я хотел бы сказать вам на прощанье, господин Корзухин, что вы самый бездушный, самый страшный человек, которого я когда-либо видел. И вы получите возмездие, оно придет! Иначе быть не может! Прощайте! (Хочет уйти.)

Звонок. Входит Антуан.

Антуан. Женераль Чарнота

Корзухин. Гм... Русский день. Ну, проси, проси.

Антуан уходит. Входит Чарнота. Он в черкеске, но без серебряного пояса и без кинжала и в кальсонах лимонного цвета. Выражение лица показывает, что Чарноте терять нечего.
Развязен.

Чарнота. Здорово, Парамоша!

Корзухин. Мы с вами разве встречались?

Чарнота. Ну вот вопрос! Да ты что, Парамон, грезишь? А Севастополь?

Корзухин. Ах да, да... Очень приятно. Простите, а мы с вами пили брудершафт?

Чарнота. Черт его знает, не припоминаю... Да раз встречались, так уж, наверно, пили.

Корзухин. Прости, пожалуйста... Вы, кажется, в кальсонах?

Чарнота. А почему это тебя удивляет? Я ведь не женщина, коей этот вид одежды не присвоен.

Корзухин. Вы... Ты, генерал, так и по Парижу шли, по улицам?

Чарнота. Нет, по улице шел в штанах, а в передней у тебя снял. Что за дурацкий вопрос!

Корзухин. Пардон, пардон!

Чарнота (*тихо, Голубкову*). Дал?

Голубков. Нет. Я ухожу. Пойдем отсюда.

Чарнота. Куда же это мы теперь пойдём? (*Корзухину*.) Что с тобой, Парамон? Твои соотечественники, которые за тебя же боролись с большевиками, перед тобой, а ты отказываешь им в пустяковой сумме. Да ты понимаешь, что в Константинополе Серафима голодает?

Голубков. Попрошу тебя замолчать. Словом, идем, Григорий!

Чарнота. Ну, знаешь, Парамон, грешный я человек, нарочно бы к большевикам записался, только чтобы тебя расстрелять. Расстрелял бы и мгновенно выписался бы обратно. Постой, зачем это карты у тебя? Ты играешь?

Корзухин. Не вижу ничего удивительного в этом. Играю и очень люблю.

Чарнота. Ты играешь! В какую же игру ты играешь?

Корзухин. Представь, в девятку, и очень люблю.

Чарнота. Так сыграем со мной.

Корзухин. Я с удовольствием бы, но, видите ли, я люблю играть только на наличные.

Голубков. Ты перестанешь унижаться, Григорий, или нет? Пойдем!

Чарнота. Никакого унижения нет в этом. *(Шепотом.)* Тебе это сказано? В крайнем случае? Крайнее этого не будет. Давай хлудовский медальон!

Голубков. На, пожалуйста, мне все равно теперь. И я уйду.

Чарнота. Нет, уж мы выйдем вместе. Я тебя с такой физиономией не отпущу. Ты еще в Сену нырнешь. *(Протягивает медальон Корзухину.)* Сколько?

Корзухин. Гм... приличная вещь... Ну что же, десять долларов.

Чарнота. Однако, Парамон! Эта вещь стоит гораздо больше, но ты, по-видимому, в этом не разбираешься. Ну что же, пошло! *(Вручает медальон Корзухину, тот дает ему десять долларов. Садится к карточному столу, откатывает рукава черкески, взламывает колоду.)* Как раба твоего зовут?

Корзухин. Гм... Антуан.

Чарнота (*зычно*). Антуан!

Антуан появляется.

Принеси мне, голубчик, закусить.

Антуан (*удивленно, но почтительно улыбнувшись*). Слушэю-сь... А лэнстан! ¹ (*Исчезает.*)

Чарнота. На сколько?

Корзухин. Ну, на эти самые десять долларов.

Попрошу карту.

Чарнота. Девять.

Корзухин (*платит*). Попрошу на квит.

Чарнота (*мечет*). Девять.

Корзухин. Еще раз квит.

Чарнота. Карту желаете?

Корзухин. Да. Семь.

Чарнота. А у меня восемь.

Корзухин (*улыбнувшись*). Ну, так и быть, на квит.

Голубков (*внезапно*). Чарнота! Что ты делаешь? Ведь он удваивает и, конечно, сейчас возьмет у тебя все обратно!

Чарнота. Если ты лучше меня понимаешь игру, так ты садись за меня.

Голубков. Я не умею.

Чарнота. Так не засти мне свет! Карту?

Корзухин. Да, пожалуйста. Ах, черт, жир!

Чарнота. У меня три очка.

Корзухин. Вы не прикупаете к тройке?

Чарнота. Иногда, как когда...

Антуан вносит закуску.

(*выпивая*). Голубков, рюмку?

¹ А l'instant! — Сию минуту (*франц.*).

Голубков. Я не желаю.

Чарнота. А ты, Парамон, что же?

Корзухин. Мерси, я уже завтракал.

Чарнота. Ага... Угодно карточку?

Корзухин. Да. Сто шестьдесят долларов.

Чарнота. Идет. «Графиня, ценой одного рандеву...». Девять.

Корзухин. Неслыханная вещь! Триста двадцать идет!

Чарнота. Попрошу прислать наличные.

Голубков. Брось, Чарнота, умоляю тебя! Теперь брось!

Чарнота. Будь добр, займись ты каким-нибудь делом. Ну, альбом, что ли, посмотри. *(Корзухину.)* Наличные, пожалуйста!

Корзухин. Сейчас. *(Открывает кассу, в ней тотчас грянули колокола, всюду послышались звонки.)*

Свет гаснет и тотчас возвращается. Из передней появляется Антуан с револьвером в руке.

Голубков. Что это такое?

Корзухин. Это сигнализация от воров. Антуан, вы свободны, это я открывал.

Антуан выходит.

Чарнота. Очень хорошая вещь. Пошлó! Восемь!

Корзухин. Идет шестьсот сорок долларов?

Чарнота. Не пойдет. Этой ставки не принимает банк.

Корзухин. Вы хорошо играете. Сколько примете?

Чарнота. Пятьдесят.

Корзухин. Пошлó. Девять!

Чарнота. У меня жир.

Корзухин. Пришлите.

Чарнота. Пожалуйста.

Корзухин. Пятьсот девяносто!

Чарнота. Э, Парамоша, ты азартный! Вот где твоя слабая струна!

Голубков. Чарнота, умоляю, уйдем!

Корзухин. Карту! У меня семь!

Чарнота. Семь с половиной! Шучу, восемь.

Голубков со стоном вдруг закрывает уши и ложится на диван. Корзухин открывает ключом кассу. Опять звон, тьма, опять свет.

И уже ночь на сцене. На карточном столе горят свечи в розовых колпачках. Корзухин уже без пиджака, волосы его всклокочены. В окнах огни Парижа, где-то слышна музыка. Перед Корзухиным и перед Чарнотой груды валюты. Голубков лежит на диване и спит.

Чарнота (*напевает*). «Получишь смертельный удар ты... три карты, три карты, три карты...». Жир.

Корзухин. Пришлите четыреста! Пошли три тысячи!

Чарнота. Есть. Наличные!

Корзухин бросается к кассе. Опять тьма со звоном и музыкой. Потом свет. В Париже — синий рассвет. Тихо. Никакой музыки не слышно.

Корзухин, Чарнота и Голубков похожи на тени. На полу валяются бутылки от шампанского.

Голубков, комкая, прячет деньги в карманы.

Чарнота (*Корзухину*). Нет ли у тебя газеты завернуть?

Корзухин. Нету. Знаете что, сдайте мне наличные, я вам выдам чек!

Чарнота. Что ты, Парамон? Неужели в каком-нибудь банке выдадут двадцать тысяч долларов человеку, который явился в подштанниках? Нет, спасибо!

Голубков. Чарнота, выкупи мой медальон, я хочу его вернуть!

Корзухин Триста долларов!

Голубков. На! (*Швыряет деньги.*)

Корзухин в ответ швыряет медальон.

Чарнота. Ну, до свидания, Парамоша. Засиделись мы у тебя, нам пора.

Корзухин (*загораживая дверь*). Нет, стой! У меня жар, я ничего не понимаю... Вы воспользовались моей болезнью?! Вот что, верните деньги, я вам дам по пятьсот долларов отступного!

Чарнота. «Ты шутишь»,— зверь вскричал коварный!..»

Корзухин. Ну, если так, я сейчас же звоню в полицию, что вы ограбили меня! Вас схватят сейчас же! Оборванцы!

Чарнота. Ты слышал? (*Вынимает револьвер.*) Ну, Парамон, молись своей парижской богоматери, твой смертный час настал!

Корзухин. Караул! Караул!

На эти вопли вбегает Антуан, в одном белье.

Все спят! Вся вилла спит! Никто не слышит, как меня грабят! Караул!

Портьера раздвигается, и возникает Люська. Она в пижаме. Увидев Чарноту и Голубкова, окаменеет.

Вы спите, милая Люси, в то время как патрона вашего грабят русские бандиты!

Люська. Боже мой, боже! Видно, не испила я еще горькой чаши моей!.. Кажалось бы, имела я право отдохнуть, но нет, нет... Недаром видела сегодня

тараканов во сне! Мне интересно только одно — как вы сюда добрались?

Чарнота (поражен). Это она?

Корзухин (Чарноте). Вы знаете мадемуазель Фрежоль?

Люська за спиной Корзухина становится на колени, умоляюще складывает руки.

Чарнота. Откуда же мне ее знать? Никакого понятия не имею.

Люська. Так познакомимся же, господа! Люси Фрежоль.

Чарнота. Генерал Чарнота.

Люська. Ну-с, господа, в чем недоразумение? (Корзухину.) Крысик, чего ты кричал так отчаянно, кто тебя обидел?

Корзухин. Он выиграл у меня двадцать тысяч долларов! И я хочу, чтоб он вернул их!

Голубков. Это неслыханная подлость!

Люська. Нет, нет, жабочка, это невозможно! Ну, проиграл, что же поделаешь! Ты не маленький!

Корзухин. Где Антуан покупал карты?!

Антуан. Вы сами покупали их, Парамон Ильич.

Люська. Антуан, уйдите к дьяволу! В каком виде вы торчите передо мной?

А н т у а н скрывается.

Господа! Деньги принадлежат вам, и никаких недоразумений не будет. (Корзухину.) Иди, мой мальчик, усни, усни. У тебя под глазами тени.

Корзухин. Уволю этого дурака Антуана! Не пускать ко мне больше русских в дом! (Всхлипнув, уходит.)

Люська. Ну-с, была очень рада повидать соотечественников и жалею, что больше никогда не придется встретиться. (*Шепотом.*) Выиграли — и унесите ноги! (*Громко.*) Антуан!

Антуан выглядывает в дверь.

Господа покидают нас, выпустите их.

Чарнота. О ревуар, мадемуазель¹.

Люська. Адье!²

Чарнота и Голубков уходят.

Слава тебе господи, унесло их! Боже мой! Когда же я наконец отдохну!

В пустынной улице слышались шаги.

(*Воровски оглянувшись, подбегает к окну, открывает его, тихонько кричит.*) Прощайте! Голубков, береги Серафиму! Чарнота! Купи себе штаны!

Потом тьма. Сон кончается.

СОН ВОСЬМОЙ И ПОСЛЕДНИЙ

...Жили двенадцать разбойников...

Комната в коврах, низенькие диваны, кальян. На заднем плане сплошная стеклянная стена, и в ней стеклянная дверь. За стеклами догорают константинопольский минарет, лавры и верх Артуровой карусели.

Садится осеннее солнце, закат, закат...

Хлудов сидит в комнате, он сидит на ковре, поджав ноги по-турецки, и разговаривает с кем-то.

¹ Au revoir, mademoiselle.— До свиданья (*франц.*).

² Adieu.— Прощайте (*франц.*).

Х л у д о в. Ты достаточно измучил меня. Но наступило просветление. Да, просветление. Но ведь нельзя же забывать, что ты не один возле меня. Есть и живые, повисли на моих ногах и тоже требуют. А? Судьба завязала их в один узел со мной, и их теперь не отлепить от меня. Я с этим примирился. Одно мне непонятно. Ты. Как отделился ты один от длинной цепи лун и фонарей? Как ты ушел от вечного покоя? Ведь ты был не один. О нет, вас было много... (*Бормочет.*) Ну, помяни, помяни, помяни... А мы не будем вспоминать. (*Думает, стареет, понижает.*) Да. Итак, все это я сделал напрасно. А потом что было? Просто — мгла, и мы ушли. Потом — зной, и каждый день вертится карусель. Но ты, ловец! В какую даль проник за мной, и вот поймал, поймал меня в мешок! Не мучь более меня, пойми, что я решился, клянусь. Лишь только Голубков вернется, я поеду сейчас же. Ну облегчи же мне душу, кивни. Кивни хоть раз, красноречивый вестовой Крапилин! Так! Кивнул! Решено!

Тихо входит С е р а ф и м а.

С е р а ф и м а. Что, Роман Валерьянович, опять?

Х л у д о в. Что такое?

С е р а ф и м а. С кем вы говорили? Ведь в комнате нет никого, кроме вас!

Х л у д о в. Вам послышалось. А впрочем, у меня есть манера бормотать. Надеюсь, что это никому не мешает, а?

С е р а ф и м а (*садится на ковер рядом с Хлудовым*). Четыре месяца я живу за стеной и слышу по ночам ваше бормотанье. Вы думаете, это легко? В такие ночи я сама не сплю. А теперь уже и днем? Бедный, бедный человек...

Хлудов. Хорошо. Я достану вам другую комнату, но в этом же квартале, чтобы вы были под моим надзором. Я продал перстень, деньги есть. Светло в ней, окна на Босфор. Особенного комфорта, конечно, предложить не могу. Вы сами видите — чепуха. Разгром. Проиграли и выброшены. А почему проиграли, вы знаете? (*Таинственно указывает за плечо.*) Мы-то с ним все знаем. Мне и самому неудобно с вами рядом, но я должен держать слово.

Серафима. Роман Валерьянович, вы помните тот день, когда уезжал Голубков? Вы догнали меня и силой вернули, помните?

Хлудов. Когда человек с ума сходит, приходится применять силу. Все вы какие-то ненормальные.

Серафима. Мне стало жаль вас, Роман Валерьянович, и из-за этого только я и осталась.

Хлудов. Мне нянька не нужна, а вам нужна!

Серафима. Не раздражайтесь, вы этим причиняете вред только самому себе.

Хлудов. Да, верно, верно... Я больше никому не могу причинить вреда. А помните — ночь, ставка... Хлудов — зверюга, Хлудов — шакал? А?

Серафима. Все это ушло, и я забыла, и вы не вспоминайте.

Хлудов (*бормочет*). Да, да, да... Нет, мне приходится вспоминать. А впрочем, помяни, помяни... не будем вспоминать.

Серафима. Ну вот, Роман Валерьянович, я всю ночь думала... Надо же на что-нибудь решиться. Скажите, до каких же пор мы будем с вами этак сидеть?

Хлудов. А вот вернется Голубков — и сразу

клубочек разматывается. Я вас сдаю ему, и каждый тогда сам по себе, врассыпную. И кончено. Душный город!

Серафима. Ах, каким безумием было отпустить его тогда! Никогда себе этого не прощу! Ах, как я тоскую по нем! Это Люська, Люська виновата... Я обезумела от ее упреков... А теперь не сплю так же, как и вы, потому что он, наверно, пропал в скитаниях, а может быть, и умер.

Хлудов. Душный город! И это позорище — тараканьи бега! Все на меня валят, будто я ненормален. А зачем, в самом деле, вы его отпустили? Деньги там какие-то, у этого вашего мужа?

Серафима. Нет у меня никакого мужа, забыла его и проклиная!

Хлудов. Ну, словом, что же делать?

Серафима. Будем смотреть правде в глаза: пропал Сергей Павлович, пропал. И сегодня ночью я решила: вот казаков пустили домой, и я попрошусь, вернусь вместе с ними в Петербург. Зачем я, сумасшедшая, поехала?

Хлудов. Умно. Очень. Умный человек, а? Большевикам вы ничего не сделали, можете возвращаться спокойно.

Серафима. Одного я только не знаю, одно меня только и держит — это, что будет с вами?

Хлудов *(таинственно манит ее пальцем. Она придвигается, и он говорит ей на ухо)*. Только тсс... вам-то ничего, а за мной контрразведка по пятам ходит, у них нюх... *(Шепчет.)* Я тоже поеду в Россию, можно ехать сегодня же ночью. Ночью пойдет пароход.

Серафима. Вы тайком хотите, под чужим именем?

Хлудов. Под своим именем. Явлюсь и скажу: я приехал, Хлудов.

Серафима. Опомнитесь, вас сейчас же расстреляют!

Хлудов. Моментально. (Улыбается.) Мгновенно. А? Ситцевая рубашка, подвал, снег... Готово! Тает мое бремя. Смотрите, он ушел и стал вдали.

Серафима. А! Так вот вы о чем бормочете! Вы хотите смерти? Безумный человек! Оставайтесь здесь, может быть, вы вылечитесь?

Хлудов. Я вылечился сегодня. Я совершенно здоров. Не таракан, в ведрах плавать не стану. Я помню армии, бои, снега, столбы и на столбах фонарики... Хлудов пройдет под фонариками.

Громкий стук в дверь. Она тотчас открывается, и входят Голубков и Чарнота. Оба одеты в приличные костюмы. В руках у Чарноты чемоданчик.
Молчание.

Серафима. Сережа!.. Сережа!

Чарнота. Здравствуйте! Что же вы молчите?

Хлудов. Ну вот они. Приехали. Я же говорил вам...

Голубков. Сима! Ну что же, Сима, здравствуй!

Серафима обнимает Голубкова и плачет.

Хлудов (морщась). Пойдем, Чарнота, на балкон, поговорим. (Уходит с Чарнотой за стеклянную стену.)

Голубков. Ну не плачь, не плачь. О чем ты плачешь, Серафима? Вот я, я вернулся...

Серафима. Я думала, что ты погиб! О, если бы ты знал, как я тосковала!.. Теперь для меня все яс-

но... Но все-таки я дождалась! Ты теперь никуда больше не поедешь, я тебя не отпускаю.

Голубков. Никуда, конечно, никуда! Все конечно! И мы сейчас все придумаем! Как же ты жила здесь, Сима, без меня? Скажи мне хоть слово!

Серафима. Я измучилась, я не сплю. Как только ты уехал, я опомнилась, я не могла простить себе, что я тебя отпустила! Все ночью сижу, смотрю на огни, и мне мерещится, что ты ходишь по Парижу, оборванный и голодный... А Хлудов больной, он такой страшный!

Голубков. Не надо, Сима, не надо!

Серафима. Ты видел мужа моего?

Голубков. Видел, видел. Он отрекся от тебя, и у него новая жена, а кто — совершенно неинтересно... И... так лучше, и ты свободна! (*Кричит.*) Хлудов, спасибо!

Хлудов и Чарнота входят.

Хлудов. Ну вот, все в порядке теперь, а? (*Голубкову.*) Ты ее любишь? А? Искренний человек? Советую ехать туда, куда она скажет. А теперь прощайте все! (*Берет пальто, шляпу и маленький чемодан.*)

Чарнота. Куда это, смею спросить?

Хлудов. Сегодня ночью пойдет пароход, и я поеду с ним. Только молчите.

Голубков. Роман! Одумайся! Тебе нельзя этого делать!

Серафима. Говорила уже, его не удержишь.

Хлудов. Чарнота! А знаешь что? Поедем со мной, а?

Чарнота. Постой, постой, постой! Только сейчас сообразил! Куда это? Ах туда! Здорово заду-

мано! Это что же, новый какой-нибудь хитроумный план у тебя созрел? Не зря ты генерального штаба! Или ответ едешь держать? А? Ну так знай, Роман, что проживешь ты ровно столько, сколько потребуется тебя с парохода снять и довести до ближайшей стенки! Да и то под строжайшим караулом, чтоб тебя не разорвали по дороге! Ты, брат, большую память о себе оставил. Ну а попутно с тобой и меня, раба божьего, поведут, поведут... За мной много чего есть! Хотя, правда, фонарей у меня в тылу нет!

Серафима. Чарнота! Что ты больному говоришь?

Чарнота. Говорю, чтобы остановить его.

Голубков. Роман! Остайся, тебе нельзя ехать!

Хлудов. Ты будешь тосковать, Чарнота.

Чарнота. Эх, сказал! Я, брат, давно тоскую. Мучает меня Киев, помню я лавру, помню бои... От смерти я не бегал, но за смертью специально к большевикам тоже не поеду. И тебе из жалости говорю — не езд.

Хлудов. Ну, прощай! Прощайте! (Уходит.)

Чарнота. Серафима, задержи его, он будет каяться!

Серафима. Ничего не могу сделать.

Голубков. Вы его не удержите, я знаю его.

Чарнота. А! Душа суда требует! Ну что ж, ничего не сделаешь! Ну а вы?

Серафима. Пойдем, Сергей, проситься. Я придумала — поедем ночью домой!

Голубков. Поедем, поедем! Не могу больше скитаться!

Чарнота. Ну что ж, вам можно, вас пустят. Давай делить деньги.

Серафима. Какие деньги? Это, может быть, корзухинские деньги?

Голубков. Он выиграл у Корзухина двадцать тысяч долларов.

Серафима. Ни за что!

Голубков. И мне не надо. Доехал сюда, и ладно. Мы доберемся как-нибудь до России. Того, что ты дал, нам хватит.

Чарнота. Предлагаю в последний раз. Нет? Благородство? Ну, ладно. Итак, пути наши разошлись, судьба нас развязала. Кто в петлю, кто в Питер, а я куда? Кто я теперь? Я — Вечный Жид отныне! Я — Агасфер. Летучий я голландец! Я — черт собачий!

Часы пробили пять. Над каруселью поднялся флаг вдали, и слышались гармонии, а с ними хор у Артура на бегах:

«...Жили двенадцать разбойников и Кудеяр-атаман...»

Ба! Слышите? Жива вертушка, работает! *(Распахивает дверь на балкон.)*

Хор полился яснее: «...много разбойники пролили крови честных христиан...»

Здравствуй вновь, тараканий царь Артур! Ахнешь ты сейчас, когда явится перед тобой во всей славе своей генерал Чарнота! *(Исчезает.)*

Голубков. Не могу больше видеть этого города! Не могу слышать!

Серафима. Что это было, Сережа, за эти полтора года? Сны? Объясни мне! Куда, зачем мы бежали? Фонари на перроне, черные мешки... потом зной! Я хочу опять на Караванную, я хочу опять увидеть снег! Я хочу все забыть, как будто ничего не было!

Хор разливается шире: «Господу богу помолимся, древнюю
быль возвестим!..»

Издали полился голос муэдзина: «La illàh illa illâh...»

Г о л у б к о в. Ничего, ничего не было, все мерещилось! Забудь, забудь! Пройдет месяц, мы доберемся, мы вернемся, и тогда пойдет снег, и наши следы заметет... Идем, идем!

С е р а ф и м а. Идем! Конец!

Оба выбегают из комнаты Хлудова.
Константинополь начинает гаснуть и угасает навсегда.

К о н е ц

Кабала святош

Кабала святош

(Мольер)

Rien ne manqua à sa gloire,
Il manquait à la nôtre¹.

Действующие:

Жан-Батист Поклен де Мольер — знаменитый драматург и актер.

Мадлена Бежар
Арманда Бежар де } актрисы.
Мольер

Мариэтта Риваль

Шарль-Варле де Лагранж — актер, по прозвищу «Регистр».

Захария Муаррон — знаменитый актер-любовник.

Филибердю Круази — актер.

Жан-Жак Бутон — тушильщик свечей и слуга Мольера.

Людовик Великий — король Франции.

Маркиз д'Орсиньи — дуэлянт, по кличке «Одноглазый, помолись!».

Маркиз де Шаррон — архиепископ города Парижа.

Маркиз де Лессак — игрок.

¹ Для его славы уже ничего не нужно. Но он нужен для нашей славы (франц.).

Справедливый сапожник — королевский шут.

Шарлатан с клавесином.

Незнакомка в маске.

Отец Варфоломей — бродячий проповедник.

Брат Сила

Брат Верность } члены Кабалы Священного писания.

Ренэ — дряхлая нянька Мольера.

Суфлер.

Монашка.

Члены Кабалы Священного писания в масках и черных плащах. Придворные. Мушкетеры и другие. Действие в Париже в век Людовика XIV.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

За занавесом слышен очень глухой раскат смеха тысячи людей. Занавес раскрывается — сцена представляет театр Пале-Рояль. Тяжелые занавесы. Зеленая афиша с гербами и орнаментом. На ней крупно: «КОМЕДИАНТЫ ГОСПОДИНА...» и мелкие слова. Зеркало. Кресла. Костюмы. На стыке двух уборных, у занавеса, которым они разделены, громадных размеров клавишин. Во второй уборной — довольно больших размеров распятие, перед которым горит лампада.

В первой уборной налево дверь, множество сальных свечей (свету, по-видимому, не пожалели). А во второй уборной на столе только фонарь с цветными стеклами.

На всем решительно — и на вещах и на людях (кроме Лагранжа) — печать необыкновенного события, тревоги и волнения. Лагранж, не занятый в спектакле, сидит в уборной, погруженный в думу. Он в темном плаще. Он молод, красив и важен. Фонарь на его лицо бросает таинственный свет.

В первой уборной Бутон, спиной к нам, припал к щели в занавесе. И даже по спине его видно, что зрелище вызывает в нем чувство жадного любопытства. Роба Шарлатана торчит в дверях. Шарлатан приложил руку к уху — слушает.

Слышны взрывы смеха, затем финальный раскат хохота. Бутон схватывается за какие-то веревки, и звуки исчезают. Через мгновение из разреза занавеса показывается Мольер и по ступенькам сбегает вниз в уборную. Шарлатан скромно исчезает.

На Мольере преувеличенный парик и карикатурный шлем. В руках палаш. Мольер загримирован Сганарелем — нос лиловый с бородавкой. Смешон.левой рукой Мольер деожится за грудь, как человек, у которого неладно с сердцем. Грим плывет с его лица.

Мольер (сбрасывая шлем, переводя дух). Воды!

Бутон. Сейчас. (Подает стакан.)

Мольер. Фу! (Пьет, прислушивается с испуганными глазами.)

Дверь распаивается, вбегает загримированный Полишиелем дю Круази, глаза опрокинуты.

Дю Круази. Король аплодирует! (Исчезает.)

Суфлер (в разрезе занавеса). Король аплодирует!

Мольер (Бутону). Полотенце мне! (Вытирает лоб, волнуется.)

Мадлена (в гриме появляется в разрезе занавеса). Скорее! Король аплодирует!

Мольер (волнуясь). Да, да, слышу. Сейчас. (У занавеса крестится.) Пречистая дева, пречистая дева! (Бутону.) Раскрывай всю сцену!

Бутон опускает сначала занавес, отделяющий от нас сцену, а затем громадный главный, отделяющий сцену от зрительного зала. И вот она одна видна нам в профиль. Она приподнята над уборными, пуста. Ярко сияют восковые свечи в люстрах. Зала не видно, видна лишь крайняя золоченая ложа, но она пуста. Чувствуется только таинственная, насторожившаяся синь чуть затемненного зала.

Шарлатанское лицо моментально появляется в дверях. Мольер поднимается на сцену так, что мы видим его в профиль. Он идет кошачьей походкой к рампе, как будто подкрадывается, сгибает шею, перьями шляпы метет пол. При его появлении один невидимый человек в зрительном зале начинает аплодировать, а за этим из зала громовые рукоплескания. Потом тишина.

Мольер. Ваше... величество... ваше величество... Светлейший государь... (*Первые слова он произносит чуть-чуть заикаясь — в жизни он немного заикается, — но потом его речь выравнивается, и с первых же слов становится понятно, что он на сцене первоклассен. Богатство его интонаций, гримас и движений неисчерпаемо. Улыбка его легко заражает.*) Актеры труппы Господина, всевернейшие и всеподданнейшие слуги ваши, поручили мне благодарить вас за ту неслыханную честь, которую вы оказали нам, посетив наш театр... И вот, сир... я вам ничего не могу сказать.

В зале порхнул легкий смешок и пропал.

Муза, муза моя, о лукавая Талия!
Всякий вечер, услышав твой крик,
При свечах в Пале-Рояле я...
Надеваю Сганареля парик.
Поклонившись по чину, пониже, —
Надо! Платит партер тридцать су! —
Я, о сир, для забавы Парижа (*пауза*)
Околесину часто несу.

В зале прошел смех.

Но сегодня, о муза комедии,
Ты на помощь ко мне спеши.
Ах, легко ли, легко ль в интермедии
Солнце Франции мне смешить?..

В зале грянул аплодисмент.

Бутон. Ах, голова! Солнце придумал.
Шарлатан (*с завистью*). Когда он это сочинил?

Бутон (*высокомерно*). Никогда. Экспромт.

Шарлатан. Мыслимо ли это?

Бутон. Ты не сделаешь.

Мольер (*резко меняет интонацию*).

Вы несете для нас королевское бремя.
Я, комедиант, ничтожная роль.
Но я славен уж тем, что играл в твое время,
Людовик!.. Великий!..
(*Повышает голос.*) Французский!!!
(*Кричит.*) Король!!!

(*Бросает шляпу в воздух.*)

В зале начинается что-то невообразимое. Рев: «Да здравствует король!» Пламя свечей ложится. Бутон и Шарлатан машут шляпами, кричат, но слов их не слышно. В реве прорываются ломаные сигналы гвардейских труб. Лагранж стоит неподвижно у своего огня, сняв шляпу. Овация кончается, и настает тишина.

Голос Людовика (*из сени*). Благодарю вас, господин де Мольер!

Мольер. Всепопулярнейшие слуги ваши просят вас посмотреть еще одну смешную интермедию, если только мы вам не надоели.

Голос Людовика. О, с удовольствием, господин де Мольер!

Мольер (*кричит*). Занавес!

Главный занавес закрывает зрительный зал, и за занавесом тотчас начинается музыка. Бутон закрывает и тот занавес, который отделяет сцену от нас, и она исчезает. Шарлатанское лицо скрывается.

Мольер (*появившись в уборной, бормочет*). Купил!.. Убью его и зарежу!

Бутон. Кого бы он хотел зарезать в час триумфа?

Мольер (*схватывает Бутона за глотку*). Тебя!

Бутон (*кричит*). Меня душат на королевском спектакле!

Лагранж шевельнулся у огня, но опять застыл. На крик вбегают Мадлена и Риваль, почти совершенно голая — она переодевалась. Обе актрисы схватывают Мольера за штаны, оттаскивая от Бутона, причем Мольер лягает их ногами. Наконец Мольера отрывают с куском Бутонова кафтана. Мольера удаётся повалить в кресло.

Мадлена. Вы с ума сошли! В зале слышно.

Мольер. Пустите!

Риваль. Господин Мольер! (*Зажимает рот Мольеру.*)

Потрясенный Шарлатан заглядывает в дверь.

Бутон (*глядя в зеркало, ощупывает разорванный кафтан*). Превосходно сделано и проворно. (*Мольеру.*) В чем дело?

Мольер. Этот негодяй... Я не понимаю, зачем я держу при себе мучителя? Сорок раз играли, все было в порядке, а при короле свеча повалилась в люстре, воском каплет на паркет.

Бутон. Мэтр, вы сами выделывали смешные колёнца и палашом повалили свечку.

Мольер. Врешь, бездельник!

Лагранж кладет голову на руки и тихо плачет.

Риваль. Он прав. Вы задели свечку шпагой.

Мольер. В зале смеются. Король удивлен...

Бутон. Король — самый воспитанный человек во Франции и не заметил никакой свечки.

Мольер. Так я повалил? Я? Гм... Почему же, в таком случае, я на тебя кричал?

Бутон. Затрудняюсь ответить, сударь.

Мольер. Я, кажется, разорвал твой кафтан.

Бутон судорожно смеется.

Риваль. Боже, в каком я виде! (Схватывает кафтан и, закрывшись им, улетает.)

Дю Круази (появился в разрезе занавеса с фонарем). Госпожа Бежар, выход, выход, выход... (Исчез.)

Мадлена. Бегу! (Убегает.)

Мольер (Бутоу). Возьми этот кафтан.

Бутон. Благодарю вас. (Снимает кафтан и штаны, проворно надевает одни из штанов Мольера с кружевными канонами.)

Мольер. Э... э... э... А штаны почему?

Бутон. Мэтр, согласитесь сами, что верхом безвкусицы было бы соединить такой чудный кафтан с этими гнусными штанами. Извольте глянуть: ведь это срам — штаны. (Надевает и кафтан.) Мэтр, в кармане обнаружены мною две серебряные монеты незначительного достоинства. Как прикажете с ними поступить?

Мольер. В самом деле. Я полагаю, мошенник, что лучше всего их сдать в музей. (Поправляет грим.)

Бутон. Я — тоже. Я сдам. (Прячет деньги.) Ну, я пошел снимать нагар. (Вооружается свечными щипцами.)

Мольер. Попрошу со сцены не пялить глаз на короля.

Бутон. Кому вы это говорите, мэтр? Я тоже воспитан, потому что француз по происхождению.

Мольер. Ты француз по происхождению и болван по профессии.

Бутон. Вы по профессии — великий артист и грубиян — по характеру. (Скрывается.)

Мольер. Совершил я какой-то грех, и послал мне его господь в Лиможе.

Шарлатан. Господин директор! Господин директор!

Мольер. Ах, да, с вами еще. Вот что, сударь. Это... вы простите меня за откровенность — фокус второго разряда. Но партерной публике он понравится. Я выпущу вас в антракте в течение недели. Но все-таки, как вы это делаете?

Шарлатан. Секрет, господин директор.

Мольер. Ну, я узнаю. Возьмите несколько аккордов, только тихонько.

Шарлатан, загадочно улыбаясь, подходит к клавесину, садится на табуретку в некотором расстоянии от клавесина, делает такие движения в воздухе, как будто играет, и клавиши в клавесине вжимаются, клавесин играет нежно.

Черт! *(Бросается к клавесину, стараясь поймать невидимые нити.)*

Шарлатан загадочно улыбается.

Ну хорошо. Получайте задаток. Где-то пружина, не правда ли?

Шарлатан. Клавесин останется на ночь в театре?

Мольер. Ну конечно. Не тащить же его вам домой.

Шарлатан кланяется и уходит.

Дю Круази *(выглянул с фонарем и книгой)*.
Господин де Мольер! *(Скрывается.)*

Мольер. Да. *(Скрывается, и немедленно за его исчезновением доносится гул смеха.)*

Портьера, ведущая в уборную с зеленым фонарем, отодвигается, и возникает Арманда. Черты лица ее прелестны и напоминают Мадлену. Ей лет семнадцать. Хочет проскользнуть мимо Лагранжа.

Лагранж. Стоп!

Арманда. Ах, это вы, милый Регистр! Почему вы притаились здесь, как мышь? А я глядела на короля. Но я спешу.

Лагранж. Успеете. Он на сцене. Почему вы называете меня Регистр? Быть может, прозвище мне неприятно.

Арманда. Милый господин Лагранж! Вся труппа очень уважает вас и вашу летопись. Но, если угодно, я перестану вас так называть.

Лагранж. Я жду вас.

Арманда. А зачем?

Лагранж. Сегодня семнадцатое, и вот — я поставил черный крестик в регистре.

Арманда. Разве случилось что-нибудь или кто-нибудь в труппе умер?

Лагранж. Нехороший, черный вечер отмечен мною. Откажитесь от него.

Арманда. Господин де Лагранж, у кого вы получили право вмешиваться в мои дела?

Лагранж. Злые слова. Я умоляю вас, не выходите за него!

Арманда. Ах, вы влюблены в меня?

За занавесами глухо слышна музыка.

Лагранж. Нет. Вы мне не нравитесь.

Арманда. Пропустите, сударь.

Лагранж. Нет. Вы не имеете права выйти за него. Вы так молоды! Взываю к лучшим вашим чувствам!

Арманда. У всех в труппе помутился ум, честное слово. Какое вам дело до этого?

Лагранж. Сказать вам не могу, но большой грех.

Арманда. А, сплетня о сестре? Слышала. Вздор! Да если бы у них и был роман, что мне до этого! *(Делает попытку отстранить Лагранжа и пройти.)*

Лагранж. Стоп! Откажитесь от него. Нет? Ну так я вас заколю! *(Вынимает шпагу.)*

Арманда. Вы сумасшедший убийца! Я...

Лагранж. Что гонит вас к несчастью? Ведь вы не любите его. Вы — девочка, а он...

Арманда. Нет, я люблю.

Лагранж. Откажитесь.

Арманда. Регистр, я не могу. Я с ним в связи и... *(Шепчет Лагранжу на ухо.)*

Лагранж *(вкладывает шпагу)*. Идите, больше не держу вас.

Арманда *(пройдя)*. Вы — насильник. За то, что вы угрожали мне, вы будете противны мне.

Лагранж *(волнуясь)*. Простите меня, я хотел вас спасти. Простите. *(Закутывается в плащ и уходит, взяв свой фонарь.)*

Арманда *(в уборной Мольера)*. Чудовищно, чудовищно!..

Мольер *(появляется)*. А!..

Арманда. Мэтр, весь мир ополчился на меня!

Мольер *(обнимает ее, и в то же мгновение появляется Бутон)*. А, черт возьми! *(Бутону.)* Вот что: пойди осмотри свечи в партере.

Бутон. Я только что оттуда.

Мольер. Тогда вот что: пойди к буфетнице и принеси мне графин вина.

Бутон. Я принес уже. Вот оно.

Мольер *(тихо)*. Тогда вот что: пойди отсюда просто ко всем чертям, куда-нибудь.

Буто н. С этого прямо и нужно было начинать. (Идет.) Э-хе-хе... (От двери.) Мэтр, скажите, пожалуйста, сколько вам лет?

Мольер. Что это значит?

Буто н. Конные гвардейцы меня спрашивали.

Мольер. Пошел вон!

Буто н уходит.

(Закрыв за ним двери на ключ.) Целуй меня.

Арман да (повисает у него на шее). Вот нос, так уж нос. Под него не подлезешь.

Мольер снимает нос и парик, целует Арманду.

(Шепчет ему.) Ты знаешь, я... (Шепчет ему что-то на ухо.)

Мольер. Моя девочка... (Думает.) Теперь это не страшно. Я решил. (Подводит ее к распятию.) Покаянись, что любишь меня.

Арман да. Люблю, люблю, люблю...

Мольер. Ты не обманешь меня? Видишь ли, у меня уже появились морщины, я начинаю седеть. Я окружен врагами, и позор убьет меня...

Арман да. Нет, нет! Как можно это сделать!..

Мольер. Я хочу жить еще один век! С тобой! Но не беспокойся, я за это заплачу, заплачу. Я тебя создам! Ты станешь первой, будешь великой актрисой! Это мое мечтанье, и, стало быть, это так и будет. Но помни: если ты не сдержишь клятву, ты отнимешь у меня все.

Арман да. Я не вижу морщин на твоем лице. Ты так смел и так велик, что у тебя не может быть морщин. Ты — Жан...

Мольер. Я — Батист...

Арманда. Ты — Мольер! (*Целует его.*)
Мольер (*смеется, потом говорит торжественно*).
Завтра мы с тобой обвенчаемся. Правда, мне много
придется перенести из-за этого...

Послышался далекий гул рукоплесканий. В двери стучат.

Ах, что за жизнь!

Стук повторяется.

Дома, у Мадлены, нам сегодня нельзя будет встретиться. Поэтому сделаем вот как: когда театр погаснет, приходи к боковой двери, в саду, и жди меня, я проведу тебя сюда. Луны нет.

Стук превращается в грохот.

Бутон (*вопит за дверью*). Мэтр... Мэтр...

Мольер открывает, и входят Бутон, Лагранж и Одноглазый, в костюме Компании Черных Мушкетеров и с косой черной повязкой на лице.

Одноглазый. Господин де Мольер?

Мольер. Ваш покорнейший слуга.

Одноглазый. Король приказал мне вручить вам его плату за место в театре — тридцать су. (*Подает монеты на подушке.*)

Мольер целует монеты.

Одноглазый. Но ввиду того, что вы трудились для короля сверх программы, он приказал мне передать вам и доплату к билету за то стихотворение, которое вы сочинили и прочитали королю, — здесь пять тысяч ливров. (*Подает мешок.*)

Мольер. О король! (*Лагранжу.*) Мне пятьсот ливров, а остальное раздели поровну между актерами театра и раздай на руки.

Лагранж. Благодарю вас от имени актеров. (*Берет мешок и уходит.*)

Вдали полетел победоносный гвардейский марш.

Мольер. Простите, сударь, король уезжает. (*Убегает.*)

Одноглазый (*Арманде*). Сударыня, я очень счастлив, что случай... кх... кх... дал мне возможность... Капитан Компании Черных Мушкетеров, д'Орсиньи.

Арманда (*приседая*). Арманда Бежар. Вы — знаменитый фехтовальщик, который может каждого заколоть?

Одноглазый. Кх... кх... Вы, сударыня, без сомнения, играете в этой труппе?

Бутон. Началось. О мой легкомысленный мэтр.

Одноглазый (*с удивлением глядя на кружева на штанах Бутона*). Вы мне что-то сказали, почтеннейший?

Бутон. Нет, сударь.

Одноглазый. Стало быть, у вас привычка разговаривать с самим собой?

Бутон. Именно так, сударь. Вы знаете, одно время я разговаривал во сне.

Одноглазый. Что вы говорите?

Бутон. Ей-богу. И — какой курьез, вообразите...

Одноглазый. Что за черт такой! Помолись... (*Арманде.*) Ваше лицо, сударыня...

Бутон (*втираясь*). ...дико кричал во сне. Восемь лучших врачей в Лиможе лечили меня...

Одноглазый. И они помогли вам, надеюсь?

Бутон. Нет, сударь. В три дня они сделали мне восемь кровопусканий, после чего я лег и остался неподвижен, ежеминутно приобщаясь святых тайн.

Одноглазый (*тоскливо*). Вы оригинал, любезнейший. Помолись. (*Арманда*.) Я льщу себя, сударыня... Кто это такой?

Арманда. Ах, сударь, это тушильщик свечей — Жан-Жак Бутон.

Одноглазый (*с укором*). Милейший, в другой раз как-нибудь я с наслаждением прослушаю о том, как вы орали во сне.

Мольер входит.

Честь имею кланяться. Бегу догонять короля.

Мольер. Всего лучшего.

Одноглазый уходит.

Арманда. До свидания, мэтр.

Мольер (*проводя ее*). Луны нет, я буду ждать. (*Бутону*.) Попроси ко мне госпожу Мадлену Бежар. Гаси огни. Ступай домой.

Бутон уходит. Мольер переодевается. Мадлена, разгромленная, входит.

Мольер. Мадлена, есть очень важное дело.

Мадлена беретя за сердце, садится.

Я хочу жениться.

Мадлена (*мертвым голосом*). На ком?

Мольер. На твоей сестре.

Мадлена. Умоляю, скажи, что ты шутишь.

Мольер. Бог с тобой.

Огни в театре начинают гаснуть.

Мадлена. А я?

Мольер. Что же, Мадлена, мы связаны прочнейшей дружбой, ты верный товарищ, но ведь любви между нами давно нет...

Мадлена. Ты помнишь, как двадцать лет назад ты сидел в тюрьме. Кто приносил тебе пищу?

Мольер. Ты.

Мадлена. А кто ухаживал за тобой в течение двадцати лет?

Мольер. Ты, ты.

Мадлена. Собаку, которая всю жизнь стерегла дом, никто не выгонит. Ну а ты, Мольер, можешь выгнать. Страшный ты человек, Мольер, я тебя боюсь.

Мольер. Не терзай меня. Страсть охватила меня.

Мадлена (*вдруг становится на колени, подползает к Мольеру*). А? А все же... измени свое решение, Мольер. Сделаем так, как будто этого разговора не было. А? Пойдем домой, ты зажжешь свечи, я приду к тебе... Ты считаешь мне третий акт «Тартюфа». А? (*Заискивающе.*) По-моему, это вещь гениальная... А если тебе понадобится посоветоваться, с кем посоветуешься, Мольер? Ведь она девчонка... Ты, знаешь ли, постарел, Жан-Батист, вон у тебя висок седой.. Ты любишь грелку. Я тебе все устрою... Вообрази, свеча горит... Камин зажжем, и все будет славно. А если... если уж ты не можешь... о, я знаю тебя... Посмотри на Риваль... Разве она плоха? Какое тело!.. А? Я ни слова ни скажу...

Мольер. Одумайся. Что ты говоришь? Какую роль на себя берешь? (*Вытирает тоскливо пот.*)

Мадлена (*поднимаясь, в исступлении*). На ком угодно, только не на Арманде! О проклятый день, когда я привезла ее в Париж!

Мольер. Тише, Мадлена, тише, прошу тебя. (*Шепотом.*) Я должен жениться на ней... Поздно. Обязан. Поняла?

Мадлена. Ах вот что. Мой бог, бог! (*Пауза.*) Больше не борюсь, сил нет. Я отпускаю тебя. (*Пауза.*) Мольер, мне тебя жаль.

Мольер. Ты не лишишь меня дружбы?

Мадлена. Не подходи ко мне, умоляю! (*Пауза.*) Ну, так — из труппы я уйду.

Мольер. Ты мстишь?

Мадлена. Бог видит, нет. Сегодня был мой последний спектакль. Я устала... (*Улыбается.*) Я буду ходить в церковь.

Мольер. Ты непреклонна. Театр даст тебе пенсию. Ты заслужила.

Мадлена. Да...

Мольер. Когда твое горе уляжется, я верю, что ты вернешь мне расположение и будешь видаться со мной.

Мадлена. Нет.

Мольер. Ты и Арманду не хочешь видеть?

Мадлена. Арманду буду видеть. Арманда ничего не должна знать. Понял? Ничего.

Мольер. Да...

Огни всюду погасли.

(*Зажигает фонарь.*) Поздно, пойдем, я доведу тебя до твоего дома.

Мадлена. Нет, благодарю, не надо. Позволь мне несколько минут посидеть у тебя...

Мольер. Но ты...

Мадлена. Скоро уйду, не беспокойся. Уйди.
Мольер (закутывается в плащ). Прощай.
(Уходит.)

Мадлена сидит у лампы, думает, бормочет. Сквозь занавес показывается свет фонаря, идет Лагранж.

Лагранж (важным голосом). Кто остался в театре после спектакля? Кто здесь? Это вы, госпожа Бежар? Случилось, да? Я знаю.

Мадлена. Я думаю, Регистр.

Пауза.

Лагранж. А у вас не хватило сил сознаться ему?

Мадлена. Поздно. Теперь уже нельзя сказать. Пусть буду несчастна одна я, а не трое. (Пауза.) Вы — рыцарь, Варле, и вам одному я сказала тайну.

Лагранж. Госпожа Бежар, я горжусь вашим доверием. Я пытался остановить ее, но мне это не удалось. Никто никогда не узнает. Пойдемте, я провожу вас.

Мадлена. Нет, благодарю, я хочу думать одна. (Поднимается.) Варле (улыбается), я покинула сегодня сцену. Прощайте. (Идет.)

Лагранж. А все же я провожу?

Мадлена. Нет. Продолжайте ваш обход. (Скрывается.)

Лагранж (приходит к тому месту, где сидел вначале; ставит на стол фонарь, освещается зеленым светом, раскрывает книгу, говорит и пишет). «Семнадцатое февраля. Был королевский спектакль. В знак чести рисую лилию. После спектакля во тьме я застал госпожу Мадлену Бежар в мучениях. Она сцену покинула...» (Кладет перо.) Причина? В театре ужасное событие — Жан-Батист Поклен де Моль-

ер, не зная, что Арманда не сестра, а дочь госпожи Мадлены Бежар, женился на ней... Этого писать нельзя, но в знак ужаса ставлю черный крест. И никто из потомков никогда не догадается. Семнадцатому — конец. *(Берет фонарь и уходит, как темный рыцарь.)*

Некоторое время мрак и тишина, затем в щелях клавиатура появляется свет, слышен музыкальный звон в замках. Крышка приподымается, и из клавиатура выходит, воровски оглядываясь, Муаррон. Это мальчишка лет пятнадцати, с необыкновенно красивым, порочным и измученным лицом. Оборван, грязен.

Муаррон. Ушли. Ушли. Чтоб вас черти унесли, дьяволы, черти... *(Хнычет.)* Я несчастный мальчик, грязный... не спал два дня... Я никогда не сплю... *(Всхлипывает, ставит фонарь, падает, засыпает.)*

Пауза. Потом плывет свет фонарика, и, крадучись, Мольер ведет Арманду. Она в темном плаще. Арманда взвизгивает. Муаррон мгновенно просыпается, на лице у него ужас, трясется.

Мольер *(грозно)*. Сознавайся, кто ты такой?

Муаррон. Господин директор, не колите меня, я не вор, я Захария, несчастный Муаррон...

Мольер *(расхохотавшись)*. Понял! Ах, шарлатан окаянный!..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Приемная короля. Множество огней повсюду. Белая лестница, уходящая неизвестно куда. За карточным столом маркиз де Лессак играет в карты с Людовиком. Толпа придворных, одетых с необыкновенной пышностью, следит за де Лессаком. Перед тем груды золота, золотые монеты валяются и на ковре. Пот течет с лица у де Лессака. Сидит один Людовик, все остальные стоят. Все без шляп. На Людовике костюм белого мушкетера, лихо заломленная шляпа с пером, на груди орденский крест, золотые шпоры, меч. За креслом стоит Одноглазый, ведет игру короля. Тут же неподвижно стоит Мушкетер с мушкетом, не спуская с Людовика глаз.

Де Лессак. Три валета, три короля.

Людовик. Скажите пожалуйста.

Одноглазый (*внезапно*). Виноват, сир. Крапленые карты, помолись!

Придворные оцепенели. Пауза.

Людовик. Вы пришли ко мне играть краплеными картами?

Де Лессак. Так точно, ваше величество. Обищение моего имени...

Людовик (*Одноглазому*). Скажите, маркиз, как я должен поступить по карточным правилам в таком странном случае?

Одноглазый. Сир, вам надлежит ударить его по физиономии подсвечником. Это во-первых...

Людовик. Какое неприятное правило! (*Берясь за канделябр.*) В этом подсвечнике фунтов пятнадцать... Я полагаю, легкие бы надо ставить.

Одноглазый. Разрешите мне.

Людовик. Нет, не затрудняйтесь. А во-вторых, вы говорите...

Придворные (*хором, их взорвало*). Обругать его, как собаку.

Людовик. А, отлично. Будьте любезны, пошлите за ним, где он?

Придворные бросаются в разные стороны. Голоса: «Сапожника! Справедливого сапожника требует король!»

(*Де Лессаку.*) А скажите, как это делается?

Де Лессак. Ногтем, ваше величество. На дамах, например, я нулики поставил.

Людовик (*с любопытством*). А на валетах?

Де Лессак. Косые крестики, сир.

Людовик. Чрезвычайно любопытно. А как закон смотрит на эти действия?

Де Лессак (*подумав*). Отрицательно, ваше величество.

Людовик (*участливо*). И что же вам могут сделать за это?

Де Лессак (*подумав*). В тюрьму могут посадить.

Справедливый сапожник (*входит с шумом*). Иду, бегу, лечу, вошел. Вот я. Ваше величество, здравствуйте. Великий монарх, что произошло? Кого надо обругать?

Людовик. Справедливый сапожник, вот маркиз сел играть со мной краплеными картами.

Справедливый сапожник (*подавлен, де Лессаку*). Да ты... Да ты что?.. Да ты... спятил, что ли?.. Да за это, при игре в три листика, на рынке морду бьют.— Хорошо я его отделал, государь?

Людовик. Спасибо.

Справедливый сапожник. Я яблочко возьму?

Людовик. Пожалуйста, возьми. Маркиз де Лессак, берите ваш выигрыш.

Де Лессак набивает золотом карманы.

Справедливый сапожник (*расстроен*). Ваше величество, да что же это... да вы смеетесь?!

Людовик (*в пространство*). Герцог, если вам не трудно, посадите маркиза де Лессака на один месяц в тюрьму. Дать ему туда свечку и колоду карт — пусть рисует на ней крестики и нулики. Затем отправить его в имение — вместе с деньгами. (*Де Лессаку*.) Приведите его в порядок. И еще: в карты больше не садитесь играть, у меня предчувствие, что вам не повезет в следующий раз.

Де Лессак. О сир...

Голос: «Стража!» Де Лессака уводят.

Справедливый сапожник. Вылетай из дворца!

Одноглазый. К-каналья!

Камердинеры засуетились, и перед Людовиком, словно из-под земли, появился стол с одним прибором.

Шаррон (*возник у камина*). Ваше величество, разрешите мне представить вам бродячего проповедника, отца Варфоломея.

Людовик (*начиная есть*). Люблю всех моих подданных, в том числе и бродячих. Представьте мне его, архиепископ.

Еще за дверью слышится странное пение. Дверь открывается, и появляется отец Варфоломей. Во-первых, он босой, во-вторых, лохмат, подпоясан веревкой, глаза безумные.

Варфоломей (*приплясывает, поет*). Мы полумны во Христе.

Удивлены все, кроме Людовика.

Брат Верность — постная физиономия с длинным носом, в темном кафтане — выделяется из толпы придворных и прокрадывается к Шаррону.

Одноглазый (*глядя на Варфоломея, тихо*). Жуткий мальчик, помолись.

Варфоломей. Славнейший царь мира. Я пришел к тебе, чтобы сообщить, что у тебя в государстве появился антихрист.

У придворных на лицах отупение.

Безбожник, ядовитый червь, грызущий подножие твоего трона, носит имя Жан-Батист Мольер. Сожги его вместе с его богомерзким творением «Тартюф» на площади. Весь мир верных сынов церкви требует этого.

Брат Верность при слове «требует» схватился за голову. Шаррон изменился в лице.

Людовик. Требует? У кого же он требует?

Варфоломей. У тебя, государь.

Людовик. У меня? Архиепископ, у меня тут что-то требуют.

Шаррон. Простите, государь. Он, очевидно, помешался сегодня. А я не знал. Это моя вина.

Л ю д о в и к (в пространство). Герцог, если не трудно, посадите отца Варфоломея на три месяца в тюрьму.

В а р ф о л о м е й (кричит). Из-за антихриста страдаю!

Движение — и отец Варфоломей исчезает так, что его как будто и не было. Людовик ест.

Л ю д в и к. Архиепископ, подойдите ко мне. Я хочу с вами говорить интимно.

Придворные всей толпой отступают на лестницу. Отступает Мушкетер, и Людовик — наедине с Шарроном.

Он — полоумный?

Ш а р р о н (твердо). Да, государь, он — полоумный, но у него сердце истинного служителя бога.

Л ю д о в и к. Архиепископ, вы находите этого Мольера опасным?

Ш а р р о н (твердо). Государь, это сатана.

Л ю д о в и к. Гм. Вы, значит, разделяете мнение Варфоломея?

Ш а р р о н. Да, государь, разделяю. Сир, выслушайте меня. Безоблачное и победоносное царствование ваше не омрачено ничем и ничем не будет омрачено, пока вы будете любить...

Л ю д о в и к. Кого?

Ш а р р о н. Бога.

Л ю д о в и к (сняв шляпу). Я люблю его.

Ш а р р о н (подняв руку). Он — там, вы — на земле, и больше нет никого.

Л ю д о в и к. Да.

Ш а р р о н. Государь, нет пределов твоей мощи и никогда не будет, пока свет религии почиет над твоим государством.

Людовик. Люблю религию.

Шаррон. Так, государь, я вместе с блаженным Варфоломеем прошу тебя — заступись за нее.

Людовик. Вы находите, что он оскорбил религию?

Шаррон. Так, государь.

Людовик. Дерзкий актер талантлив. Хорошо, архиепископ, я заступлюсь... Но... *(понижив голос)* я попробую исправить его, он может служить к славе царствования. Но если он совершит еще одну дерзость, я накажу. *(Пауза.)* Этот — блаженный ваш — он любит короля?

Шаррон. Да, государь.

Людовик. Архиепископ, выпустите монаха через три дня, но внушите ему, что, разговаривая с королем Франции, нельзя произносить слово «требует».

Шаррон. Да благословит тебя бог, государь, и да опустит он свою карающую руку на безбожника.

Голос: «Слуга вашего величества господин де Мольер».

Людовик. Пригласить.

Мольер *(входит, издали кланяется Людовику, проходит при величайшем внимании придворных. Он очень постарел, лицо болезненное, серое)*. Сир!

Людовик. Господин де Мольер, я ужинаю, вы не в претензии?

Мольер. О сир!

Людовик. А вы со мной? *(В пространство.)*
Стул, прибор.

Мольер *(бледнея)*. Ваше величество, этой чести я принять не могу. Увольте.

Стул появляется, и Мольер садится на краешек его.

Людовик. Как относитесь к цыпленку?

Мольер. Любимое мое блюдо, государь. (*Умоляюще.*) Разрешите встать.

Людовик. Кушайте. Как поживает мой крестник?

Мольер. К великому горю моему, государь, ребенок умер.

Людовик. Как, и второй?

Мольер. Не живут мои дети, государь.

Людовик. Не следует унывать.

Мольер. Ваше величество, во Франции не было случая, чтобы кто-нибудь ужинал с вами. Я беспокоюсь.

Людовик. Франция, господин де Мольер, перед вами в кресле. Она ест цыпленка и не беспокоится.

Мольер. О сир, только вы один в мире можете сказать так.

Людовик. Скажите, чем подарит короля в ближайшее время ваше талантливое перо?

Мольер. Государь... то, что может... послужить... (*Волнуется.*)

Людовик. Остро пишете. Но следует знать, что есть темы, которых надо касаться с осторожностью. А в вашем «Тартюфе» вы были, согласитесь, неосторожны. Духовных лиц надлежит уважать. Я надеюсь, что мой писатель не может быть безбожником?

Мольер (*испуганно*). Помилуйте... ваше величество...

Людовик. Твердо веря в то, что в дальнейшем ваше творчество пойдет по правильному пути, я вам разрешаю играть в Пале-Рояле вашу пьесу «Тартюф».

Мольер (*приходит в странное состояние*). Люблю тебя, король! (*В волнении.*) Где архиепископ де Шаррон? Вы слышите? Вы слышите?

Людовик встает.
Голос: «Королевский ужин окончен!»

Людовик (*Мольеру*). Сегодня вы будете стелить мне постель.

Мольер схватывает со стола два канделябра и идет впереди. За ним пошел Людовик, и — как будто ветер подул — всё перед ними расступается.

Мольер (*кричит монотонно*). Дорогу королю! Дорогу королю! (*Поднявшись на лестницу, кричит в пустоту.*) Смотрите, архиепископ, вы меня не тронете! Дорогу королю!

Наверху загремели трубы.

Разрешен «Тартюф»! (*Скрывается с Людовиком.*)

Исчезают все придворные, и на сцене остаются только Шаррон и Брат Верность, оба черны.

Шаррон (*у лестницы*). Нет. Не исправит тебя король. Всемогущий бог, вооружи меня и поведи по стопам безбожника, чтобы я его настиг! (*Пауза.*) И упадет с этой лестницы! (*Пауза.*) Подойдите ко мне, Брат Верность.

Брат Верность подходит к Шаррону.

Брат Верность, вы что же это? Полоумного прислали? Я вам поверил, что он произведет впечатление на государя.

Брат Верность. Кто же знал, что он произнесет слово «требуется»?

Шаррон. Требуется!

Брат Верность. Требуется!! (Пауза.)

Шаррон. Вы нашли женщину?

Брат Верность. Да, архиепископ, все готово. Она послала записку и привезет его.

Шаррон. Поедет ли он?

Брат Верность. За женщиной? О, будьте уверены!

Наверху лестницы показывается Одноглазый. Шаррон и Брат Верность исчезают.

Одноглазый (веселится в одиночестве). Ловил поп антихриста, поймал... три месяца тюрьмы! Истинный бог, помоо...

Справедливый сапожник (появившись из-под лестницы). Ты, Помолись?

Одноглазый. Ну, скажем, я. Ты можешь называть меня просто маркиз д'Орсиньи. Что тебе надо?

Справедливый сапожник. Тебе записка.

Одноглазый. От кого?

Справедливый сапожник. Кто же ее знает, я ее в парке встретил, а сама она в маске.

Одноглазый (читая записку). Гм... какая же это женщина?

Справедливый сапожник (изучая записку). Я думаю, легкого поведения.

Одноглазый. Почему?

Справедливый сапожник. Потому что записки пишет.

Одноглазый. Дурак.

Справедливый сапожник. Чего ж ты лаешься?

Одноглазый. Сложена хорошо?

Справедливый сапожник. Ну, это ты сам узнаешь.

Одноглазый. Ты прав. *(Уходит задумчиво.)*

Огни начинают гаснуть, и у дверей, как видения, появляются темные мушкетеры. Голос вверху лестницы, протяжно: «Король спит!» Другой голос, в отдалении: «Король спит!» Третий голос в подzemелье, таинственно: «Король спит!»

Справедливый сапожник. Усну и я.

Ложится на карточный стол, закутывается в портьеру с гербами так, что торчат только его чудовищные башмаки. Дворец расплывается в темноте и исчезает...

...и возникает квартира Мольера. День. Клавесин открыт. Муаррон, пышно разодетый, очень красивый человек лет двадцати двух, играет нежно. Арманда в кресле слушает, не спуская с него глаз. Муаррон кончил играть.

Муаррон. Что вы, маменька, скажете по поводу моей игры?

Арманда. Господин Муаррон, я просила уже вас не называть меня маменькой.

Муаррон. Во-первых, сударыня, я не Муаррон, а господин де Муаррон. Вон как! Хе-хе. Хо-хо.

Арманда. Уж не в клавесине ли сидя, вы получили титул?

Муаррон. Забудем клавесин. Он покрылся пылью забвения. Это было давно. Ныне же я знаменитый актер, коему рукоплещет Париж. Хе-хе. Хо-хо.

Арманда. И я вам советую не забывать, что этим вы обязаны моему мужу. Он вытащил вас за грязное ухо из клавесина.

Муаррон. Не за ухо, а за не менее грязные ноги. Отец — пристойная личность, нет слов, но ревнив, как сатана, и характера ужасного.

Арманда. Могу поздравить моего мужа. Изумительного наглеца он усыновил.

Муаррон. Нагловат я, верно, это правильно... Такой характер у меня... Но актер! Нет равного актера в Париже. *(Излишне веселится, как человек, накликающий на себя беду.)*

Арманда. Ах нахал! А Мольер?

Муаррон. Ну чего ж говорить... Трое и есть: мэтр да я.

Арманда. А третий кто?

Муаррон. Вы, мама. Вы, моя знаменитая актриса. Вы, Психея. *(Тихо аккомпанирует себе, декламирует.)* Весной в лесах... летает бог...

Арманда *(глухо)*. Отодвинься от меня.

Муаррон *(левой рукой обнимает Арманду, правой аккомпанирует)*. Как строен стан... Амур-герой...

Арманда. Несет колчан... Грозит стрелой... *(Тревожно.)* Где Бутон?

Муаррон. Не бойся, верный слуга на рынке.

Арманда *(декламирует)*. Богиня Венера послала любовь. Прильни, мой любовник, вспени мою кровь.

Муаррон поднимает край ее платья, целует ногу.

(Вздрагивает, закрывает глаза.) Негодяй! *(Тревожно.)* Где Ренэ?

Муаррон. Старуха в кухне. *(Целует другое колено.)* Мама, пойдем ко мне в комнату.

Арманда. Ни за что, девай пречистой клянись!

Муаррон. Пойдем ко мне.

Арманда. Ты самый опасный человек в Париже. Будь неладен час, когда тебя откопали в кладовине.

Муаррон. Мама, идем...

Арманда. Девой клянусь, нет. (Встает.) Не пойду! (Идет, скрывается с Муарроном за дверь.)

Муаррон закрывает дверь на ключ.

Зачем, зачем ты закрываешь дверь? (Глухо.) Ты меня погубишь!..

Пауза.

Входит Бутон с корзиной овощей, торчат хвосты моркови.

Бутон (прислушивается, ставит корзину на пол). Странно. (Снимает башмаки, крадется к двери, слушает.) Ах разбойник!.. Но, господа, я здесь ни при чем... ничего не видел, не слышал и не знаю... Царь небесный, он идет! (Скрывается, оставив на полу корзину и башмаки.)

Входит Мольер, кладет трость и шляпу, недоуменно смотрит на башмаки.

Мольер. Арманда!

Ключ в замке мгновенно поворачивается. Мольер устремляется в дверь.

Арманда вскрикивает за дверью, шум за дверью, затем выбегает Муаррон, держит свой парик в руке.

Муаррон. Да как вы смеете?!

Мольер (выбегая за ним). Мерзавец! (Задыхаясь.) Не верю, не верю глазам!.. (Опускается в кресло. Ключ в замке поворачивается.)

Арманда (за дверью). Жан-Батист, опомнись!

Бутон заглянул в дверь и пропал.

Мольер (погрозил кулаком двери). Так ты, значит, ел мой хлеб и за это меня обесчестил?

Муаррон. Вы смели меня ударить! Берегитесь! (*Берется за рукоятку шпаги.*)

Мольер. Брось сейчас же рукоятку, гадина!

Муаррон. Вызываю вас!

Мольер. Меня? (*Пауза.*) Вон из моего дома!

Муаррон. Вы безумный, вот что, отец. Прямо Сганарель.

Мольер. Бесчестный бродяга! Я тебя отогрел, но я же тебя и ввергну в пучину. Будешь ты играть на ярмарках. Захария Муаррон, с сегодняшнего числа ты в труппе Пале-Рояля не служишь. Иди.

Муаррон. Как, вы гоните меня из труппы?

Мольер. Уходи, усыновленный вор.

Арманда (*за дверью отчаянно*). Мольер!

Муаррон (*теряясь*). Отец, вам померещилось, мы репетировали Психею... своего текста не знаете... Что же это вы разбиваете мою жизнь?

Мольер. Уходи, или я действительно ткну тебя шпагой.

Муаррон. Так. (*Пауза.*) В высокой мере интересно знать, кто же это будет играть Дон Жуана? Уж не Лагранж ли? Хо-хо. (*Пауза.*) Но смотрите, господин де Мольер, не раскайтесь в вашем безумии. (*Пауза.*) Я, господин Мольер, владею вашей тайной.

Мольер рассмеялся.

Госпожу Мадлену Бежар вы забыли? Да? Она при смерти... все молится... А между тем, сударь, во Франции есть король.

Мольер. Презренный желторотый лгун, что ты несешь?

Муаррон. Несешь? Прямо отсюда отправляюсь я к архиепископу.

Мольер (*рассмеялся*). Ну, спасибо измене. Уз-

нал я тебя. Но имей в виду, что если до этих твоих слов мое сердце еще могло смягчиться, после них — никогда. Ступай, жалкий дурак!

Муаррон (из двери). Сганарель проклятый!

Мольер хватается со стены пистолет, и Муаррон исчезает.

Мольер (трясет дверь, потом говорит в замочную скважину). Уличная женщина.

Арманда громко зарыдала за дверью.

Бутон!

Входит Б у т о н в чулках.

Б у т о н. Я сударь.

Мольер. Сводник!

Б у т о н. Сударь...

Мольер. Почему здесь башмаки?!

Б у т о н. Это, сударь...

Мольер. Лжешь, по глазам вижу, что лжешь!

Б у т о н. Сударь, чтобы налгать, нужно хоть что-нибудь сказать. А я еще ничего не произнес. Башмаки я снял, ибо... Гвозди изволите видеть? Подкованные башмаки, будь они прокляты... так я, изволите ли видеть, громыхал ногами, а они репетировали и от меня двери на ключ заперли.

Арманда (за дверью). Да!

Мольер. Овощи при чем?

Б у т о н. А овощи вообще не участвуют. Ни при чем. Я их с базара принес. (Надевает башмаки.)

Мольер. Арманда!

Молчание.

(Говорит в скважину.) Ты что же, хочешь, чтобы я умер? У меня больное сердце.

Б у т о н (в скважину). Вы что, хотите, чтобы он умер? У него большое сердце..

М о л ь е р. Пошел вон. (Ударяет ногой по корзине. Бутон исчезает.) Арманда... (Садится у двери на скамеечку.) Потерпи еще немного, я скоро освобожу тебя. Я не хочу умирать в одиночестве... Арманда...

А р м а н д а выходит заплаканная.

А ты можешь поклясться?

А р м а н д а. Клянусь.

М о л ь е р. Скажи мне что-нибудь.

А р м а н д а (шмыгая носом.) Такой драматург, а дома... дома... Я не понимаю, как в тебе это может уживаться. Как? Что ты наделал? Скандал на весь Париж. Зачем ты выгнал Муаррона?

М о л ь е р. Да, верно. Ужасный срам. Но ведь он, ты знаешь, негодяй, змееныш... ох, порочный, порочный мальчик, и я боюсь за него. Действительно, от отчаяния он начнет шляться по Парижу, а я его ударил... Ох как неприятно!..

А р м а н д а. Верни Муаррона, верни.

М о л ь е р. Пусть один день походит, а потом я его верну.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Каменный подвал, освещенный трехсвечной люстрой. Стол, покрытый красным сукном, на нем книга и какие-то рукописи. За столом сидят члены Кабалы Священного писания в масках; в кресле отдельно, без маски, сидит Шаррон. Дверь открывается, и двое в черном — люди жуткого вида — вводят Муаррона со связанными руками и с повязкой на глазах. Руки ему развязывают, повязку снимают.

Муаррон. Куда меня привели?

Шаррон. Это все равно, сын мой. Ну, повторяй при собрании этих честных братьев свой донос.

Муаррон молчит.

Брат Сила. Ты — немой?

Муаррон. Кх... я... святой архиепископ... неясно тогда расслышал и... Я, пожалуй, лучше ничего не буду говорить.

Шаррон. Похоже, сын мой, что ты мне сегодня утром наклеветал на господина Мольера.

Муаррон молчит.

Брат Сила. Отвечай, грациозная дрянь, архиепископу.

Молчание.

Шаррон. С прискорбием вижу я, сын мой, что ты наклеветал.

Брат Сила. Врать вредно, дорогой актер. Придется тебе сесть в тюрьму, красавчик, где ты долго будешь кормить клопов. А делу мы все равно ход дадим.

Муаррон (хрипло). Я не клеветал.

Брат Сила. Не тяни из меня жилы, рассказывай.

Муаррон молчит.

Эй!

Из двери выходят двое, еще более неприятного вида, чем те, которые Муаррона привели.

(Глядя на башмаки Муаррона.) А у тебя красивые башмаки, но бывают и еще красивее. (Заплетным мастером.) Принесите сюда испанский сапожок.

Муаррон. Не надо. Несколько лет тому назад я, мальчишкой, сидел, в клавесине у шарлатана.

Брат Сила. Зачем же тебя туда занесло?

Муаррон. Я играл на внутренней клавиатуре. Это такой фокус, будто бы самоиграющий клавесин.

Брат Сила. Ну-с?

Муаррон. В клавесине... Нет, не могу, святой отец! Я был пьян сегодня утром, я забыл, что я сказал вам...

Брат Сила. В последний раз прошу тебя не останавливаться!

Муаррон. И... ночью слышал, как голос сказал, что господин де Мольер... женился не на сестре... Мадлены Бежар... а на ее дочери...

Брат Сила. Так чей же это был голос?

Муаррон. Я полагаю, что он мне пригрелся.

Брат Сила. Ну вот, чей пригрелся тебе?

Муаррон. Актера Лагранжа.

Шаррон. Ну, довольно, спасибо тебе, друг. Ты честно исполнил свой долг. Не терзайся. Всякий верный подданный короля и сын церкви за честь должен считать донести о преступлении, которое ему известно.

Брат Сила. Он ничего себе малый. Первоначально он мне не понравился, но теперь я вижу, что он добрый католик.

Шаррон (*Муаррону*). Ты, друг, проведешь день или два в помещении, где к тебе будут хорошо относиться и кормить, а потом ты поедешь со мной к королю.

Муаррону завязывают глаза, связывают руки
и уводят его.

Так вот, братья, сейчас здесь будет посторонний, и разговаривать с ним я попрошу Брата Верность, потому что мой голос он знает.

В дверь стучат. Шаррон надвигает капюшон на лицо и
скрывается в полутьме.

Брат Верность идет открывать дверь. Появляется Незнакомка в маске и ведет за руку Одноглазого. Глаза
у того завязаны платком.

Одноглазый. Очаровательница, когда же вы наконец разрешите снять повязку? Вы могли бы положиться и на мое слово. Помолись, в вашей квартире пахнет сыростью.

Незнакомка в маске. Еще одна ступенька, маркиз. Так... Снимайте. (*Прячется.*)

Одноглазый (снимает повязку, оглядывается). А! Помолись! (Мгновенно правой рукой выхватывает шпагу, а левой пистолет и становится спиной к стене, обнаруживая большой жизненный опыт. Пауза.) У некоторых под плащами торчат кончики шпаг. В большой компании меня можно убить, но предупреждаю, что трех из вас вынесут из этой ямы ногами вперед. Я—«Помолись». Ни с места! Где дрянь, заманившая меня в ловушку?

Незнакомка в маске (из тьмы). Я здесь, маркиз, но я вовсе не дрянь.

Брат Сила. Фи, маркиз, даме...

Брат Верность. Мы просим вас успокоиться, никто не хочет нападать на вас.

Брат Сила. Маркиз, спрячьте ваш пистолет, он смотрит, как дырявый глаз, и портит беседу.

Одноглазый. Где я нахожусь?

Брат Верность. В подвале церкви.

Одноглазый. Требую выпустить меня отсюда!

Брат Верность. Дверь в любую минуту откроют для вас.

Одноглазый. В таком случае зачем же заманивать меня сюда, помолись! Прежде всего это не разговор на жизнь короля?

Брат Верность. Бог вас простит, маркиз. Здесь пламенные обожатели короля. Вы находитесь на тайном заседании Кабалы Священного писания.

Одноглазый. Ба! Кабала! Я не верил в то, что она существует. Зачем же я понадобился ей? (Прячет пистолет.)

Брат Верность. Присаживайтесь, маркиз, прошу вас.

Одноглазый. Спасибо. (*Садится.*)

Брат Верность. Мы скорбим о вас, маркиз.

Члены Кабалы (*хором*). Мы скорбим!

Одноглазый. А я не люблю, когда скорбят.

Изложите дело.

Брат Верность. Маркиз, мы хотели вас предупредить о том, что над вами смеются при дворе.

Одноглазый. Это ошибка. Меня зовут «По-молись».

Брат Верность. Кому же во Франции не известно ваше несравненное искусство? Поэтому и шепчутся за вашей спиной.

Одноглазый (*хлопнув шляпой по столу*). Фа-милию!

Члены Кабалы перекрестились.

Брат Сила. К чему этот шум, маркиз?

Брат Верность. Шепчет весь двор.

Одноглазый. Говорите, а не то я потеряю тер-пение!

Брат Верность. Вы изволите знать гнусней-шую пьесу некоего Жана-Батиста Мольера под на-званием «Тартюф»?

Одноглазый. Я в театр Пале-Рояль не хожу, но слышал о ней.

Брат Верность. В этой пьесе комедиант-без-божник насмеялся над религией и над ее служите-лями.

Одноглазый. Какой негодник!

Брат Верность. Но не одну религию оскор-бил Мольер. Ненавидя высшее общество, он и над ним надругался. Пьесу «Дон Жуан», может быть, изволите знать?

Одноглазый. Тоже слышал. Но какое отношение к д'Орсиньи имеет балаган в Пале-Рояле?

Брат Верность. У нас совершенно точные сведения о том, что борзописец вас, маркиз, вывел в качестве своего героя Дон Жуана.

Одноглазый (*спрятав шпагу*). Что же это за Дон Жуан?

Брат Сила. Безбожник, негодяй, убийца и, простите, маркиз, растлитель женщин.

Одноглазый (*изменившись в лице*). Так. Благодарю вас.

Брат Верность (*взяв со стола рукопись*). Может быть, вам угодно ознакомиться с материалом?

Одноглазый. Нет, благодарю, неинтересно. Скажите, среди присутствующих, может быть, есть кто-нибудь, кто считает, что были основания вывести д'Орсиньи в пакостном виде?

Брат Верность. Братья, нет ли такого?

Среди членов Кабалы полное отрицание.

Такого не имеется. Итак, вы изволите видеть, какими побуждениями мы руководствовались, пригласив вас столь странным способом на тайное заседание. Здесь, маркиз, лица вашего круга, и вы сами понимаете, как нам неприятно...

Одноглазый. Вполне. Благодарю вас.

Брат Верность. Многоуважаемый маркиз, мы полагаемся на то, что сказанное сегодня останется между нами, равно как и никому не будет известно, что мы тревожили вас.

Одноглазый. Не беспокойтесь, сударь. Где дама, которая привезла меня?

Незнакомка в маске (*выходит*). Я здесь.

Одноглазый (*хмуро*). Приношу вам свои извинения, сударыня.

Незнакомка в маске. Бог вас простит, маркиз, прощаю и я. Пожалуйте со мной, я отвезу вас к тому месту, где мы встретились. Вы позволите вам опять завязать глаза, потому что почтенное общество не хочет, чтобы кто-нибудь видел дорогу к месту их заседаний.

Одноглазый. Если уж это так необходимо...

Одноглазому завязывают глаза, и Незнакомка уводит его. Дверь закрывается.

Шаррон (*снимая капюшон и выходя из тьмы*). Заседание Кабалы Священного писания объявляю закрытым. Помолимся, братья.

Члены Кабалы (*встают и тихо поют*). Laudamus, tibi, Domine, rex aeternae gloriae...¹

...Необъятный собор, полон ладаном, туманом и тьмой. Бродят огоньки. Маленькая исповедальня архиепископа, в ней свечи. Проходят две темные фигуры, слышался хриплый шепот: «Вы видели «Тартюфа»?.. Вы видели «Тартюфа»?.. и пропал. Появляются Арманда и Лагранж, ведут под руки Мадлену. Та — седая, больная.

Мадлена. Спасибо, Арманда. Спасибо и вам, Варле, мой преданный друг.

Орган зазвучал в высоте.

Лагранж. Мы подождем вас здесь. Вот дверь архиепископа.

Мадлена крестится и, тихо постучав, входит в исповедальню. Арманда и Лагранж закутываются в черные плащи, садятся на скамью, и тьма их поглощает.

¹ Начало молитвы: «Хвалим, господи, тебе, царю вечной славы» (*лат.*).

Шаррон (*возникает в исповедальне*). Подойдите, дочь моя. Вы — Мадлена Бижар?

Орган умолк.

Узнал я, что вы одна из самых набожных дочерей собора, и сердцу моему вы милы. Я сам решил исповедовать вас.

Мадлена. Какая честь мне, грешнице. (*Целует руки Шаррону.*)

Шаррон (*благословляя Мадлену, накрывает ее голову покрывалом*). Вы больны, бедная?

Мадлена. Больна, мой архиепископ.

Шаррон (*страдальчески*). Что же, хочешь оставить мир?

Мадлена. Хочу оставить мир.

Орган в высоте.

Шаррон. Чем больна?

Мадлена. Врачи сказали, что сгнила моя кровь, и вижу дьявола, и боюсь его.

Шаррон. Бедная женщина! Чем спасаешься от дьявола?

Мадлена. Молюсь.

Орган умолкает.

Шаррон. Господь за это вознесет тебя и полюбит.

Мадлена. А он не забудет меня?

Шаррон. Нет. Чем грешна, говори.

Мадлена. Всю жизнь грешила, мой отец. Была великой блудницей, лгала, много лет была актрисой и всех прельщала.

Шаррон. Какой-нибудь особенно тяжкий грех за собой помнишь?

Мадлена. Не помню, архиепископ.

Шаррон (*печально*). Безумны люди. И придешь ты с раскаленным гвоздем в сердце, и там уже никто не вынет его. Никогда! Значение слова «никогда» понимаешь ли?

Мадлена (*подумала*). Поняла. (*Испугалась*).
Ах, боюсь!

Шаррон (*превращаясь в дьявола*). И увидишь костры, а между ними...

Мадлена. ...ходит, ходит часовой...

Шаррон. ...и шепчет... зачем же ты не оставила свой грех, а принесла его с собой?

Мадлена. А я заломлю руки, богу закричу.

Орган зазвучал.

Шаррон. И тогда уже не услышит господь. И обвиснешь ты на цепях, и ноги погрузишь в костер... И так всегда. Слово «всегда» понимаешь?

Мадлена. Боюсь понять. Если я пойму, я сейчас же умру. (*Вскрикивает слабо*.) Поняла. А если оставить здесь?

Шаррон. Будешь слушать вечную службу.

В высоте со свечами прошла процессия и спели детские голоса.
Потом это все исчезло.

Мадлена (*шарит руками, как во тьме*). Где вы, святой отец?

Шаррон (*глухо*). Я здесь... Я здесь... Я здесь...

Мадлена. Хочу слушать вечную службу. (*Шепчет страстно*.) Давно, давно я жила с двумя и прижила дочь Арманду и всю жизнь терзалась, не зная, чья она...

Шаррон. Ах, бедная...

Мадлена. Я родила ее в провинции. Когда же она выросла, я привезла ее в Париж и выдала ее за свою сестру. Он же, обуреваемый страстью, сошелся с ней, и я уже ничего не сказала ему, чтобы не сделать несчастным и его. Из-за меня, быть может, он совершил смертный грех, а меня поверг в ад. Хочу лететь в вечную службу.

Шаррон. И я, архиепископ, властью, мне даною, тебя развязываю и отпускаю.

Мадлена (*плача от восторга*). Теперь могу лететь!

Орган запел мощно.

Шаррон (*плача счастливыми слезами*). Лети, лети.

Орган замолк.

Ваша дочь здесь? Позовите ее сюда, я прощу и ей невольный грех.

Мадлена (*выходя из исповедальни*). Арманда, Арманда, сестра моя, пойди, архиепископ и тебя благословит. Я счастлива!.. Я счастлива!..

Лагранж. Я посажу вас в карету.

Мадлена. А Арманда?

Лагранж. Вернусь за ней. (*Уводит Мадлену во мрак.*)

Арманда входит в исповедальню. Шаррон возникает страшен, в рогатой митре, крестит обратным дьявольским крестом Арманду несколько раз быстро. Орган загудел мощно.

Шаррон. Скажи, ты знаешь, кто был сейчас у меня?

Арманда (*ужасается, вдруг все понимает*). Нет, нет... Она сестра моя, сестра...

Шаррон. Она твоя мать. Тебя я прощаю. Но сегодня же беги от него, беги.

Арманда, слабо вскрикнув, падает навзничь и остается неподвижной на пороге исповедальни. Шаррон исчезает. Орган гудит успокоительно.

Лагранж (*возвращается в полумраке, как темный рыцарь*). Арманда, вам дурно?

Тьма.

...День. Приемная короля. Людовик, в темном кафтане с золотом, — у стола. Перед ним — темный и измученный Шаррон. На полу сидит Справедливый сапожник — чинит башмак.

Шаррон. На предсмертной исповеди она мне это подтвердила, и тогда я не счел даже нужным, ваше величество, допрашивать актера Лагранжа, чтобы не раздувать это гнусное дело. И следствие я прекратил. Ваше величество, Мольер запятнал себя преступлением. Впрочем, как будет угодно судить вашему величеству.

Людовик. Благодарю вас, мой архиепископ. Вы поступили правильно. Я считаю дело выясненным. (*Звонит, говорит в пространство.*) Вызовите сейчас же директора театра Пале-Рояль господина де Мольера. Снимите караулы из этих комнат, я буду говорить наедине. (*Шаррону.*) Архиепископ, пришлите ко мне этого Муаррона.

Шаррон. Сейчас, сир. (*Уходит.*)

Справедливый сапожник. Великий монарх, видно, королевство-то без доносов существовать не может?

Людовик. Помалкивай, шут, чини башмак. А ты не любишь доносчиков?

Справедливый сапожник. Ну чего же в них любить? Такая сволочь, ваше величество!

Входит Муаррон. Глаза у него затравленные, запуган и имеет такой вид, точно он спал не раздеваясь. Людовик, которого он видит так близко — впервые, очевидно, — производит на него большое впечатление.

Людовик (*вежливо*). Захария Муаррон?

Муаррон. Так, ваше величество.

Людовик. Вы в клавесине сидели?

Муаррон. Я, сир.

Людовик. Господин де Мольер вас усыновил?

Муаррон молчит.

Я вам задал вопрос.

Муаррон. Да.

Людовик. Актерскому искусству он вас учил?

Муаррон заплакал.

Я вам задал вопрос.

Муаррон. Он.

Людовик. Каким побуждением руководствовались, когда писали донос на имя короля? Здесь написано: «желая помочь правосудию».

Муаррон (*механически*). Так, желая...

Людовик. Верно ли, что он вас ударил по лицу?

Муаррон. Верно.

Людовик. За что?

Муаррон. Его жена изменяла ему со мной.

Людовик. Так. Это не обязательно сообщать на допросе. Можно сказать так: по интимным причинам. Сколько вам лет?

Муаррон. Двадцать три года.

Людовик. Объявляю вам благоприятное известие. Донос ваш подтвержден следствием. Какое вознаграждение хотите получить от короля? Денег хотите?

Муаррон (*вздрыгнул. Пауза*). Ваше величество, позвольте мне поступить в королевский бургонский театр.

Людовик. Нет. О вас сведения, что вы слабый актер. Нельзя.

Муаррон. Я — слабый?.. (*Наивно.*) А в театру Марэ?

Людовик. Тоже нет.

Муаррон. А что же делать мне?..

Людовик. Зачем вам эта сомнительная профессия актера? Вы — ничем не запятнанный человек. Если желаете, вас примут на королевскую службу, в сыскную полицию. Подайте на имя короля заявление. Оно будет удовлетворено. Можете идти.

Муаррон пошел.

Справедливый сапожник. На осину, на осину...

Людовик. Шут. (*Звонит.*) Господина де Мольера!

Лишь только Муаррон скрылся за дверью, в других дверях появляется Лагранж, вводит Мольера и тотчас же скрывается. Мольер в странном виде: воротник надет криво, парик в беспорядке, лицо свинцовое, руки трясутся, шпага висит криво.

Мольер. Сир...

Людовик. Почему и с каким спутником вы явились, в то время как пригласили вас одного?

Мольер (*испуганно улыбаясь*). Верный ученик мой, актер де Лагранж... проводил. У меня, изволи-те ли видеть, случился сердечный припадок, и я один дойти не мог... Надеюсь, я ничем не прогневал ваше величество? (*Пауза.*) У меня, изволи-те ли... несчастье случилось... извините за беспорядок в туа-лете. Мадлена Бежар скончалась вчера, а жена моя, Арманда, в тот же час бежала из дому... Все броси-ла... Платья, вообразите... комод... кольца... и безум-ную записку оставила... (*Вынимает из кармана ка-кой-то лоскут, заискивающе улыбается.*)

Людовик. Святой архиепископ оказался прав. Вы не только грязный хулиган религии в ваших про-изведениях, но вы и преступник, вы — безбожник.

Мольер замер.

Объявляю вам решение по делу о вашей женитьбе: запрещаю вам появляться при дворе, запрещаю иг-рать «Гартюфа». Только с тем, чтобы ваша трупна не умерла с голоду, разрешаю играть в Пале-Рояле ваши смешные комедии, но ничего более... И с этого дня бойтесь напомнить мне о себе! Лишаю вас по-кровительства короля.

Мольер. Ваше величество, ведь это же бедст-вие... хуже плахи... (*Пауза.*) За что?!

Людовик. За тень скандальной свадьбы, бро-шенную на королевское имя.

Мольер (*опускаясь в кресло*). Извините... я не могу подняться...

Людовик. Уезжайте. Прием окончен. (*Ухо-дит.*)

Лагранж (*заглянув в дверь*). Что?

Мольер. Карету... Отвези... Позови...

Лагранж скрывается.

Мадлену бы посоветоваться, но она умерла. Что же это такое?

Справедливый сапожник (сочувственно). Ты что же это? В бога не веришь, да? Э... как тебя скрутило... На яблоко.

Мольер (машинально берет яблоко). Благодарю.

Шаррон входит и останавливается, долго смотрит на Мольера.
У Шаррона удовлетворенно мерцают глаза.

(При виде Шаррона начинает оживать — до этого он лежал грудью на столе. Приподымается, глаза заблестели.) А, святой отец! Довольны? Это за «Тартюфа»? Понятно мне, почему вы так ополчились за религию. Догадливы вы, мой преподобный. Нет спору. Говорят мне как-то приятели: «Описали бы вы как-нибудь стерву монаха». Я вас и изобразил. Потому что где же взять лучшую стерву, чем вы?

Шаррон. Я скорблю о вас, потому что кто по этому пути пошел, тот уж наверно будет на виселице, сын мой.

Мольер. Да вы меня не называйте вашим сыном, потому что я не чертов сын. (Вынимает шпагу.)

Справедливый сапожник. Что ж ты лаешься?

Шаррон (мерцая). Впрочем, вы до виселицы не дойдете. (Зловеще оглядывается.)

Из-за двери выходит Одноглазый с тростью.

Одноглазый (молча подходит к Мольеру, наступая ему на ногу). Господин, вы толкнули меня и не извинились. Вы — невежа!

Мольер (машинально). Извините... (Напряженно.) Вы толкнули меня.

Одноглазый. Вы — лгун!

Мольер. Как смеете вы! Что вам угодно от меня?!

Лагранж вошел в это мгновение.

Лагранж (*изменился в лице*). Мэтр, сию минуту уходите, уходите! (*Волнуясь.*) Маркиз, господин де Мольер нездоров.

Одноглазый. Я застал его со шпагой в руке. Он здоров. (*Мольеру.*) Моя фамилия — д'Орсиньи. Вы, милостивый государь, прохвост!

Мольер. Я вызываю вас!

Лагранж (*в ужасе*). Уходите! Это — «Помолись»!

Шаррон. Господа, что вы делаете, в королевской приемной, ах...

Мольер. Я вызываю!

Одноглазый. Готово дело. Больше я вас не оскорбляю. (*Зловеще весело.*) Суди меня бог, великий король! Принимай, сырая Бастилия! (*Лагранжу.*) Вы, сударь, будете свидетелем. (*Мольеру.*) Отдайте ему распоряжения насчет имущества. (*Вынимает шпагу, пробует конец.*) Нет распоряжений? (*Кричит негромко и протяжно.*) Помолись! (*Крестит воздух шпагой.*)

Шаррон. Господа, опомнитесь!.. Господа!.. (*Легко взлетает на лестницу и оттуда смотрит на поединок.*)

Лагранж. Прямое убийство!..

Справедливый сапожник. В королевской приемной режутся!

Одноглазый схватывает Справедливого сапожника за шиворот, и тот умолкает. Одноглазый бросается на Мольера, Мольер, отмахиваясь шпагой, прячется за стол. Одноглазый вскакивает на стол.

Лагранж. Бросайте шпагу, учитель!

Мольер бросает шпагу, опускается на пол.

Одноглазый. Берите шпагу!

Лагранж (*Одноглазому*). Вы не можете колоть человека, у которого нет шпаги в руке!

Одноглазый. Я и не колю. (*Мольеру*.) Берите шпагу, подлый трус!

Мольер. Не оскорбляйте меня и не бейте. Я как-то чего-то не понимаю. У меня, извольте ли видеть, большое сердце... и моя жена бросила меня... Бриллиантовые кольца на полу валяются... даже белья не взяла... беда...

Одноглазый. Ничего не понимаю!

Мольер. Я не постигаю, за что вы бросились на меня? Я вас и видел-то только два раза в жизни. Вы деньги приносили?.. Но ведь это было давно. Я болен... уж вы, пожалуйста, меня не трогайте...

Одноглазый. Я вас убью после первого вашего спектакля! (*Вкладывает шпагу в ножны*.)

Мольер. Хорошо... хорошо... все равно...

Справедливый сапожник вдруг срывается с места и исчезает.

Лагранж поднимает Мольера с полу, схватывает шпагу и увлекает Мольера вон. Одноглазый смотрит им вслед.

Шаррон (*сходит с лестницы с горящими глазами. Пауза*). Почему вы его не кололи?

Одноглазый. Какое вам дело? Он бросил шпагу, помолись.

Шаррон. Болван!

Одноглазый. Что?! Чертов поп!

Шаррон (вдруг плюнул в Одноглазого).
Тьфу!

Одноглазый до того оторопел, что в ответ плюнул в Шаррона. Дверь открылась, и влетел взволнованный Справедливый сапожник, за ним вошел Людовик. Ссорящиеся до того увлеклись, что не сразу перестали плевать. Четверо долго и тупо смотрят друг на друга.

Людовик. Извините, что помешал. (Скрывается, закрыв за собой дверь.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Квартира Мольера. Вечер. Свечи в канделябрах, таинственные тени на стенах. Беспорядок. Разбросаны рукописи. Мольер, в колпаке, в белье, в халате, сидит в громадном кресле. Бутон — в другом. На столе две шпаги и пистолет. На другом столе ужин и вино, к которому Бутон время от времени прикладывается.

Лагранж, в темном плаще ходит взад и вперед и не то поет, не то что-то напевает, за ним по стене ходит темная рыцарская тень.

Лагранж. У... клавесин... клавесин...

Мольер. Перестань, Лагранж. Ты тут ни при чем. Это судьба пришла в мой дом и похитила у меня все.

Бутон. Истинная правда. У меня у самого трагическая судьба. Торговал я, например, в Лиможе пирожками... Никто этих пирожков не покупает, конечно... Хотел стать актером, к вам попал...

Мольер. Помолчи, Бутон.

Бутон. Молчу.

Горькая пауза. Затем слышен скрип лестницы. Дверь открывается, и входит Муаррон. Он не в кафтане, а в какой-то грязной куртке. Потерт, небрит и полупьян, в руке фонарь. Сидящие прикладывают руки козырьком к глазам. Когда Муаррона узнали, Лагранж схватывает со стола пистолет, Мольер

бьет Лагранжа по руке, Лагранж стреляет и попадает в потолок. Муаррон, ничуть не удивившись, вяло посмотрел в то место, куда попала пуля. Лагранж, хватаясь за что попало, разбивает кувшин, бросается на Муаррона, валит его на землю и начинает душить.

Лагранж. Казни меня, король, казни... (Рыча.)
Иуда!

Мольер (страдальчески). Бутон... Бутон... (Вдвоем с Бутоном оттаскивают Лагранжа от Муаррона. Лагранжу). А ведь уморишь меня ты, ты... стрельбой и шумом... Ты что ж еще? Убийство у меня в квартире учинить хочешь?

Пауза.

Лагранж. Тварь Захария Муаррон, ты меня знаешь?

Муаррон утвердительно кивает.

Куда бы ты ночью ни пошел — жди смерти. Утра ты уже не увидишь. (Закутывается в плащ и умолкает.)

Муаррон утвердительно кивает головой Лагранжу, становится перед Мольером на колени и кланяется в землю.

Мольер. С чем пожаловал, сынок? Преступление раскрыто, стало быть, что можешь ты еще выудить в моем доме? О чем напишешь королю? Или ты подозреваешь, что я еще и фальшивомонетчик? Осмотри шкафы и комоды, я тебе разрешаю.

Муаррон вторично кланяется.

Без поклонов говори, чего тебе требуется.

Муаррон. Уважаемый и предрогоценный мой учитель, вы думаете, что я пришел просить проще-

ния. Нет. Я явился, чтобы успокоить вас: не позже полуночи я повешусь у вас под окнами вследствие того, что жизнь моя продолжаться не может. Вот веревка. (*Вынимает из кармана веревку.*) И вот записка: «Я ухожу в ад».

Мольер (*горько*). Вот успокоил.

Бутон (*глотнув вина*). Да, это труднейший случай. Один философ сказал...

Мольер. Молчи, Бутон.

Бутон. Молчу.

Муаррон. Я пришел побыть возле вас. А на госпожу Мольер, если бы я остался жить, я не взгляну ни одного раза.

Мольер. Тебе и не придется взглянуть на нее, мой сын, потому что она ушла, и навеки я один. У меня необузданный характер, потому я и могу сперва совершить что-нибудь, а потом уже думать об этом. И вот, подумав и умудрившись после того, что случилось, я тебя прощаю и возвращаю в мой дом. Входи.

Муаррон заплакал.

Лагранж (*раскрыв свой плащ*). Вы учитель, не человек, не человек. Вы — тряпка, которой моют полы!

Мольер (*ему*). Дерзкий щенок! Не рассуждай о том, чего не понимаешь. (*Пауза. Муаррону.*) Вставай, не протирай штаны.

Пауза.

Муаррон поднялся. Пауза.

Где кафтан?

Муаррон. В кабаке заложил.

Мольер. За сколько?

Муаррон махнул рукой.

(Ворчит.) Это свинство — атласные кафтаны в кабаках оставлять. (Бутону.) Выкупить кафтан... (Муаррону.) Ты, говорят, бродил, бродил и к королю даже забрел?

Муаррон (биа себя в грудь). И сказал мне король: в сыщики, в сыщики... Вы, говорит, плохой актер...

Мольер. Ах, сердце человеческое! Ах, куманек мой, ах, король! Король ошибся: ты актер первого ранга, а в сыщики ты не годишься — у тебя сердце неподходящее. Об одном я сожалею — что играть мне с тобой не придется долго. Спустили на меня, мой сын, одноглазую собаку — мушкетера. Лишил меня король покровительства, и, стало быть, зарежут меня. Бежать придется.

Муаррон. Учитель, пока я жив, не удастся ему вас зарезать, верьте мне! Вы знаете, как я владею шпагой.

Лагранж (высунув ухо из плаща). Ты паразитально владеешь шпагой, это верно. Но, гнусная гадина, прежде чем ты подойдешь к «Помолись», купи себе панихиду в соборе.

Муаррон. Сзади заколю.

Лагранж. Это по тебе.

Муаррон (Мольеру). Буду неотлучно ходить рядом с вами, дома и на улице, ночью и днем, с чем и явился.

Лагранж. Как сыщик.

Мольер (Лагранжу). Заткни себе рот кружевом.

Муаррон. Милый Регистр, не оскорбляй меня, зачем же оскорблять того, кто не может тебе от-

ветить. Меня не следует трогать — я человек с пятном. И не бросайся на меня этой ночью. Ты убьешь меня, тебя повесят, а Кабала беззащитного мэтра заколет.

Мольер. Ты значительно поумнел с тех пор, как исчез из дому.

Муаррон (*Лагранжу*). Имей в виду, что мэтра признали безбожником за «Тартюфа». Я был в подвале у Кабалы... Закона для него нету, — значит, жди всего.

Мольер. Знаю. (*Вздрагивает.*) Постучали?

Муаррон. Нет. (*Лагранжу.*) Бери пистолет и фонарь, идем караулить.

Лагранж и Муаррон берут оружие и фонарь и уходят.
Пауза.

Мольер. Тиран, тиран...

Бутон. Про кого вы это говорите, мэтр?

Мольер. Про короля Франции...

Бутон. Молчите!

Мольер. Про Людовика Великого! Тиран!

Бутон. Все кончено. Повешены оба.

Мольер. Ох, Бутон, я сегодня чуть не умер от страху. Золотой идол, а глаза, веришь ли, изумрудные. Руки у меня покрылись холодным потом. Поплыло все косяком, все боком, и соображаю только одно — что он меня давит! Идол!

Бутон. Повешены оба, и я в том числе. Рядышком на площади. Так вот вы висите, а наискосок — я. Безвинно погибший Жан-Жак Бутон. Где я? В царстве небесном. Не узнаю местности.

Мольер. Всю жизнь я ему лизал шпоры и думал только одно: не раздави. И вот все-таки — раздавил. Тиран!

Бу тон. И бьет барабан на площади. Кто высу-
нул не вовремя язык? Будет он висеть до самого
пояса.

Моль ер. За что? Понимаешь, я сегодня утром
спрашиваю его — за что? Не понимаю... Я ему го-
ворю: я, ваше величество, ненавижу такие поступки,
я протестую, я оскорблен, ваше величество, изволь-
те объяснить... Извольте... я, быть может, вам мало
льстил? Я, быть может, мало ползал?.. Ваше вели-
чество, где же вы найдете такого другого блюдоли-
за, как Мольер?.. Но ведь из-за чего, Бу тон? Из-за
«Тартюфа». Из-за этого унижался. Думал найти
союзника. Нашел! Не унижайся, Бу тон! Ненавижу
королевскую тиранию!

Бу тон. Мэтр, вам памятник поставят. Девушка
у фонтана, а изо рта у нее бьет струя. Вы выдаю-
щаяся личность, но только замолчите... Чтобы у вас
язык отсох... За что меня вы губите?..

Моль ер. Что еще я должен сделать, чтобы до-
казать, что я червь? Но, ваше величество, я писа-
тель, я мыслю, знаете ли, я протестую... она не дочь
моя! (Бу тону.) Попросите ко мне Мадлену Бежар,
я хочу посоветоваться.

Бу тон. Что вы, мэтр?!

Моль ер. А... умерла... Зачем, моя старуха, ты
не сказала мне всей правды? Или нет, зачем, за-
чем ты не учила меня, зачем не была ты меня?..
Понимаешь ли, свечи, говорит, зажжем... я приду
к тебе... (Тоскует.) Свечи-то горят, а ее нет... Я еще
кафтан на тебе разорвал... На тебе луидор за каф-
тан.

Бу тон (плаксиво). Я кликну кого-нибудь... Это
было десять лет назад, что вы...

Моль ер. Укладывай все. Сыграю завтра в по-

следний раз и побежим в Англию. Как глупо! На море дует ветер, язык чужой, и вообще дело не в Англии, а в том, что...

Дверь открывается, и в ней появляется голова старухи Ренэ.

Ренэ. Там за вами монашка пришла.

Мольер (*испугался*). Что такое?!.. Какая монашка?

Ренэ. Вы же сами хотели ей дать стирать театральные костюмы.

Мольер. Фу, старая дура Ренэ, как напугала! Э! Костюмы! Скажи ей, чтобы завтра пришла к концу спектакля в Пале-Рояль. Дура!

Ренэ. Мне что. Вы сами велели.

Мольер. Ничего я не велел.

Ренэ скрывается. Пауза.

Да, какие еще дела? Ах да, кафтан... Покажи-ка, где я разорвал?

Бутон. Мэтр, ложитесь, ради бога! Какой кафтан?

Мольер вдруг забирается под одеяло и скрывается под ним с головой.

Всемогущий господи, сделай так, чтобы никто не слышал того, что он говорил. Применим хитрость. (*Неестественно громко и фальшиво, как бы продолжая беседу.*) Так вы что говорите, милостивый государь? Что наш король есть самый лучший, самый блестящий король во всем мире? С моей стороны возражений нет. Присоединяюсь к вашему мнению.

Мольер (*под одеялом*). Бездарность.

Бутон. Молчите! (*Фальшивым голосом.*) Да, я кричал, кричу и буду кричать: да здравствует король!

В окно стучат.

Мольер тревожно высовывает голову из-под одеяла. Бутон осторожно открывает окно, и в окне появляется встревоженный Муаррон с фонарем.

Муаррон. Кто крикнул? Что случилось?

Бутон. Ничего не случилось. Почему непременно что-нибудь должно случиться? Я беседовал с господином де Мольер и крикнул: да здравствует король! Имеет Бутон право хоть что-нибудь кричать? Он и кричит. Да здравствует король!

Мольер. Боже, какой бездарный дурак!

...Уборная актеров в Пале-Рояле. И так же по-прежнему висит старая зеленая афиша, и так же у распятия горит лампадка и зеленый фонарь у Лагранжа. Но за занавесами слышны гул и свистки. В кресле сидит Мольер, в халате и колпаке, в гриме с карикатурным носом. Мольер возбужден, в странном состоянии, как будто пьян. Возле него — в черных костюмах врачей, но без грима, Лагранж и дю Круази. Валяются карикатурные маски врачей.

Дверь открывается, и вбегает Бутон; Муаррон в начале сцены стоит неподвижно в отдалении, в черном плаще.

Мольер. Ну! Умер?

Бутон (*Лагранжу*). Шпагой...

Мольер. Попрошу обращаться к директору Пале-Рояля, а не к актерам. Я еще хозяин на последнем спектакле!

Бутон (*ему*). Ну, умер. Шпагой ударили в сердце.

Мольер. Царство небесное. Ну что же сделаешь...

Суфлер (*заглянул в дверь*). Что происходит?

Лагранж (*подчеркнуто громко*). Что происходит? Мушкетеры ворвались в театр и убили при-
вратника.

Суфлер. Э!.. (*Скрывается.*)

Лагранж. Я, секретарь театра, заявляю. Театр полон безбилетными мушкетерами и неизвестными мне личностями. Я бессилён сдерживать их и запрещаю продолжать спектакль.

Мольер. Но... но... но!.. Он запрещает! Не забывай, кто ты такой! Ты в сравнении со мной мальчуган, а я седой, вот что.

Лагранж (*шепотом, Бутону*). Он пил?

Бутон. Ни капли.

Мольер. Что я еще хотел сказать?..

Бутон. Золотой господин де Мольер...

Мольер. Бутон!..

Бутон. ...пошел вон!.. Я знаю, двадцать лет я с вами и слышу только эту фразу или — молчи, Бутон! И я привык. Вы меня любите, мэтр, и во имя этой любви умоляю коленопреклоненно — не доигрывайте спектакль, а бегите — карета готова.

Мольер. С чего ты взял, что я тебя люблю? Ты болтун. Меня никто не любит. Меня раздражают, за мной гоняются! И вышло распоряжение архиепископа не хоронить меня на кладбище. Стало быть, все будут в ограде, а я околею за оградой. Так знайте, что я не нуждаюсь в их кладбище, плюю на это! Всю жизнь вы меня травите, вы все враги мне.

Дю Круази. Побойтесь бога, мэтр, мы...

Лагранж (*Бутому*). Как играть в таком состоянии, как играть?

Свист и грохот за занавесами.

Вот!

Мольер. Масленица! В Пале-Рояле били люстры не раз. Партер веселится.

Бутон (*зловеще*). В театре Одноглазый.

Пауза.

Мольер (*утихнув*). А... (*Испуганно*.) Где Муаррон? (*Бросается к Муаррону и прячется у него в плаще.*)

Муаррон, оскалив зубы, молчит, обняв Мольера.

Дю Круази (*шепотом*). Врача звать надо.

Мольер (*выглянув из плаща, робко*). На сцене он меня не может тронуть, а?..

Молчание.

Дверь открывается, и вбегает Риваль. Она в оригинальном костюме, по обыкновению полуобнажена, на голове шляпа врача, очки колесами.

Риваль. Больше нельзя затягивать антракт. Или играть...

Лагранж. Хочет играть, что делать?

Риваль (*долго смотрит на Мольера*). Играть.

Мольер (*вылезая из плаща*). Молодец! Храбрая моя старуха, иди, я тебя поцелую. Разве можно начать последний спектакль и не доиграть. Она понимает. Двенадцать лет ты со мной играешь, и, веришь ли, ни одного раза я тебя не видел одетой, всегда ты голая.

Риваль (*целует его*). Э, Жан-Батист, король вас простит.

Мольер (*мутно*). Он... да...

Риваль. Вы меня будете слушать?

Мольер (*подумав*). Буду. А их не буду. (*Как-то нелепо двинул ногой.*) Они дураки. (*Вдруг вздрогнул и резко изменился.*) Простите меня, господа, я позволил себе грубость. Я и сам не понимаю, как у меня это вырвалось. Я взволнован. Войдите в мое положение. Господин дю Круази...

Дю Круази }
Лагранж } (*хором*). Мы не сердимся!
Бутон }

Риваль. Сейчас же после вашей последней фразы мы спустим вас в люк, спрячем у меня в уборной до утра, а на рассвете вы покинете Париж. Согласны? Тогда начинаем.

Мольер. Согласен. Давайте последнюю картину.

Дю Круази, Лагранж и Муаррон схватывают маски и скрываются. Мольер обнимает Риваль, и та исчезает. Мольер снимает халат. Бутон открывает занавес, отделяющий нас от сцены. На сцене громадная кровать, белая статуя, темный портрет на стене, столик с колокольчиком. Люстры загорожены зелеными экранами, и от этого на сцене ночной уютный свет. В будке загораются свечи, в ней появляется Суфлер. За главным занавесом шумит зрительный зал, изредка взывают зловещие свистки. Мольер, резко изменившись, с необыкновенной легкостью взлетает на кровать, укладывается, накрывается одеялом.

Мольер (*Суфлеру, шепотом*). Давай!

Раздается удар гонга, за занавесом стихает зал. Начинается веселая таинственная музыка. Мольер под нее захрапел. С шорохом упал громадный занавес. Чувствуется, что театр перепол-

нен. В крайней золоченой ложе громоздятся какие-то смутные лица. В музыке громовой удар литавр, и из полу вырастает Лагранж с невероятным носом, в черном колпаке, заглядывает Мольеру в лицо.

Мольер (*в ужасе*).

Что за дьявол?.. Ночью в спальне?
Потрудитесь выйти вон!

Музыка.

Лагранж.

Не кричите так нахально,
Терапевт я, ваш Пургон!

Мольер (*садится в ужасе на кровати*).
Виноват. Кто там за пологом?!..

Портрет на стене разрывается, и из него высовывается дю Круази — пьяная харя с красным носом, в докторских очках и колпаке.

Вот еще один. (*Портрету.*) Я рад...
Дю Круази (*пьяным басом*).

От коллегии венерологов
К вам явился депутат.

Мольер.

Не мерещится ль мне это?!..

Статуя разваливается, и из нее вылетает Риваль.

Что за дикий инцидент?!..
Риваль.

Медицинских факультетов
Я бессменный президент.

В зале: «Га-га-га!..» Из полу вырастает чудовище — врач невероятного роста.

Мольер.

Врач длиной под самый ярус.
Слуги! (Звонит.) Я сошел с ума!

Подушки на кровати взрываются, и в изголовье вырастает
Муаррон.

Муаррон.

Вот и я — Диафуарус,
Незабвенный врач Фома!

Падает третий, дальний, занавес, и за ним вырастает хор
врачей и аптекарей в смешных и странных масках.

Мольер.

Но чему обязан честью?..
Ведь столь поздняя пора...

Риваль.

Мы приехали с известьем!

Хор врачей (грянул).

Вас возводят в доктора!!

Риваль.

Кто спасает свой желудок?

Мольер.

Кто ремень пригоршней ест!

Риваль.

Бене, бене, бене, бене!

Хор врачей.

Новус доктор дигнус эст!

Дю Круази.

Например, вот скажем, — луэс?..

Мольер.

Схватишь — лечишь восемь лет!

В зале: «Га-га-га-га!..»

Лагранж.

Браво, браво, браво, браво,
Замечательный ответ!

Риваль.

У него большие знания...

Дю Круази.

Так и рубит он сплеча!

Из ложи внезапно показывается Одноглазый, садится на борт ее и застывает в позе ожидания.

Муаррон.

И в раю получит званье...

Хор врачей (*грянул*).

Бакалавра и врача!

Мольер (*внезапно падает смешно*). Мадлену мне! Посоветоваться... Помогите!..

В зале: «Га-га-га!..»

Партер, не смейся, сейчас, сейчас... (*Затихает.*)

Музыка играет еще несколько моментов, потом разваливается. В ответ на удар литавр в уборной Мольера вырастает страшная Монашка.

Монашка (*гнусаво*). Где его костюмы? (*Быстро собирает все костюмы Мольера и исчезает с ними.*)

На сцене смятение.

Лагранж (*сняв маску, у рампы*). Господа, господин де Мольер, исполняющий роль Аргана, упал... (*Волнуется.*) Спектакль не может быть окончен.

Тишина. Потом крик из ложи: «Деньги обратно!» Свист и гул.

Муаррон (сняв маску). Кто крикнул про деньги? (Вынимает шпагу, пробует ее конец.)

Бутон (на сцене, задыхаясь). Кто мог крикнуть это?

Муаррон (указывая на ложу). Вы или вы?

Тишина.

(Одноглазому.) Грязный зверь!

Одноглазый, вынув шпагу, поднимается на сцену.

(Идет, как кошка, ему навстречу.) Иди, иди. Подойди сюда! (Поравнявшись с Мольером, глядит на него, втыкает шпагу в пол, поворачивается и уходит со сцены.)

Суфлер внезапно в будке заплакал.

Одноглазый глядит на Мольера, вкладывает шпагу в ножны и уходит со сцены.

Лагранж (Бутону). Да дайте же занавес!

Хор вышел из оцепенения, врачи и аптекари бросаются к Мольеру, окружают его страшной толпой и он исчезает. Бутон закрыл наконец занавес, и за ним заревел зал. Бутон выбежал вслед за группой, унесшей Мольера.

Лагранж. Господа, помогите мне! (Говорит в разрез занавеса.) Господа, прошу... развезд... У нас несчастье.

Риваль (в другом разрезе). Господа, прошу вас... Господа... Господа...

Занавес вздувается, любопытные пытаются влезть на сцену.

Дю Круази (в третьем разрезе). Господа... Господа...

Лагранж. Гасите огни!

Дю Круази тушит люстры, шпагой сбивая свечи. Гул в зале несколько стихает.

Риваль (*в разрезе*). Войдите в положение, господа!.. Разъезд, господа... Спектакль окончен...

Последняя свеча гаснет, и сцена погружается во тьму. Все исчезает. Выступает свет у распятия. Сцена открыта, темна и пуста. Невдалеке от зеркала Мольера сидит скорчившись темная фигура. На сцене выплывает фонарь, идет темный
Лагранж.

Лагранж (*важным и суровым голосом*). Кто остался здесь? Кто здесь?

Бутон. Это я, Бутон.

Лагранж. Почему вы не идете к нему?

Бутон. Не хочу.

Лагранж (*проходит к себе, садится, освещается зеленым светом, разворачивает книгу, говорит и пишет*). «Семнадцатое февраля. Было четвертое представление пьесы «Мнимый больной», сочиненной господином де Мольером. В десять часов вечера господин де Мольер, исполняя роль Аргана, упал на сцене и тут же был похищен без покаяния неумолимой смертью». (*Пауза.*) В знак этого рисую самый большой черный крест. (*Думает.*) Что же явилось причиной этого? Что? Как записать?.. Причиной этого явилась немилость короля и черная Кабала!.. Так я и запишу! (*Пишет и угасает во тьме.*)

К о н е ц

Полоумный Журден
(Мольериана)

Полоумный Журден

Мольериана в трех действиях

Действующие:

Луи Бежар — актер (по пьесе—Журден).

Юбер — актер (по пьесе—госпожа Журден).

Госпожа Мольер — актриса (по пьесе—Люсиль).

Лагранж — актер (по пьесе — Клеонт).

Госпожа Дебри — актриса (по пьесе—Доримена).

Латорильер — актер (по пьесе — Маркиз Дорант).

Госпожа Боваль — актриса (по пьесе—Николь).

Ковель — актер (по пьесе — слуга Клеонта Ковель).

Господин Дебри — актер (по пьесе — учитель фехтования).

Дюкруази — актер (по пьесе — философ Панкрасс).

Учитель театра и музыки.

Учитель танцев.

Брэндавуан — слуга Мольера (по пьесе — слуга Журдена).

Портной.

Нотариус.

Дон Жуан.

Статуя Командора.

Танцовщики, танцовщицы, музыканты, повара.

Действие происходит в Париже в 1670 году.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Бежар (*выходит из разреза занавеса в плаще и шляпе, с фонарем, прихрамывает*). Благодарение небесам! Закончен день, и, признаюсь вам, господа, я устал. И что-то ноет моя хромая нога. А что помогает моей ноге? Мускатное вино. Где же взять это вино? Оно имеется в кабачке на улице Старой Голубятни. Идемте же в Старую Голубятню. (*Начинает уходить под тихую музыку.*)

Брэндавуан (*в разрезе занавеса, с фонарем*). Господин Бежар, не торопитесь так, вам есть письмо.

Бежар (*делает вид, что не слышит, и идет, напевая*). Ла-ла-ла-ла...

Брэндавуан. Нет, нет, сударь, остановитесь, вам письмо.

Бежар. А? Что? Кто-то зовет меня? Нет, мне послышалось. (*Идет.*) Ла-ла-ла-ла...

Брэндавуан. Нет, нет, сударь, бросьте, вам не послышалось, это я.

Бежар. Ах, это вы, Брэндавуан? Ах, я совершенно вас не заметил. Как ваше здоровье? Хорошо, вы говорите? Ну, очень рад. Так до свиданья, Брэндавуан, я очень тороплюсь.

Б р э н д а в у а н. Нет, сударь, вам письмо.

Б е ж а р. Ах, дорогой Брэндавуан, мне его и вскрывать не хочется, ибо я и так знаю, что в нем заключается.

Б р э н д а в у а н. И, кроме того, пакет.

Б е ж а р. Ах, тем более. В пакете — роли, я вижу это ясно, ибо не однажды уже видел роли в пакетах. Только их так небрежно перевязывают веревкой. И право, я с удовольствием бы удавился на этой веревке. Итак, отложим это до утра, ибо утро вечера мудренее, как говорит философия, и семь раз примерь и один раз отрежь и...

Б р э н д а в у а н. ...и, сударь, это все очень хорошо, и я сам люблю заниматься философией, но сейчас, к сожалению, для нее нет времени, так как господин директор просил вас немедленно взяться за это дело.

Б е ж а р. Так. Немедленно. *(Открывает письмо.)* Да, я это предчувствовал. О, Брэндавуан! Прощай, Старая Голубятня, на сегодняшний вечер! Ну, дорогой Брэндавуан, в благодарность за это письмо получите роль Брэндавуана.

Б р э н д а в у а н. Помилуйте, сударь, я никогда в жизни не играл на сцене.

Б е ж а р. Тем интереснее вам будет.

Б р э н д а в у а н. Сударь, помилуйте, я ведь не актер, а слуга господина директора.

Б е ж а р. Слугу и будете играть, тем более что господин Мольер явно вас и описал. Не утомляйте меня, Брэндавуан, сзывайте труппу.

Б р э н д а в у а н исчезает в разрезе занавеса.
Музыка стихает.

Шамбор... О, бедная моя фантазия, до чего же не

хватает тебе мускатного вина. С каким наслаждением я побеседовал бы с приятелями в Старой Голубятне, сыграл бы в кости. Я не чувствую ни малейшего желания попасть сейчас в объятия музы. Ах, вот и занавес.

Занавес раскрывается. Сцена темна.

Огня, Брэндавуан, огня! О, темная пасть, проглатывающая меня ежевечерне в течение двадцати лет, и сегодня мне не избежать тебя. Гм... я не в голосе сегодня... О ты, источник и отчаяния и вдохновения... А, черт возьми, я долго буду дожидаться?

Открываются люки и из них поднимаются действующие лица с фонарями.

Юбер. В чем дело, хромой?

Бежар. Новая пьеса. Завтра спектакль у короля в Шамборе. Итак, Мольер болен. Я поведу репетицию. Попрошу вас, не кричите все в одно время, я ничего не слышу. Брэндавуан, суфлера!

Брэндавуан. Сударь, он здесь.

Бежар. Итак, я буду краток. Господин Мольер заболел, и я буду играть главную роль Журдена. Соль в том, что я сошел с ума.

Юбер. Я давно это стал замечать.

Бежар. Юбер!.. Я хочу сказать, я, то есть Журден, парижский мещанин, богатый человек, помещался на том, что он — знатный дворянин, вот и все. (Госпоже Мольер.) Люсиль — его дочь. Очаровательна, впрочем, как и вы в жизни.

Госпожа Мольер исчезает.

(Лагранжу.) Клеонт — возлюбленный.

Лагранж исчезает.

Госпожа Дебри — Доримена, маркиза, хитрая, лживая женщина. Отнюдь не такая, как вы в жизни.

Госпожа Дебри исчезает.

Господин Латорильер — маркиз Дорант, мошенник. Извините.

Господин Латорильер исчезает.

Госпожа Боваль! Николь, служанка Люсиль, словом, все понятно.

Госпожа Боваль исчезает.

Дю Круази — педант, философ Панкрасс.

Дю Круази. Позволь, ты слишком краток. Хотя бы я знал, в чем дело?

Бежар. Филибер, мне ли тебя учить? В чем сущность педанта? Парик, смешная шляпа, плащ. Провались, Дю Круази.

Дю Круази исчезает в люке, затем выскакивает в виде Педанта.

Вот, ты всегда славился быстротой своей работы.

Дю Круази исчезает.

(Одному из актеров.) Ковель — хитрый, умный слуга Клеонта.

Ковель исчезает.

(Трем актерам.) И, наконец, господин Дебри и вы двое — учитель фехтования, учитель музыки и театра и учитель танцев, присосались к бедному Журдену и тянут из него деньги, развлекая его всякими представлениями.

Дебри и учитель танцев исчезают.

Гм... Портной, нотариус, танцовщики... ага, это все на месте... Брэндауан! Освети мне волшебным приемником господина Журдена!

Сцена волшебным образом изменяется.

Юбер. Я, стало быть, свободен?

Бежар. О нет, дорогой Юбер. Ты — моя старая и верная жена. *(Обнимает и целует Юбера трижды.)*

Юбер. О, как мне надоели женские роли! *(Проваливается.)*

Бежар. Брэндауан, снимите с меня штаны.

Брэндауан начинает снимать с Бежара штаны.

Ах, я забыл, что здесь публика. Ко мне в спальню, Брэндауан. А вы, господа, дело вот в чем... Утро. Начинается день господина Журдена. Учитель музыки подсматривает в щелку, как одевает Журдена Брэндауан... Начали.

Бежар скрывается за дверь с Брэндауаном. Учитель музыки, спиной к публике, смотрит в щелку. Другая дверь открывается, входит учитель танцев.

Учитель танцев *(про себя)*. Этот уже на месте. Проворен. *(Громко.)* Здравствуйтесь.

Учитель музыки *(не отрываясь от щелки)*. Здравствуйтесь.

Учитель танцев *(становясь на стул, подглядывает)*. Вы что-нибудь видите?

Учитель музыки. Да. Брэндауан надевает на него штаны. Малиновые.

Учитель танцев. Да... Дела... *(Пауза.)* А вы, сударь, как я вижу, ежедневно навещаете господина Журдена?

Учитель музыки. Да. И вы тоже.

Учитель танцев. Но вы здесь с самого раннего утра. Мне никогда не приходилось слышать, чтобы серенады распевались с самого утра.

Учитель музыки. Ну да, вы, конечно, предпочитаете, чтобы ваш клиент плясал с утра.

Учитель танцев. Это полезнее, чем горло драть.

Учитель музыки. Конечно, конечно, с утра полезнее дрыгать ногами.

Пауза.

Учитель танцев (шепотом). Знаете, было бы гораздо лучше, если бы мы с вами не ссорились.

Учитель музыки. Вы находите?

Учитель танцев. Да-с... Я объясню вам свою мысль. С тех пор как почтенный хозяин спятил, слишком много народу увивается вокруг него. Согласитесь, что, ссорясь, мы только повредим друг другу и что кто-нибудь другой займет наше место.

Учитель музыки. Вы умный человек, милостивый государь.

Учитель танцев. Благодарю вас, сударь. Итак, союз?

Учитель музыки. Союз.

Учитель танцев. Мне, например, не нравится этот длинный подлиза со шпагой.

Учитель музыки. Учитель фехтования?

Учитель танцев. Да. Его необходимо выжить из дому. Тсс... идет Журден.

Торжественно появляется Журден, а за ним Брендаван.

Журден. Здравствуйте, господа преподаватели.

Учителя. Как чувствуете вы себя, господин Журден?

Журден. Я заставил вас ждать, господа? Но виноват мой портной. Это дрянь, а не портной. Он сделал такие узкие штаны, что я еле поворачиваюсь в них. Как вы находите их?

Учитель музыки. Исключительные штаны.

Журден. Знатные люди по утрам носят такие штаны. Это мои утренние штаны.

Учитель танцев. Они вам удивительно к лицу.

Журден. Благодарю вас. Итак, с чего мы начнем сегодняшний урок театра?

Учитель музыки. Благоволите прослушать, господин Журден, серенаду, сочиненную одним из моих учеников.

Журден. Очень хорошо. Брэндавуан!

Брэндавуан. Что угодно, сударь?

Журден. Мне ничего не угодно. Я просто проверял, тут ли ты. Впрочем, нет, надень на меня халат.

Брэндавуан надевает на Журдена халат.

Брэндавуан! Сними с меня халат. Я раздумал. Ну, итак, я слушаю серенаду.

Открывается второй занавес, и на эстраде выступают певец и певица — поют под аккомпанемент струнных:

Я изнываю день и ночь,
Никто не в силах мне помочь.
Прекрасная Ирис...

Нет, не могу больше! Ах, черт!..

Пение прекращается.

Учитель музыки. Виноват, господин Журден...
Журден. Это не сапожник, это каналья! Не могу

больше, до того жмут. Брэндавуан! Сними с меня башмаки. Продолжайте, господа.

Пение:

Прекрасная Ирис,
Сердце мое в крови,
Я погибаю от любви...

Учитель музыки. Как вы находите?

Журден. Да, песня мрачновата. На кладбище тянет. Признаюсь вам, мне не хочется ее учить. А вот на днях я слышал песенку. Превосходная песенка! (Поет.)

Ах, милей Жаннеты нету,
Полюбил и я Жаннету.
Меня Жаннета заманила,
А потом и изменила.

Хорошая песня?

Учитель танцев. Превосходно. И мило и просто!

Журден. А я хорошо пою?

Учитель музыки. Превосходно. Просто хорошо. Вот ее и будем учить.

Журден. Ну-с, теперь танцы.

Учитель танцев. Внимание. Менуэт.

Журден. Я люблю менуэт.

Играют менуэт. Танцовщик и танцовщица танцуют.

Учитель танцев. Ну-с, пожалуйста, сударь, на сцену. Благоволите повторять.

Все поют — ла-ла-ла-ла...

Журден. Меня немножко смущает, видите ли, что я хромаю.

Учитель танцев. Кто хромает? Вы? С чего вы это взяли, господин Журден?

Журден. Неужели это незаметно?

Учитель музыки. Совершенно незаметно.

Учитель танцев. Ну-с, итак, а-ла-ла-лала-ла... Не шевелите плечами! Выворачивайте носки! А-ла-лала-ла...

Учитель музыки. Браво, браво!

Появляется учитель фехтования.

Учитель фехтования. Доброе утро, сударь.

Журден. Аа!

Учитель танцев (*учителю музыки*). Явился, негодяй!

Журден. Ну-с, господа, теперь урок фехтования.

Учитель фехтования. А вот напрасно, сударь, вы танцевали до урока фехтования. Это зря, утомляет.

Учитель танцев. Простите, сударь, танцы никого не утомляют. Утомляет фехтование.

Учитель фехтования. Сударь, не слушайте господина танцмейстера.

Учитель танцев. Сударь, я не советовал бы вам прислушиваться к тому, что говорит господин фехтовальщик.

Журден. Господа, господа, не будем ссориться. Знатные люди совмещают и танцы и фехтование.

Учитель фехтования. Итак, сударь, берите шпагу. Поклон. Корпус прямо. Голову тоже прямо. Так. Раз, два. Начинайте, сударь. Выпадайте. Плохо выпали. (*Колет Журдена.*)

Журден. Ох... Господи...

Учитель фехтования. Еще удар. Раз, два. Выпадайте. Плохо выпали. (*Колет Журдена.*)

Журден. Мать, пресвятая богородица...

Учитель фехтования. Прыжок назад. Еще раз выпадайте. Плохо выпали. (*Колет Журдена.*)

Журден. Святая дева...

Учитель фехтования. Она вам не поможет. Прыжок вперед. Выпадайте. Плохо выпали. Опять плохо выпали. (*Колет Журдена.*)

Журден (*выпадает, разбивает вазу*). Ох...

Учитель фехтования. Хорошо выпали. (*Колет Журдена, разрывает на нем камзол.*)

Журден (*садясь на пол*). Сдаюсь.

Учитель фехтования. Ну, достаточно на сей раз. Хватит. Видите, сударь, какое это искусство.

Журден. Вижу.

Учитель фехтования. Искусство фехтования значительно выше этих всяких танцев и тому подобной музыки.

Журден. Извините, господа, я пойду переменить камзол. Брэндавуан! (*Уходит с Брэндавуаном.*)

Пауза.

Учитель танцев. Вы, сударь, сказали, что искусство фехтования выше, чем танцы?

Учитель фехтования. Сказал.

Учитель музыки. И выше, чем музыка и театр?

Учитель фехтования. Выше.

Учитель танцев. Это хамство, сударь.

Учитель фехтования. Напротив, это вы — дурак.

Учитель танцев. Я вам дам по уху.

Учитель музыки. И я тоже.

Учитель фехтования. Попробуйте.

Учитель танцев. И попробую.

Учитель фехтования. Попробуйте!

Учитель танцев. И попробую!

Учитель фехтования. Попробуйте!

Учитель танцев. Уговорили вы меня. *(Бьет учителя фехтования.)*

Учитель музыки. Правильно!

Учитель фехтования. Так! Поклон. Корпус прямо. Раз, два. Выпадаю.

Учитель музыки *(сзади)*. Плохо выпали! *(Бьет учителя фехтования.)*

Учитель танцев, вырвав шпагу у учителя фехтования, бьет его.

Учитель фехтования *(кричит)*. Караул!

Николь *(вбегая)*. Батюшки, этого не хватало! *(Скрывается с криком.)* Господин Журден! Господин Журден! Ваши учителя подрались!

Журден *(вбежав в другом камзоле)*. Господа! Господа! Что вы делаете! Господа! Господа!

Меняется свет, и из люка появляется философ Панкрасс.

Панкрасс. Что за гам? Что за содом? Мне кажется, что здесь избивают человека?

Журден. Чистейшая правда, господин философ. Они чуть не ухлопали его совсем. Господа! Господин философ, умоляю, успокойте их. Господа, позвольте вас познакомить, это мой учитель философии, господин Панкрасс.

Панкрасс. Я успокою. В чем дело, сударь?

Учитель фехтования *(плача)*. Они меня поколотили.

Журден. Почему же вы не закололи их?

Учитель фехтования. Вот я на них в суд подам, будут они знать.

Панкрасс. Спокойствие. Прежде всего, сударь, измените вашу манеру выражаться. Вы должны были сказать: мне кажется, что меня поколотили.

Учитель фехтования. Как — кажется?!

Журден. Господа, берите стулья. Это замечательный человек, он моментально вам все объяснит.

Учитель фехтования. Как — кажется?!

Панкрасс. Сударь, философия учит нас, что не должно быть вполне решительных суждений. Вам может казаться, а факт на самом деле может и не существовать.

Журден. Ну, вот видите.

Учитель фехтования. Чего видите? Это глупости какие-то!

Панкрасс. И опять-таки, вам кажется, что это глупости.

Журден. Ну вот, я вам говорил.

Учитель фехтования. Но позвольте, у меня на физиономии синяк!

Панкрасс. Вам кажется, что он на физиономии.

Учитель фехтования. Ничего не понимаю!

Панкрасс. Вам кажется, что вы ничего не понимаете! Вы сейчас все поймете. Изложите мне ваше дело.

Учитель фехтования. Дело в том, что эти два негодяя...

Учитель музыки } Мы тебе покажем него-
Учитель танцев } дяев!

Журден. Господа, господа...

Панкрасс. Прежде всего, на каком языке вы хотите со мной говорить?

Учитель фехтования. На том, который у меня во рту.

Панкрасс. Вы не поняли.

Журден. Вы не поняли.

Панкрасс. На каком наречии? Хотите, по-гречески?

Журден. Ах, черт...

Учитель фехтования. Нет.

Панкрасс. По-латыни?

Учитель фехтования. Нет.

Панкрасс. По-сирийски?

Учитель фехтования. Нет.

Панкрасс. По-еврейски?

Учитель фехтования. Нет.

Панкрасс. По-арабски? Давайте, давайте.

Учитель фехтования. Да нет же.

Панкрасс. По-итальянски, по-испански, по-английски, по-немецки?

Учитель фехтования. Нет. На родном языке.

Панкрасс. Аа! На родном. В таком случае, прошу вас, перейдите к этому уху. Это ухо предназначено у меня для иностранных языков, а это, отдельно,— для родного.

Учитель фехтования. Это болван, а не философ.

Панкрасс. Вам кажется, что я болван.

Журден. Вам кажется.

Учитель фехтования. Тьфу! (Плюет в Панкрасса.)

Журден. Что вы делаете? Господин философ, простите!

Панкрасс. Пожалуйста, пожалуйста, он не попал.

Учитель фехтования. Ты черт или человек?! *(Бросается на Панкрасса. Журден подворачивается и получает по физиономии.)*

Журден. Спасибо! Что же это такое?

Панкрасс. Ничего, ничего, он даже и не коснулся меня.

Журден. Но позвольте...

Панкрасс. Только одно — не гневайтесь.

Журден. Я не буду гневаться. Гоните его вон, подлеца! И навсегда из дому!

Учитель музыки } Давно пора!

Учитель танцев } С удовольствием!

Учителя музыки и танцев схватывают учителя фехтования и волокут его вон.

Панкрасс. Без гнева, без гнева, господин Журден.

Журден. Я без гнева. Негодяй!

Панкрасс. Ну-с, чем же мы сегодня займемся, господин Журден?

Журден. Видите ли... я влюблен... Что вы по этому поводу скажете?

Панкрасс. Скажу, что это возможно.

Журден. Очаровательная женщина!

Панкрасс. И это возможно.

Журден. Мне хотелось бы ей послать любовную записку.

Панкрасс. И это возможно. Стихами или прозой?

Журден. Не стихами и не прозой.

Панкрасс. А вот это невозможно.

Журден. Почему?

Панкрасс. Существуют только или стихи или проза. Никак иначе ни писать, ни говорить нельзя.

Журден. Я потрясен. Спасибо вам за это открытие. Но, позвольте, а в театре? Я бы хотел, чтобы было как в театре, так же красиво.

Панкрасс. Все равно — или проза или стихи.

Журден. Господин учитель театра и музыки!

Учитель музыки (появляется). Да, да, я здесь, господин Журден.

Журден. Вы не могли бы сейчас представить нам что-нибудь театральное, только прозой?

Учитель музыки. Ничего нет легче, сударь. Разрешите, я вам покажу заключительную сцену из «Дон Жуана», сочинение господина Мольера?

Журден. Господин философ, берите стул.

Учитель музыки. Эй, финал «Дон Жуана» для господина Журдена!

Свет меняется, раскрывается занавес. На сцене «Дон Жуан». Возникает Статуя командора.

Статуя. Остановитесь, Дон Жуан. Вчера вы дали мне слово откусать со мной.

Дон Жуан. Да. Куда идти?

Статуя. Дайте мне руку.

Дон Жуан. Вот она.

Статуя. Дон Жуан, закоренелость в грехе ведет к ужасной смерти!

Дон Жуан. Что я чувствую! Невидимый огонь жжет меня!

Журден. Проза?

Панкрасс. Она.

Госпожа Журден (возникнув внезапно, обращается к Статуе). Пошел вон!

Статуя. Виноват, кто?

Госпожа Журден (*Дон Жуану и Статуе*). Оба пошли вон из моего дома сию секунду! Провалитесь!

Дон Жуан и Статуя проваливаются.

Панкрасс. Мне кажется, что это ваша супруга?

Журден. Увы. На сей раз это вам не кажется. Это она на самом деле. О боже мой. Прозой умоляю тебя, не устраивай скандала при учителе!

Госпожа Журден. Что же такое творится в доме?

Журден. Ничего не делается. Просто мы смотрели «Дон Жуана».

Госпожа Журден. Это Дон Жуан разбил лучшую вазу? Это Дон Жуан топал здесь, как лошадь? Что делается в нашем доме?

Журден. Крошка моя, успокойся.

Госпожа Журден. Какая я тебе крошка! Что это за крошка! Ты смеешься надо мною, старый безобразник!

Журден. Вот какая пошла проза, господин философ. Перейди к этому уху... то есть, нет, не переходи...

Панкрасс. Без гнева, сударыня.

Госпожа Журден. Этот шут еще вмешивается!

Журден. Что ты говоришь! Это философ Панкрасс. (*Панкрассу.*) Сударь, мы окончим урок в другое время... Видите...

Панкрасс. Да, мне кажется, что я вижу... До свиданья, сударь. (*Уходит.*)

Госпожа Журден. Что это такое? Ведь это же срам! Ты окончательно спятил, с тех пор как во-

образил, что ты знатный дворянин,— с утра в доме безобразие, какие-то шуты гороховые, музыка, соседей стыдно! Почтенный человек! Совершенно ополоумел! Вместо того чтобы заниматься своей лавкой, куролесит!

Журден. Замолчи, невежественная женщина!

Госпожа Журден. Кто такая невежественная женщина? Нагнал полный дом всякого сброда! Чего стоит один этот знатный проходимец с кружевами на штанах, который сосет из тебя деньги! Этот мошенник!

Журден. Кто такой этот мошенник?

Брэндавуан (*появляясь*). Маркиз Дорант.

Журден. Тссс!.. Замолчи сию минуту!

Дорант (*появляется*). Милейший Журден! Как ваше здоровье?

Журден. О маркиз! Какая честь! Мое здоровье превосходно!

Дорант. Прежде всего, прошу вас, господин Журден, немедленно накройте шляпой, вы простудитесь.

Журден. Ни за что, маркиз. (*Остается с непокрытой головой.*)

Дорант. Господин Журден, вы вынудите меня удалиться.

Журден. Вы? Удалиться? Я надеваю шляпу.

Дорант. Ба! Как вы прекрасно одеты! По утрам так одеваются только придворные кавалеры.

Журден. Я похож на придворного кавалера?

Дорант. Если вы не похожи на него, пусть отсохнет мой язык.

Журден. Маркиз, если бы у вас отсох язык, я умер бы с горя.

Дорант. А если бы вы умерли, то в свою оче-

редь немедленно умер бы я. Тоже с горя. Позвольте мне вас поцеловать, господин Журден.

Журден. Ни за что! Я не могу допустить этой чести!

Дорант. Нет, нет. Я проснулся сегодня с мыслью, что мне предстоит что-то очень приятное. Я подумал: я поцелую сегодня господина Журдена. *(Целует.)* Одна щека готова. Позвольте другую.

Госпожа Журден. Вот мерзкий подлиза!

Дорант. Виноват! А! Госпожа Журден! Простите, я вас не заметил.

Госпожа Журден. Пожалуйста, пожалуйста...

Дорант. Вашу ручку, госпожа Журден.

Госпожа Журден. Не беспокойтесь, не беспокойтесь...

Дорант. Госпожа Журден не в духе.

Госпожа Журден ворчит.

Ну-с, милейший Журден, я приехал к вам, чтобы свести с вами счет.

Журден *(тихо, госпоже Журден)*. Видала? Какая ты свинья. *(Доранту.)* Сударь, в этом нет никакой надобности.

Дорант. Ни слова, Журден. Я привык быть аккуратным в своих делах. Итак, сколько же я вам должен?

Журден. Я составил маленький мемуарчик. Вот он. Вначале вам было дано двести ливров.

Дорант. Совершенно верно.

Журден. Далее по трем счетам вашим я уплатил... портным пять тысяч ливров... в магазины... седельному мастеру... всего пятнадцать тысяч восемьсот ливров.

Дорант. Идеально верно. Прибавьте к этому те

двести ливров, которые я возьму у вас сейчас, и будет ровно шестнадцать тысяч ливров.

Госпожа Журден. Боже, какой мерзавец!

Дорант. Виноват, сударыня...

Госпожа Журден. Нет, ничего. Это я просто сказала, что господин Журден дурак.

Дорант. Помилуйте, сударыня, он очень умный человек.

Госпожа Журден. Тьфу! *(Плюет и уходит.)*

Журден. Слушаю, маркиз, я сейчас их вам принесу. *(Уходит.)*

Дорант *(один)*. Дела мои дрянь, господа. Хуже всего то, что он влюблен в Доримену, не зная того, что я сделал ей предложение. А между тем не жениться мне на Доримене нельзя. Если я не овладею ее состоянием, я пропаду в лапах у кредиторов. Да, роль моя не особенно красива, но что же поделаешь. *(Входящему Журдену.)* Может быть, вас это затрудняет, милый Журден?

Журден. Ничуть, маркиз! Для вас я готов на все. *(Вручает деньги.)*

Дорант. Может быть, я вам в свою очередь могу быть чем-нибудь полезен?

Журден *(шепотом)*. Я хотел бы узнать, маркиз, относительно...

Дорант. Я понимаю вас с полуслова. Маркиза Доримена, в которую вы влюблены, чувствует себя превосходно. *(Про себя.)* Ох, сейчас спросит про кольцо, чувствую...

Журден. А это кольцо...

Дорант. Я понял вас с полуслова. Вы хотите спросить, понравилось ли ей то бриллиантовое кольцо, которое вы ей подарили и передали через меня?

Журден. Вы угадали.

Дорант. Она была в восторге.

Журден. А, скажите, когда...

Дорант. Я понял вас с полуслова...

Госпожа Журден (*тихо появившись*). Не нравится мне этот разговор. (*Шепотом.*) Николь!

Николь тихо появляется.

(*Тихо.*) Подслушай, о чем они говорят.

Дорант (*тихо*). Я намерен завтра позвать к вам обедать... маркизу Доримену...

Журден. Неужели меня ждет такое счастье?

Дорант. Ждет.

Журден. Я думаю сплавить мою драгоценную супругу... (*Замечает Николь, дает ей пощечину.*) Ах, дрянь! (*Доранту.*) Уйдемте отсюда. (*Уходит с Дорантом.*)

Николь (*держась за щеку, госпоже Журден*). Вот, сударыня... видите...

Госпожа Журден. Ничего, моя бедная Николь, я награжу тебя. О чем говорили эти подлецы?

Николь. Ох, сударыня, ваш драгоценный затевает шашни с некоей маркизой Дорименой.

Госпожа Журден. Мерзавец! Не прошло и двадцати четырех лет с тех пор, как мы женаты, а он уже разлюбил меня!

Николь. Не расстраивайтесь, сударыня.

Госпожа Журден. Я и не думаю расстраиваться. Просто я беспокоюсь, что он спустит все состояние, и бедная моя дочурка останется без приданого. Ну, вот что, дальше так продолжаться не может. Немедленно посылай Брэндавуана к Клеонту, чтобы он спешил и сделал Люсиль предложение. Иначе все погибнет.

Николь. Сударыня, спешу, лечу.

Госпожа Журден уходит.

Брэндавуан! Брэндавуан!

Брэндавуан (входя). Чего тебе?

Начинает идти занавес.

Николь. Беги сейчас же к Клеонту, барыня велела, и зови его сюда.

Брэндавуан. Чего б там барыня не велела, я не могу позвать его сюда, потому что конец действия.

Николь (публике). Антракт.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Николь (*Брэндавуану*). Ну, иди же за Клеонтом скорее.

Брэндавуан. Не за чем идти, вот они сами идут сюда.

Брэндавуан уходит.
Входят Клеонт и Ковбель.

Николь. Ах, до чего вы кстати, господин Клеонт! А мы только что хотели за вами посылать. Здравствуй, Ковбель.

Клеонт. Пошла ты к черту!

Николь. Что это значит?!

Клеонт. Отправляйся к своей вероломной барышне и сообщи ей, что Клеонт не позволит смеяться над собою.

Николь. Что такое? Ничего не понимаю. Ковбель, в чем дело?

Ковбель. Сгинь.

Николь. Ну, поздравляю. Наш хозяин спятил, и эти двое тоже. Пойду расскажу барышне. (*Убегает*).

Клеонт. Так поступить с верным и преданным возлюбленным?

Ковьель. Да, сударь, уж и отмочили наши возлюбленные штучку!

Клеонт. Укажи мне, Ковьель, хоть кого-нибудь на свете, кто любил бы ее так нежно и пылко.

Ковьель. Никого, сударь, указать не могу.

Клеонт. Я не видел ее два дня, и эти два дня показались мне ужасными столетиями. Наконец счастливый случай сталкивает меня с нею на улице, я бросаюсь к ней, на моем лице было написано... Что было написано на моем лице, Ковьель?

Ковьель. Радость и страсть были написаны на вашем лице, сударь, будь я проклят.

Клеонт. И что ж? Изменница отвращает от меня взор и проходит мимо меня так, как будто видит меня впервые в жизни. Что, Ковьель?

Ковьель. Ничего, сударь, то же самое проделала со мной и Николь.

Клеонт. И это после тех слез, которые я столько раз проливал у ее коленей.

Ковьель. Что, сударь, слезы? Сколько ведер воды я ей перетаскал из колодца!

Клеонт. Какие ведра? Что ты?

Ковьель. Я говорю про Николь, сударь.

Клеонт. Сколько раз я горел в огне моей страсти!

Ковьель. Сколько раз я жарился на кухне, поворачивая за нее вертел.

Клеонт. Какая кухня? Ах, да, ты про Николь говоришь.

Ковьель. Точно так, сударь.

Клеонт. Нет меры моему негодованию!

Ковьель. Какая уж тут мера.

Клеонт. Брани ее, Ковьель! Рисуй мне ее в дурном виде, чтобы я скорее забыл ее.

Ковьель. С удовольствием, сударь. Глазки у нее маленькие, сударь.

Клеонт. Что ты врешь? Ну, да, небольшие глазки, но зато сколько в них огня!

Ковьель. А рот велик.

Клеонт. Это правда, но он обворожителен.

Ковьель. Ростом не вышла.

Клеонт. Но зато как сложена!

Ковьель. Она глупа, сударь.

Клеонт. Как ты смеешь! У нее тончайший ум!

Ковьель. Позвольте, сударь, вы же не даете мне ее ругать.

Клеонт. Нет, нет, ругай.

Ковьель. Она капризна, сударь.

Клеонт. Ей идут эти капризы, пойми!

Ковьель. Ну, достаточно, сударь, я устал. Пусть вам ее ругает кто-нибудь другой.

Входят Люсиль и Николь.

Клеонт. Я не хочу с ней говорить. Помни, Ковьель, ни одного слова.

Ковьель. Будьте покойны, сударь.

Люсиль. Что означает ваше поведение, Клеонт?

Николь. Что с тобою, Ковьель?

Люсиль. Вы онемели, Клеонт?

Николь. Ты что, лишился дара слова?

Пауза.

Клеонт. Вот настоящая злодейка!

Ковьель. Иуда!

Люсиль. Ты права, Николь, они оба сошли с ума. Если вас расстроила вчерашняя встреча, то, позвольте, я объясню, в чем дело.

Клеонт. Нет, я не хочу слушать.

Николь. Дай я тебе объясню.

Ковьель. Нет.

Люсиль. Вчера утром...

Клеонт. Нет.

Николь. Утром вчера...

Ковьель. Отпрыгни.

Люсиль. Клеонт, остановитесь!

Клеонт. Довольно лживых песен!

Николь. Послушай, Ковьель!..

Ковьель. Заранее говорю, вранье.

Люсиль. Ну, хорошо, раз вы не желаете слушать,— идем, Николь.

Николь. Идемте, барышня.

Клеонт. Ну, извольте объяснить ваш поступок.

Люсиль. Нет, мне не хочется говорить.

Ковьель. Выкладывай.

Николь. Нет.

Клеонт. Я прошу вас.

Люсиль. Оставьте меня.

Ковьель. Ну, ну!

Николь. Ни-ни.

Клеонт. Так вы уходите? Хорошо! Но знайте, жестокая, что я ухожу от вас, чтобы умереть! Ковьель!

Ковьель. Сударь, я ныряю вслед за вами.

Люсиль. Остановитесь, Клеонт!

Николь. Постой, Ковьель!

Ковьель. Стою.

Люсиль. Слушайте же. Я шла вчера утром с отцом, а он мне запретил кланяться кому бы то ни было на улице, кроме маркизов. Я боялась даже кивнуть вам.

Ковьель. Вот так штука!

Клеонт. Вы не обманываете меня, Люсиль?

Люсиль. Клянусь, нет!

Клеонт. Но вы-то любите меня?

Люсиль. О Клеонт!

Николь. Коввель!

Целуются.

Слышны шаги. Люсиль и Николь убегают. Из другой двери входит госпожа Журден.

Госпожа Журден. А, Клеонт! Я рада вас видеть.

Клеонт. Милая госпожа Журден.

Госпожа Журден. Ах, Клеонт, я расстроена.

Клеонт. Что вас огорчает, сударыня?

Госпожа Журден. Огорчает меня один идот, Клеонт.

Клеонт. За что такие слова, сударыня, поми-луйте!

Госпожа Журден. Ах, дружок, я не о вас говорю.

Коввель. Стало быть, обо мне.

Госпожа Журден. Идиот этот — мой муж, Клеонт. Да, да. Спятил он, как ни горько мне признаться. Помешался на том, что он знатный дворянин. Одним словом, Клеонт, делайте скорее предложение, пока он не размотал все наше состояние. Дочка любит вас, а мне вы также очень нравитесь.

Клеонт. О, сударыня, если бы вы знали, как мне сладки ваши слова!

Госпожа Журден. Расцелуйте меня, Клеонт.

Коввель целует госпожу Журден.

А ты при чем здесь?

Коввель. Ах, сударыня, признаюсь вам, что и у меня есть свой план. Я люблю вашу служанку Ни-

коль. Надеюсь, что вы не учините никаких препятствий к моему браку.

Госпожа Журден. Не учиню.

Ковель целует госпожу Журден.

Отстань! Ну, я сейчас его позову. *(Уходит.)*

Журден *(войдя)*. А, сударь!

Клеонт. Сударь, я прибыл к вам, чтобы сообщить, что честь быть вашим зятем так велика, что я не мог удержаться от того, чтобы не попросить у вас руки вашей дочери.

Журден. Очень приятно. Но прежде всего, сударь, скажите мне, на каком языке вы желаете разговаривать со мной?

Клеонт. На родном языке, сударь, если позволите. К тому же я не знаю никакого другого языка.

Журден. Я прошу вас, перейдите тогда к этому уху. Это ухо предназначено у меня для родного языка. А другое ухо — для языков иностранных.

Клеонт. Слушаю, сударь. *(Переходит.)*

Ковель. Вон оно какие дела!

Клеонт. Итак, сударь...

Журден. Виноват. Вы хотите говорить со мной стихами или прозой?

Клеонт. Прозой, если позволите. Я не умею говорить стихами.

Журден. Ах, как жаль. Ну, слушаю вашу прозу.

Клеонт. Итак, сударь, я хотел бы жениться на вашей дочери.

Журден *(поразмыслив)*. Это возможно.

Клеонт. Я обожаю ее, сударь.

Журден *(подумав)*. И это возможно.

Клеонт *(волнуясь)*. Так что же вы скажете мне на это, о сударь...

Журден. Это невозможно.

Клеонт. О, сударь!..

Журден. Я спрошу вас,— вы дворянин, сударь?

Клеонт. Нет, сударь, я не дворянин. Говорю вам это прямо, потому что не привык лгать.

Ковьель зашипел.

Чего ты мне мигаешь?

Ковьель (*кашляя*). Я не мигал вам, сударь, это вам послышалось. Продолжайте, сударь, но только умненько.

Клеонт. Да, сударь, я не умею лгать, я не дворянин.

Ковьель. О, господи!

Журден. Я уважаю вас, сударь, за прямоту. Придите в мои объятия.

Целуются.

(*Закончив поцелуи.*) А дочку свою я вам не отдам.

Клеонт. Почему?!

Ковьель. Вот какая вышла проза.

Журден. Я твердо решил выдать свою дочь только за маркиза. Простите меня, сударь, мне нужно отдать некоторые распоряжения моим многочисленным лакеям. С совершенным почтением имею честь быть вашим покорным слугой Журден. (*Уходит.*)

Клеонт (*упав в кресло*). Что ты на это скажешь, Ковьель?

Ковьель. Стихами или прозой? Говоря стихами, вы, сударь, болван.

Клеонт. Как ты смеешь?

Ковьель. Чего тут не сметь. Вы будете вечным холостяком, сударь.

Клеонт. Ложь противна мне.

Ковьель. Мне более противна глупость. Спасибо вам громадное, сударь, за то, что вы и мое дело попортили. Он скажет, что он не выдаст свою служанку иначе, как за слугу графа. (Горячась.) Ведь вам же было сказано на родном языке и в то самое ухо, в какое нужно, что вы имеете дело с сумасшедшим! А? Ну, и нужно было потакать ему во всем! Пожалуйте расчет, сударь, я поступаю в услужение к маркизу, мне нужно жениться.

Клеонт. Ковьель, это было бы предательством оставить меня в такой трудный момент! Выдумай что-нибудь, Ковьель!

Ковьель. Вы не думайте, сударь, что за вас всю жизнь будут выдумывать другие.

Пауза.

Клеонт. Ковьель!

Ковьель. Сударь, не мешайте моей мысли зреть... Когда человек помешался, все средства хороши... Гм... гм... итак... Ну, вот она и созрела!

Клеонт. Ковьель, ты гениален!

Ковьель. Да, да. Так вот, сударь. К вечеру я превращу вас в знатного человека.

Клеонт. Как это мыслимо?

Ковьель. Это уж мое дело. Прежде всего дайте денег, сударь.

Клеонт. Сколько хочешь, Ковьель.

Ковьель. Я хочу пятьдесят пистолей на расходы и еще десять пистолей мне.

Клеонт. На, на, Ковьель!

Ковьель. Итак, прежде всего я хочу столкнуться с этими двумя шарлатанами, учителем музыки и танцев. А вы, сударь, извольте отправляться

домой и там ждите моих повелений. Не мозольте глаза господину Журдену. (Уходит.)

Госпожа Журден (появляясь). Ну что, милый Клеонт?

Клеонт (заплакал). Ах, сударыня, он отказал мне.

Госпожа Журден. Быть не может! А! Проклятый сумасброд! Ну, ладно, я покажу! (Кричит.) Журден! Журден!

Клеонт убегает, махнув рукой.

Журден (входя). Мне кажется, что ты кричишь, матушка?

Госпожа Журден. Ты зачем отказал Клеонту? Хорошему человеку, которого любит твоя дочь.

Журден. Он мне и самому очень нравится.

Госпожа Журден. Разве он не порядочный человек?

Журден. Порядочный. Чем больше я думаю, тем больше убеждаюсь — порядочный.

Госпожа Журден. Разве Люсиль не любит его?

Люсиль (вбегая). Да, я люблю его.

Журден. Любит, любит, да.

Госпожа Журден. А он не любит ее?

Люсиль. Я любима!

Журден. Бесспорно любима, только ты не кричи так.

Госпожа Журден. У него хорошее состояние!

Журден. Мало этого сказать, превосходное состояние.

Госпожа Журден. Так что же ты...

Журден. А выдать нельзя. Горе, но выдать нельзя. Не маркиз.

Николь (*появившись внезапно*). А вы сами, сударь, маркиз?

Журден. Ах, вот и ты? Да, тебя только не хватало. Я не маркиз, к сожалению, но я вращаюсь в обществе маркизов и буду вращаться только среди них.

Госпожа Журден. Я не позволю сделать мою дочь несчастной! Кто рожал ее?

Журден. Я ро... тьфу! ты!.. испугала меня! Ты ее рожала, отстаньте от меня!

Люсиль. Или Клеонт, или никто! Если вы, отец, не дадите согласия на этот брак, я покончу с собой!

Николь. Милая барышня, не делайте этого!

Журден. Господи, вы меня замучаете!

Люсиль (*рыдает*). О я несчастная!

Госпожа Журден. Посмотри, что ты делаешь с бедной девочкой!

Люсиль. Мама! Я ухожу!

Госпожа Журден. Куда ты, бедная крошка?

Николь. Куда вы, барышня?

Люсиль. Или топиться, или к тетке! (*Убегает.*)

Госпожа Журден. Николь, за мной! Не выпускай ее!

Убегают.

Журден. Вот полюбуйтесь, господа, на этот сумасшедший дом! Брэндавуан!

Брэндавуан появляется.

Принеси мне компресс на голову.

Брэндавуан. Сударь, там маркиз Дорант с какой-то дамой спрашивают вас.

Журден. Это она! Боже, это она! Какое счастье, что их унесло из дому! Проси... то есть нет, не про-

си... подожди... то есть нет... Боже, ведь я не одет... скажи... проси сюда и скажи, что я сию же минуту выйду! (*Исчезает.*)

Входят Дорант и Доримена.

Доримена. Дорант, я боюсь, что поступила опрометчиво, придя с вами в незнакомый дом.

Дорант. О милая Доримена, это пустяки. Согласитесь сами, где же бы мы могли пообедать с вами, избежав огласки?

Доримена. И, кроме того, маркиз, я попрошу вас перестать покупать для меня подарки. Например, это дорогое кольцо, к чему это...

Дорант. О Доримена!..

Входит Журден.

А вот и наш милейший Журден!

Журден. Сударыня... как благодарить мне вас за ту честь... которую я имел честь... когда вы оказали мне честь... меня посетить... такая честь, маркиза...

Дорант. Довольно, господин Журден. Маркиза не нуждается в таких комплиментах.

Доримена. Господин Журден вполне светский человек.

Дорант (*тихо, Журдену*). Вы... вот что... не говорите маркизе ни одного слова о кольце, которое вы ей подарили.

Журден (*тихо*). Но мне хочется все-таки узнать, понравилось ли оно ей?

Дорант. Ни-ни-ни. Это будет совершенно не по-светски. Сделайте вид, что вы его даже не замечаете.

Журден. Вот досада...

Усаживаются.

Доримена. Вы смотрите на мое кольцо? Неправда ли, оно великолепно?

Журден. Даже и не думаю смотреть. И, притом, это такой вздор, пустяковое колечко...

Дорант. Кхе-кхе-кхе...

Доримена. Пустяковое? Я вижу, что вы очень избалованный человек.

Журден. Такие ли бывают кольца, маркиза?

Доримена. Гм...

Дорант (тихо). Черт тебя возьми.

Входит Брэндавуан с мокрой тряпкой и кладет ее на лоб Журдену.

Журден. Это что такое?

Брэндавуан. Компресс, сударь.

Журден (тихо). Вылетай к черту!

Брэндавуан уходит.

Не обращайтесь внимания, маркиза, это мой сумасшедший слуга. Брэндавуан!

Брэндавуан входит.

Брэндавуан. Чего изволите?

Журден. Ну, что же обед?..

Брэндавуан. Все готово, сударь.

Журден. Сударыня, разрешите мне просить вас... такая честь... отобедать... мой скромный обед...

Доримена. С большим удовольствием, господин Журден.

Журден. Эй! Музыкантов! Обедать!

На эстраде возникают музыканты, а из-под пола появляется роскошно накрытый стол и четыре повара. Повара танцуют, начиная подавать кушанья.

Маркиза, прошу вас!

Доримена. Как великолепно все устроено у вас!

Дорант. Маркиза, господин Журден славится своими обедами.

Журден. Такие ли еще бывают обеды!

Доримена. Повторяю, вы очень избалованный человек.

Дорант. Маркиза, вина?..

Доримена. Какой аромат!

Дорант. Прелестное вино!

Брэндавуан. Такие ли еще бывают вина!

Журден. Ты ошалел, Брэндавуан!

Брэндавуан. Никак нет, сударь.

Журден. Вели подавать следующее блюдо.

Дорант. Интересно, каким это следующим блюдом угостит нас наш милейший хозяин.

Журден. А вот увидите. Это секрет моего повара.

Из-под пола вылетает стол, и на нем сидит госпожа Журден.

Ой!..

Пауза.

Госпожа Журден. Аа! Честная компания! Вот оно что! Когда хозяйки нет дома, хозяин проматывает свое состояние в компании с какой-то развешенной дамочкой и ее поклонником! Очень хорошо! Очень хорошо!

Журден. Зарезала!

Дорант. Сударыня, что с вами! Какие выражения! Во-первых, этот обед даю я, а не господин Журден...

Госпожа Журден. Молчите, дорогой проходец!

Дорант. Сударыня!

Госпожа Журден. Да что — сударыня! Сударыня! Двадцать три года я сударыня, а вот вам, сударыня, не стыдно ли врваться в чужой семейный дом!

Журден. Боже мой!

Доримена. Что она мне говорит! Благодарю вас, Дорант!

Дорант. Успокойтесь, Доримена!

Доримена. Сию минуту уведите меня отсюда!

Дорант (*госпоже Журден*). Стыдитесь, сударыня!

Журден. Убит... Зарезан...

Дорант уводит плачущую Доримену.

Брэндавуан. Убирать стол, сударь?

Журден. Убери... (*Указывает на госпожу Журден.*) и ее... и стол... все убери... я опозорен...

Брэндавуан. Компресс принести, сударь?

Журден. Пошел ты к черту!

Брэндавуан. К черту — с удовольствием, сударь, тем более что... конец второго действия.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Вечер. Журден один.

Журден (*расстроен*). Да, угостила меня любезная супруга... Боже, боже... Стыдно людям на глаза показаться... и все меня забыли как-то сразу... и никто не идет... и проклятые учителя провалились как сквозь землю... философией, что ли, заняться? Замечательный человек, этот Панкрасс... утешительный человек... и философия — великая вещь... А в самом деле, может быть, никакого скандала за обедом и не было, а мне только показалось... надо будет себе это внушить. Не было скандала и шабаш. Не было скандала. Не было скандала... Нет, был скандал. Не веселит меня философия... менуэт, что ли, протанцевать? Эй, Брэндавуан!

Брэндавуан (*входит*). Что прикажете, сударь?

Журден. Мне скучно, Брэндавуан.

Брэндавуан. А вы закусите, сударь.

Журден. Нет, не хочу. Супруги моей нету дома?

Брэндавуан. Нету, сударь.

Журден. Ну, и слава богу. Велика, чтоб мне сыграли менуэт.

Брэндавуан. Музыкантов сейчас нету, сударь.

Журден. Вот... видишь... все меня бросили на произвол судьбы... Брэндавуан, спой ты мне менуэт.

Б р э н д а в у а н. Я, сударь, очень плохо пою.
Ж у р д е н. Ничего, давай вдвоём.

Поют вдвоём менуэт. Журден при этом подтанцовывает.

А-ла-лала-ла-ла... Нет, все равно не весело. Уходи, Брэндавуан, от тебя еще скучнее.

Б р э н д а в у а н. Слушаю, сударь. *(Уходит и через некоторое время возвращается.)* Сударь, вас там какой-то турок спрашивает.

Ж у р д е н. ...ла-ла-ла... Турок? Уж не пьян ли ты, голубчик? Откуда может быть турок?

Б р э н д а в у а н. Не могу знать, сударь, откуда турок.

Ж у р д е н. Ну, проси его сюда.

Б р э н д а в у а н уходит, и сразу же возвращается. Входит одетый турком К о в ь е л ь.

К о в ь е л ь. Сударь, я не знаю, имею ли я честь... быть вам известным?

Ж у р д е н. Нет, сударь.

К о в ь е л ь. А я, сударь, знал вас вот таким крошкой...

Ж у р д е н. Что вы говорите?

К о в ь е л ь. Да, вы были увлекательнейшим ребенком. И все дамы брали вас на руки специально с тем, чтобы облобызать вас.

Ж у р д е н. Благодарю вас. Облобызать? Но вы, сударь, производите впечатление довольно молодого человека.

К о в ь е л ь. Это не удивительно, сударь, я в последнее время жил в Турции.

Ж у р д е н. Ага... Ага...

К о в ь е л ь. Да-с, сударь, я был в большущей

дружбе с вашим батюшкой. Покойник был настоящий дворянин.

Журден. Как, сударь, вы и с покойником были знакомы?

Ковьель. Еще бы!

Журден. И вы говорите, что он был дворянин. Вы не ошибаетесь?

Ковьель. Неподдельный дворянин.

Журден (*жмет руку Ковьелю*). Вы меня радуете, сударь. Прошу вас покорнейше, садитесь. Вы знаете, нашлись дураки, которые распустили по Парижу слух, что будто бы мой отец был купцом.

Ковьель. Какая глупость! Ваш отец был вежливый человек, понимавший толк в сукнах и других материях. Он покупал разные товары, а потом раздавал их, за деньги — натурально, своим приятелям, чтобы доставить им удовольствие, не задевая их самолюбия.

Журден. Сударь, вы меня просто воскрешаете.

Ковьель. Ну, вот видите... Так вот, сударь, я пришел к вам, чтобы сообщить вам приятнейшую новость. В Париж прибыл сын турецкого султана!

Журден. Я ничего не знал об этом.

Ковьель. Вот видите. Я, милостивый государь, являюсь переводчиком его высочества.

Журден встает.

Садитесь, сударь, без церемоний. Я должен сообщить вам весьма важное дело... Нас никто не подслушивает?

Журден. Брэндавуан, пошел вон.

Брэндавуан. Слушаю, сударь. (*Выходит.*)

Журден. Говорите смело, сударь.

Ковьель. Его высочество влюблен в вашу дочь.

Журден. А... э... когда... почему... а где же он ее видел?

Ковьель. Случайно на улице. Да это не важно, где он ее видел, сударь. Важно то, что он хочет стать вашим зятем.

Журден. Сударь, я потрясен.

Ковьель. Сегодня утром я заговорил с его высочеством. Вдруг он говорит: «Акчам крок солер сншалла мустафа гиделлу аманахем варахани усерекарбулат».

Журден. Так и сказал?

Ковьель. Совершенно этими словами. Каково?

Журден (*про себя*). Пороть бы моего родителя за то, что он меня не выучил по-турецки!

Ковьель. Нет, как вам это понравится? Сын турецкого султана!

Журден. Признаться вам сказать, господин переводчик, я немножко подзабыл турецкий язык... вы знаете, эти гувернантки... половину-то я понял... но вот...

Ковьель. О, не беспокойтесь, я вам сейчас переведу. Это значит: «Видел ли ты прекрасную девушку, дочь парижского дворянина Журдена?» Я вежливо говорю: да,—по-турецки, разумеется. Он говорит: «Ах марабаба сахем!», то есть, ах, как я влюблен в нее,—а потом приказывает мне,—поезжай и проси ее руки у господина Журдена и объяви ему, что я его жалуя чином мамamuши.

Журден. Мамamuши?.. Возможно... А что такое — мамamuши?

Ковьель. Камергер.

Журден. Ай-яй-яй!..

Ковьель. Но этого мало, он сейчас сам приедет к вам.

Журден. Быть не может!.. Я.

Ковьель. Впрочем, может быть, вы против этого брака?

Журден. Господин переводчик, разве я смею? Боже, какое несчастье! Вы знаете, эта моя дочь, сумасбродная Люсиль, она влюблена в некоего Клеонта, а она упряма, признаюсь вам, как пень, и я боюсь...

Ковьель. Сударь, не тревожьтесь. Все уладится, лишь только она взглянет на принца. Шепну вам на ухо, только имейте в виду, это величайшая государственная тайна: сын турецкого султана поразительно похож на этого Клеонта. Я его встречал на улице. Но, однако, сударь, поторопитесь, вам нужно переодеться в турецкое платье.

Журден. Как же быть? У меня ничего нет.

Ковьель. О, сударь, все уже готово. Сейчас явится придворный портной, который вас оденет. Эй!

Входит портной.

Журден. Да это же мой портной! Как, сударь, это вы?

Портной. Так точно, сударь. Я поступил на службу к его турецкому высочеству. Пожалуйста в спальню.

Журден и портной уходят.

Ковьель (в дверь). Эй, господа!

Входят учителя музыки и танцев.

Я надеюсь, господа, что у вас все уже в полном порядке? Кроме того, господа, вы сохраните тайну. (Дает деньги учителям.)

Учитель танцев. Не беспокойтесь, сударь. Мы настоящие люди искусства, а потому и служим своим искусством тому, кто нам платит деньги, не вдаваясь в долгие разговоры.

Коввель. Вот и правильно. Итак, идите. Принц сейчас прибедет.

Учителя уходят. Входит Дорант. Коввель прячет лицо.

Эх, посторонний!.. Как неприятно.

Дорант. Здравствуйте, сударь. *(Всматривается в Коввеля.)*

Коввель. Коригар комбатю.

Дорант. Виноват?

Коввель. Амбасу?

Дорант. Вы не говорите по-французски? *(Про себя.)* Где-то я видел эту физиономию...

Коввель. Мой не понимайт.

Дорант. Вы турок?

Коввель. Турок, отвяжитесь. Ой!.. Микоси.

Дорант. Какой там микоси! Ты — Коввель!

Коввель. Тсс... сударь, ради бога!

Дорант. Что означает этот маскарад?

Коввель. Сударь, не выдавайте нас. Сейчас мой барин Клеонт явится сюда в качестве турецкого принца.

Дорант. Это, конечно, ты придумал?

Коввель. Не скрою, сударь, я.

Дорант. Зачем?

Коввель. Журден не хочет выдавать Люсиль за Клеонта, потому что тот не знатный.

Дорант. А, понятно!

Коввель. Я надеюсь, сударь, что вы...

Дорант. Батюшки! Я забыл дома кошелек!

Коввель. Сколько в нем было?

Дорант. Двадцать пистолей.

Ковьель. Сударь, прошу вас взять взаймы двадцать пистолей.

Дорант. Спасибо. Слушай, я могу пригласить маркизу Доримену посмотреть на эту комедию? Она будет под маской.

Ковьель. Отчего же, отчего же?

Дорант. Отлично. (Уходит.)

Входит Журден в турецком костюме, за ним портной.

Журден. Будьте добры, господин переводчик... все ли в порядке?

Ковьель. Так... повернитесь... да!

На улице послышались звуки музыки, замелькали фонари.

Вот его высочество!

Вносят Клеонта в турецком костюме.

Входят учителя музыки и танцев, за ними актеры в турецких костюмах.

Клеонт. Амбузахим акибараф саламалеки!

Журден. Господин переводчик, на помощь!

Ковьель. Это обозначает: господин Журден, да цветет ваше сердце в течение целого года, подобно пышному розовому кусту!

Журден. Покорнейший слуга его высочества.

Клеонт. Устин иок базе моран.

Ковьель. Да ниспошлет вам небо силу льва и мудрость змеи!

Журден. От всей души его высочеству желаю того же!

Ковьель. Оса бинамен садок?

Клеонт. Бель мен.

Журден. Что значит — бель мен?

Коввель. Бель мен значит: нужно как можно быстрее начать церемонию, потому что он хочет сейчас же увидиться с вашей дочерью и немедленно заключить с нею брак, вследствие необычайной любви к ней, пожирающей его сердце. Все.

Журден. И все это в двух словах — бель мен?! Замечательный язык. Гораздо лучше нашего.

Коввель. Как же можно сравнивать? Ах, вот гость!

Входит Дорант и вводит Доримену.

Дорант. Господин Журден, я надеюсь, вы разрешите маркизе и мне присутствовать?

Журден. Да, маркиз, я весьма рад. (Доримене.) Я рад, маркиза, что отвратительная выходка моей супруги не помешала вам все-таки вновь войти в мой дом.

Доримена. О, это пустяки, о которых я давно уже забыла. И потом я буду под маской, она не узнает меня. Поздравляю вас, господин Журден, с вашим новым саном.

Журден. Да-с, камергер, сударыня. (Протягивает ей руку для поцелуя.)

Доримена от изумления целует.

Не смущайтесь, сударыня, мне и самому неприятно. Но ничего не поделаешь, положение обязывает... Ваше высочество, саламалеки, позвольте вам представить... маркиза Доримена... тьфу ты, черт, не понимает... бель мен... Переводчик!

Коввель (указывая на Доранта). Козури мана. Это значит, позвольте вам представить маркиза Доранта.

Журден (тихо, Доранту). Руку, руку поцелуйте.

Дорант (*Ковьелю*). Ну, это уже свинство.
Ковьель. Целуйте и не портите мне дело. Какая важность!

Дорант с отвращением целует руку Клеонту.

Эй, послать за невестой!

Журден (*тревожно*). Да, за невестой бы послать.

Музыка. Затем за сценой вскрикивает Люсиль.

Брэндавуан, где же Люсиль?

Брэндавуан. Ее ведут, сударь, но она упирается.

Журден. Ох, так я и знал... Ох, темные люди!..

Турки вводят растерянную Люсиль.

Брэндавуан. Вот она, сударь.

Журден (*Люсиль*). Каригар комбат. Это значит по-турецки, что ты сейчас будешь обвенчана с его высочеством, принцем турецким.

Люсиль. Караул!

Журден. Брэндавуан! Брэндавуан, держи ее!

Брэндавуан. Сударь, она выдирается.

Журден. Что ты делаешь, дура!.. Устин мараф... тебе надо будет подзубрить по-турецки... Брэндавуан, умоляю, за руку, за руку!.. ваше высочество, не обращайтесь внимания... просто дура... бель мен.

Люсиль. Добрые люди!.. Спасите меня!..

Журден. Бель мен... бель мен...

Внепно появляется Нотариус с фонарем и с книгами.

Нотариус. Виноват, здесь свадьба? Меня звали. Я — нотариус.

Ковьель. Здесь, здесь, здесь, пожалуйста.

Журден. Да что ж нотариус?.. Виноват... Сала-

малеки базуль... посмотрите, что делается... Брэндавуан!

Брэндавуан. Сударь, я изнемогаю... такая здоровая...

Люсиль. Ааа...

Нотариус. Простите, я поражен... Какая же это свадьба? Здесь драка.

Ковьель. Ничего, господин нотариус, ничего... Не уходите, не уходите. Сейчас драка, а потом свадьба будет. *(Мигает ему.)*

Нотариус *(тревожно)*. Не понимаю, чего вы мне мигаете?

Ковьель. Ах, да молчите, ничего я вам не мигаю. Присядьте. *(Люсиль.)* Сударыня, умоляю, взгляните на принца!

Люсиль. К черту! К черту! К черту!

Нотариус. Никогда в жизни я не видел такой свадьбы! Она же не хочет! Нельзя же насильно!

Ковьель. Она сию минуту захочет, захочет, уверяю вас! *(Люсиль.)* Да гляньте же на меня, ведь я же Ковьель, что вы делаете!

Люсиль. Что? Ковьель?

Ковьель. Тише!

Брэндавуан. Я усмирил ее, сударь.

Ковьель. Гляньте в лицо принцу!

Люсиль *(глянув на Клеонта)*. Ах!

Клеонт. Люсиль!

Николь *(внезапно влетая)*. Что делают с моей барышней? Караул! Не отдам ее в турецкие руки!

Журден. Вяжи ее, Брэндавуан!

Брэндавуан. О нет, сударь, ни за что.

Нотариус. Поразительная свадьба.

Ковьель *(Николь)*. Уймись, полоумная! Я — Ковьель, а принц — Клеонт!

Николь. Ай! Соглашайтесь, барышня, соглашайтесь!

Люсиль. Отец, я согласна!

Журден. Ффу! Ну вот... ваше высочество, она согласна! Бель мен... словом, все в порядке!

Внезапно разверзается пол и появляется госпожа Журден.

Вот! Самый главный ужас. Здравствуй, жена. Да ниспошлет тебе небо мудрость льва, старая змея... Чувствую, что не то говорю... Не портить отношений с Турцией... Уйди отсюда, заклинаю... Устин иок... ваше высочество, рекомандую, моя жена... она ведьма...

Госпожа Журден. Что ты затеял еще, старая каналья?! Погубить свою дочь! Брэндавуан, зови сюда полицию!!

Нотариус. Э, нет. Сзядьба в полиции! Я не участвую.

Ковьель. Умоляю, задержитесь на секунду. (Госпоже Журден.) Сударыня, гляньте в лицо принцу!

Госпожа Журден дает пощечину Ковьелю.

Нотариус. Плюха. Нет, из одного любопытства останусь. (Садится.)

Ковьель. Госпожа Журден, прежде чем бить по лицу, вы гляньте хоть в это лицо.

Из-под полу появляется Панкрасс.

Панкрасс. Господин Журден, среди философов Парижа, а также и среди простого населения разнеслись слухи о счастливом событии в вашем доме. Позвольте вас поздравить...

Журден. Что — поздравить... Знаете, что случилось?.. Эта фурия дала плюху переводчику турец-

кого султана, и после свадьбы будет война с Турцией...

Брэндаван. Обязательно будет.

Ковель. Ничего не будет. Прощаю плюху. (Госпоже Журден, тихо.) Сударыня, я — Ковель, а он — Клеонт.

Госпожа Журден. Ах! Я согласна, выдавай дочь за турецкого султана!

Журден. Ох!.. Внял господь вашим мольбам, ваше высочество, ниспослало ей небо мудрость!

Ковель. Господин нотариус, приступайте!

Нотариус. Да, действительно, все пришло как-то само собой в порядок!.. Имя брачующихся...

Журден. Господин сын турецкого султана, с одной стороны...

Нотариус. Виноват! Какой султан?!

Ковель (тихо). Он пошутил. Пишите: Клеонт — с одной стороны, а с другой — Люсиль Журден.

Нотариус. А, это другое дело. (Пишет.)

Ковель (нотариусу). Второй контракт: с одной стороны — слуга Ковель, с другой — служанка Николь. (Журдену.) Сударь, признаюсь вам, я влюбился в вашу служанку.

Журден. Что вы делаете, сударь, это — стерва! Если уж вам так приспичило, женитесь на моей жене, славно бы зажили в Турции!..

Ковель. Нет, сударь, не смею вас лишать счастья.

Журден. Ваше дело, сударь... Господа, не хочет ли кто-нибудь из вас жениться на моей супруге, я ей дам развод, благо нотариус здесь, а? Господин философ, вам не угодно? Вам все равно будет казаться только, что вы на ней женаты.

Панкрасс. Зачем же? Пусть это продолжает казаться вам.

Дорант. Эх, за компанию! Доримена! Вы согласны?

Доримена. Согласна, милый Дорант!

Коввель (нотариусу). Ну вот... с одной... и с другой...

Нотариус пишет.

Журден. Как же так?.. Вы... она... мое кольцо...

Дорант. Господин Журден, стоит ли вам, богатому человеку, говорить о таком пустяке? Да будет оно свадебным подарком моей очаровательной жене.

Журден. Бель мен.

Коввель. Ну вот все и пришло к счастливому концу! (Снимает чалму.) Сударь!..

Клеонт (снимая чалму). Сударь! Простите нас за то, что для того, чтобы соединить счастливые влюбленные сердца, мы были вынуждены прибегнуть к маскарадному обману. Да, я — Клеонт, сударь, но я надеюсь, сударь, что при виде счастливого лица вашей дочери вы примиритесь с нами!

Журден. Что такое? Дайте мне фонарь! (Вглядывается.) Коввель! Клеонт! Мой бог!.. Что же это такое?!.. Я окружен видениями! Марабоба сахем! Акчиам крок солер!.. Вы туоки или нет?! (Срывает чалму с учителя музыки.) Учитель музыки! (Срывает чалму с учителя танцев.) Учитель танцев! Что происходит здесь?! Не верю ничему! Не верю никому!

Учителя } (хором). Поздравляем вас, господин
Актеры } Журден, и желаем счастья молодым!

Взрыв музыки.

Госпожа Журден. Прозрейте же, наконец, о дорогой мой муженек, и мы заживем мирно и сладко, как жили до твоих сумасбродств.

Люсиль (*бросается в объятия Журдена*). Отец! Я счастлива!

Журден. Нет, нет! Все на свете обман! (*Госпоже Журден.*) Не верю, что ты моя жена! (*Срывает женский наряд с госпожи Журден.*) Конечно, нет, это Юбер! Я действительно, кажется, схожу с ума! Держите меня!

Все. Успокойтесь, господин Журден.

Журден. Философа ко мне! Пусть он, единственный мой друг, утешит меня.

Панкрасс возникает возле Журдена.

Господин Панкрасс, скажите мне что-нибудь приятное!

Панкрасс. С удовольствием. Спектакль окончен!

Бежар (*срывая с себя наряд и надевая черный плащ, берет фонарь*). Все свободны. (*В оркестр.*) Мастер, выходной марш!

Музыка.

Все действующие лица проваливаются в пол.
Закрывается занавес.

Бежар (*закутываясь в плащ, в разрезе занавеса.*) Теперь, надеюсь, уж никто меня не остановит. Благодарение небесам, закончен день. Огни погасли. Идемте же в Старую Голубятню, где ждет меня любимое душистое мускатное вино. А-ла-ла-ла... (*Под музыку уходит.*)

Конец

Последние дни (Пушкин)

Последние дни (Пушкин)

Пьеса в четырех действиях

И сохраненная судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной..

«Евгений Онегин»

Действуют:

Пушкина.
Гончарова.
Воронцова.
Салтыкова.
Смотрительша.
Горничная девушка.
Битков.
Никита.
Дантес.
Шишкин.
Бенедиктов.
Кукольник.
Долгоруков.
Богомазов.
Салтыков.
Николай I.
Жуковский.
Геккерен.
Дубельт.
Бенкендорф
Ракеев.

Пономарев.
Строганов.
Данзас.
Даль.
Студент.
Офицер.
Станционный смотритель.
Тургенев.
Воронцов.
Филат.
Агафон.
Первый преображенец.
Второй преображенец.
Негр.
Камер-юнкер.
Василий Максимович
Слуга.
Квартальный.
Жандармские офицеры.
Жандармы.
Полиция.
Группа студентов.
Толпа.

Действие происходит в конце января
и в начале февраля 1837 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Вечер. Гостиная в квартире Александра Сергеевича Пушкина в Петербурге. Горят две свечи на стареньком фортепьяно и свечи в углу возле стоячих часов. Через открытую дверь виден камин и часть книжных полок в кабинете. Угли тлеют в камине кабинета и в камине гостиной.

Александра Николаевна Гончарова сидит за фортепьяно, а часовой мастер Битков с инструментами стоит у часов. Часы под руками Биткова то бьют, то играют. Гончарова тихо наигрывает на фортепьяно и напевает. За окном слышна вьюга.

Гончарова (*напевает*). «...И печальна и темна... Что же ты, моя старушка, приумолкла у окна... Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя... То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя...».

Битков. Какая чудная песня! Сегодня я чинил тоже у Прачешного мосту, на мосту иду, господи... крутит, вертит! И в глаза, и в уши!.. (*Пауза.*) Дозвольте узнать, это кто же такую песню сочинил?

Гончарова. Александр Сергеевич.

Битков. Скажите! Ловко. Воеет в трубе, истинный бог, как дитя. Прекрасное сочинение.

Донесся дверной колокольчик. Входит Никита.

Никита. Александра Николаевна, подполковник Шишкин просят принять.

Гончарова. Какой Шишкин?

Никита. Шишкин, подполковник.

Гончарова. Зачем так поздно? Скажи, что принять не могу.

Никита. Да ведь как же, Александра Николаевна, его не принять?

Гончарова. Ах ты, боже мой, вспомнила!.. Проси сюда.

Никита. Слушаю. *(Идет к дверям.)* Ах, неволя... ах, разорение... *(Уходит.)*

Пауза.

Шишкин *(входя)*. Покорнейше прошу извинить, очки запотели. Имею честь рекомендовать себя: подполковник в отставке, Алексей Петров Шишкин. Простите великодушно, что потревожил. Погодка-то, а? Хозяин собаку на улицу не выгонит. Да что же поделаешь? А с кем имею честь говорить?

Гончарова. Я сестра Натальи Николаевны.

Шишкин. Ах, наслышан. Чрезвычайно рад нашему знакомству, мадемуазель.

Гончарова. *Veillez-vous s'asseoir, monsieur*¹.

Шишкин. Парле рюс, мадемуазель. Благодарствуйте. *(Садится.)* Погодка-то, говорю, а?

Гончарова. Да, метель.

Шишкин. Могу ли видеть господина камерюнкера?

Гончарова. Очень сожалею, но Александра Сергеевича нет дома.

Шишкин. А супругу ихнюю?

¹ Прошу вас, садитесь *(франц.)*.

Гончарова. И Наталья Николаевна в гостях.

Шишкин. Ах, ведь этакая незадача! Ведь это что же, никак не застанешь.

Гончарова. Вы не извольте беспокоиться, я могу переговорить с вами.

Шишкин. Мне бы самого господина камер-юнкера. Ну, слушаю, слушаю. Дельце-то простое. В разные сроки времени господином Пушкиным взято у меня под залог турецких шалей, жемчуга и серебра двенадцать с половиной тысяч ассигнациями.

Гончарова. Я знаю...

Шишкин. Двенадцать с половиной, как одна копеечка.

Гончарова. А вы не могли бы еще потерпеть?

Шишкин. С превеликим бы одолжением терпел, сударыня. И Христос терпел и нам велел. Но ведь и в наше положение надо входить. Ведь туловище-то прокормить надобно. А у меня сыновья, осмелюсь доложить, во флоте. Их поддерживать приходится. Приехал предупредить, сударыня, завтра продаю вещи. Персиянина нашел подходящего.

Гончарова. Убедительно прошу подождать. Александр Сергеевич уплатит проценты.

Шишкин. Верьте, не могу. С ноября месяца ждем, другие бы давно продали. Персиянина упустить боюсь.

Гончарова. У меня есть фермуар и серебро. Может быть, вы посмотрели бы?

Шишкин. Прошу прощения, канитель с этим серебром, сударыня. А персиянин...

Гончарова. Ну помилуйте, как же так без вещей остаться! Может быть, вы все-таки взглянули бы? Прошу вас в мою комнату.

Шишкин. Ну что же, извольте. (*Идет вслед за Гончаровой.*) Квартира славная какая. Что платите?

Гончарова. Четыре тысячи триста.

Шишкин. Дороговато. (*Уходит с Гончаровой во внутренние комнаты.*)

Битков, оставшись один, прислушивается, подбегает со свечой к фортепьяно, рассматривает ноты, поколебавшись, входит в кабинет. Читает названия книг, затем, испуганно перекрестившись, скрывается в глубине кабинета. Через некоторое время возвращается на свое место к часам в гостиную. Входит Гончарова, за ней Шишкин с узелком в руках.

Гончарова. Я передам.

Шишкин. Векселек мы, стало быть, перепишем. Только уж вы попросите Александра Сергеевича, чтобы они сами пожаловали, а то извозчики уж больно дорого стоят. Четвертая Измайловская рота в доме Борщова, в заду во дворе маленькие оконца... Они знают... (*У двери.*) Оревуар, мадемуазель.

Гончарова. Au revoir, monsieur.

Шишкин уходит.

Битков (*закрывает часы, кладет инструменты в сумку*). Готово, барышня, живут. А в кабинете... Я уж завтра зайду.

Гончарова. Хорошо.

Битков. Прощения просим. (*Уходит.*)

Гончарова — у камина. В дверях появляется Никита.

Никита. Эх, Александра Николаевна!

Гончарова. Ну что тебе?

Никита. Эх, Александра Николаевна! (*Пауза.*)

Вот уж и ваше добро пошло.

Гончарова. Выкупим.

Никита. Из чего же это выкупим? Не выкупим, Александра Николаевна.

Гончарова. Да что ты каркаешь сегодня надомной?

Никита. Не вороня, чтобы каркать. Раулю за лафит четыреста целковых, ведь это подумать страшно! Каретнику, аптекарю... В четверг Карадыгину за бюро платить надобно. А заемные письма? Да лих бы еще письма, а то ведь молочнице задолжали, срам сказать! Что ни получим, ничего за пазухой не остается, все идет на расплату. Александра Николаевна, умолите вы его, поедем в деревню. Не будет в Питере добра, вот вспомните мое слово. Детишек бы взяли, покойно, просторно... Здесь вертеп, Александра Николаевна, и все втрое, все втрое. И обратите внимание, ведь они желтые совсем стали, и бессонница...

Гончарова. Скажи Александру Сергеевичу сам.

Никита. Сказывал-с. А они отвечают: «Ты надел мне, и без тебя голова вихрем идет». Как не наесть за тридцать лет!

Гончарова. Ну Наталье Николаевне скажи.

Никита. Не буду говорить Наталье Николаевне, не поедет она. (Пауза.) А без нее? Поехали бы вы, детишки и он.

Гончарова. Ополоумел, Никита?

Никита. Утром бы из пистолета стреляли, потом верхом бы ездили... Детишкам и простор и удобство.

Гончарова. Перестань меня мучить, Никита, уйди.

Никита уходит. Гончарова, посидев немного у камина, уходит во внутренние комнаты. Слышится колокольчик. В каби-

нет, который в полумраке, входит не через гостиную, а из передней Никита, а за ним мелькнул и прошел в глубь кабинета какой-то человек. В глубине кабинета зажгли свет.

Никита (*глухо, в глубине кабинета*). Слушаю-с, слушаю-с, хорошо. (*Входит в гостиную*.) Александра Николаевна, они больные приехали, просят вас.

Гончарова (*входя*). Ага, сейчас.

Никита уходит в столовую.

(*Стукнув в дверь кабинета*.) *On entre?* (*Входит в кабинет. Голос ее слышен глухо*.) *Alexandre, êtes-vous indisposé?*¹ Лежите, лежите. Может быть, послать за доктором? (*Выходит в гостиную, говорит Никите, который входит с чашкой в руках*.) Раздевай барина. (*Отходит к камину, ждет*.)

Никита — некоторое время в кабинете, а потом уходит в переднюю, закрыв за собой дверь.

(*Входит в кабинет. Слова ее слышны глухо*.) Все благополучно... Нет, нет...

Колокольчик. Никита входит в гостиную. Гончарова тотчас выбегает к нему навстречу.

Никита (*подавая письмо*). Письмо Алек...

Гончарова (*грозит Никите, берет письмо*). А, от портнихи? Хорошо. Скажи, что буду завтра днем. Ну чего ты стал, ступай. (*Тихо*.) Тебе сказано, не подавать писем.

Никита уходит.

(*Возвращается в кабинет. Голос ее слышен глухо*.) Бог с вами, Александр, говорю же — от портнихи.

¹ Можно войти?.. Александр, вам нездоровится? (*франц.*)

Право, я пошлю за лекарем. Дайте, я вас перекрещу... Что?.. Хорошо. Я умоляю вас не тревожиться.

Свет в кабинете гаснет. Гончарова возвращается в гостиную, закрывает дверь в кабинет, задергивает ее портьерой.

(Читает письмо. Прячет.) Кто эти негодяи? Опять. Боже правый! (Пауза.) В деревню надо ехать. Он прав.

Послышался стук. Глухо — голос Никиты. Появляется Наталья Николаевна Пушкина. Она развязывает ленты капора, бросает его на фортепьяно, близоруко щурится.

Пушкина. Ты не спишь? Одна? Пушкин дома?

Гончарова. Он приехал совсем больной, лег, просил его не беспокоить.

Пушкина. Ах, бедный! Да не мудрено, буря-то какая, господи! Нас засекло снегом.

Гончарова. С кем ты приехала?

Пушкина. Меня проводил Дантес. Ну что ты так смотришь?

Гончарова. Значит, ты все-таки хочешь беды?

Пушкина. Ах, ради всего святого, без нотаций.

Гончарова. Таша, что ты делаешь? Зачем ты напрашиваешься на несчастье?

Пушкина. Ah, топ Dieu! Азя, это смешно! Ну что худого в том, что beau-frère¹ меня проводил?

Гончарова подает письмо Пушкиной.

(Читает, шепчет.) Он видел?

Гончарова. Бог спас. Никита хотел подать.

¹ Бог мой! Муж сестры (франц.).

Пушкина. Ах, старый дуралей! (*Бросает письмо в камин.*) Несносные люди! Кто это делает?

Гончарова. Это тебе не поможет. Сгорит это, но завтра придет другое. Он все равно узнает.

Пушкина. Я не отвечаю за анонимные наветы. Он поймет, что все это неправда.

Гончарова. Зачем же ты мне-то говоришь так? Нас никто не слышит.

Пушкина. Ну хорошо, хорошо. Я сознаюсь, я точно виделась с ним один раз у Идалии, но это вышло нечаянно. Я и не подозревала, что он придет туда.

Гончарова. Таша, поедem в деревню.

Пушкина. Бежать из Петербурга? Прятаться в деревне? Из-за того, что какая-то свора низких людей... Презренный аноним... Он и подумает, что я виновата. Между нами ничего нет... Покинуть столицу? Ни с того ни с сего? Я вовсе не хочу сойти с ума в деревне, благодарю покорно.

Гончарова. Тебе нельзя видеться с Дантесом. Неужели ты не хочешь понять, как ему тяжело? И поитом денежные дела так запутаны...

Пушкина. Что же прикажешь мне делать? Естественно, чтобы жить в столице, нужно иметь достаточные средства.

Гончарова. Я не понимаю тебя.

Пушкина. Не терзай себя, Азя, ложись спать.

Гончарова. Прощай. (*Уходит.*)

Пушкина одна, улыбается, очевидно, что-то вспоминает. В дверях, ведущих в столовую, бесшумно появляется Дантес. Он в шлеме, в шинели, запорошен снегом, держит в руках женские перчатки.

Пушкина (*шепчет*). Как вы осмелились? Как вы проникли? Сию же минуту покиньте мой дом. Какая дерзость! Я приказываю вам!

Дантес (*говорит с сильным акцентом*). Вы забыли в саях ваши перчатки. Я боялся, что завтра озябнут ваши руки, и я вернулся. (*Кладет перчатки на фортепьяно, прикладывает руку к шлему и поворачивается, чтобы уйти.*)

Пушкина. Вы сознаете ли опасность, которой меня подвергли? Он за дверьми. (*Подбегает к двери кабинета, прислушивается.*) На что вы рассчитывали, когда входили? А ежели бы в гостиной был он? Он запретил пускать вас на порог! Да ведь это же смерть!

Дантес. *Chaque instant de la vie est un pas vers la mort*¹. Слуга сказал мне, что он спит, и я вошел.

Пушкина. Он не потерпит, он убьет меня!

Дантес. Из всех африканцев сей, я полагаю, самый кровожадный. Но не тревожьте себя — он убьет меня, а не вас.

Пушкина. У меня темно в глазах, что будет со мной!

Дантес. Успокойтесь, ничего не случится с вами. Меня же положат на лафет и повезут на кладбище. И так же будет буря, и в мире ничего не изменится.

Пушкина. Заклинаю вас всем, что у вас есть дорогого, покиньте дом.

Дантес. У меня нет ничего дорогого на свете, кроме вас, не заклиняйте меня.

Пушкина. Уйдите!

Дантес. Ах нет. Вы причина того, что совершаются безумства. Вы не хотите выслушать меня никогда. А между тем есть величайшей важности

¹ Каждое мгновение жизни — это шаг к смерти (*франц.*).

дело. Надлежит слушать. Там... Да? Иные страны. Скажите мне только одно слово — и мы бежим.

Пушкина. И это говорите вы, месяц тому назад женившись на Екатерине, на моей сестре? Вы и преступны, вы и безумны! Ваши поступки не делают вам чести, барон.

Дантес. Я женился на ней из-за вас, с одной целью — быть ближе к вам. Да, я совершил преступление. Бежим.

Пушкина. У меня дети.

Дантес. Забудьте.

Пушкина. О, ни за что!

Дантес. Я постучу к нему в дверь.

Пушкина. Не смейте! Неужели вам нужна моя гибель?

Дантес целует Пушкину.

О жестокая мука! Зачем, зачем вы появились на нашем пути? Вы заставили меня и лгать и вечно трепетать... Ни ночью сна... ни днем покоя...

Бьют часы.

Боже мой, уходите!

Дантес. Придите еще раз к Идалии. Нам необходимо поговорить.

Пушкина. Завтра на балу у Воронцовой в зимнем саду подойдите ко мне.

Дантес поворачивается и уходит.

(Прислушивается.) Скажет Никита или не скажет? Нет, не скажет, ни за что не скажет. (Подбегает к окну, смотрит в него.) О горькая отрав! (Потом — к двери кабинета, прикладывает ухо.) Спит. (Крестится, задувает свечи и идет во внутренние комнаты.)

Тьма. Потом из тьмы — зимний день. Столовая в квартире Сергея Васильевича Салтыкова. Рядом богатая библиотека. Из библиотеки видна часть гостиной. В столовой накрыт завтрак. Филат стоит у дверей.

Кукольник. Разрешите, Александра Сергеевна, представить вам нашего лучшего отечественного поэта — Владимира Григорьевича Бенедиктова. Вот истинный светоч и талант!

Бенедиктов. Ах, Нестор Васильевич!

Кукольник. Преображенцы, поддержите меня! Вы высоко цените его творчество!

Преображенцы (двое, сыновья Салтыкова) улыбаются.

Салтыкова. Enchantée de vous voir¹. Чрезвычайно рада вас видеть, господин Бенедиктов. И Сергей Васильевич любит наших литераторов.

Следом за Бенедиктовым, скромным человеком в вицмундире, подходит к руке Салтыковой хромой князь Петр Долгоруков.

Рада вас видеть, князь Петр Владимирович.

В столовой появляется Иван Варфоломеевич Богомазов.

Богомазов. Александра Сергеевна. (Подходит к руке Салтыковой.) А почтеннейшего Сергея Васильевича еще нет, я вижу?

Салтыкова. Он тотчас будет, просил извинить. Наверно, в книжной лавке задержали.

Богомазов (Долгорукову). Здравствуйте, князь.

Долгоруков. Здравствуйте.

¹ Очень рада вас видеть (франц.).

Богомазов (*Кукольник*). Был вчера на театре, видел вашу пиэсу. Подлинное наслаждение! Публики — яблоку негде упасть! Позвольте поздравить вас и облобызать. Многая, многая лета, Нестор Васильевич!

Филат. Сергей Васильевич приехали.

Кукольник (*тихо, Бенедиктову*). Ну, брат, насмотришься сейчас.

Салтыков входит. Он в цилиндре, в шубе, с тростью и с фолиантом под мышкой. Ни на кого не глядя, следует к Филату. Бенедиктов кланяется Салтыкову, но поклон его попадает в пустое пространство. Долгоруков, Богомазов и Кукольник смотрят в потолок, делая вид, что не замечают Салтыкова. Филат наливает чарочку водки. Салтыков окидывает невидящим взором группу гостей, выпивает, закусывает кусочком черного хлеба, прищуривается. Преображенцы улыбаются.

Салтыков (*сам себе*). Да-с, не угодно ли? *Secundus pars! Secundus!*¹ (*Смеется сатанинским смехом и выходит.*)

Бенедиктов бледнеет.

Салтыкова. *Mon mari*²...

Кукольник. Александра Сергеевна, не извольте беспокоиться. Знаем, знаем. На отечественном языке говорите, Александра Сергеевна. Вы услышите, как звучит наш язык в устах поэта.

Салтыкова (*Бенедиктову*). Мой муж — страшнейший чудак. Я надеюсь, что это не помешает вам чувствовать себя у нас без церемонии.

¹ Второй часть! Второй! (*лат.*). Салтыков подчеркивает типографскую опечатку. Правильно «*secunda pars*» — вторая часть, так как «*pars*» женского рода. (Исторический случай — у Салтыкова действительно была эта книга с указанной опечаткой.)

² Мой муж... (*франц.*).

Салтыков возвращается. Он без цилиндра, без шубы, без трости, но по-прежнему с фолиантом. Тут все обращают к нему оживленные лица.

Салтыков. А! Весьма рад! (*Стучит по фолианту.*) Secundus pars. Secundus. Преднамеренная опечатка! Corpus juris romani! Elzevir!¹ (*Преображенцам.*) Здравствуйте, сыновья.

Преображенцы улыбаются.

Богомазов. Позвольте же поглядеть, Сергей Васильевич.

Салтыков. Назад!

Салтыкова. Серж, ну что это, право!

Салтыков. Книги не для того печатаются, чтобы их руками трогать. (*Ставит книгу на камин. Салтыковой.*) Ежели ты только ее тронешь...

Салтыкова. И не подумаю, и не надобно мне.

Салтыков. Филат, водки! Прошу вас.

Салтыкова. Прошу к столу.

Усаживаются. Филат подает.

Салтыков (*глядя на руку Кукольника*). А вас можно поздравить.

Кукольник. Да-с, государь император пожаловал.

Долгоруков. Рука всевышнего вас наградила, господин Кукольник.

Салтыков. Неважный перстенок!

Кукольник. Сергей Васильевич!

Салтыков. По поводу сего перстня вспоминается мне следующее. Филат! Что там на камине?

¹ Свод римских законов! Эльзефир! (*лат.*). Эльзефир — голландская типография XVI—XVII веков.

Филат. Книга-с.

Салтыков. Не ходи возле нее.

Филат. Слушаю.

Салтыков. Да, вспоминается мне... В бытность мою молодым человеком император Павел пожаловал мне звезду, усеянную алмазами необыкновенной величины.

Преображенцы косятся на Салтыкова.

А такой перстень я и сам могу себе купить за двести рублей или за полтораста.

Салтыкова. Серж, ну что ты говоришь!

Бенедиктов подавлен.

И все ты наврал, и никакой звезды у тебя нет.

Салтыков. Ты ее не знаешь. Я ее прячу от всех вот уж тридцать семь лет с табакерками вместе.

Салтыкова. Ты бредишь.

Салтыков. Не слушайте ее, господа. Женщины ничего не понимают в наградах, которые раздают российские императоры... Только что видел... проехал по Невскому... *le grand bourgeois*¹... в саночках, кучер Антип...

Богомазов. Вы хотите сказать, что видели государя императора. Сергей Васильевич?

Салтыков. Да, его.

Богомазов. У императора кучер Петр.

Салтыков. Нет. Антип — кучер у императора.

Долгоруков. Ежели не ошибаюсь, Сергей Васильевич, случай со звездой был тогда же, что и с лошадьёю?

¹ Первый буржуа (франц.).

Салтыков. Нет, князь, вы ошибаетесь. Сие происшествие случилось позже, уже в царствование императора Александра. (Бенедиктову.) Итак, извольте заниматься поэзией?

Бенедиктов. Да-с.

Салтыков. Опасное занятие. Вот вашего собрата по перу Пушкина недавно в Третьем отделении собственной его величества канцелярии отодрали.

Салтыкова. С тобой за столом сидеть нет никакой возможности! Ну какие ты неприятности рассказываешь!

Салтыков. Кушайте, пожалуйста, господа. (Салтыковой.) Ты напрасно так спокойно относишься к этому, тебя тоже могут отодрать.

Салтыкова. Перестань, умоляю тебя.

Долгорукоев. Между прочим, это, говорят, верно. Я тоже слышал, только это было давным-давно.

Салтыков. Нет, я только что слышал. Проезжаю мимо Цепного мосту, слышу, человек орет. Спрашиваю: что такое? А это, говорят, барин, Пушкина дерут.

Богомазов. Помилуйте, Сергей Васильевич, это петербургские басни!

Салтыков. Какие же басни? Меня самого чуть не отодрали однажды. Император Александр хотел мою лошадь купить и хорошую цену давал — десять тысяч рублей. А я, чтобы не продавать, из пистолета ее застрелил. К уху приложил пистолет и выстрелил. (Бенедиктову.) Ваши стихотворения у меня есть в библиотеке. Шкаф зет. Сочинили что-нибудь новое?

Кукольник. Как же, Сергей Васильевич. (Бе-

недиктову.) Прочитай «Напоминание». Преображенцы, вы любите поэзию, просите его.

Преображенцы улыбаются

Салтыкова. Ах, да, да, мы все просим. Право, это так приятно после мрачных рассказов о том, как кого-то отодрали...

Бенедиктов. Право, я... я плохо помню наизусть...

Салтыков. Филат, перестань греметь блюдом.
Бенедиктов.

Нина, помнишь ли мгновенье,
Как певец усердный твой,
Весь исполненный волненья,
Очарованный тобой...
В шумной зале...

Ах, право, я забыл... Как... как...

Как вносил я в вихрь круженья
Пред завистливой толпой
Стан твой, полный обольщенья,
На ладони огневой.
И рука моя лениво
Отделялась от огней
Бесконечно прихотливой
Дивной талии твоей;
И когда ты утомлялась
И садилась отдохнуть,
Океаном мне являлась
Негой зыблемая грудь,—
И на этом океане
В пене млечной белизны
Через дымку, как в тумане,
Рисовались две волны...

Преображенцы, перемигнувшись, выпивают

Ты внимала мне приветно,
А шалун главы твоей

Русый локон незаметно
По щеке скользил моей,
Нина, помнишь те мгновенья,
Или времени поток
В море холодного забвенья
Все заветное увлек?

Кукольник. Bravo, bravo! Каков! Преображенцы, аплодируйте.

Все аплодируют.

Салтыкова. Блистательное произведение!

Богомазов. Прелестная поэма!

Салтыков. А может, вас и не отдерут.

Филат (Салтыковой). К вам графиня Александра Кирилловна Воронцова.

Салтыкова. Проси в гостиную. (Вставая.) Простите, господа, я покину вас. Ежели угодно курить, прошу. (Скрывается в гостиной.)

Салтыков с гостями переходит в библиотеку. Филат подает шампанское и трубки.

Кукольник. Здоровье первого поэта отечества!

Богомазов. Фора! Фора!

Салтыков. Первый поэт?

Кукольник. Голову ставлю, Сергей Васильевич!

Салтыков. Агафон!

Агафон появляется.

Агафон! Из второй комнаты шкаф зет полка тринадцатая переставь господина Бенедиктова в этот шкаф, а господина Пушкина переставь в тот шкаф. (Бенедиктову.) Первые у меня в этом шкафу. (Агафону.) Не вздумай уронить на пол.

Агафон. Слушаю, Сергей Васильевич. (Уходит.)

Бенедиктов подавлен.

Долгоруков. Я совершенно разделяю ваше мнение, господин Кукольник, но мне, представьте, приходилось слышать утверждение, что первым является Пушкин.

Кукольник. Светские химеры!

Агафон появляется с томиком, влезает на стремянку у шкафа.

Салтыков. Вы говорите, Пушкин первый? Агафон, задержись там!

Агафон остается на стремянке.

Кукольник. Он давно уже ничего не пишет.

Долгоруков. Прошу прощения, как же так — не пишет? Вот недавно мне дали списочек с его последнего стихотворения. К сожалению, не полное.

Богомазов, Бенедиктов, Кукольник рассматривают листок. Преображенцы выпивают.

Кукольник. Боже мой, боже мой, и это пишет русский! Преображенцы, не подходите к этому листу.

Богомазов. Ай-яй-яй! (Долгорукову.) Дозвольте мне списать. Люблю, грешник, тайную литературу.

Долгоруков. Пожалуйста.

Богомазов (усаживаясь к столу). Только, князь, никому! Тсс... (Пишет.)

Кукольник. Ежели сия грезия пользуется признанием современников, то послушайся, Владимир, не пиши на русском языке! Тебя не поймут! Уйди

в тот мир, где до сих пор звучат терцины божественного Алигьери! Протяни руку великому Франческо! Его канцоны вдохновят тебя! Пиши по-итальянски, Владимир.

Салтыкова (*выходя из гостиной*). Все спорите, господа! (*Скрывается, пройдя столовую.*)

Богомазов. Bravo, bravo, Нестор Васильевич!

Бенедиктов. Из чего ты так кипятишься, Нестор?

Кукольник. Потому что душа моя не принимает несправедливости! У Пушкина было дарованье, это бесспорно. Неглубокое, поверхностное, но было дарованье. Но он растратил, разменял его! Он угасил свой малый светильник! Он стал бесплоден, как смоковница! И ничего не сочинит, кроме сих позорных строк. Единственно, что он сохранил,— это самонадеянность! И какой надменный тон! Какая резкость в суждениях! Мне жаль его!

Богомазов. Bravo, bravo! Трибун!

Кукольник. Я пью здоровье первого поэта отечества — Бенедиктова.

Воронцова (*на пороге библиотеки*). Все, что вы говорили, неправда. (*Пауза.*) Ах, как жаль, что лишь немногим дано понимать превосходство перед собой необыкновенных людей... Как чудесно в Пушкине соединяется гений и просвещение! Но, увы, у него много завистников и врагов! И вы простите меня, но мне кажется, я слышала, как именно черная зависть говорила сейчас устами человека. И, право, Бенедиктов — очень плохой поэт. Он пуст и неестественен...

Кукольник. Позвольте, графиня!

Долгоруков хихикает от счастья, завалившись за спину Богомазова.

Салтыкова (возвращается в библиотеку). Ах, Александра Кирилловна. Позвольте вам представить литератора Нестора Васильевича Кукольника и Владимира Григорьевича Бенедиктова.

Долгоруков от счастья давится.

Преображенцы тихо отступают в столовую и исчезают из нее.

Воронцова. Ах, боже мой... Простите меня великодушно, я увлеклась... Простите... Милая Александра Сергеевна, я убегаю. (Скрывается в гостиной.)

Салтыкова идет за Воронцовой. Бенедиктов с искаженным лицом выходит в столовую. Кукольник — за ним.

Бенедиктов. Зачем ты повез меня на этот завтрак? Я сидел тихо дома... И все ты, и вечно ты...

Кукольник. Неужели ты можешь серьезно относиться к бредням светской женщины?

Салтыков. Агафон! Снимай обоих — и Пушкина и Бенедиктова — в ту комнату, в тринадцатый шкаф!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Ночь. Дворец Воронцовой. Зимний сад. Фонтан. В зелени огни. Меж сетками порхают встревоженные птицы. В глубине колоннада, за ней пустынная гостиная. Издалека доносится стон оркестра, шорох толпы. У колоннады, неподвижен, негр в тюрбане. В самой чаще, укрывшись от взоров света, сидит на диванчике Долгоруков, в бальном наряде. Перед Долгоруковым шампанское. Долгоруков подслушивает разговоры в зимнем саду. Недалеко от колоннады сидит Пушкина, а рядом с ней — Николай I.

Николай I. Какая печаль терзает меня, когда я слышу плеск фонтана и шуршание пернатых в этой чаще!

Пушкина. Но отчего же?

Николай I. Сия искусственная природа напоминает мне подлинную, и тихое журчание ключей, и тень дубрав... Если бы можно было сбросить с себя этот тяжкий наряд и уйти в уединение лесов, в мирные долины! Лишь там, наедине с землей, может отдохнуть измученное сердце...

Пушкина. Вы утомлены.

Николай I. Никто не знает и никогда не поймет, какое тяжелое бремя я обречен нести!

Пушкина. Не огорчайте нас всех такими печальными словами.

Николай I. Вы искренни? О да, о да. Разве могут такие ясные глаза лгать? Ваши слова я ценю, вы одна нашли их для меня. Я хочу верить, что вы добрая женщина. Но одно всегда страшит меня, стоит мне взглянуть на вас...

Пушкина. Что же это?

Николай I. Ваша красота. О, как она опасна! Берегите себя, берегите! Это дружеский совет, поверьте мне.

Пушкина. Ваше участие — для меня большая честь!

Николай I. О, верьте мне, я говорю с открытым сердцем, с чистой душой. Я часто думаю о вас.

Пушкина. Стою ли я этой чести?

Николай I. Сегодня я проезжал мимо вашего дома, но шторы у вас были закрыты.

Пушкина. Я не люблю дневного света, зимний сумрак успокаивает меня.

Николай I. Я понимаю вас. Я не знаю почему, но каждый раз, как я выезжаю, какая-то неведомая сила влечет меня к вашему дому, и я невольно поворачиваю голову и жду, что хоть на мгновение мелькнет в окне лицо...

Пушкина. Не говорите так...

Николай I. Почему?

Пушкина. Это волнует меня.

Из гостиной выходит камер-юнкер, подходит к Николаю I.

Камер-юнкер. Ваше императорское величество, ее императорское величество приказала мне доложить, что она отбывает с великой княжной Марией через десять минут.

Пушкина встает, приедает, выходит в гостиную, скрывается.

Николай I. Говорить надлежит: с ее императорским высочеством великой княжной Марией Николаевной. И, кроме того, когда я разговариваю, меня нельзя перебивать. Болван! Доложи ее величеству, что я буду через десять минут, и попроси ко мне Жуковского.

Камер-юнкер выходит. Николай I некоторое время один. Смотрит вдаль тяжелым взором. Жуковский, при звезде и ленте, входит, кланяясь.

Жуковский. Вашему императорскому величеству угодно было меня видеть?

Николай I. Василий Андреевич, я плохо вижу отсюда, кто этот черный стоит у колонны?

Жуковский всматривается. Подавлен.

Может быть, ты сумеешь объяснить ему, что это неприлично.

Жуковский вздыхает.

В чем он? Он, по-видимому, не понимает всей бессмысленности своего поведения. Может быть, он собирался вместе с другими либералистами в Convention Nationale¹ и по ошибке попал на бал? Или он полагает, что окажет мне слишком великую честь, ежели наденет мундир, присвоенный ему? Так ты скажи ему, что я силой никого на службе не держу. Ты что молчишь, Василий Андреевич?

Жуковский. Ваше императорское величество, не гневайтесь на него и не карайте.

Николай I. Нехорошо, Василий Андреевич, не первый день знаем друг друга. Тебе известно, что я никого и никогда не караю. Карает закон.

¹ Конвент (франц.).

Жуковский. Я приемлю на себя смелость сказать: ложная система воспитания, то общество, в котором он провел юность...

Николай I. Общество! Уж не знаю, общество ли на него повлияло или он на общество. Достаточно вспомнить стихи, которыми он радовал наших «друзей четырнадцатого декабря».

Жуковский. Ваше величество, это было так давно!

Николай I. Он ничего не изменился.

Жуковский. Ваше величество, он стал вашим восторженным почитателем...

Николай I. Любезный Василий Андреевич, я знаю твою доброту. Ты веришь этому, а я нет.

Жуковский. Ваше величество, будьте снисходительны к поэту, который призван составить славу отечества...

Николай I. Ну нет, Василий Андреевич, такими стихами славы отечества не составишь. Недавно попотчевал. Итория Пугачева. Не угодно ли... Злодей истории не имеет. У него вообще странное пристрастие к Пугачеву. Новеллу писал, со орлом сравнил! Да что уж тут говорить! Я ему не верю. У него сердца нет. Пойдем к государыне, она хотела тебя видеть. *(Выходит в колоннаду.)*

Негр снимается с места, идет вслед за Николаем I. Жуковский подходит к колоннаде, смотрит вдаль, кому-то исподтишка грозит кулаком. Уходит.

Воронцова и Воронцов выходят навстречу Николаю I; кланяются.

Воронцова. Sire!..¹

¹ Государь!.. (франц.).

Воронцов. Votre Majesté Impériale!..¹

Уходят. В зимний сад не со стороны колоннады, а сбоку пробирается в мундире и в орденах Богомазов, устремляется в чашу.

Долгоруков. Осторожнее, место занято.

Богомазов. Ба! Князь! Да вы, как видно, отшельник?

Долгоруков. Вы тоже. Ну что же, присаживайтесь. Что-то, а шампанское хорошее.

Богомазов. Бал-то каков? Семирамида, а? Любите, князь, балы?

Долгоруков. Обожаю. Сколько сволочи увидишь!

Богомазов. Ну-ну, Петенька, вы смотрите.

Долгоруков. Я вам не Петенька.

Богомазов. Ну что там — не Петенька. Вы, князенька, недавно пеленки пачкали, а я государю своему действительный статский советник.

Долгоруков. Я вынужден, ваше превосходительство, просить вас не выражаться столь тривиально.

Богомазов. На балу цвет аристократии, князь!

Долгоруков. На этом балу аристократов сче- том пять человек, а несомненный из них только один я.

Богомазов. Одначе! Это как же? Любопытен был бы я знать.

Долгоруков. А так, что я от святого происхожу. Да-с. От великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского, мученика, к лику святых причтенного.

¹ Ваше императорское величество!.. (франц.).

Богомазов. На вас довольно взглянуть, чтобы видеть, что вы от святого приходите. (*Указывает вдаль.*) Это кто, по-вашему, прошел, не аристократ?

Долгоруков. Уж на что лучше. У любовницы министра купил чин гофмейстера. При всей своей подлой наружности соорудил себе фортуна.

Богомазов. Хорошо, Петенька! А это? Ведь это княгиня Анна Васильевна?

Долгоруков. Она, она. Животрепещущая старуха! Ей, ведьме, на погост пора, она по балам скачет.

Богомазов. Ай да язык! С ней это Иван Кириллович?

Долгоруков. Нет, брат его, Григорий, известная скотина.

Богомазов. Смотрите, князь, услышит вас кто-нибудь — нехорошо будет.

Долгоруков. Авось ничего не будет. Ненавижу! Дворян! Холопия! Уж не знаю, кто из них гаже.

Богомазов. Ну конечно, где же им до святого мученика Петеньки!

Долгоруков. Вы не извольте остриться. (*Пьет*). Сам был.

Богомазов. Его величество?

Долгоруков. Он.

Богомазов. С кем разговаривал?

Долгоруков. С арабской женой. Что было! Поздно изволили пожаловать.

Богомазов. А что?

Долгоруков. Руку гладил. Будет наш поэт скоро украшен опять.

Богомазов. Что-то, вижу я, ненавидите вы Пушкина.

Долгоруков. Презираю. Смешно! Рогоносец. Здесь tête-à-tête¹, а он стоит у колонны в каком-то канальском фрачишке, волосы включенные, а глаза горят, как у волка. Дорого ему этот фрак обойдется!

Богомазов. Слушок ходил такой, князь Петр, что будто он на вас эпиграмму написал?

Долгоруков. Плюю на бездарные вирши! Тсс, тише.

В сад входит Геккерен, а через некоторое время — Пушкина.

Геккерен. Я следил за вами и понял, почему вас называют северной Психеей. Как вы цветете!

Пушкина. Ах, барон, барон...

Геккерен. Я, впрочем, понимаю, как надоел вам рой любезников с их комплиментами. Присядьте, Наталья Николаевна, я не наскучу вам?

Пушкина. О нет, я очень рада.

Пауза.

Геккерен. Он сейчас придет.

Пушкина. Я не понимаю! О ком вы говорите?

Геккерен. Ах, зачем так отвечать тому, кто относится к вам дружелюбно. Я не предатель. Ох, сколько зла еще сделает ваша красота! Верните мне сына. Посмотрите, что вы сделали с ним. Он любит вас.

Пушкина. Барон, я не хочу слушать такие речи.

Геккерен. Нет, нет, не уходите, он тотчас подойдет. Я нарочно здесь, чтобы вы могли перемолвиться несколькими словами.

В сад входит Дантес. Геккерен отходит в сторону.

¹ Свидание наедине (франц.).

Дантес. Проклятый бал! К вам нельзя подойти. Вы беседовали с императором наедине?

Пушкина. Ради бога, что вы делаете! Не говорите с таким лицом, нас могут увидеть из гостиной.

Дантес. Ваша рука была в его руке. Вы меня упрекали в преступлениях, а сами вы вероломны.

Пушкина. Я приду, приду. В среду в три часа. Отойдите от меня, ради всего святого.

Из колоннады выходит Гончарова.

Гончарова. Мы собираемся уезжать. Александр тебя ищет.

Пушкина. Да, да. Au revoir, monsieur le baron¹.

Геккерен. Au revoir, madame. Au revoir, mademoiselle.

Дантес. Au revoir, mademoiselle. Au revoir, madame.

Музыка загремела победоносно. Пушкина и Гончарова уходят.

Геккерен. Запомни все жертвы, которые я принес тебе. (*Уходит вместе с Дантесом.*)

В гостиной мелькнула Воронцова, к ней подходят, прощаясь, гости. Музыка внезапно обрывается, и сразу наступает тишина.

Долгоруков. Люблю балы, люблю.

Богомазов. Что говорить!

В сад оттуда, откуда выходил Богомазов, входит Воронцова. Она очень устала, садится на диванчик.

Долгоруков. Хорош посланник! Видали, ка-

¹ До свидания, барон (*франц.*).

кие дела делаются! Будет Пушкин рогат, как в короне! Сзади царские рога, а спереди Дантесовы! Ай да любящий приемный отец!

Богомазов. А и люто вы ненавидите его, князь! Ну мне, никому, клянусь, друг до гроба, — кто послал ему анонимный пасквиль, из-за которого весь сыр-бор загорелся? Молодецкая штука, прямо скажу! Ведь роют два месяца, не могут понять кто. Лихо сделано! Ну, князь, прямо — кто?

Долгоруков. Кто? Откуда я знаю? Почему вы задаете мне этот вопрос? А кто бы ни послал, так ему и надо! Будет помнить!

Богомазов. Будет, будет! Ну, до свидания, князь, а то огни начнут тушить.

Долгоруков. До свидания.

Богомазов. Только, Петя, на прощание, говорю дружески: ой, придержите язык. *(Скрывается.)*

Долгоруков допивает шампанское, выходит из чащи.

Воронцова. Князь?

Долгоруков. Графиня...

Воронцова. Почему вы одни? Вы не скучали?

Долгоруков. Помилуйте, графиня, возможно ли скучать в вашем доме? Упоительный бал!

Воронцова. А мне взгрустнулось как-то.

Долгоруков. Графиня, вы огорчаете меня. Но это нервическое, уверяю вас.

Воронцова. Нет, грусть безысходна. Сколько подлости в мире! Вы не задумывались над этим?

Долгоруков. Всякий день, графиня. Тот, у кого чувствительное сердце, не может не понимать этого. Падение нравов — таков век, графиня! Но к чему эти печальные мысли?

Воронцова. Pendar! ¹ Висельник! Негодяй!
Долгоруков. Вы больны, графиня! Я кликну
людей.

Воронцова. Я слышала, как вы кривлялись...
Вы радовались тому, что какой-то подлец посылает
затравленному пасквиль... Вы сами сделали это!
И если бы я не боялась нанести ему еще один удар,
я бы выдала вас ему! Вас надо убить, как собаку!
Надеюсь, что вы погибнете на эшафоте! Вон из моего
дома! Вон! (Скрывается.)

Начинает убывать свет.

Долгоруков (один). Подслушала. Ох, дикая
кошка! Тоже, наверно, любовница его. Кто-то слы-
шал за колонной. Да, слышал. А все он! Все из-за
него! Ну ладно, вы вспомните меня! Вы вспомните
меня все, клянусь вам! (Хромая, идет к колоннаде.)

Тьма. Потом из тьмы — свечи за зелеными экранами. Ночь.
Казенный кабинет. За столом сидит Леонтий Василье-
вич Дубельт. Дверь приоткрывается, показывается жан-
дармский ротмистр Ракеев.

Ракеев. Ваше превосходительство, Битков к
вам.

Дубельт. Да.

Ракеев скрывается, и входит Битков.

Битков. Здравия желаю, ваше превосходитель-
ство.

Дубельт. А, наше вам почтение. Как твое здо-
ровье, любезный?

Битков. Вашими молитвами, ваше превосходи-
тельство.

¹ Негодяй! (франц.).

Дубельт. Положим, и в голову мне не впадало за тебя молиться. Но здоров? Что ночью навещал?

Битков. Находясь в неустанных заботах, поелику...

Дубельт. В заботах твоих его величество не нуждается. Тебе что препоручено? Секретное наблюдение, какое ты и должен наилучше исполнять. И говори не столь витиевато, ты не на амвоне.

Битков. Слушаю. В секретном наблюдении за камер-юнкером Пушкиным проник я даже в самую его квартиру.

Дубельт. Ишь, ловкач! По шее тебе не накостыляли?

Битков. Миловал бог.

Дубельт. Как камердинера-то его зовут? Фрол, что ли?

Битков. Никита.

Дубельт. Ротозей Никита. Далее.

Битков. Первая комната, ваше превосходительство, — столовая...

Дубельт. Это в сторону.

Битков. Вторая — гостиная. В гостиной на фортепьяно лежат сочинения господина камер-юнкера.

Дубельт. На фортепьяно? Какие же сочинения?

Битков. «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя. То по кровле обветшалой вдруг соломой зашумит... То, как путник запоздалый, к нам в окошко застучит... Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя».

Дубельт. Экая память у тебя богатая! Дальше.

Битков. С превеликой опасностью я дважды проникал в кабинет, каковой кабинет весь заполнен книгами.

Дубельт. Какие книги?

Битков. Что успел, запомнил, ваше превосходительство. По левую руку от камина — Сова, ночная птица, Кавалерист-девица, История славного вора Ваньки-Каина... и о запое, и о лечении оного в наставление каждому... в университетской типографии...

Дубельт. Последнюю книгу тебе рекомендую. Пьешь?

Битков. В рот не беру.

Дубельт. Оставим книги. Далее.

Битков. Сегодня обнаружил лежащую на полу чрезвычайной важности записку: «Приезжай ко мне немедленно, иначе будет беда». Подпись — Вильям Джук.

Дубельт звонит. Ракеев входит.

Дубельт. Василия Максимовича ко мне.

Ракеев выходит. Входит Василий Максимович, чиновник в статском.

Вильям Джук.

Василий Максимович. Уж все перерыли, ваше превосходительство, такого нету в Санкт-Петербурге.

Дубельт. Надобно, чтобы к завтраму был.

Василий Максимович. Нахожусь в недоумении, ваше превосходительство, нету такого.

Дубельт. Что за чудеса, англичанин в Питере провалился.

Ракеев (*входит*). Ваше превосходительство, Иван Варфоломеевич Богомазов по этому же делу. Дубельт. Да.

Ракеев выходит. Входит Богомазов.

Богомазов. Прошу прощения, ваше превосходительство. Отделение Джука ищет? Это Жуковский, он шуточно подписываться любит.

Дубельт (*махнув рукой Василию Максимовичу*). Хорошо. (*Богомазову*.) Извольте подождать там, Иван Варфоломеевич, я вас сейчас приму.

Василий Максимович и Богомазов выходят.

Ну, не сукин ты сын после этого? Дармоеды! Наследника цесаревича воспитатель. Василий Андреевич Жуковский, действительный статский советник! Ведь ты почерк должен знать!

Битков. Ай, проруха! Виноват, ваше превосходительство!..

Дубельт. Отделение взбудоражил. Тебе морду надо бить, Битков! Дальше.

Битков. Сегодня же к вечеру на столе появилось письмо, адресованное иностранцу.

Дубельт. Опять иностранцу?

Битков. Иностранцу, ваше превосходительство. В голландское посольство, господину барону Геккерену, Невский проспект.

Дубельт. Битков! (*Протягивает руку*.) Письмо, письмо мне сюда! Подай на полчаса.

Битков. Ваше превосходительство, как же так — письмо? Сами посудите — на мгновение заскочишь в кабинет, руки трясутся. Да ведь он придет — письма хватится. Ведь это риск!

Дубельт. Жалованье получать у вас ни у кого руки не трясутся. Точно узнай, когда будет доставлено письмо, кем, и кем будет в посольстве принято, и кем будет доставлен ответ. Ступай.

Битков. Слушаю. Ваше превосходительство, велите мне жалованье выписать.

Дубельт. Жалованье? За этого Джука с тебя еще получить следует. Ступай к Василию Максимовичу, скажи, что я приказал выписать тридцать рублей.

Битков. Что же, тридцать рублей, ваше превосходительство. У меня детишки...

Дубельт. «Иуда искаримотский иде ко архиереям, они же обещааша сребренники дати...» И было этих сребренников, друг любезный, тридцать. В память его всем так и плачу.

Битков. Ваше превосходительство, пожалуйста хоть тридцать пять.

Дубельт. Эта сумма для меня слишком грандиозная. Ступай и попроси ко мне Ивана Варфоломеевича Богомазова.

Битков уходит. Входит Богомазов.

Богомазов. Ваше превосходительство, извольте угадать, что за бумага?

Дубельт. Гадать грех. Это копия письма к Геккерену.

Богомазов. Леонтий Васильевич, вы колдун. *(Подает бумагу.)*

Дубельт. Нет, это вы колдун. Как же это вы так искусно?

Богомазов. Черновичок лежал в корзине, к сожалению, неполное.

Дубельт. Благодарю вас. Отправлено?

Богомазов. Завтра камердинер повезет.

Дубельт. Еще что, Иван Варфоломеевич?

Богомазов. Был на литературном завтраке у Салтыкова.

Дубельт. Что говорит этот старый враль?

Богомазов. Ужас! Государя императора называет *le grand bourgeois*... (Вынимает бумагу.)

И тогда же Петя Долгоруков дал списать...

Дубельт. Хромоногий?

Богомазов. Он самый.

Дубельт. Так. Еще, Иван Варфоломеевич?

Богомазов. Воронцовский бал. (Подает бумагу.)

Дубельт. Благодарю вас.

Богомазов. Леонтий Васильевич, надобно на хромого Петьку внимание обратить. Ведь это что несет, сил человеческих нет! Холопами всех так и чешет. Вторую ногу ему переломить мало. Говорит, что от святого мученика происходит.

Дубельт. Дойдет очередь и до мучеников.

Богомазов. Честь имею кланяться, ваше превосходительство.

Дубельт. Чрезвычайные услуги оказываете, Иван Варфоломеевич. Я буду иметь удовольствие о вас графу доложить.

Богомазов. Леонтий Васильевич, душевно тронут. Исполняю свой долг.

Дубельт. Понимаю, понимаю. Деньжонок не надобно ли, Иван Варфоломеевич?

Богомазов. Да рубликов двести не мешало бы.

Дубельт. А я вам триста выпишу для ровного счета, тридцать червонцев. Скажите, пожалуйста, Василию Максимовичу.

Богомазов кланяется, уходит.

(Читает бумаги, принесенные Богомазовым.) «Буря мглою небо кроет... вихри снежные крутя». (Слышит что-то, глядит в окно, поправляет эполеты.)

Дверь открывается, появляется жандарм Пономарев, вслед за ним в дверь входит Николай I, в кирасирской каске и шинели, а за Николаем — Бенкендорф.

Здравия желаю, ваше императорское величество. В штабе корпуса жандармов, ваше императорское величество, все обстоит в добром порядке.

Николай I. Проезжал с графом, вижу, у тебя огонек. Занимаешься? Не помешал ли я?

Дубельт. Пономарев, шинель.

Пономарев принимает шинели Николая I и Бенкендорфа, уходит.

Николай I *(садясь)*. Садись, граф. Садись, Леонтий Васильевич.

Дубельт *(стоя)*. Слушаю, ваше величество.

Николай I. Над чем работаешь?

Дубельт. Стихи читаю, ваше величество. Собирался докладывать его сиятельству.

Николай I. А ты докладывай, я не буду мешать. *(Берет какую-то книгу, рассматривает.)*

Дубельт. Вот, ваше сиятельство, бездельники в списках распространяют пушкинское стихотворение по поводу брюлловского распятия. Помните, вы изволили приказать поставить к картине караул? К сожалению, в отрывках. *(Читает.)*

Но у подножия теперь креста честного,
Как будто у крыльца правителя градского,
Мы зрим — поставлено на место жен святых —
В ружье и кивере два грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража?

Или распятие — казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей?..

Здесь пропуск.

Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род адамов искупила,
И чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

Бенкендорф. Как это озаглавлено?

Дубельт. Мирская власть.

Николай I. Этот человек способен на все, исключая добра. Ни благоговения к божеству, ни любви к отечеству... Ах, Жуковский! Все заступается... И как поворачивается у него язык!.. Семью жалко, жену жалко, хорошая женщина. Продолжай, Леонтий Васильевич.

Дубельт. Кроме сего, у студента Андрея Ситникова при обыске найдено краткое стихотворение в копии, также подписано: А. Пушкин.

Бенкендорф. Прочитайте, пожалуйста.

Дубельт. Осмелюсь доложить, ваше сиятельство, неудобное.

Николай I (*перелистывая книгу*). Прочитай.

Дубельт (*читает*).

В России нет закона.

А — столб, и на столбе — корона.

Николай I. Это он?

Дубельт. В копии подписано: А. Пушкин.

Бенкендорф. Отменно любопытно то, что кто бы ни писал подобные гнусности, а ведь припишут господину Пушкину. Уж такова персона.

Николай I. Ты прав. (*Дубельту*.) Расследуйте.

Бенкендорф. Есть что-нибудь срочное?

Дубельт. Как же, ваше сиятельство: не позднее послезавтрашнего дня я ожидаю в столице дуэль.

Бенкендорф. Между кем и кем?

Дубельт. Между двора его величества камер-юнкером Александром Сергеевичем Пушкиным и поручиком кавалергардского полка бароном Егором Осиповичем Геккереном-Дантес. Имею копию черновика оскорбительного письма Пушкина к барону Геккерену-отцу.

Николай I. Прочитай письмо.

Дубельт (*читает*). «...Подобно старой развратнице, вы подстерегали мою жену в углах, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного сына. И когда, больной позорною болезнью, он оставался дома, вы говорили...» Пропуск. «...Не желаю, чтобы жена моя продолжала слушать ваши родительские увещания...» Пропуск. «...Ваш сын осмеливался разговаривать с ней, так как он подлец и шалопай. Имею честь быть...»

Николай I. Он дурно кончит. Я говорю тебе, Александр Христофорович, он дурно кончит. Теперь я это вижу.

Бенкендорф. Он бретёр, ваше величество.

Николай I. Верно ли, что Геккерен нашептывал Пушкиной?

Дубельт (*глянув на бумагу*). Верно, ваше величество. Вчера на балу у Воронцовой.

Николай I. Посланник... Прости, Александр Христофорович, что такую обузу тебе навязал. Истинное мучение!

Бенкендорф. Таков мой долг, ваше величество.

Николай I. Позорной жизни человек, Ничем

и никогда не смает перед потомками с себя сих пятен. Но время отомстит ему за эти стихи, за то, что талант обратил не на прославление, а на поругание национальной чести. И умрет он не по-христиански. Поступить с дуэлянтами по закону. *(Встает.)* Спокойной ночи. Не провожай меня, Леонтий Васильевич. Засиделся я, пора спать. *(Уходит в сопровождении Бенкендорфа.)*

Через некоторое время Бенкендорф возвращается.

Бенкендорф. Хорошее сердце у императора.
Дубельт. Золотое сердце.

Пауза.

Бенкендорф. Так как же быть с дуэлью?

Дубельт. Это как прикажете, ваше сиятельство.

Пауза.

Бенкендорф. Извольте послать на место дуэли с тем, чтобы взяли их с пистолетами и под суд. Примите во внимание — место могут изменить.

Дубельт. Понимаю, ваше сиятельство.

Пауза.

Бенкендорф. Дантес каков стрелок?

Дубельт. Туз — десять шагов.

Пауза.

Бенкендорф. Императора жаль.

Дубельт. Еще бы!

Пауза.

Бенкендорф (*вставая*). Примите меры, Леонтий Васильевич, чтобы люди не ошиблись, а то поедут не туда...

Дубельт. Слушаю, ваше сиятельство.

Бенкендорф. Покойной ночи, Леонтий Васильевич. (*Уходит.*)

Дубельт (*один*). «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя...» «Не туда»!.. Тебе хорошо говорить... «Буря мглою небо кроет...» Не туда? (*Звонит.*)

Дверь приоткрывается.

Ротмистра Ракеева ко мне.

Темно

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Квартира Геккерена. Ковры, картины, коллекции оружия. Геккерен сидит и слушает музыкальную шкатулку. Входит Дантес.

Дантес. Добрый день, отец.

Геккерен. А, мой дорогой мальчик, здравствуй. Ну иди сюда, садись. Я давно тебя не видел и соскучился. Отчего у тебя недовольное лицо? Откройся мне. Своим молчанием ты причиняешь мне боль.

Дантес. J'étais très fatigué ces jours-ci¹. У меня сплин. Вот уже третий день метель. Мне представляется, что, ежели бы я прожил здесь сто лет, я бы все равно не привык к такому климату. Летит снег, и все белое.

Геккерен. Ты хандрешь. А, это дурно!

Дантес. Снег, снег, снег... Что за тоска! Так и кажется, что на улицах появятся волки.

Геккерен. А я привык за эти четырнадцать лет. Il n'y a pas d'autre endroit au monde, qui me donne,

¹ В последнее время я чувствовал себя очень усталым (франц.).

comme Petersbourg, le sentiment d'être à la maison¹.
Когда мне становится скучно, я запираюсь от людей.
Любуюсь, и скука убегает. Послушай, какая прелесть! Я сегодня купил.

Шкатулка играет.

Дантес. Не понимаю твоего пристрастия к этому хламу.

Геккерен. О нет, это не хлам. Я люблю вещи, как женщина тряпки. Да что с тобой?

Дантес. Мне скучно, отец.

Геккерен. Зачем ты это сделал, Жорж? Как хорошо, как тихо мы жили вдвоем!

Дантес. Смешно говорить об этом. Ты-то знаешь, что я не мог не жениться на Екатерине.

Геккерен. Вот я и говорю: твои страсти убьют меня. Зачем ты разрушил наш очаг? Лишь только в доме появилась женщина, я стал беспокоен, у меня такое чувство, как будто меня выгнали из моего угла. Я потерял тебя, в дом вошла беременность, шум, улица. Я ненавижу женщин.

Дантес. Ne sroyez pas de grâce que j'aie oublié cela²... Я это знаю очень хорошо.

Геккерен. Ты неблагодарен, ты растоптал покой.

Дантес. Это несносно. Посмотри, все смешалось и исчезло.

Геккерен. Ну, а теперь на что ты можешь жаловаться? Ведь ты увидишь ее? Твои желания исполнены. Ну, а о моих никто не думает. Нет, другой давно бы отвернулся от тебя.

¹ Нет такого места на свете, как Петербург, где до такой степени я чувствую себя дома (франц.).

² О, не думайте, что я забыл об этом... (франц.).

Дантес. Я хочу увезти Наталью в Париж.

Геккерен. Что такое? О боже! Этого даже я не ожидал. Ты подумал о том, что ты говоришь? Стало быть, мало того, что ты меня лишил покоя, но ты хочешь и вовсе разбить жизнь. Он бросит здесь беременную жену и похитит ее сестру! Чудовищно! Что же ты сделаешь со мной? Вся карьера, все кончено! Все погибнет! Да нет, я не верю. Какая холодная жестокость! Какое себялюбие! Да, наконец, какое безумие!

Стук.

Да, да.

Слуга (подаёт письмо). Вашему превосходительству. (Уходит.)

Геккерен. Одну минуту, ты позволишь?

Дантес. Пожалуйста.

Геккерен читает письмо, роняет его.

Что такое?

Геккерен. Я говорил тебе. Читай.

Дантес (читает). Так... Так.

Пауза.

Геккерен. Как смеет! Он забыл, с кем имеет дело! Я уничтожу его!.. Мне?!

Пауза.

Беда. Вот пришла беда. Что ты сделал со мной?

Дантес. Ты меня упрекаешь за чужую гнусность.

Геккерен. Это бешеный зверь! Жорж, ты отдал меня в руки бретёра.

Дантес. О, не спеши. (*Отходит к окну.*) Все занесло, все погребено... Речь идет не о тебе. У этого господина плохой стиль. Я не понимаю, почему он вообразил, что он литератор. У него плохой стиль, я всегда это утверждал.

Геккерен. Не притворяйся. Зачем ты проник в его дом? Какую роль ты меня заставил играть? Он уже бросался на нас один раз. У меня до сих пор в памяти лицо с оскаленными зубами. Зачем ты хочешь соблазнить ее?

Дантес. Я люблю ее.

Геккерен. Не повторяй! Ты никого не любишь, ты ищешь наслаждения! Не противоречь! Что мне делать теперь? Вызывать его? Но как я гляну в лицо королю? Да даже ежели бы каким-нибудь чудом мне удалось убить его... Что делать?

Стук. Слуга вводит Строганова. Тот слепой. Слуга уходит.

Строганов. *Mille excuses*¹... Простите, дорогой барон, что опаздываю к обеду, но послушайте, что делается... Я не помню такой метели.

Геккерен. Во всякую минуту, граф, вы мой желанный гость.

Строганов (*нащупав руку Дантеса*). Это молодой барон Геккерен. Узнаю вашу руку. Но она ледяная. Вас что-нибудь обеспокоило?

Геккерен. Граф, у нас случилось несчастье. Помогите нам советом. Только что я получил ужасное письмо от человека, который ненавидит меня и Жоржа.

¹ Тысяча извинений (*франц.*).

Дантес. Я против того, чтобы оглашать это письмо.

Геккерен. О нет. Ты не можешь вмешиваться, письмо адресовано мне. А граф — мой друг. Письмо написано Пушкиным.

Строганов. Александром?

Геккерен. Да. Наши враги распустили злокозненный слух, и это причина мерзкой выходки. Бешеный ревнивец вообразил, что барон Дантес обращает внимание на его жену. Чтобы усугубить оскорбление, он пишет бранное письмо мне.

Строганов. Племянница моя обещала быть красавицей. Сейчас я не могу, к сожалению, судить, оправдались ли эти надежды.

Геккерен. Я заранее прошу простить меня за то, что вы услышите сейчас. (Читает.) «...Вы отечески сводничали вашему сыну... подобно старой развратнице, вы подстерегали мою жену в углах, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного сына...». Он чистое имя матери забрасывает грязью в злобе!.. Я не знаю, кто этому безумцу нашептал, что я якобы подстрекал Жоржа! Далее он пишет, что Жорж болен дурной болезнью. Он осыпает его площадной бранью, он угрожает! Нет, я не могу читать больше.

Строганов. Не веришь, что это пишет русский дворянин. Ах, какой век! Какая разнузданность! Дорогой барон, он бросает перчатку не только вам. Ежели он пишет так представителю коронованной главы, он вызывает общество. Он карбонарий. Да, барон, это плохо. Это опасное письмо.

Геккерен. Что же, я, полномочный королевский представитель, должен вызывать его? Граф, я теряюсь. Помогите советом. Мне вызывать?

Строганов. О нет.

Геккерен. Он бросается, как ядовитый зверь! Барон Дантес не подал ему повода!

Строганов. После этого письма, барон, уже не имеет значения, подавал ли барон Дантес ему повод или не подавал. Но вам с ним драться нельзя. Про барона Дантеса могут сказать, что он послал отца...

Дантес. Что могут сказать про меня?

Строганов. Но не скажут, я полагаю. (Геккерену.) Вы должны написать ему, что его вызывает барон Дантес. А о себе прибавьте только одно — что вы сумеете внушить ему уважение к вашему званию.

Дантес. Так будет.

Геккерен. Да, будет так. Благодарю вас бесконечно, граф, мы слишком злоупотребили вашим вниманием. Но умоляю, оцените всю тяжесть оскорбления, которое нанесли. Пойдемте, граф, стол готов. (Уводит Строганова.)

Дантес один. Вдруг сбрасывает шкатулку на пол. Та отвечает ему стоном. Берет пистолет, стреляет в картину не целясь. Вбегает Геккерен.

Геккерен. Что ты делаешь?! Ах, сердце!

Дантес молча поворачивается и уходит.

Темно.

Из тьмы— багровое зимнее солнце на закате. Ручей в сугробах. Горбатый мост. Тишина и безлюдье. Через некоторое время на мост поднимается Геккерен. Встревожен. Что-то ищет взором вдали, собирается двинуться дальше. В этот момент донесся негромкий пистолетный выстрел. Геккерен останавливается, берется за перила. Пауза. Потом опять негромко щелкнуло вдали. Геккерен поникает. Пауза.

На мост входит Дантес. Шинель его наброшена на одно плечо и волочится. Сюртук в крови и снегу. Рукав сюртука разрезан. Рука обвязана окровавленным платком.

Геккерен. Небо! О небо! Благодарю тебя! (Крестится.) Обопрись о меня. Платок, на платок!

Дантес. Нет. (Берется за перила, отплеивается кровью.)

Геккерен. Грудь, грудь цела ли?

Дантес. Он хорошо прицелился. Но ему не повезло...

На мост поднимается Данзас.

Данзас. Это ваша карета?

Геккерен. Да, да.

Данзас. Благоволите уступить ее другому противнику.

Геккерен. О да, о да.

Данзас. Кучер! Ты, в карете! Объезжай низом, там есть дорога! Что ты глаза вытаращил, дурак! Низом подъезжай к поляне! (Убегает с мостика.)

Геккерен (тихо). А тот?

Дантес. Он больше ничего не напишет.

Темно.

Из тьмы — зимний день к концу. В квартире Пушкина у кабинетного камина в кресле — Никита, в очках, с тетрадью.

Никита (читает). «На свете счастья нет...» Да, нету у нас счастья... «Но есть покой и воля...» Вот уж чего нету, так нету. По ночам не спать, какой уж тут покой... «Давно, усталый раб, замыслил я побег...» Куда побег? Что это он замыслил?..

Входит Битков.

«Давно, усталый раб, замыслил я побег...» Не разбираю.

Битков. «В обитель дальнюю трудов и чистых нег». Здорово, Никита Андреевич.

Никита. Ты откуда знаешь?

Битков. Вчера в Шепелевском дворце был у господина Жуковского, подзорную трубу починял. Читали гостям эти самые стихи.

Никита. А. Ну?

Битков. Одобрительный отзыв дали. Глубоко, говорят.

Никита. Глубоко-то оно глубоко...

Битков. А сам-то он где?

Никита. Кататься поехал с Данзасом, надо быть, на горы.

Битков. Зачем с Данзасом? Это с полковником? Отчего же его до сих пор нету?

Никита. Что ты чудной какой сегодня. Выпивши, что ли?

Битков. Я к тому, что поздно. Обедать пора.

Никита. Тебе-то чего беспокоиться? К обеду он тебя, что ли, звал? Ты лучше в кабинете на часы погляди. Что ж ты чинил? Час показывают, тринадцать раз бьют.

Битков. Поглядим. Всю механику в порядок поставим. *(Уходит в глубь кабинета.)*

Колокольчик. Из столовой в гостиную входит Жуковский.

Никита. Ваше превосходительство, пожалуйста.

Жуковский. Как это — поехал кататься? Его нету дома?

Никита. Одна Александра Николаевна. А детишки с нянькой к княгине пошли..

Жуковский. Да что же это такое, я тебя спрашиваю?

Входит Гончарова.

Гончарова. Бесценный друг! Здравствуйте, Василий Андреевич!

Жуковский. Здравствуйте, Александра Николаевна. Позвольте вас спросить, что это такое? Я не мальчик, Александра Николаевна!

Гончарова. Что вас взволновало, Василий Андреевич? Садитесь... Как ваше здоровье?

Жуковский. Ma santé est gâtée par les attaques de nerfs¹... И все из-за него.

Гончарова. А что такое?

Жуковский. Да помиуйте! Вчера как оглашенный скачет на извозчике, с извозчика кричит, что зайти ко мне не может, просит зайти к себе сегодня. Я откладываю дела, еду сюда, а он, извольте ли видеть, кататься уехал!

Гончарова. Ну простите его, я вас прошу, тут какая-то путаница. Право, вас следует расцеловать за хлопоты об Александре.

Жуковский. Ах, не надобно мне никаких поцелуев... Простите, забылся... Отрекаюсь на веки веков! Из чего я хлопочу, позвольте спросить? Только что-нибудь наладишь, а он тотчас же испакостит! Кажется, умом он от природы не обижен, а ежели он теперь поглупел, так его драть надобно!

Гончарова. Да что случилось, Василий Андреевич?

Жуковский. А то, что царь гневается на него, вот что-с! Извольте-с. Третьего дни на бале госу-

¹ Мое здоровье разрушено нервными припадками (франц.).

дарь... И что скажешь? Ну что скажешь? Я сгорел со стыда... Извольте видеть, стоит у колонны во фраке и в черных портках... извините, Александра Николаевна. Никита!

Никита входит.

Ты что барину на бал подал позавчера?

Никита. Фрак.

Жуковский. Мундир надобно было подать, мундир!

Никита. Они велели, не любят они мундир.

Жуковский. Мало ли чего он не любит. А может, он тебе халат велит подать? Это твое дело, Никита. Ступай, ступай.

Никита. Ах ты, горе... (Уходит.)

Жуковский. Скандал. Не любит государь фраков, государь фраков не выносит. Да он и права не имеет! Ему мундир по должности присвоен! Это непристойно, неприлично! Да что фрак! Он опять об отставке начал разговаривать. Нашел время! Ведь он не работает, Александра Николаевна! Где история, которую он посулил? А тут опять про какие-то стихи его заговорили! Помните, что было?.. А у него доброжелателей множество! Поверьте, натрубят в уши!

Гончарова. Ужасно то, что вы говорите, Василий Андреевич! Но он так взволнован, так болен в последнее время... Так иногда глаза закроешь, и кажется, что летим в пропасть... Все запуталось...

Жуковский. Распутаться надобно, это блажь. У государя добрейшее сердце, но искушать нельзя. Нельзя искушать! Смотрите, Александра Николаевна, Наталье Николаевне скажите: оттолкнет от себя государя — потом не поправишь!

Гончарова. Чем отблагодарим вас, Василий Андреевич?

Жуковский. Да что благодарности!.. Я ему не нянька! Вредишь? Вреди, вреди, себе вредишь!.. Прощайте, Александра Николаевна.

Гончарова. Ах, нет, нет... Как же так?.. Оставайтесь, подождите, он сейчас придет, он сейчас придет...

Жуковский. И видеть его не намерен, да мне и некогда.

Гончарова. Смените гнев на милость, он исправится...

Жуковский. Ах, полно, Александра Николаевна. *En cette dernière chose je ne compte guère*¹. (Идет к дверям, видит на фортепьяно стопку книг.) Я этого еще не видел. Новый Онегин? А, хорошо!

Гончарова. Сегодня из типографии принесли.

Жуковский. А, хорошо. Очень хорошо.

Гончарова. Я уже гадала сегодня по этой книге.

Жуковский. Как это по книге гадают? Погадайте мне.

Гончарова. Назовите какую-нибудь страницу.

Жуковский. Сто сорок четвертая.

Гончарова. А строка?

Жуковский. Ну пятнадцатая.

Битков показывается у камина в кабинете.

Гончарова (читает). «Познал я глас иных желаний...»

Жуковский. Мне? Верно...

¹ Ну, на это уж я не рассчитываю (франц.).

Гончарова. «Познал я новую печаль...»

Жуковский. Верно, верно.

Гончарова. «Для первых нет мне упований...»

Битков (шепотом). «А старой мне печали жаль». (Скрывается в кабинете.)

Жуковский. А?

Гончарова. «А старой мне печали жаль».

Жуковский. Ах, ах... Как черпает мысль внутри себя! И ведь как легко находит материальное слово, соответственное мысленному! Крылат, крылат! О полуденная кровь!.. Неблагодарный глупец. Сечь его! Драть!

Сумерки окутывают квартиру.

Гончарова. А теперь вы мне.

Жуковский. Страница?

Гончарова. Сто тридцать девятая.

Жуковский. А строка?

Гончарова. Тоже пятнадцатая.

Жуковский (читает). «Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага...»

Пушкина остановилась в дверях.

Нет, что-то не то... «Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага... Еще приятнее в молчаньи ему готовить честный гроб...» Нет, не попали, Александра Николаевна. А, простите, Наталья Николаевна! Шумим, шумим, стихи читаем...

Пушкина. Добрый день, Василий Андреевич, рада вас видеть. Читайте на здоровье, я никогда не слушаю стихов. Кроме ваших...

Жуковский. Наталья Николаевна, побойтесь бога!

Пушкина. Кромé ваших, Василий Андреевич.
Votre dernière ballade m'a fait un plaisir infini¹...
Жуковский. Не слушаю, не слушаю!

В кабинете пробили часы.

Ах, батюшки! Мне к цесаревичу!.. Au revoir, chère madame, je m'aperçois, que je suis trop bavard²...

Пушкина. Обедайте с нами.

Жуковский. Благодарствуйте, никак не могу.
Au revoir, mademoiselle. Извольте же сказать ему!
Прошу не провожать меня. (Уходит.)

Сумерки.

Гончарова. Таша, Василий Андреевич приезжал сказать насчет неприятности на бале из-за фрака.

Пушкина. Как это скучно! Я предупреждала.

Гончарова. Что с тобой?

Пушкина. Оставь меня.

Гончарова. Я не могу понять тебя. Неужели ты не видишь, что все эти неприятности из-за того, что он несчастлив? А ты с таким равнодушием относишься к тому, что может быть причиной беды для всей семьи.

Пушкина. Почему никто и никогда не спросил меня, счастлива ли я? С меня умеют только требовать. Но кто-нибудь пожалел меня когда? Что еще от меня надобно? Я родила ему детей и всю жизнь слышу стихи, только стихи... Ну и читайте стихи!

¹ Ваша последняя баллада доставила мне бесконечное наслаждение (франц.).

² До свидания... я замечаю, что слишком болтлив.., (франц.).

Счастлив Жуковский, и Никита счастлив, и ты счастлива... и оставьте меня.

Гончарова. Не к добру расположена твоя душа, не к добру. Вижу. Ты не любишь его.

Пушкина. Большой любви я дать не могу.

Гончарова. Увы, я знаю твои мысли. И мне больно за семью.

Пушкина. Ну и знай. *(Пауза.)* Знай, что и сегодня я должна была с ним увидеться, а он не пришел. И мне скучно.

Гончарова. Вот на какой путь ты становишься!

Пушкина. Да что тебя волнует? Разве он одинок? Ты ухаживаешь за ним, а я смотрю на это вот так... *(Подносит пальцы к глазам.)*

Гончарова. Ты с ума сошла! Не смей мне так говорить, не смей, не смей! Мне жаль его, его все бросили!..

Пушкина. Погляди мне в глаза...

Никита *(в дверях)*. Полковник Данзас просит вас принять его.

Пушкина. Откажи, не могу принять.

Данзас *(входит в шинели)*. Приношу мои извинения. Вам придется меня принять. Я привез Александра Сергеевича. Он ранен. *(Никите.)* Ну что стоишь? Помогай вносить его! Только осторожно, не тряхните его.

Никита. Владычица небесная! Александра Николаевна, беда!

Данзас. Не кричи. Не тряхните его.

Никита убегает.

Велите дать огня.

Пушкина сидит неподвижно.

Гончарова. Огня! Огня!

Битков с зажженным канделябром появляется в дверях кабинета.

Данзас. Беги, помогай его вносить.

Битков убегает с канделябром. Из внутренних дверей появилась горничная девушка со свечой.

В кабинет из передней пробежал Битков с канделябром и скрылся в глубине, а вслед за ним группа людей в сумках пронесла кого-то в глубь кабинета. Данзас тотчас закрыл дверь в кабинет.

Пушкина. Пушкин, что с тобой?

Данзас. Нет, нет, не входите, прошу вас. Он не велел входить, пока его не перевяжут. И не кричите. Вы его встревожите. (Гончаровой.) Ведите ее к себе, я приказываю.

Пушкина (упав на колени перед Данзасом). Я не виновата! Клянусь, я не виновата!

Данзас. Тише, тише. Ведите ее.

Гончарова и горничная девушка увлекают Пушкину во внутренние комнаты. Битков выбегает из кабинета и закрывает за собой дверь.

(Вынимает деньги.) Лети на Миллионную, не торгуйся с извозчиком, к доктору Арендту, знаешь? И вези его сюда сию минуту. Ежели его нету, где хочешь достань доктора, какого ни встретишь, вези сюда.

Битков. Слушаю. Понял, ваше высокоблагородие.

На улице за окнами послышалась военная музыка.

(Бросается к окну.) Ах ты, господи! Гвардия идет.
Не пропустят. Я черным ходом, проходным двором.
(Убегает.)

Гончарова появляется.

Гончарова. Дантес? Говорите правду, что с
ним?

Данзас. Он ранен смертельно.

Темно.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ночь. Гостиная Пушкина. Зеркала завешаны. Какой-то ящик, солома. Стоит диванчик. На диванчике, не раздевшись, спит Данзас. Все двери закрыты. С улицы доносится по временам глухой гул толпы.

Из кабинета тихонько появляется Жуковский со свечкой, сургучом и печатью. Ставит свечку на фортепьяно, подходит к окну, всматривается.

Жуковский. Ай-яй-яй...

Данзас. А? (Садится.) Мне приснилось, что я на гауптвахте. Ну, это натурально, сон в руку.

Жуковский. Константин Карлович, я буду за вас просить государя.

Данзас. Благодарю вас, но не извольте трудиться. Уж будем отвечать по закону. (Шукает эполеты.) Прощайте. Эх, линейные батальоны, кавказские горы.

Жуковский. Извольте глянуть, что на улице делается. Толпы растут и растут. Кто бы мог ожидать!

Данзас. Я уж посмотрелся.

Из дверей во внутренние комнаты выходит Пушкина, с ней — горничная девушка.

Горничная девушка. Барыня, извольте идти к себе. Барыня, пожалуйста.

Пушкина (*девушке*). Уйди.

Горничная девушка отходит.

(У дверей кабинета.) Пушкин, можно к тебе?

Данзас. Вот, не угодно ли!

Жуковский (*преградив Пушкиной дорогу*).

Наталья Николаевна, опомнитесь.

Пушкина. Какие глупости! Рана неопасна... Он будет жить. Но надобно дать еще опию, чтобы прекратить страдания... И тотчас, тотчас вся семья на Полотняный завод... Почему они не кончают укладку... «Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага...» Приятно... приятно... в молчаньи... Забыла, все забыла... Пушкин, вели, чтоб меня впустили к тебе.

Жуковский. Наталья Николаевна.

Данзас (*в дверь столовой*). Владимир Иванович... Доктор Даль...

Даль входит.

Помогите нам.

Даль. Наталья Николаевна, вам здесь нечего делать... (*Берет склянку с фортепьяно, капает в рюмку лекарство.*) Пожалуйста, выпейте.

Пушкина отталкивает рюмку.

Так делать не годится. Вам станет легче.

Пушкина. Они не слушают меня. Я хочу говорить с вами.

Даль. Говорите.

Пушкина. Он страдает?

Даль. Нет, он более не страдает.

Пушкина. Не смейте меня пугать. Это низко... Вы доктор. Извольте помогать. Но вы не доктор, вы сказочник, вы пишете сказки... А мне не нужны сказки. Спасайте человека. (Данзасу.) А вы сами повезли его...

Даль. Уйдемте отсюда, я помогу вам.

Горничная девушка берет под руку Пушкину.

Пушкина. «Приятно дерзкой эпиграммой...» Все забыла... Александрине я не верю.

Даль и горничная девушка уводят Пушкину.

Данзас. Что она мне говорит?

Жуковский. Константин Карлович, как можно обращать внимание! Женщина, скорбная главой... Ведь ее заключают теперь, заключают...

Данзас. Но он не уехал бы от меня. Поверьте, я вызвал бы его. Но он не велел. И как вызовешь, когда завтра меня запрут.

Жуковский. Что вы говорите! Умножить горе хотите! Все кончено, Константин Карлович.

Из-за закрытых дверей очень глухо донесся тихий складный хор. Данзас уходит через дверь в столовую и закрывает ее за собой. Из внутренних комнат выходит Гончарова, подходит к окну.

Гончарова. А он этого не видит.

Жуковский. Нет, он видит, Александра Николаевна.

Гончарова. Василий Андреевич, я не пойду к ней больше. Оденусь сейчас и выйду на улицу. Мне тяжело, я не могу здесь больше оставаться.

Жуковский. Не поддавайтесь этому голосу, это темный голос, Александра Николаевна. Разве

можно ее бросить? Ее надо жалеть, ее люди загрызут теперь.

Гончарова. Да что вы меня мучаете?

Жуковский. Я вам велю, идите, идите туда.

Гончарова уходит.

(Прислушивается к хору.) Что ты наделал... Да, земля и пепел... *(Садится, вынимает записную книжечку, берет перо с фортепьяно, записывает что-то.)* ...Не сиял острый ум... *(Сочиняет, бормочет.)* В этот миг предстояло как будто виденье... и спросить мне хотелось, что видишь...

Тихо входит Дубельт.

Дубельт. Здравствуйте, Василий Андреевич.

Жуковский. Здравствуйте, генерал.

Дубельт. Вы собираетесь запечатать кабинет?

Жуковский. Да.

Дубельт. Я попрошу вас повременить, я войду в кабинет, а потом мы приложим и печать корпуса жандармов.

Жуковский. Как, генерал? Государю было угодно на меня возложить опечатание и разбор бумаг... Я не понимаю. Я должен разбирать бумаги один... Помилуйте, зачем же другая печать?

Дубельт. А разве вам неприятно, Василий Андреевич, ежели печать корпуса жандармов станет рядом с вашей печатью?

Жуковский. Помилуйте, но...

Дубельт. Бумаги должны быть представлены на прочтение графу Бенкендорфу.

Жуковский. Как? Но там же письма частных лиц. Помилуйте, ведь меня могут назвать доноси-

ком. Вы посягаете на единственно ценное, что имею — на доброе имя мое. Я доложу государю императору.

Дубельт. Вы изволите полагать, что корпус жандармов может действовать вопреки повелению государя императора. Вы полагаете, что вас осмелятся назвать доносчиком? Ах, Василий Андреевич... Неужели вы думаете, что правительство может принять такую меру с целью вредить кому-нибудь? Не для вреда это предпринимается, Василий Андреевич. Не будемте терять времени.

Жуковский. Повинуюсь.

Дубельт с канделябром входит в кабинет, потом возвращается, предлагает сургуч Жуковскому. Жуковский прикладывает печать. С улицы донесся звон стекла и шум.

Дубельт (тихо). Эй.

Портьера внутренних дверей отодвигается, и появляется Битков.

Ты кто таков, любезный?

Битков. Я часовой мастер, ваше превосходительство.

Дубельт. Сбегай, друг, на улицу, узнай, что там случилось.

Битков. Слушаю. (Скрывается.)

Дубельт начинает запечатывать дверь.

Жуковский. Кто мог ожидать, чтобы смерть его вызвала такие толпы... Всенародная печаль... Я полагаю, тысяч десять перебывало сегодня здесь.

Дубельт. По донесениям с пикетов, сегодня здесь перебывало сорок семь тысяч человек.

Пауза.

Битков (*входит*). Там, ваше превосходительство, двое каких-то закричали, что иностранные лекаря нарочно залечили господина Пушкина, а тут доктор выходил, — какой-то швырнул кирпичом, фонарь разбили.

Дубельт. Ага.

Битков скрывается.

Ах, чернь, чернь...

Хор за дверями вдруг послышался громче.

(*У дверей во внутренние комнаты.*) Пожалуйте, господа.

Внутренние двери открываются, в гостиную входят один за другим в шинелях, с головными уборами в руках десять жандармских офицеров.

К выносу, господа, прошу. Ротмистр Ракеев, потрудитесь руководить выносом. А вас, полковник, прошу остаться здесь. Примите меры, чтобы всякая помощь была оказана госпоже Пушкиной своевременно и незамедлительно.

Офицеры вслед за Ракеевым начинают выходить в столовую, кроме одного, который возвращается во внутренние комнаты.

А вы, Василий Андреевич, останетесь с Натальей Николаевной, не правда ли? Страдалица нуждается в утешении...

Жуковский. Нет, я хочу нести его. (*Уходит.*)

Дубельт один. Поправляет эполеты и аксельбанты, идет к дверям столовой.

Темно.

Ночь на Мойке. Скупой и тревожный свет фонарей. Окна квартиры Пушкина за занавесами налиты светом. Подворотня. У подворотни тише, а кругом гудит и волнуется толпа. Полиция сдерживает толпу. Внезапно появляется группа студентов, пытается пробиться к подворотне.

Квартальный. Нельзя, господа студенты, назад! Достапа нету.

Возгласы в группе студентов: «Что такое? Почему русские не могут поклониться праху своего поэта?»

Назад! Иваненко, сдерживай их! Не приказано. Не приказано пускать студентов.

Внезапно из группы студентов выделяется один и поднимается на фонарь.

Студент (взмахнув шляпой). Сограждане, слушайте! (Достает листок, заглядывает в него.) «Не вынесла душа поэта позора мелочных обид...

Гул в толпе стихает. Полиция от удивления застыла.

Восстал он против мнений света... Один, как прежде, и убит».

В группе студентов крикнули: «Шапки долой!»

Квартальный. Господин! Что это вы делаете?

Студент. «Убит. К чему теперь рыданья, похвал и слез ненужный хор... И жалкий лепет...»

Засвистел полицейский.

Квартальный. Снимайте его с фонаря!

В толпе смятение. Женский голос в толпе: «Убили!»

Студент. «Не вы ль сперва так долго гнали...»

Свист. Полиция бросается к фонарю. Толпа загудела. В толпе крикнули: «Беги!»

Квартальный. Чего глядите? Бери его!

Студент. «Угас, как светоч, дивный гений...»
(Слова студента тонут в гуле толпы.) «...Его убийца хладнокровно навел удар.. Спасенья нет». (Скрывается.)

Крик: «Держи его!» Полицейские бросаются вслед за студентом. Окна квартиры Пушкина начинают гаснуть. В то же время на другой фонарь поднимается офицер в армейской форме.

Офицер. Сограждане! То, что мы слышали сейчас, правда. Пушкин умышленно и обдуманно убит. И этим омерзительным убийством оскорблен весь народ...

Квартальный. Замолчать!

Офицер. Гибель великого гражданина совершилась потому, что в стране неограниченная власть вручена недостойным лицам, кои обращаются с народом, как с невольниками...

Полиция засвистела пронзительно во всех концах. В подворотне появляется Ракеев.

Ракеев. Эге-ге. Арестовать!

Появились жандармы. Офицер исчезает. В тот же момент послышался топот лошадей. Крик в толпе: «Затопчут!»
Толпа шарахнулась, заревела.

Тесните толпу!

Пространство перед подворотней очистилось. Окна квартиры Пушкина угасли, а подворотня начала наливаться светом. Стих-

ло. И тут же из подворотни потекло тихое, печальное пение, показались первые жандармские офицеры, показались первые свечи.

Темно.

Пение постепенно переходит в свист вьюги. Ночь. Глухая почтовая станция. Свеча. Огонь в печке. Смотрительша припала к окошку, что-то пытается рассмотреть в метели. За окошком мелькнул свет фонарей, послышались глухие голоса. Первым входит станционный смотритель с фонарем и пропускает вперед себя Ракеева и Александра Тургенева. Смотрительша кланяется.

Ракеев. Есть кто на станции?

Тургенев бросается к огню, греет руки.

Смотритель. Никого нету, ваше высокоблагородие, никого.

Ракеев. А это кто?

Смотритель. Жена моя, супруга, ваше высокоблагородие.

Тургенев. Что это, чай? Налейте мне, ради бога, стакан.

Ракеев. И мне стакан, только поскорее. Через час дашь лошадей, под возок тройку и под... это... пару.

Тургенев, обжигаясь, пьет чай.

Смотритель. Тройку-то ведь, ваше...

Ракеев. Через час дашь тройку. *(Берет стакан, пьет.)*

Смотритель. Слушаю, слушаю.

Ракеев. Мы на час приляжем. Ровно через час... Часы-то есть у тебя? Через час нас будить. Александр Иванович, угодно, час поспим?

Тургенев. О да, да, я не чувствую ни рук, ни ног.

Ракеев. Ежели будет какой-нибудь проезжий, буди раньше и дай знать жандарму.

Смотритель. Понял, понял, слушаю!

Ракеев (*смотрительше*). А тебе, матушка, нечего в окно смотреть, ничего там любопытного нету.

Смотритель. Нечего, нечего... Слушаю. Пожалуйте на чистую половину.

Смотрительша открывает дверь, входит в другую комнату, зажигает там свечку, возвращается. Ракеев идет в другую комнату, Тургенев — за ним.

Тургенев. Боже мой!

Дверь за Тургеневым и Ракеевым закрывается.

Смотрительша. Кого, кого это они?

Смотритель. Ежели ты на улицу выглянешь, я тебя вожжой. Беду с тобой наживешь. Вот оказия навязалась! И нужно же было им по этому тракту... Выглянешь — я тебе... Ты с ним не шути!

Смотрительша. Чего я там не видела...

Станционный смотритель уходит. Смотрительша тотчас припадает к окошку. Наружная дверь открывается, в нее осторожно заглядывает Пономарев, потом входит.

Пономарев. Легли?

Смотрительша. Легли.

Пономарев. Давай на пятак, кости замерзли.

Смотрительша наливает стакан водки, подает огурцы.

(*Выпивает, закусывает, трет руки.*) Давай второй.

Смотрительша (*наливая*). Да что же вы так? Вы бы сели и обогрелись.

Пономарев. Обогреешься тут.

Смотрительша. А куда путешествуете?

Пономарев. Ох вы, бабье племя. Все равно как Ева... *(Пьет, дает смотрительше деньги и уходит.)*

Смотрительша набрасывает платок и уж собирается выйти наружу, как в дверях показывается Битков. Он в шубенке, уши у него под шапкой подвязаны платком.

Битков. Заснули? *(Охает, подходит к огню.)*

Смотрительша. Озябли?

Битков. Ты в окно погляди, чего ты спрашиваешь? *(Садится, разматывая платок.)* Ты смотрительша? То-то я сразу вижу. Как звать?

Смотрительша. Анна Петровна.

Битков. Давай, Петровна, штоф!

Смотрительша подает штоф, хлеб, огурцы.

(Жадно пьет, снимает шубенку.) Что же это такое, а? Пресвятая богородица... Пятьдесят пять верст... Вот связала.

Смотрительша. Кто это связала?

Битков. Судьба. *(Пьет.)* Ведь это рыбий мех, да нешто это мыслимо?

Смотрительша. Ну никому, ну никому, язык отсохни, никому не скажу! Кого везете?

Битков. Не твое дело, а государственное.

Смотрительша. И что же это вы нигде не отдыхаете? Да ведь замерзнете!

Битков. Об нас горевать не будут, а ему теперь не холодно. *(На цыпочках подходит к внутренней двери и прислушивается.)* Захрапели, это зря. Ведь сейчас же будить!

Смотрительша. Куда везете?

Битков. Но-но-но... у меня выпытывать. Это,

тетка, не твое дело, это наше занятие. (Пауза.) В Святые Горы. Как его закопают, ну, тут и мою душу наконец на покаяние. В отпуск. Его в обитель дальнюю, а меня в отпуск. Ах, сколько я стихов переучил, будь они неладны!

Смотрительша. Что это вы меня мучаете, все непонятное говорите?

Битков (выпивает, пьянеет). Да, стихи сочинял... И из-за тех стихов никому покоя... ни ему, ни начальству, ни мне, рабу божьему Степану Ильичу... Я ведь за ним всюду... Но не было фортуны ему. Как ни напишет, мимо попал, не туда, не те, не такие...

Смотрительша. Да неужто казнили его за это?

Битков. Ну-ну-ну... Ну что с бабой разговаривать? Ох, дура!

Смотрительша. Да что вы ругаетесь?

Битков. Да как же тебя не ругать... А впрочем, может быть, ты и не дура... Только я на него зла не питал, вот крест. Человек как человек. Одна беда — эти стихи... А я за ним всюду, даже и на извозчиках гонял. Он на извозчика, а я на другого — прыг. Он и не подозревает. Потеха!

Смотрительша. Да ведь теперь-то он помер. Теперь-то вы чего же за ним?

Битков. Во избежание. Помер... Помереть-то он помер, а вон видишь, ночью, буря, столпотворение, а мы по пятьдесят верст, по пятьдесят верст... Вот тебе и помер... Я и то опасуюсь: зароем мы его, а будет ли толк... Опять, может, спокойствия не станет...

Смотрительша. А может, он оборотень?

Битков. Может, и оборотень. (Пауза.) Что это

меня мозжит?.. Налей-ка мне еще... Что это меня сосет?.. Да, трудно помирал. Ох, мучился. Пулю-то он ему в живот засадил...

Смотрительша. Ай-яй-яй...

Битков. Да, руки закусывал, чтобы не крикнуть, жена чтобы не услышала. А потом стих. (Пауза.) Только, истинный бог, я тут ни при чем. Я человек подневольный, погруженный в ничтожество... Ведь никогда его одного не пускали, куда он, туда и я. Ни на шаг, ни-ни-ни... А в тот день меня в другое место послали, в среду-то... Я сразу учуял, — один чтобы. Умные. Знают, что сам придет куда надо. Потому что пришло его время. Ну, и он прямо на Речку, а там уж его дожидаются. (Пауза.) Меня не было. (Пауза.) А в ихний дом мне теперь не ходить больше. Квартира там теперь пустая, чисто.

Смотрительша. А этот господин-то с вами?

Битков. Александр Иванович, господин Тургенев, сопровождающий. Никого не пустили. Ему одному велено. Господин Тургенев.

Смотрительша. А старичок-то?

Битков. Камердинер его.

Смотрительша. Что же он не обогреется?

Битков. Не желает. Уж мы с ним бились, бились, бросили. Караулит, не отходит. Я ему вынесу. (Встает.) Ой, буря... Самые лучшие стихи написал: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя...». Слышишь, верно, как дитя. Сколько тебе за штоф?

Смотрительша. Не обидите.

Битков (швыряет на стол деньги широким жестом). «То по кровле обветшалой вдруг соломой за-

шумит... То, как путник запоздалый, к нам в окошко...».

Входит стационарный смотритель. Подбегает к внутренним дверям, стучит.

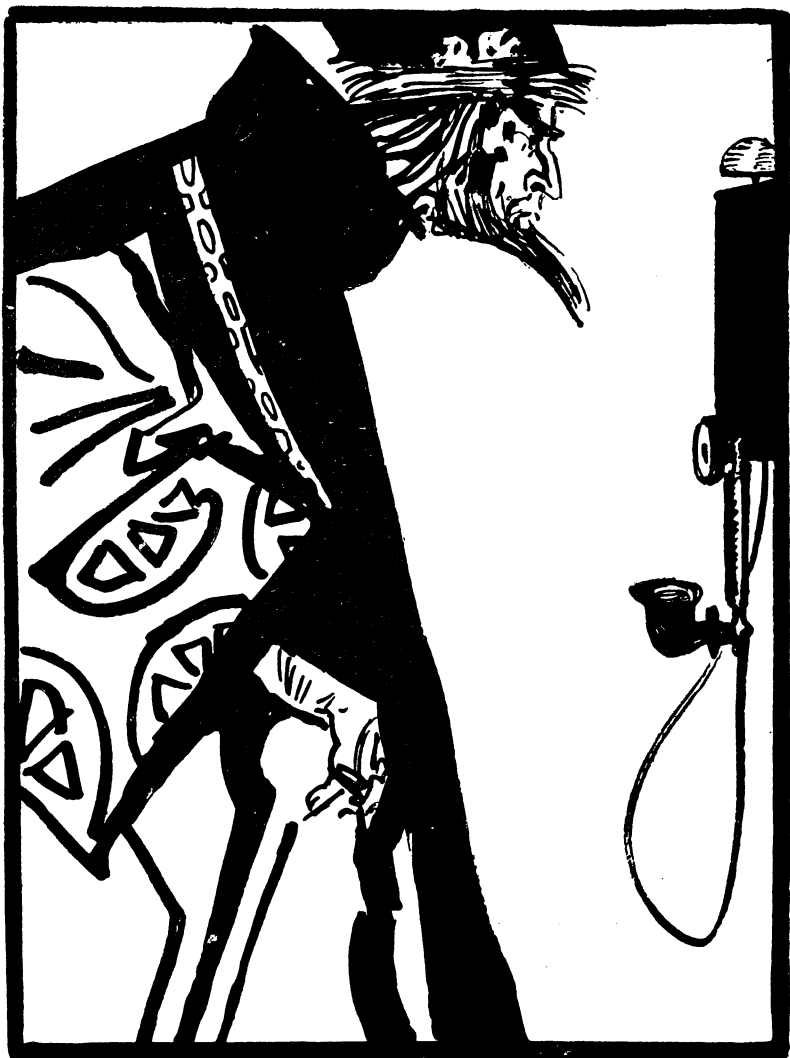
Смотритель. Ваше высокоблагородие, ехать, ехать...

Во внутренних дверях тотчас показывается Ракеев.

Ракеев. Ехать.

К о н е ц

Иван Васильевич

Иван Васильевич

Комедия в трех действиях

Действующие:

Зинаида Михайловна — киноактриса.

Ульяна Андреевна — жена управдома Бунши.

Царица.

Тимофеев — изобретатель.

Милославский Жорж.

Бунша-Корецкий — управдом.

Шпак Антон Семенович.

Иоанн Грозный.

Якин — кинорежиссер.

Дьяк.

Шведский посол.

Патриарх.

Опричники.

Стольники.

Гусляры.

Милиция.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Московская квартира. Комната Тимофеева, рядом — комната Шпака, запертая на замок. Кроме того, передняя, в которой радиорупор.

В комнате Тимофеева беспорядок. Ширмы. Громадных размеров и необычной конструкции аппарат, по-видимому, радиоприемник, над которым работает Тимофеев. Множество ламп в аппарате, в которых то появляется, то гаснет свет. Волосы у Тимофеева включенные, глаза от бессонницы красные. Он озабочен.

Тимофеев нажимает кнопку аппарата. Слышен приятный певучий звук.

Тимофеев. Опять звук той же высоты...

Освещение меняется.

Свет пропадает в пятой лампе... Почему нет света? Ничего не понимаю. Проверим. (Вычисляет.) А два, а три... угол между направлениями положительных осей... Я ничего не понимаю. Косинус, косинус... Верно!

Внезапно в радиорупоре в передней возникает радостный голос, который говорит: «Слушайте продолжение «Псковитянки»!» И вслед за тем в радиорупоре грянули колокола и заиграла хриплая музыка.

Тимофеев. Мне надоел Иоанн с колоколами! И, кроме того, я отвинтил бы голову тому, кто ставит такой приемник. Ведь я же говорил ему, чтобы он снял, что я поправлю! У меня нету времени! *(Выбегает в переднюю и выключает радио, и рупор, крикнув, умолкает. Возвращается к себе в комнату.)* На чем я остановился?.. Косинус... Да нет, управдом! *(Открывает окно, высовывается, кричит.)* Ульяна Андреевна! Где ваш драгоценный супруг? Не слышу! Ульяна Андреевна, ведь я же просил, чтобы он убрал рупор! Не слышу. Чтобы он убрал рупор! Скажите ему, чтобы он потерпел, я ему поставлю приемник! Австралию он будет принимать! Скажите, что он меня замучил со своим Иоанном Грозным! И потом ведь он же хрипит! Да рупор хрипит! У меня нет времени! У меня колокола в голове играют. Не слышу! Ну, ладно. *(Закрывает окно.)* На чем я остановился?.. Косинус... У меня висок болит... Где же Зина? Чаю бы выпить сейчас. *(Подходит к окну.)* Какой странный человек... в черных перчатках... Чего ему надо? *(Садится.)* Нет, еще раз попробую. *(Жмет кнопки в аппарате, отчего получается дальний певучий звук и свет в лампах меняется.)* Косинус и колокола... *(Пишет на бумажке.)* Косинус и колокола... и колокола... то есть косинус... *(Зевает.)* Звенит, хрипит... вот музыкальный управдом... *(Поникает и засыпает тут же у аппарата.)*

Освещение в лампах меняется. Затем свет гаснет. Комната Тимофеева погружается во тьму, и слышен только дальний певучий звук.

Освещается передняя. В передней появляется Зинаида Михайловна.

Зинаида *(в передней, прислушивается к певучему звуку)*. Дома. Я начинаю серьезно бояться, что

он сойдет с ума с этим аппаратом. Бедняга!.. А тут его еще ждет такой удар... Три раза я разводилась... ну да, три, Зузина я не считаю... Но никогда еще я не испытывала такого волнения. Воображаю, что будет сейчас! Только бы не скандал! Они так утомляют, эти скандалы... (Пудрится.) Ну, вперед! Лучше сразу развязать гордиев узел... (Стучит в дверь.) Кока, открой!

Тимофеев (в темноте). А, чорт возьми!.. Кто там еще?

Зинаида. Это я, Кока.

Комната Тимофеева освещается. Тимофеев открывает дверь. Вместо радиоприемника — странный невиданный аппарат.

Кока, ты так и не ложился? Кока, твой аппарат тебя погубит. Ведь нельзя же так! И ты меня прости, Кока, мои знакомые утверждают, что увидеть прошлое и будущее невозможно. Это просто безумная идея, Кокачка. Утопия.

Тимофеев. Я не уверен, Зиночка, что твои знакомые хорошо разбираются в этих вопросах. Для этого нужно быть специалистом.

Зинаида. Прости, Кока, среди них есть изумительные специалисты.

Тимофеев. Пойми, что где-то есть маленькая ошибка, малюсенькая! Я чувствую ее, ощущаю, она вот тут где-то... вот она бродит! И я ее поймаю.

Зинаида. Нет, он святой!

Пауза. Тимофеев занят вычислениями.

Ты прости, что я тебе мешаю, но я должна сообщить тебе ужасное известие... Нет, не решаюсь... У меня сегодня в кафе свистнули перчатки. Так курьезно! Я их положила на столик и... я полюбила другого,

Кока... Нет, не могу... Я подозреваю, что это с соседнего столика... Ты понимаешь меня?

Тимофеев. Нет... Какой столик?

Зинаида. Ах, боже мой, ты совсем отупел с этой машиной!

Тимофеев. Ну, перчатки... Что перчатки?

Зинаида. Да не перчатки, а я полюбила другого. Свершилось!..

Тимофеев мутно смотрит на Зинаиду.

Только не возражай мне... и не нужно сцен. Почему люди должны расстаться непременно с драмой? Ведь согласишься, Кока, что это необязательно. Это настоящее чувство, а все остальное в моей жизни было заблуждением... Ты спрашиваешь, кто он? И, конечно, думаешь, что это Молчановский? Нет, приготовься: он кинорежиссер, очень талантлив... Не будем больше играть в прятки, это Якин.

Тимофеев. Так...

Пауза.

Зинаида. Однако, это странно! Это в первый раз в жизни со мной. Ему сообщают, что жена ему изменила, ибо я действительно тебе изменила, а он — так! Даже как-то невежливо!

Тимофеев. Он... этого... как его... блондин, высокий?

Зинаида. Ну, уж это безобразие! До такой степени не интересоваться женой! Блондин Молчановский, запомни это! А Якин — он очень талантлив!

Пауза.

Ты спрашиваешь, где мы будем жить? В пять часов я уезжаю с ним в Гагры выбирать место для съемки,

а когда мы вернемся, ему должны дать квартиру в новом доме, если, конечно, он не врет...

Тимофеев (*мутно*). Наверно, врет.

Зинаида. Как это глупо, из ревности оскорблять человека! Не может же он каждую минуту врать.

Пауза.

Я долго размышляла во время последних бессонных ночей и пришла к заключению, что мы не подходим друг к другу. Я вся в кино... в искусстве, а ты с этим аппаратом... Однако я все-таки поражаюсь твоему спокойствию! И даже как-то тянет устроить сцену. Ну, что же... (*Идет за ширму и выносит чемодан.*) Я уже уложилась, чтобы не терзать тебя. Дай мне, пожалуйста, денег на дорогу, я тебе верну с Кавказа.

Тимофеев. Вот сто сорок... сто пятьдесят три рубля... больше нет.

Зинаида. А ты посмотри в кармане пиджака.

Тимофеев (*посмотрев*). В пиджаке нет.

Зинаида. Ну, поцелуй меня. Прощай, Кока. Все-таки как-то грустно... Ведь мы прожили с тобой целых одиннадцать месяцев!.. Поражаюсь, решительно поражаюсь!

Тимофеев целует Зинаиду.

Но ты пока не выписывай меня все-таки. Мало ли что может случиться. Впрочем, ты такой подлости никогда не сделаешь. (*Выходит в переднюю, закрывает за собой парадную дверь.*)

Тимофеев (*тупо смотрит ей вслед*). Один... Как же я так женился? На ком? Зачем? Что это за женщина? (*У аппарата.*) Один... А впрочем, я ее не

осуждаю. Действительно, как можно жить со мной? Ну что же, один так один! Никто не мешает зато... Пятнадцать... шестнадцать...

Певучий звук.

В передней звонок. Потом назойливый звонок.

Ну как можно работать в таких условиях!..

Выходит в переднюю, открывает парадную дверь. Входит
Ульяна Андреевна.

Ульяна. Здравствуйте, товарищ Тимофеев. Иван Васильевич к вам не заходил?

Тимофеев. Нет.

Ульяна. Передайте Зинаиде Михайловне, что Марья Степановна говорила: Анне Ивановне маникюрша заграничную материю предлагает, так если Зинаида...

Тимофеев. Я ничего не могу передать Зинаиде Михайловне, потому что она уехала.

Ульяна. Куда уехала?

Тимофеев. С любовником на Кавказ, а потом они будут жить в новом доме, если он не врет, конечно...

Ульяна. Как с любовником?! Вот так-так! И вы спокойно об этом говорите! Оригинальный вы человек!

Тимофеев. Ульяна Андреевна, вы мне мешаете.

Ульяна. Ах, простите! Однако у вас характер, товарищ Тимофеев! Будь я на месте Зинаиды Михайловны, я бы тоже уехала.

Тимофеев. Если бы вы были на месте Зинаиды Михайловны, я бы повесился.

Ульяна. Вы не смеете под носом у дамы дверь захлопывать, грубиян! *(Уходит.)*

Тимофеев *(возвращаясь в свою комнату)*. Чертова кукла!

Нажимает кнопки в аппарате, и комната его исчезает в полной темноте.

Парадная дверь тихонько открывается, и в ней появляется Милославский, дурно одетый, с артистическим бритым лицом человек в черных перчатках. Прислушивается у двери Тимофеева.

Милославский. Весь мир на службе, а этот дома. Патефон починает. *(У дверей Шпака читает надпись.)* Шпак Антон Семенович. Ну что же, зайдем к Шпаку... Какой замок комичный. Мне что-то давно такой не попадался. Ах нет, у вдовы на Мясницкий такой был. Его надо брать шестым номером. *(Вынимает отмычки.)* Наверно, сидит в учреждении и думает: ах, какой чудный замок я повесил на свою дверь! Но на самом деле замок служит только для одной цели: показать, что хозяина дома нет... *(Открывает замок, входит в комнату Шпака, закрывает за собою дверь так, что замок остается на месте.)* Э, какая прекрасная обстановка!.. Это я удачно зашел... Э, да у него и телефон отдельный. Большое удобство! И какой аккуратный, даже свой служебный номер записал. А раз записал, первым делом нужно ему позвонить, чтобы не было никаких недоразумений. *(По телефону.)* Отдел междугородних перевозок. Мерси. Добавочный пятьсот один. Мерси. Товарища Шпака. Мерси. Товарищ Шпак? Бонжур. Товарищ Шпак, вы до самого конца сегодня на службе будете?.. Говорит одна артистка... Нет, не знакома, но безумно хочу познакомиться. Так вы до четырех будете? Я вам еще позвоню, я очень настойчивая... Нет,

блондинка. Контральто. Ну, пока. (Кладет трубку.)
Страшно удивился. Ну-с, начнем... (Взламывает
шкаф, вынимает костюм.) Шевиот... О!.. (Снимает
свой, завязывает в газету, надевает костюм Шпака.)
Как на меня шит... (Взламывает письменный стол, бер-
ет часы с цепочкой, кладет в карман портсигар.)
За три года, что я не был в Москве, как они все ве-
щами пообзавелись! Приятно работать. Прекрасный
патефон... И шляпа... Мой номер. Приятный день!..
Фу, устал! (Взламывает буфет, достает водку, заку-
ску, выпивает.) На чем это он водку настаивает?
Прелестная водка!.. Нет, это не полынь... А уютно у
него в комнате... Он и почитать любит... (Берет кни-
гу, читает.) «Без отдыха пирует с дружиной удалой
Иван Васильич Грозный под матушкой Москвой...
Ковшами золотыми столов блистает ряд, разгульные
за ними опричники сидят...». Славное стихотворение!
Красивое стихотворение!.. «Да здравствуют тиуны,
опричники мои! Вы ж громче бейте в струны, баяны-
соловьи...». Мне нравится это стихотворение. (По те-
лефону.) Отдел междугородних перевозок. Мерси.
Добавочный пятьсот один... Мерси. Товарища Шпа-
ка. Мерси. Товарищ Шпак? Это я опять... Скажите,
на чем вы водку настаиваете?.. Моя фамилия таинст-
венная... Из Большого театра... А какой вам сюрприз
сегодня выйдет!.. «Без отдыха пирует с дружиной
удалой Иван Васильич Грозный под матушкой Мо-
сковой...» (Кладет трубку.) Страшно удивляется. (Вы-
пивает.) «Ковшами золотыми столов блистает ряд...».

Комната Шпака погружается в тьму, а в комнату Тимофеева
набирается свет.

Аппарат теперь чаще дает певучие звуки, и время от времени
вокруг аппарата меняется освещение.

Тимофеев. Светится! Светится! Это иное дело...

Парадная дверь открывается и входит Бунша. Первым делом обращает свое внимание на радиоаппарат.

Бунша. Неимоверные усилия я затрачиваю на то, чтобы вносить культуру в наш дом. Я его радиофицировал, но они упорно не пользуются радио. (Тычет вилкой в штепсель, но аппарат молчит.) Антракт. (Стучит в дверь Тимофеева.)

Тимофеев. А, кто там, войдите... чтоб вам провалиться!..

Бунша входит.

Этого не хватало!..

Бунша. Это я, Николай Иванович.

Тимофеев. Я вижу, Иван Васильевич. Удивляюсь я вам, Иван Васильевич! В ваши годы вам бы дома сидеть, внуков нянчить, а вы целый день бродите по дому с засаленной книгой... Я занят, Иван Васильевич, простите.

Бунша. Это домовая книга. У меня нет внуков. И если я перестану ходить, то произойдет ужас.

Тимофеев. Государство рухнет?

Бунша. Рухнет, если за квартиру не будут платить. У нас в доме думают, что можно не платить, а на самом деле нельзя. Вообще наш дом удивительный. Я по двору прохожу и содрогаюсь. Все окна раскрыты, все на подоконниках лежат и рассказывают такую ерунду, которую рассказывать неудобно.

Тимофеев. Ей-богу, я ничего не понимаю! Вам лечиться надо, князь!

Бунша. Николай Иванович, вы не называйте меня князем, я уж доказал путем представления документов, что за год до моего рождения мой папа

уехал за границу, и таким образом очевидно, что я сын нашего кучера Пантелея. Я и похож на Пантелея.

Тимофеев. Ну, если вы сын кучера, тем лучше. Но у меня нет денег, Иван Пантелеевич.

Бунша. Нет, вы меня называйте согласно документам — Иваном Васильевичем.

Тимофеев. Хорошо, хорошо.

Бунша. Заклинаю вас, заплатите за квартиру.

Тимофеев. Я вам говорю, нет сейчас денег...

Меня жена бросила, а вы меня истязаете.

Бунша. Позвольте, что же вы мне не заявили?

Тимофеев. А вам-то что за дело?

Бунша. Такое дело, что я должен ее немедленно выписать.

Тимофеев. Она просила не выписывать.

Бунша. Все равно, я должен отметить в книге это событие. *(Отмечает в книге.)* Я присяду.

Тимофеев. Да незачем вам присаживаться. Как вам объяснить, что меня нельзя тревожить во время этой работы?

Бунша. Нет, вы объясните. Я передовой человек. Вчера была лекция для управдомов, и я колоссальную пользу получил. Почти все понял. Про стратосферу. Вообще, наша жизнь очень интересная и полезная, но у нас в доме этого не понимают.

Тимофеев. Когда вы говорите, Иван Васильевич, впечатление такое, что вы бредите!

Бунша. Наш дом вообще очень странный. Шпак все время красное дерево покупает, но за квартиру платит туго. А вы неизвестную машину сделали.

Тимофеев. Вот мученье, честное слово!

Бунша. Я умоляю вас, Николай Иванович, вы насчет своей машины заявите. Ее зарегистрировать

надо, а то во флигеле дамы уже говорят, что вы такой аппарат строите, что весь наш дом рухнет. А это, знаете... и вы погибнете, и я с вами за компанию.

Тимофеев. Какая же сволочь эту ерунду говорила?

Бунша. Я извиняюсь, это моя жена Ульяна Андреевна говорила.

Тимофеев. Виноват! Почему эти дамы болтают чепуху! Я знаю, это вы виноваты. Вы, старый зуда, слоняетесь по всему дому, подглядываете, ябедничаете и, главное, врете!

Бунша. После этих кровных оскорблений я покидаю квартиру и направляюсь в милицию. Я — лицо, занимающее ответственный пост управдома, и обязан наблюдать.

Тимофеев. Стойте!.. Извините меня, я погорячился. Ну хорошо, идите сюда. Просто-напросто я делаю опыты над проникновением во время... Да, впрочем, как я вам объясню, что такое время? Ведь вы же не знаете, что такое четырехмерное пространство, движение... и вообще... словом, поймите, что это не только не взорвется, но принесет стране неслыханную пользу... Ну, как бы вам попроще... я, например, хочу пронизать сейчас пространство и пойти в прошлое...

Бунша. Пронизать пространство? Такой опыт можно сделать только с разрешения милиции. У меня, как у управдома, чувство тревоги от таких опытов во вверенном мне доме. Стоит таинственная машина, запертая на ключ...

Тимофеев. Что?! Ключ? Иван Васильевич, спасибо! Спасибо! Вы гениальны! Ключ! Ах, я рассеянный болван! Я работал при запертом механизме... Стойте! Смотрите! Смотрите, что сейчас произойдет...

Попробуем на близком расстоянии... маленький угол...
(*Поворачивает ключ, нажимает кнопку.*) Смотрите, мы пойдем сейчас через пространство во время... назад... (*Нажимает кнопку.*)

Звон. Тьма. Потом свет.

Стенка между комнатами исчезла, и в комнате Шпака сидит выпивающий Милославский с книжкой в руках.

(*Исступленно.*) Вы видели?

Милославский. А, чтоб тебя черт... Что это такое?

Бунша. Николай Иванович, куда стенка девалась?!

Тимофеев. Удача! Удача! Я вне себя! Вот оно! Вот оно!..

Бунша. Неизвестный гражданин в комнате Шпака!

Милославский. Я извиняюсь, в чем дело? Что случилось? (*Забирает патефон, свой узел и выходит в комнату Тимофеева.*) Тут сейчас стенка была!

Бунша. Николай Иванович, вы будете отвечать за стенку по закону. Вот вы какую машину сделали! Пол-квартиры исчезло!

Тимофеев. Да ну вас к черту с вашей стенкой! Ничего ей не сделается!..

Жмет кнопку аппарата.

Тьма. Свет. Стенка становится на место, закрывает комнату Шпака.

Милославский. Видел чудеса техники, но такого никогда!

Тимофеев. О боже, у меня кружится голова!.. Нашел, нашел! О человечество, что ждет тебя!..

Бунша (*Милославскому*). Я извиняюсь, вы кто же такой будете?

Милославский. Кто я такой буду, вы говорите? Я дожидаюсь моего друга Шпака.

Бунша. А как же вы дожидаетесь, когда дверь снаружи на замок закрыта?

Милославский. Как вы говорите? Замок? Ах да... он за «Известиями» пошел на угол, купить, а меня... это... запер...

Тимофеев. Да ну вас к черту! Что за пошлые вопросы! (Милославскому.) Понимаете, я пронзил время! Я добился своего!..

Милославский. Скажите, это, стало быть, любую стенку можно так убрать? Вашему изобретению цены нет, гражданин! Поздравляю вас! (Бунше.) А что вы на меня так смотрите, отец родной? На мне узоров нету и цветы не растут.

Бунша. Меня терзает смутное сомнение. На вас такой же костюм, как у Шпака!

Милославский. Что вы говорите? Костюм? А разве у Шпака у одного костюм в полоску в Москве? Мы с ним друзья и всегда в одном магазине покупаем материю. Удовлетворяет вас это?

Бунша. И шляпа такая же.

Милославский. И шляпа.

Бунша. А ваша фамилия как?

Милославский. Я артист государственных больших и камерных театров. А на что вам моя фамилия? Она слишком известная, чтобы я вам ее называл.

Бунша. И цепочка такая же, как у Шпака.

Милославский. Э, какой вы назойливый!.. Шляпа, цепочка... это противно!.. Без отдыха пирует с дружиной удалой Иван Васильич Грозный...

Тимофеев. Оставьте вы, в самом деле, гражданина в покое. (Милославскому.) Может быть, вы хо-

тите вернуться в комнату Шпака? Я открою вам стенку.

Милославский. Ни в коем случае. Я на него обижен. В самом деле, пошел за газетой и пропал. Может быть, он два часа будет ходить. Я лучше на этот опыт посмотрю, он мне очень понравился.

Тимофеев (*жмет ему руку*). Я очень рад! Вы были первый, кто увидел... Вы, так сказать, первый свидетель.

Милославский. Никогда еще свидетелем не приходилось быть! Очень, очень приятно!.. (*Бунше.*) Вот смотрит! Вы на мне дыру протрете!

Тимофеев. Это наш управдом.

Милославский. Ах, тогда понятно!.. Шляпа, цепочка... ах, какая противная должность! Сколько я от них неприятностей имел, если бы вы знали, гражданин ученый.

Тимофеев. Не обращайтесь на него внимания.

Милославский. И то правда.

Тимофеев. Вы понимаете, гражданин артист...

Милославский. Как же не понять? Скажите, и в магазине можно также стенку приподнять? Ах, какой увлекательный опыт!

Бунша. Вы с патефоном пришли к Шпаку?

Милославский. Он меня доконает! Это что же такое, а?

Тимофеев (*Бунше*). Вы перестанете приставать или нет? (*Милославскому.*) Поймите, дело не в стенке, это только первое движение! Дело в том, что, минуя все эти стенки, я могу проникнуть во время! Вы понимаете, я могу двинуться на двести, триста лет назад или вперед! Да что на триста!.. Нет, такого изобретения не знал мир!.. Я волнуюсь!.. Меня бросила жена сегодня, но, понимаете... Ах!..

Милославский. Гражданин профессор, не расстраивайтесь, за вас выйдет любая! Вы плюньте, что она вас бросила!

Бунша. Я уж ее выписал.

Милославский (*Бунше*). Тьфу на вас!.. Без отдыха пирует Иван Васильич Грозный.. Ах, какое изобретение! (*Стучит по стенке.*) Поднял — вошел, вышел — закрыл! Ах ты, боже мой!..

Тимофеев. У меня дрожат руки... я не могу терпеть... Хотите, проникнем в прошлое?.. Хотите, увидим древнюю Москву?.. Неужели вам не страшно? Вы не волнуетесь?

Бунша. Николай Иванович! Одумайтесь, прежде чем такие опыты в жакте делать!

Милославский. Если ты еще раз вмешешься в опыт гражданина академика, я тебя! Что это за наказание? (*Тимофееву.*) Валяйте!

Тимофеев жмет кнопки у аппарата. Звон. Тьма. Внезапно возникает палата Иоанна Грозного.

Иоанн с посохом, в царском одеянии, сидит в кресле, а перед Иоанном, примостившись у стола, пишет дьяк. На плечах у Иоанна наброшена поверх одеяния опричническая ряса. Слышится далекое церковное пение, колокольный мягкий звон.

Иоанн (*диктует*). ...И руководителю...

Дьяк (*пишет*). ...И руководителю...

Иоанн. К пренебесному селению преподобному игумну Козьме...

Дьяк. Козьме...

Иоанн. ...Царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси...

Дьяк. ...Всея Руси...

Иоанн. ...Челом бьет.

Тимофеев. О боже! Смотрите! Да ведь это Иоанн!..

Милославский. Елки-палки!..

Иоанн и Дьяк поворачивают головы, услышав голоса. Дьяк вскрикивает и убегает из палаты. Иоанн вскакивает, крестится.

Иоанн. Сгинь! Пропади! Увы мне, грешному!..
Горе мне, окаянному! Скверному душегубцу, ох!..
Сгинь!

Ища выхода, Иоанн в испуге бросается в комнату Тимофеева, крестит стены, мечется, бежит в переднюю, скрывается.

Тимофеев. Это Иоанн Грозный! Куда вы?..
Стойте!.. Боже мой, его увидят!.. Держите его! (Убегает вслед за Иоанном.)

Бунша бросается к телефону.

Милославский. Ты куда звонить собрался?!

Бунша. В милицию!

Милославский. Положь трубку, я тебе руки обобью! Не может жить без милиции ни одной секунды!

В палату врывается опричник.

Опричник. Где демоны? Гойда! Бей их! (Бунше.) Где царь?

Бунша. Не знаю! Караул!..

Милославский. Закрой машину! Машину закрой!

Опричник (крестясь). Ой, демоны!.. (Бросает бердыш, исчезает из палаты.)

Милославский. Закрывай! Ключ поверни! Ключ! Вот так машинка!..

Бунша жмет кнопки, вытаскивает ключ. В то же мгновение — звон. Занавеска на окне вздувается, понесло бумаги, Буншу потащило в палату, он роняет очки.

Бунша. Спасите!.. Куда меня тащит?!..

Милославский. Куда же ты двинул, черт, машину?!..

Понесло Милославского.

Тьма. Свет. Нет палаты. Стенка на месте. В комнате нет ни Бунши, ни Милославского. Остался только патефон и сверток и очки.

Появляется Тимофеев.

Тимофеев. Он на чердаке заперся! Помогите мне его оттуда извлечь!.. Боже, где же они? А? (*Бросается к аппарату.*) Они двинули стрелку в обратную сторону! Их унесло?.. Что же это будет?.. Бунша! Бунша! Иван Васильевич!

Дальний крик Иоанна.

Этот на чердаке орет!.. Но ключ? Где же ключ?.. Боже, они ключ вытащили! Что делать, позвольте!.. Что делать-то, а?.. Нету ключа... Ну да, вынули ключ... Иван Васильевич! Зачем же вы ключ-то вынули?! Впрочем, кричать бесполезно. Они ключ захватили с собою. Вернуть того в комнату? (*Убегает.*)

Пауза.

Открывается парадная дверь, и входит Шпак.

Шпак. Какая-то тревога у меня с тех пор, как эта блондинка из Большого театра позвонила... Не мог досидеть на службе... (*Трогает замок на своей двери.*) Батюшки!..

Комната Шпака освещается. Шпак входит, бросается к письменному столу.

Батюшки! *(Бросается к шкафу.)* Батюшки! *(По телефону.)* Милицию!! Милиция?! В Банном переулке десять — грандиозная кража, товарищ!.. Кого обокрали? Конечно, меня! Шпак! Шпак моя фамилия! Блондинка обокрала!

В радио заиграла музыка.

Товарищ начальник... Это радио играет! Пальто и костюмы!.. Что же вы сердитесь? Слушаете? Ну, я сам сейчас добегу до вас, сам! Батюшки мои, батюшки!.. *(Рыдая бросается из комнаты и скрывается за парадной дверью.)*

В радио гремит музыка.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната Тимофеева. В ней — Иоанн и Тимофеев. Оба в волнении.

Иоанн. О боже мой, господи, вседержитель!

Тимофеев. Тсс... тише, тише! Только не кричите, умоляю! Мы наживем страшную беду и, во всяком случае, скандал. Я и сам схожу с ума, но я стараюсь держать себя в руках.

Иоанн. Ох, тяжело мне! Молви еще раз, ты не демон?

Тимофеев. Ах, помилуйте, я же на чердаке вам объяснил, что я не демон.

Иоанн. Ой, не лги! Царю лжешь! Не человеческим хотением, но божьим соизволением царь есмь!

Тимофеев. Очень хорошо. Я понимаю, что вы царь, но на время прошу вас забыть об этом. Я вас буду называть не царем, а просто Иваном Васильевичем. Поверьте, для вашей же пользы.

Иоанн. Увы мне, Ивану Васильевичу, увы, увы!..

Тимофеев. Что же делать, я понимаю ваше отчаяние. Действительно, происшествие удручающее. Но кто же мог ожидать такой катастрофы? Ведь они ключ унесли с собой! Я не могу вас отправить обрат-

но сейчас... И вы понимаете, что они оба сейчас там, у вас! Что с ними будет?

Иоанн. Пес с ними! Им головы отрубят, и всего делов!

Тимофеев. Как отрубят головы?! Боже, я погубил двоих людей! Это невысказано! Это чудовищно!

Пауза.

Вы водку пьете?

Иоанн. О горе мне!.. Анисовую.

Тимофеев. Нет анисовой у меня. Выпейте горного дубнячку, вы подкрепитесь и придете в себя. Я тоже. (*Вынимает водку, закуску.*) Пейте.

Иоанн. Отведай ты из моего кубка.

Тимофеев. Зачем это? Ах да... Вы полагаете, что я хочу вас отравить? Дорогой Иван Васильевич, у нас это не принято. И кильками в наш век гораздо легче отравиться, нежели водкой. Пейте смело.

Иоанн. Ну, здрав буди. (*Пьет.*)

Тимофеев. Покорно благодарю. (*Пьет.*)

Иоанн. Как твое имя, кудесник?

Тимофеев. Меня зовут Тимофеев.

Иоанн. Князь?

Тимофеев. Какой там князь! У нас один князь на всю Москву, и тот утверждает, что он сын кучера.

Иоанн. Ах, сволочь!

Тимофеев. Нет, как подумаю, что они там,— с ума схожу!.. Пейте. Закусите ветчинкой.

Иоанн. День-то постный...

Тимофеев. Ну, кильками.

Иоанн. Ключница водку делала?

Тимофеев. Ну, пускай будет ключница... долго объяснять...

Иоанн. Так это, стало быть, ты такую машину сделал?.. Ох-хо-хо!.. У меня тоже один был такой... крылья сделал...

Тимофеев. Ну те-с?..

Иоанн. Я его посадил на бочку с порохом, пушай полетает!..

Тимофеев. Ну зачем же вы так круто?

Иоанн. Ты, стало быть, тут живешь? Хоромы-то тесные.

Тимофеев. Да уж, хоромы неважные.

Иоанн. А боярыня твоя где? В церкви, что ли?

Тимофеев. Не думаю. Моя боярыня со своим любовником Якиным на Кавказ сегодня убежала.

Иоанн. Врешь!

Тимофеев. Ей-богу!

Иоанн. Ловят? Как поймают, Якина на кол посадить. Это первое дело...

Тимофеев. Нет, зачем же? Нет... Они любят друг друга, ну и пусть будут счастливы.

Иоанн. И то правда. Ты добрый человек... Ах ты, боже! Ведь это я тут... а шведы, ведь они Кемь взяли! Боярин, ищи ключ! Отправляй меня назад!

Тимофеев. Понимаете, я сам бы сейчас побежал к слесарю, но дома ни копейки денег, все жене отдал.

Иоанн. Чего? Денег? *(Вынимает из кармана золотую монету.)*

Тимофеев. Золото? Спасены! Я сейчас в ювелирный магазин, потом к слесарю, он сделает ключ, мы откроем аппарат.

Иоанн. Я с тобой пойду.

Тимофеев. По улице? О нет, Иван Васильевич, это невозможно! Вы останетесь здесь и ничем не вы-

давайте себя. Я даже вас запрю, и если кто будет стучать, не открывайте. Да никто прийти не может. Спасибо Якину, что жену увез... Словом, ждите меня, сидите тихо.

Иоанн. О господи!..

Тимофеев. Через час я буду здесь. Сидите тихо!

Тимофеев, закрыв дверь своей комнаты, уходит. Иоанн один, рассматривает вещи в комнате. На улице послышался шум автомобиля. Иоанн осторожно выглядывает в окно, отскакивает. Пьет водку.

Иоанн (*тихо напевает*). Сделал я великие преступления... пособи мне, господи... пособи, чудотворцы московские...

В дверь стучат. Иоанн вздрагивает, крестит дверь, стук прекращается.

Ульяна (*за дверью*). Товарищ Тимофеев, простите, что опять осмелилась беспокоить во время вашей семейной драмы... Что Ивана Васильевича не было у вас? Его по всему дому ищут. Товарищ Тимофеев, вы не имеете права отмалчиваться! Вы, товарищ Тимофеев, некультурный человек!

Иоанн крестит дверь, и голос Ульяны пропадает.

Иоанн. Что крест животворящий делает! (*Пьет водку.*)

Пауза.

Потом в двери поворачивается ключ. Иоанн крестит дверь, но это не помогает. Тогда Иоанн прячется за ширму. Дверь открывается и входит Зинаида. Бросает чемоданчик. Расстроена.

Зинаида. Какой подлец! Все разрушено! И я... зачем же я открыла все этому святому человеку?..

(Смотрит на стол.) Ну, конечно, запил с горя!.. Да, запил... И патефон... откуда же патефон? Хороший патефон... Кока, тебя нет? Ничего не понимаю!.. Здесь оргия какая-то была... Он, наверно, за водкой пошел... С кем он пил? (Разворачивает сверток.) Штаны! Ничего не понимаю! (Заводит патефон, вздыхает.)

Иоанн за ширмой припадает к щелке.

И вот опять здесь... обманутая самым наглым образом...

Через некоторое время на парадном звонке. Зинаида выходит в переднюю, открывает дверь. Входит Якин, молодой человек в берете, в штанах до колен и с бородой, растущей из-под подбородка.

Якин. Зина, это я.

Зинаида. Как? Это вы?! Вон! (Уходит в комнату Тимофеева.)

Якин (у дверей). Зинаида Михайловна, вы одни? Откройте, прошу вас!

Зинаида. Я негодьям принципиально не открываю.

Якин. Зина! Я молю вас, Зина, я вам сейчас же все объясню. Зина, выслушайте меня.

Зинаида открывает дверь.

(Входя в комнату Тимофеева.) Зиночка, что случилось? Почему вы убежали? Я не понимаю...

Зинаида. Карп Савельевич, вы негодяй!

Якин. Боже, какие слова! Зиночка, это недоразумение, клянусь кинофабрикой!

Зинаида. Недоразумение!.. Он объяснит!.. Я бросаю мужа, этот святой человек теперь пьянствует, как черт знает что, я покидаю чудную жилпло-

щадь, расстаюсь с человеком, который молился на меня, сдувал пылинки... гениального изобретателя!.. Еду к этому подлецу, и...

Якин. Зина, какие слова!..

Зинаида. Вы еще не знаете настоящих слов! И за два часа до нашего отъезда я застаю у него неизвестную даму...

Якин. Зина!..

Зинаида. Которую он нежно держит за руку!..

Якин. Зиночка, я проверял с нею сцену! Это моя профессиональная обязанность!

Зинаида. Хватать за локти? Нет, хватать за локти, вы ответьте! *(Дает Якину пощечину.)*

Якин. Зинаида Михайловна! Товарищи, что это такое?!

Зинаида. Вон!

Якин. Зинаида, поймите, ведь это же эпизод! Она же курносая!

Зинаида. Как? Она будет сниматься?

Якин. Маленькая роль... Крохотный, малюсенький эпизодик! Я же не могу снимать картину без курносой! И потом, позвольте, вы меня ударили! Режиссера?!

Зинаида. Снимайте курносых, безносых, каких хотите!.. С меня довольно! Я уйду к Косому, в постановку «Бориса Годунова»!

Якин. Косой — халтурщик! Никакой постановки у него не будет!

Зинаида. Я извиняюсь, постановка утверждена! И я буду играть царицу! Я не интересуюсь больше вашими «Золотыми яблоками» в Гаграх.

Якин. Да поймите же, что у него нет никого на роль Иоанна Грозного! Картину законсервируют ко всем чертям, и тогда вы вспомните меня, Зинаида!

Зинаида. Нет Иоанна? Простите, я уже репетировала с ним.

Якин. Где вы репетировали?

Зинаида. Здесь же, у себя на квартире... И когда мы проходили то место, где Бориса объявляют царем, Косой, уж на что твердый человек,— заплакал как ребенок!..

Якин. Репетировать за моей спиной? Это предательство, Зинаида! Кто играет Бориса, царя? Кто?

Иоанн (выходя из-за ширмы). Какого Бориса-царя? Бориску?!

Зинаида и Якин застывают.

А подойди-ка сюда, милый!

Зинаида. Господи, что это такое?!

Якин. Как, вы действительно репетируете? Боже, какой типаж!

Зинаида. Кто это такой?!

Иоанн. Бориса на царство?.. Так он, лукавый, презлым заплатил царю за предобрейшее!.. Сам хотел царствовать и всем владети!.. Повинен смерти!

Якин. Bravo!

Зинаида. Боже мой... Якин, объясните мне... Якин, спрячьте меня!..

Иоанн. Ну, ладно! Потолкует Борис с палачом опосля! (Якину.) Почто ты боярыню обидел, смерд?

Якин. Замечательно! Поразительно! Невиданно!.. Я не узнаю вас в гриме. Кто вы такой? Позвольте представиться: Карп Якин. Двадцать тысяч, а завтра в девять часов утра фабрика подписывает с вами контракт. Ставить буду я. Как ваша фамилия?

Иоанн. Ах ты бродяга! Смертный прыщ!

Якин. Bravo!! Зинаида, как же вы скрыли от меня это?!

Иоанн бьет Якина жезлом.

Позвольте!! Что вы, спятили?.. Довольно!..

Иоанн. На колени, червь! (Хватает Якина за бороду.)

Якин. Это переходит границы! это хулиганство!

Зинаида. Очевидно, я сошла с ума... Кто вы такой? Кто вы такой?

Иоанн. Князь Тимофеев, ко мне! Поймали обидчика, сукина сына Якина!

Якин. На помощь!.. Граждане!.. Кто-нибудь...

Зинаида. Помогите! Кто он такой?! Разбойник! В квартире разбойник!

В передней появляется Шпак, прислушивается к крикам.

Ах нет! Боже мой, я поняла! Это настоящий царь! Это Коке удался опыт! (Иоанну.) Умоляю, отпустите его!

Иоанн (выхватив из-под кафтана нож, кричит Якину.) Молись, щучий сын!

Шпак заглядывает в дверь.

Живота или смерти, проси у боярыни?

Якин (хрипит). Живота...

Иоанн. Подымайся, гад!

Якин. Что же это такое, я вас спрашиваю? (Шпаку.) Гражданин, спасите от разбойника!

Шпак. Репетируете, Зинаида Михайловна?

Зинаида. Репе... репетируем...

Якин. Какая же это репе... Гражданин!

Иоанн. Что?.. Целуй руку! Учили тебя, подлеца!

Якин. Руку? Я не жел... Сейчас, сейчас... (Целует руку Иоанну.)

Зинаида (*Иоанну*). Умоляю вас, сядьте!

Иоанн садится.

Шпак. Натурально как вы играете! Какой царь типичный, на нашего Буншу похож. Только у того лицо глупее. Обокрали меня, Зинаида Михайловна! (*Заливается слезами.*)

Якин пытается скрыться.

Иоанн. Куды?!

Якин. Я здесь, я здесь...

Зинаида (*Шпаку*). Погодите, я ничего не понимаю. Как обокрали?

Шпак. Начисто, Зинаида Михайловна! Я извиняюсь, граждане, никто не встречал на лестнице блондинку из Большого театра с узлами? Она и работала... Вот какой домик у нас, Зинаида Михайловна!..

Иоанн. Убиваешься, добрый человек?

Шпак. Гражданин артист, как же не убиваться?..

Иоанн. Чего взяли-то у тебя?

Шпак. Патефон, портсигар, зажигалку, часы, коверкотовое пальто, костюм, шляпу... все, что нажил непосильными трудами, все погибло!.. (*Плачет.*)

Иоанн. Ты чьих будешь?

Шпак. Я извиняюсь, чего это — чьих, я не понимаю?

Иоанн. Чей холоп, говорю?

Зинаида. О боже, что сейчас будет!..

Шпак. Довольно странно!..

Иоанн (*вынув монету*). Бери, холоп, и славь царя и великого князя Ивана Васильевича!..

Зинаида. Не надо, что вы делаете?!

Шпак. Извиняюсь, что это вы все — холоп да холоп! Какой я вам холоп? Что это за слово такое?

Зинаида. Он пошутил!

Шпак. За такие шутки в народный суд влететь можно. Да не нужна мне ваша монетка, она ненастоящая.

Иоанн. Ты что же, лукавый смерд, от царского подарка отказываешься?

Зинаида. Это он из роли, из роли...

Шпак. Эта роль ругательная, и я прошу ее ко мне не применять. До свиданья, Зинаида Михайловна, и не рад, что зашел. Где Иван Васильевич? Я хочу, чтобы он засвидетельствовал жуткую покружу в моей квартире... (Уходит.)

Зинаида. Выслушайте меня, Карп, только, умоляю вас, спокойно. Это — настоящий Иоанн Грозный... Не моргайте глазами.

Якин. Ваш дом, Зинаида, сумасшедший!..

Зинаида. Нет, это Кокина работа. Я вам говорила про его машину... что он вызвать хочет не то прошлое, не то будущее... Это он вызвал из прошлого царя.

Якин. Бред!

Зинаида. Я сама близка к помешательству...

Якин (всмотревшись в Иоанна). Товарищи, что это такое?.. (Зинаиде.) Что? Что?! Вы правду говорите?!

Зинаида. Клянусь!

Якин. Позвольте! В наши дни, в Москве!.. Нет, это... Он же умер!

Иоанн. Кто умер?

Якин. Я... я не про вас это говорю... это другой, который умер... который... Доктора мне!.. Я, кажется, сошел с ума... Да ведь он же мог меня зарезать!

Иоанн. Подойди! Подойди и отвечай! Доколе же ты...

Якин. Аз есмь... умоляю, не хватйтесь за ножик!.. Я сплю... Зинаида, звоните куда-нибудь, спасите меня!.. За что он взелся на меня? Где ваш муж? Пусть уберет его!

Иоанн. Ты боярыню соблазнил?

Якин. Я... я... Житие мое...

Иоанн. Пес смердящий! Какое житие?! Ты посмотри на себя! О, зол муж! Дьявол научиши ты долготу спанию, по сне зиянию, главоболию с похмелья и другим злостям неизмерным и неисповедимым!..

Якин. Пропал! Зинаида, подскажите мне что-нибудь по-славянски!.. Ваш муж не имеет права делать такие опыты!! (Иоанну.) Паки, паки... Иже херувимы!.. Ваше величество, смилуйтесь!

Иоанн. Покайся, любострастный прыщ!

Зинаида. Только не убивайте его!

Якин. Каюсь!..

Иоанн. Преклони скверную твою главу и припади к честным стопам соблазненной боярыни...

Якин. С удовольствием. Вы меня не поняли!!! Не поняли!..

Иоанн. Как тебя понять, когда ты ничего не говоришь!

Якин. Языками не владею, ваше величество!.. Во сне это или наяву?..

Иоанн. Какая это курносая сидела у тебя?

Якин. Это эпизод, клянусь кинофабрикой! Зинаида Михайловна не поняла!

Иоанн. Любишь боярыню?

Якин. Люблю безумно!..

Иоанн. Как же ее не любить? Боярыня красотою лепа, бела вельми, червлена губами, бровьми

союзна, телом изобильна... Чего же тебе надо, собака?!

Якин. Ничего не надо!.. Ничего!

Иоанн. Так женись, хороняка! Князь отпускает ее.

Якин. Прошу вашей руки, Зина!

Зинаида. Вы меня не обманете на этот раз, Карп? Я так часто была обманута...

Якин. Клянусь кинофабрикой!

Иоанн. Клянись преподобным Сергием Радонежским!

Якин. Клянусь Сергием преподобным Радонежским!..

Иоанн. Ну, слушай, борода многогрешная! Ежели я за тобой что худое проведу... то я тебя... я...

Якин. Клянусь Сергием...

Иоанн. Не перебивай царя! Понеже вотчины у тебя нету, жалую тебя вотчиной в Костроме.

Якин (Зинаиде). Еще минута здесь, и меня свезут в сумасшедший дом!.. Едем скорее отсюда!.. Куда-нибудь!.. Везите меня!..

Зинаида. Дорогой царь, нам на поезд пора.

Иоанн. Скатертью дорога!

Зинаида (Иоанну). Простите, что я вас беспокою... я не понимаю, как Кока не догадался... Вам нельзя в таком виде оставаться здесь... вас могут увидеть...

Иоанн. О господи, вседержитель!.. Ведь я-то забыл, где я... Я забыл!..

Зинаида (берет костюм Милославского). Вы не сердитесь. Я советую вам переодеться. Не понимаю, откуда это тряпье? Карп, помогите ему.

Якин. Разрешите, я помогу вам. Пожалуйте за ширму.

Иоанн. Ох, бесовская одежда!.. Ох, искушение!..

Иоанн и Якин уходят за ширму.

Зинаида. Я пока записку напишу Николаю Ивановичу. *(Пишет.)*

Якин *(за ширмой)*. А у вас подтяжечек нету?

Иоанн *(за ширмой)*. Не лезь!

Якин. Слушаю-с...

Зинаида *(читает.)* «Кока! Я возвращалась, но опять уезжаю. Он едва не зарезал Якина, тот сделал предложение. Не выписывай... Зина».

Иоанн выходит из-за ширмы в костюме Милославского. Уд-ручен.

Вот это другое дело! Боже, до чего на нашего Буншу похож! Только очков не хватает...

Якин. Вот очки валяются...

Зинаида. Очень советую, наденьте очки. *(Надевает на Иоанна очки.)* Вылитый!

Иоанн *(глянув в зеркало)*. Тьфу ты!..

Зинаида. Ну, позвольте вас поблагодарить... Вы очень темпераментный человек!

Иоанн. Мне здесь оставаться? Ох ты, господи!.. Как это гусли-то очарованные играют?

Якин. Это, изволите ли видеть, патефон...

Иоанн. Тебя не спрашивают.

Якин. Молчу... слушаюсь...

Зинаида. Очень просто, иголочку сюда и подкрутить.

Патефон играет.

Вот видите... Вы сидите и играйте. А Кока придет, он вас выручит.

Якин. Что же это такое?.. У меня путаются мысли... Патефон... Кока... Иоанн Грозный...

Зинаида. Да перестаньте вы нервничать! Ну, Иоанн, ну, Грозный!.. Ну что тут особенного?.. Ну, до свиданья!

Якин. Честь имею кланяться!

Иоанн. Ехать-то далеко?

Зинаида. О да!

Иоанн (Якину). Жалую тебе рясу с царского плеча.

Якин. Зачем же?

Зинаида. Ах, не противоречьте ему!

Якин. Да, да... (Облачается в рясу.)

Зинаида берет чемодан и выходит с Якиным.

Зинаида (в передней). А все-таки я счастлива! Поцелуйте меня!

Якин. Бред!! Бред!! Бред!! Клянусь Сергием Радонежским!.. (Сбрасывает рясу и уходит с Зинаидой.)

Иоанн один. Подходит к патефону, заводит его. Пьет водку. Через некоторое время звонит телефон. Иоанн подходит, долго рассматривает трубку, потом снимает. На лице его ужас.

Иоанн (в трубку). Ты где сидишь-то? (Заглядывает под стол, крестится.)

Ульяна (в передней). Есть кто-нибудь? Ивана Васильевича не видели? (Стучит в дверь Тимофеева, потом входит.) Здрате, пожалуйста! Его весь дом ищет, водопроводчики приходили, ушли... жена, как проклятая, в магазине за селедками, а он сидит в чужой комнате и пьянствует!.. Да ты что это, одурел? Шпака ограбили, Шпак по двору мечется, тебя ищет, а он тут! Ты что же молчишь? Батюшки, во что же это ты одет?

Иоанн, отвернувшись, заводит патефон.

Да что же это такое? Вы видели что-нибудь подобное? Он угорел! Батюшки, да у него на штанах дыра сзади!.. Ты что, дрался, что ли, с кем? Ты что лицо-то отворачиваешь? Нет, ты синячищи-то покажи!

Иоанн поворачивается.

Голубчики милые!.. На кого же ты похож? Да ты же окосел от пьянства! Да тебя же узнать нельзя!

Иоанн. Ты бы ушла отсюда. А?

Ульяна. Как это — ушла? Ты на себя в зеркало-то погляди!.. В зеркало-то погляди!

Иоанн. Оставь меня, старушка, я в печали...

Ульяна. Старушка?! Как же у тебя язык повернулся, нахал? Я на пять лет тебя моложе!

Иоанн. Ну, это ты врешь... Погадай мне, старая, погадай насчет шведов.

Ульяна. Да что же это такое?

Шпак появляется в передней, затем входит в комнату.

Шпак. Да где же он? Иван Васильевич, какой же вы оправдом? Вы поглядите, как мою комнату обработали!

Ульяна. Нет, вы полюбуйте на голубчика!.. Он же пьян, он же на ногах не стоит!

Шпак. Ай да оправдом! Человека до ниточки обобрали, а он горный дубняк пьет!.. Меня артистка обворовала!..

Иоанн. Ты опять здесь? Ты мне надоел!

Шпак. Какие это такие слова — надоел? Нам такого оправдома не нужно!..

Ульяна. Очнись, разбойник! Попрут тебя с должности!

Иоанн. Э, да ты ведьма! *(Берет у Ульяны селедки и выбрасывает их в переднюю.)*

Ульяна. Хулиган!

Иоанн (вооружается посохом). Ох, поучу я тебя сейчас!

Ульяна. Помогите!.. Муж интеллигентную женщину бьет!.. (Убегает через парадный ход.)

Шпак потрясен.

Шпак. Иван Васильевич, вы успокойтесь... ну, выпил нервный мужчина... я вполне понимаю... Однако я не знал, что вы такой!.. Я думал, что вы тихий... и, признаться, у нее под башмаком... а вы — орел!..

Иоанн. Ведьма!..

Шпак. Откровенно признаться, да. Вы правы. Это даже хорошо, что вы ее так... Вы с ней построже... Я к вам по дельцу, Иван Васильевич.

Иоанн. Тебе чего надо?

Шпак. Вот список украденных вещей, уважаемый товарищ Бунша... Прошу засвидетельствовать... Украли два костюма, два пальто, двое часов, два портсигара, тут записано... (Подает бумагу.)

Иоанн. Как челобитную царю подаешь? (Рвет бумагу.)

Шпак. Иван Васильевич... вы выпивши, я понимаю... только вы не хулиганьте...

Иоанн. Ты мне надоел! Что у тебя украли, говори!

Шпак. Два пате.. то есть один патефон...

Иоанн. Ну, забирай патефон. Подавись. Надоел.

Шпак. Позвольте, как же... ведь это чужой... совершенно как мой... А впрочем, пожалуйста!.. А остальное-то как же? Ведь надо же подписать...

Иоанн. Да я же тебе гривну давал? Ты не брал? Сущеглупый!..

Шпак. Вот так пьян! Какую такую гривну? Никаких вы мне денег не давали. Вы придите в себя, Иван Васильевич... Мы на вас коллективную жалобу подадим!

Иоанн. Э, да ты не уймешься, я вижу... Что в вас, в самом деле, бесы вселились?.. (Вынимает нож.)

Шпак. Помогите!.. Управдом жильца режет!..

Тимофеев вбегает в переднюю, потом в комнату.

Тимофеев. Что это происходит? Где он? Кто вас передел? Как вы его впустили?.. Я же вам говорил, чтобы вы не открывали!..

Шпак. Вы гляньте, Николай Иванович, на нашего управдома!.. Караул!.. Я в милицию!..

Тимофеев (Иоанну). Остановитесь, или мы погибнем оба!

Иоанн прячет нож.

Шпак (бросаясь в переднюю). Я немедленно в милицию!..

Иоанн. Князь!.. Ты его батогами с лестницы!..

Тимофеев (бросается вслед за Шпаком в переднюю). Умоляю вас, подождите!.. Это не Бунша!..

Шпак. Как не Бунша?

Тимофеев. Это Иоанн Грозный... настоящий царь... погодите, погодите... я нормален... умоляю, не бегите в милицию!.. Это мой опыт, моя машина времени!.. Я вызвал его... Я открываю вам тайну, вы порядочный человек!.. Не срывайте мой опыт! Скандал все погубит!.. Я сейчас уберу его... только примерю ключ, вот ключ... Обещайте молчать? Дайте честное слово!

Шпак. Позвольте, так это царь?

Тимофеев. Царь...

Шпак. Что делается!..

Тимофеев. Молчите, потом все объяснится, потом... Даете слово, что ни одному человеку...

Шпак. Честное благородное слово.

Тимофеев. Ну, спасибо, спасибо. *(Убегает в свою комнату. Иоанну.)* Зачем же вы открыли двери? Я вас просил не открывать!

Шпак припадает к замочной скважине.

Иоанн. Пошто ты ему по роже не дал?

Тимофеев. Что вы, Иван Васильевич, не надо никому по роже, ради бога!.. Тише, тише!.. Вот ключ. Сейчас примерим. *(Пытается вложить ключ.)* Руки дрожат... А черт, немного велик... Ну, да ладно, сейчас подпилим...

Нажимает кнопки в аппарате. Комната Тимофеева гаснет. Освещается комната Шпака. Шпак закрывает за собой дверь.

Шпак. Монета-то, стало быть, настоящая была!.. Эх-эх-эх!.. *(Говорит по телефону шепотом).* Милицию. Милиция? Говорит сегодняшний обокраденный Шпак... Нет, не сердитесь, я не насчет кражи. У нас тут другое дельце, почище... Инженер Тимофеев Иоанна Грозного в квартиру вызвал, царя... Я не пьющий... С посохом... Что делается! Даю честное слово! Ну, я сам сейчас добегу до вас, сам добегу!..

Тьма.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Звон. Тьма. Освещается палата Иоанна. Бунша и Милославский влетают в палату.

Милославский. Вот черт вас возьми с этими опытами! Вот это так так!

Бунша (*кидаясь на стену*). Товарищ Тимофеев! Товарищ Тимофеев! Как управдом, я требую немедленного прекращения этого опыта! На помощь! Куда же это мы попали?

Милославский. Перестань орать! Это нас к Иоанну Грозному занесло.

Бунша. Не может быть! Я протестую!

Зловещий шум и набат.

Милославский (*запирает дверь на ключ, выглядывает в окно, отчего шум усиливается. Отскакивает.*) Вот попали, так попали!

Бунша. Это нам мерещится, этого ничего нету. Николай Иванович, вы ответите за ваш антисоветский опыт!

Милославский. Вы дурак! Ой, как они кричат!

Бунша. Они не могут кричать, это обман зрения

и слуха, вроде спиритизма. Они умерли давным-давно. Призываю к спокойствию! Они покойники.

В окно влетает стрела.

Милославский. Видали, как покойники стреляют?!

Бунша. То есть... позвольте... вы полагаете, что они могут учинить над нами насилие?

Милославский. Нет, я этого не полагаю. Я полагаю, что они нас убьют к лешему. Что бы это сделать, братцы, а? Братцы!..

Бунша. Неужели это правда? Николай Иванович, вызывайте милицию! Без номера! Погибнуть во цвете лет!.. Ульяна Андреевна в ужасе!.. Я не сказал ей, куда пошел... Кровь стынет в жилах!..

Грохот в дверь, голос: «Отворяй, собака!»

Кому это он?

Милославский. Вам.

Бунша (*в щелку двери*). Попрошу не оскорблять! Я не собака! Поймите, что вас не существует! Это опыт инженера Тимофеева!

Грохот.

От имени жильцов дома прошу, спасите меня!

Милославский открывает дверь в соседнее помещение.

Милославский. Одежда! Царская одежда! Ура, пофартило!

Голос: «Отворяй! На дым пустим палату!»

(*Надевая кафтан.*) Надевай скорей царский капот, а то пропадем!

Бунша. Этот опыт переходит границы!
Милославский. Надевай, убью!..

Бунша надевает царское облачение.

Ура! Похож! Ей-богу, похож! Ой, мало похож! Профиль портит!.. Надевай шапку... Будешь царем...

Бунша. Ни за что!

Милославский. Ты что же, хочешь, чтобы и меня из-за тебя ухлопали? Садись за стол, бери скипетр... Дай зубы подвяжу, а то не очень похож... Ой, халтура! Ой, не пройдет! У того лицо умней...

Бунша. Попрошу не касаться лица!

Милославский. Молчи! Садись, занимайся государственным делом. На чем они остановились? Царь и великий князь... повторяй... всяя Руси...

Бунша. Царь и великий князь всяя Руси...

Дверь раскрывается, вбегают опричники, и с ними —
Дьяк. Остолбеневают.

Милославский (Бунше). Так вы говорите... царь и великий князь? Написал. Запятая... Где это наш секретарь запропастился?

Пауза.

В чем дело, товарищи? Я вас спрашиваю, драгоценные, в чем дело? Какой паразит осмелился сломать двери в царское помещение? Разве их для того вешали, чтобы вы их ломали? (Бунше.) Продолжайте, ваше величество... челом бьет... точка с запятой... (Опричникам.) Я жду ответа на поставленный мною вопрос.

Опричники (в смятении). Царь тут... царь тут...

Дьяк. Тут царь...

Милославский. А где же ему быть? Вот что, голубчики, положи оружие!.. Не люблю этого.

Опричники бросают бердыши.

Дьяк (*Бунше*). Не вели казнить, великий государь-надежа... демоны тебя схватили, мы и кинулись... хватать, ан демонов-то и нету!

Милославский. Были демоны, этого не отрицаю, но они ликвидировались. Прошу эту глупую тревогу приостановить. (*Дьяку.*) Ты кто такой?

Дьяк. Федька... дьяк посольского приказа... с царем пишем...

Милославский. Подойди сюда. А остальных прошу очистить царскую жилплощадь. Короче говоря, все вон! Видите, вы царя напугали! Вон! (*Бунше, шепотом.*) Рывки на них, а то они не слушают.

Бунша. Вон!!

Опричники бросаются в ноги, потом выбегают вон. Дьяк бросается несколько раз в ноги.

Милославский. Ну, довольно кувыркатся. Кинулся раз, кинулся два, хватит.

Дьяк. Не гляди на меня, аки волк на ягня... Прогневили мы тебя, надежа-государь!..

Милославский. Я думаю. Но мы тебя прощаем.

Дьяк. Что же это у тебя, государь, зубки-то подвязаны? Али хворь приключилась?

Милославский (*Бунше, тихо*). Ты не молчи, как пень, однако! Я не могу один работать.

Бунша. Зубы болят, у меня флюс.

Милославский. Периостит у него, не приставай к царю.

Дьяк. Слушаю. *(Бросается в ноги.)*

Милославский. Федя, ты брось кланяться... Этак ты до вечера будешь падать... Будем знакомы. А ты что на меня глаза вытаращил?

Дьяк. Не гневайся, боярин, не признаю я тебя... Али ты князь?

Милославский. Я, пожалуй, князь, да. А что тут удивительного?

Дьяк. Да откуда ты взялся в палате-то царской? Ведь тебя не было? *(Бунше.)* Батюшка-царь, кто же это такой? Не томи!..

Бунша. Это приятель Антона Семеновича Шпака.

Милославский *(тихо)*. Ой, дурак! Такие даже среди управдомов редко попадаются... *(Вслух.)* Ну да, другими словами, я князь Милославский. Устраивает вас это?

Дьяк *(впадая в ужас)*. Чур меня! Сгинь!..

Милославский. Что такое? Опять не слава богу? В чем дело?

Дьяк. Да ведь казнили тебя намедни...

Милославский. Вот это новость! Брось трепаться, как так казнили?

Бунша *(тихо)*. Ой, начинается!..

Дьяк. Повесили тебя на собственных воротах третьего дня перед спальней, по приказу царя.

Милославский. Ай спасибо! *(Бунше.)* Неувязка вышла с фамилией... Повесили меня... Выручай, а то засыпемся. *(Тихо.)* Что же ты молчишь, сволочь? *(Вслух.)* А, вспомнил! Ведь это не меня повесили! Этого повешенного-то как звали?

Дьяк. Ванька-разбойник.

Милославский. Ага. А я, наоборот, Жорж. И этому бандиту двоюродный брат. Но я от него

отмежевался. И обратно — царский любимец и приближенный человек. Ты что на это скажешь?

Дьяк. Вот оно что! То-то я гляжу, похож, да не очень. А откуда же ты тут-то взялся?

Милославский. Э, дьяк Федя, до чего ты любопытный! Тебе бы в уголовном розыске служить! Приехал я внезапно, сюрпризом, как раз, когда у вас эта мура с демонами началась... Ну, я, конечно, в палату, к царю, где и охранял ихнюю особу.

Дьяк. Исполать тебе, князь!

Милославский. И все в порядочке!

За сценой шум.

Чего это они опять разорались? Сбегай, Федюша, узнай.

Дьяк выбегает.

Бунша. Боже мой, где я? Что я? Кто я? Николай Иванович!!!

Милославский. Без истерики!

Дьяк возвращается.

Дьяк. Опричники царя спасенного видеть желают. Радуются.

Милославский. Э, нет. Это отпадает. Некогда. Некогда. Радоваться потом будем. (Бунше.) Услать их надо немедленно куда-нибудь. Молчит, проклятый! (Вслух.) А что, Фединька, войны никакой сейчас нету?

Дьяк. Как же это нету, кормилец? Крымский хан да шведы прямо заедают! Крымский хан на Изюмском шляхе безобразничает!..

Милославский. Что ты говоришь? Как же это вы так допустили, а?

Дьяк бросается в ноги.

Встань, Федор, я тебя не виню. Ну, вот чего... садись, пиши царский указ. Пиши. Послать опричников выбить крымского хана с Изюмского шляха. Точку поставь.

Дьяк. Точка. *(Бунше.)* Подпиши, великий государь.

Бунша *(шепотом)*. Я не имею права по должности оправдома такие бумаги подписывать.

Милославский. Пиши. Ты что написал, голова дубовая? Управдом? И печать жакта приложил?.. Вот осел! Пиши: Иван Грозный. *(Дьяку.)* На.

Дьяк. Вот словечко-то не разберу...

Милославский. Какое словечко? Ну, ге... ре... Грозный.

Дьяк. Грозный?

Милославский. Что ты, Федька, цепляешься к каждому слову! Что он не грозен, по-твоему? Не грозен? Да накричи ты, наконец, на него, великий государь, натопай ножками! Что же это он тебя не слушает?

Бунша. Да как вы смеете?! Да вы!.. Да я вас!..

Дьяк *(валясь в ноги)*. Узнал таперича! Узнал тебя, батюшка-царь...

Милославский. Ну, то-то. Да ты скажи им, чтобы они обратно не торопились. Какое бы им еще поручение дать? Поют потехи брани... дела былых времен... И взятие Казани... ты им скажи, чтобы они на обратном пути заодно Казань взяли... чтобы два раза не ездить...

Дьяк. Как же это, батюшка... чтоб тебя не прогневить... Ведь Казань-то наша... ведь мы ее давным-давно взяли...

Милославский. А... Это вы поспешили... Ну, да раз взяли, так уж и быть. Не обратно же ее отда-

вать... Ну, ступай, и чтобы их духу здесь не было через пять минут.

Дьяк выбегает.

Ну, пошли дела кой-как. Что дальше будет, впрочем, неизвестно. Что же он не крутит свою машинку назад?

Бунша. Я должен открыть вам ужасную тайну. Я с собой ключ в панике захватил. Вот он.

Милославский. Чтоб ты сдох, проклятый! Все из-за тебя, дурака! Что же мы теперь будем делать? Ну, ладно, тише, дьяк идет.

Дьяк (входит). Поехали, великий государь.

Милославский. Не удивились? Ну и прекрасно. Дальше чего на очереди?

Дьяк. Посол шведский тут.

Милославский. Давай его сюда.

Дьяк впускает шведского посла. Тот, взглянув на Буншу, вздрагивает, потом начинает делать поклоны.

Посол. Пресветлейши... вельможнейши... государ... (Кланяется.)

Бунша пожимает руку послу. Посол удивлен, делает поклон.

Дер гроссер кениг дес шведишен кенигсрейх зандте мих, зейнен трейен динер, цу инен, цар и фелики кнезе Иван Василевич Усарусса, дамит ди фраге фон Кемска волост, ди ди румфоллвюрдиге шведише арме эроберн хат, фрейвиллиг ин орднунг бринген...

Милославский. Так, так... интурист хорошо говорит... но только хоть бы одно слово понять! Надо бы переводчика, Фединька!

Дьяк. Был у нас толмач-немчин, да мы его андысь в кипятке сварили.

Милославский. Федя, это безобразие! Нельзя так с переводчиками обращаться! (Бунше.) Отвечай ему что-нибудь... а то ты видишь, человек надрыгается.

Бунша. Я на иностранных языках только революционные слова знаю, а все остальное забыл.

Милославский. Ну, говори хоть революционные, а то ты ведь никаких слов не произносишь... Как рыба на троне! (Послу.) Продолжайте, я с вами совершенно согласен.

Посол. Ди фраге фон Кемска волост... Шведише арме хат зи эроберн... Дер гроссер кениг дес шведишен кенигсрейхс зандте мих... унд... Дас ист зер эрнсте фраге... Кемска волост...

Милославский. Правильно. Совершенно правильно. (Дьяку.) Интересно бы хоть в общих чертах узнать, что ему требуется... Так сказать, идеяка... смысл... Я, как назло, в шведском языке не силен, а царь нездоров...

Дьяк. Он, батюшка, по-немецки говорит. Да понять-то его немудрено. Они Кемскую волость требуют. Воевали ее, говорят, так подай теперь ее, говорят!..

Милославский. Так чего же ты молчал? Кемскую волость?

Посол. О, я... о, я...

Милославский. Да об чем разговор? Да пусть забирают на здоровье!.. Господи, я думал, что!..

Дьяк. Да как же так, кормилец?!

Милославский. Да кому это надо? (Послу.) Забирайте, забирайте, царь согласен. Гут.

Дьяк. О господи Исусе!

Посол (обрадован, кланяется). Канн их мих фрейцелен унд ин мейн фатерланд цурюккерен?

Дьяк. Он спрашивает, можно ли ему домой ехать?

Милославский. А, конечно! Пускай сегодня же и едет. *(Послу.)* Оревуар.

Посол *(кланяясь)*. Вас бефельт цар и фелики кнезе Иван Василевич ден гроссен кениг дес Шведенс хинтербринген?

Дьяк. Он спрашивает, чего королю передать?

Милославский. Мой пламенный привет.

Бунша. Я не согласен королю пламенные приветы передавать. Меня общественность загрызет.

Милославский. Молчи, бузотер. *(Обнимает посла, и у того с груди пропадает драгоценный медальон.)* Ауфвидерзеен. Королю кланяйтесь и скажите, чтобы пока никого не присылал. Не надо. Нихтс.

Посол, кланяясь, уходит с Дьяком.

Приятный человек. Валюты у него, наверно, в кармане, воображаю!..

Бунша. Я изнемогаю под тяжестью государственных преступлений, которые мы совершили. О боже мой! Что теперь делает несчастная Ульяна Андревна? Она, наверно, в милиции. Она плачет и стонет, а я царствую против воли... Как я покажусь на глаза общему нашему собранию?

Дьяк входит и ищет что-то на полу.

Милославский. Ты чего, отец, ползаешь?

Дьяк. Не вели казнить, государь... Посол королевский лик с груди потерял... на нем алмазы графенные...

Милославский. Нельзя быть таким рассеянным.

Дьяк. Вошел сюда — был, а вышел — нету...

Милославский. Так всегда и бывает. В театрах это постоянно в буфете. Смотреть надо за вещами, когда в комнатуходишь. Да отчего ты так на меня таращишься? Уж не думаешь ли ты, что я взял?

Дьяк. Что ты, что ты?!

Милославский (Бунше). Ты не брал?

Бунша. Может быть, за трон завалился. (Ищет.)

Милославский. Ну, нету! Под столом еще посмотри. Нету и нету.

Дьяк. Ума не приложу... вот горе! (Уходит.)

Бунша. Происшествия все ужаснее и ужаснее. Что бы я отдал сейчас, чтобы лично явиться и заявить о том, что я нашелся. Какое ликование поднялось бы!

Дьяк (входит). Патриарх тебя видеть желает, государь. Радуется.

Бунша. Чем дальше, тем хуже!

Милославский. Скажи ему, что мы просим его сюда в срочном порядке.

Бунша. Что вы делаете? В присутствии служителя культа я не могу находиться в комнате, я погиб.

Колокольный звон. Входит Патриарх.

Патриарх. Здравствуй, государь, нынешний год и впредь идущие лета! Вострубим, братие, в златокованные трубы! Царь и великий князь яви нам зрак и образ красен! Царь, в руках демонов побывавший, возвращается к нам. Подай же тебе, господи, самсонову силу, александрову храбрость, соломонову мудрость и кротость давидову! Да ты славят

все страны и всякое дыхание человеке и ныне и присно и во веки веков!

Милославский (*аплодируя*). Bravo! Аминь! Ничего не в силах прибавить к вашему блестящему докладу, кроме одного слова — аминь!

Хор запел многолетие. Милославский отдает честь, поет что-то веселое и современное.

(*Бунше.*) Видишь, как тебя приветствуют! А ты хныкал!.. (*Патриарху.*) Воистину воскресе, батюшка! (*Обнимает патриарха, причем у того с груди пропадает панагия.*) Еще раз благодарю вас, батюшка, от царского имени и от своего также благодарю, а затем вернитесь в собор, к вашим угодникам. Вы совершенно и абсолютно свободны, в хоре надобности тоже нет. А в случае чего-нибудь экстренного, мы вас кликнем. (*Провожает патриарха до дверей, отдавая ему честь.*)

Патриарх уходит с Дьяком.
Дьяк тотчас вбегает в смятении обратно.

Чего еще случилось?

Дьяк. Ох, поношение! У патриарха панагию с груди...

Милославский. Неужто сперли?

Дьяк. Сперли!

Милославский. Ну уж, это мистика какая-то! Что же это у вас делается, ась?

Дьяк. Панагия — золота на четыре угла, яхонт лазоревый, два изумруда...

Милославский. Это безобразие!

Дьяк. Что делать прикажешь, князь? Уж мы воров и за ребра вешаем, а все извести их не можем.

Милославский. Ну зачем же за ребра вешать? Уж тут я прямо скажу, что я против. Это

типичный перегиб. С ворами, Федя, если хочешь знать, надо обращаться мягко. Ты ступай к патриарху и как-нибудь так поласковее с ним... утешь его... Что он, очень расстроился?

Дьяк. Столбом стоит.

Милославский. Ну, оно понятно. Большие потрясения от этого бывают. Уж кому-кому, а мне приходилось видеть в театрах...

Дьяк выбегает.

Бунша. Меня начинают терзать смутные подозрения. У Шпака — костюм, у посла — медальон, у патриарха — панагия...

Милославский. Ты на что намекаешь? Не знаю, как другие, а я лично ничего взять не могу. У меня руки так устроены... ненормально. Мне в пяти городах снимки с пальцев делали... ученые... и все начальники единогласно утверждают, что с такими пальцами человек присвоить чужого не может. Я даже в перчатках стал ходить, так мне это надоело.

Дьяк (входит). Татарский князь Едигей к государю.

Милославский. Э, нет! Этак я из сил выбьюсь. Объявляю перерыв на обед.

Дьяк. Царь трапезовать желает.

Тотчас столыники вносят кушанья, за столыниками появляются гуслары.

Бунша. Это сон какой-то!..

Милославский (Дьяку). Это что?

Дьяк. Почки заячьи верченые да головы щучьи с чесноком... икра, кормилец. Водка анисовая, приказная, кардамонная, какая желаешь.

Милославский. Красота!.. Царь, по стопочке с горячей закуской!.. (Пьет.) Ко мне, мои тиуны, опричники мои!..

Бунша пьет.

Дьяк. Услали же, батюшка-князь, опричников!

Милославский. И хорошо сделали, что услали, ну их в болото! Без отвращения вспомнить не могу. Манера у них сейчас рубить, крошить! Секиры эти... Бандиты они, Федя. Простите, ваше величество, за откровенность, но опричники ваши просто бандиты! Вотр сантэ!

Бунша. Вероятно, под влиянием спиртного напиток нервы мои несколько успокоились.

Милославский. Ну, вот. А ты, Федя, что ты там жмешься возле почек? Ты выпей, Федюня, не стесняйся. У нас попросту. Ты мне очень понравился. Я бы без тебя, признаться, как без рук был. Давай с тобой на брудершафт выпьем. Будем дружить с тобой, я тебя выучу в театр ходить... Да, ваше величество, надо будет театр построить.

Бунша. Я уже наметил кое-какие мероприятия и решил, что надо будет начать с учреждения жактов.

Милославский. Не велите казнить, ваше величество, но, по-моему, театр важнее. Воображаю, какая сейчас драка на Изюмском шляхе идет! Как ты думаешь, Федя? Что, у вас яхонты в магазины принимают?

Дьяк. Царица к тебе, великий государь, видеть желает.

Бунша. Вот тебе раз! Этого я как-то не предвидел. Боюсь, чтобы не вышло недоразумения с Ульяной Андреевной. Она, между нами говоря, отрица-

тельно к этому относится. А впрочем, ну ее к черту, что я ее, боюсь, что ли?

Милославский. И правда.

Бунша снимает повязку.

Повязку это ты зря снял. Не царская, говоря откровенно, у тебя физиономия.

Бунша. Чего? Попрошу вас! С кем говоришь?

Милославский. Молодец! Ты бы раньше так разговаривал!

Появляется Царица, и Бунша надевает пенсне.

Царица (*в изумлении*). Пресветлый государь, княже мой и господин! Дозволь рабыне твоей, грешимой милостью твоею...

Бунша. Очень рад. (*Целует руку царицы.*) Очень рад познакомиться. Позвольте вам представить — дьяк... и гражданин Милославский. Прошу вас к нашему столику.

Милославский. Ты что плетешь? Сними, гад, пенсне.

Бунша. Но-но-но! Человек! Почки один раз царице! Простите, ваше имя-отчество не Юлия Владимировна?

Царица. Марфа Васильевна я...

Бунша. Чудесно, чудесно!

Милославский. Вот разошелся! Э-ге-ге! Да ты, я вижу, хват! Вот так тихоня!

Бунша. Рюмку кардамонной, Марфа Васильевна.

Царица (*хихикая*). Что вы, что вы...

Бунша. Сейчас мы говорили на интереснейшую тему. Вопрос об учреждении жактов.

Царица. И все-то ты в трудах, все в трудах, великий государь, аки пчела!

Бунша. Еще рюмку, под щучью голову.

Царица. Ой, что это вы...

Бунша (Дьяку). Вы что это на меня так смотрите? Я знаю, что у тебя на уме! Ты думаешь, уж не сын ли я какого-нибудь кучера или кого-нибудь в этом роде? Сознавайся!

Дьяк валится в ноги.

Нет, ты сознавайся, плут... Какой там сын кучера? Это была хитрость с моей стороны. (Царице.) Это я, уважаемая Марфа Васильевна, их разыгрывал. Что? Молчать! (Дьяку.) Скажите, пожалуйста, что у вас, нет отдельного кабинета?

Милославский. Милые! Да он нарезался! Да ведь как быстро, как ловко! Надо спасти положение. (Гуслярам.) Да что же вы, граждане, молчите! Гряньте нам что-нибудь.

Гусляры заиграли и запели.

Гусляры (поют). А не сильная туча затучилася... А не сильные громы грянули... Куда едет собака крымский царь...

Бунша. Какая это собака? Не позволю про царя такие песни петь! Он хоть и крымский, но не собака! (Дьяку.) Ты каких это музыкантов привел? Распустились здесь без меня!

Дьяк валится в ноги.

Милославский. Что, Федюша, у вас нарзану нету?

Бунша. Пускай они румбу играют!

Гусляры. Ты, батюшка, только скажи, как это... а мы перейдем... мы это сейчас...

Бунша напевает современный танец. Гусляры играют его.

Бунша (*Царице*). Позвольте вас просить на один тур, Юлия Васильевна.

Царица. Ой, срамota! Что это ты, батюшка-царь...

Бунша. Ничего, ничего. (*Танцует с царицей.*)

Дьяк рвет на себе волосы.

Милославский. Ничего, Федя, не расстраивайся. Ну, перехватил царь, ну, что такого... с кем не бывало! Давай с тобой! (*Танцует с Дьяком.*)

Набат и шум. Гусляры замолчали.

Это мне не нравится, что еще такое?

Дьяк выбегает, потом возвращается.

Дьяк. Беда, беда! Опричники взбунтовались, сюда едут! Кричат, что царь не настоящий. Самозванец, говорят!

Царица. Ох-ти мне, молодой! С ненастоящим плясала... Ох, чернеческий чин наложат!.. Ой, погибь моя!.. (*Убегает.*)

Милославский. Как, опричники? Они же на Изюмский шлях поехали!

Дьяк. Не доехали, батюшка. Смутили их. От заставы повернули.

Милославский. Какой же гад распространил этот гнусный слух?

Дьяк. Патриарх, батюшка, патриарх.

Милославский. Дорогой самодержец, мы пропали!

Бунша. Я требую продолжения танца! Как пропали? Граждане, что делать?

Гусляры исчезают вместе с Дьяком.

Николай Иванович, спасите!

Шум ближе. Звон. Тьма. Свет. Стенка распадается, и рядом с палатой появляется комната Тимофеева.

Тимофеев. Скорее, Иван Васильевич!

Иоанн (застегивая царское облачение). Слава тебе господи!

Тимофеев. Вот они, живы!

Милославский. Живы, живы! (Бунше.) Вали, вали, вали! (Вбегают с Буншей к Тимофееву.)

Иоанн (при виде Бунши). Ой, сгинь, пропади!

Милославский. Временно, временно, отец, не волнуйся!

Иоанн вбегает в палату.

Иван Васильевич! Имейте в виду, что мы шведам Кемскую волость отдали! Так что все в порядке!

Иоанн. Шведам — Кемь? Да как же вы смели, щучьи вы дети?!

В палату вбегают Опричник и Дьяк.

Шведам — Кемь? А ты, лукавый дьяк, куда смотрел?

Дьяк валится в ноги. Иоанн в ярости валит Дьяка на аппарат. Дьяк тотчас вскакивает, бросается в палату. Тьма. Свет.

Палаты нет.

Тимофеев. Аппарат мой! Аппарат! Раздавили! Что вы наделали? Зачем вы его разозлили?.. Погибло мое изобретение!

В передней появляются милиция и Шпак.

Шпак. Вот они, товарищи начальники, гляньте!

Тимофеев. Ах ты, подлец!

Милиция. Эге!.. (Бунше.) Вы — царь? Ваше удостоверение личности, гражданин.

Бунша. Каюсь, был царем, но под влиянием гнусного опыта инженера Тимофеева.

Милославский. Что вы его слушаете, товарищи? Мы с маскарада, из парка культуры и отдыха мы. (Снимает боярское облачение.)

Бунша снимает царское облачение. На груди Милославского — медальон и панагия.

Бунша. Оправдались мои подозрения! Он патриарха обокрал и шведского посла!

Шпак. Держите его! Мой костюм!

Милиция. Что же вы, гражданин, милицию путаете? Они воры?

Шпак. Воры, воры! Они же крадут, они же царями притворяются!

Появляется Ульяна Андреевна.

Ульяна. Вот он где! Что это, замели тебя? Дождался, пьяница!

Бунша. Ульяна Андреевна! Чистосердечно признаюсь, что я царствовал, но вам не изменил, дорогая Ульяна Андреевна! Царицей соблазняли, дьяк свидетель!

Ульяна. Какой дьяк? Что ты порешь, алкоголик? Какой он царь, товарищи начальники! Он — управдом!

Тимофеев. Молчите все! Молчите все! Мой аппарат, моя машина погибла! А вы об этих пустяках... Да, это я, я сделал опыт, но нужно же такое несчастье на каждом шагу... явился этот болван

управдом и ключ утащил с собой! Старый рамоли, князь-развалина... и этот разозлил Ивана Грозного! И вот нет моего аппарата! А вы об этой ерунде!

Милиция. Вы кончили, гражданин?

Тимофеев. Кончил.

Милиция (Милославскому). Ваше удостоверение?

Милославский. Ну, чего удостоверение? Что же удостоверение? Милославский я, Жорж.

Милиция (радостно). А! Так вы в Москве, стало быть?

Милославский. Не скрою. Прибыл раньше времени.

Милиция. Ну-с, пожалуйста все в отделение.

Бунша. С восторгом предаюсь в руки родной милиции, надеюсь на нее и уповаю.

Милославский. Эх, Коля, академик! Не плачь! Видно, уж такая судьба! А насчет панагии, товарищи, вы не верьте, это мне патриарх подарил.

Милиция выводит всех из квартиры. В ту же минуту гаснет свет в комнате Тимофеева. Радостный голос в рупоре в передней: «Слушайте продолжение «Псковитянки». И тотчас грянули колокола и заиграла хриплая музыка. Комната Тимофеева освещается. Тимофеев спит в той самой позе, как заснул в первом акте.

Тимофеев. Скорей, скорей, Иван Васильевич... Фу, черт, да я заснул! Боже, какая ерунда приснилась... Аппарат-то цел? Цел. Батюшки, меня жена бросила... Да нет, это во сне. Слава богу, во сне. А вдруг... Косинус... черт, надоел мне с колоколами...

Передняя освещается. Входит Зинаида.

Зинаида. Коля, это я.

Тимофеев. Зиночка, ты!

Зинаида. Ты так и не ложишься? Колька, ты с ума сойдешь, я тебе говорю. Я тебе сейчас дам чаю и ложись... Нельзя так работать.

Тимофеев. Зина, я хотел тебя спросить... видишь ли, я признаю свою вину... я действительно так заработался, что обращал мало внимания на тебя в последнее время... косинус... ты понимаешь меня?

Зинаида. Ничего не понимаю.

Тимофеев. Ты где сейчас была?

Зинаида. На репетиции.

Тимофеев. Скажи мне, только правду. Ты любишь Якина?

Зинаида. Какого Якина?

Тимофеев. Не притворяйся. Очень талантлив... ему действительно дадут квартиру? Ну, словом, он ваш кинорежиссер.

Зинаида. Никакого Якина режиссера нету у нас.

Тимофеев. Правда?

Зинаида. Правда.

Тимофеев. А Молчановского нету?

Зинаида. И Молчановского нету.

Тимофеев. Ура! Это я пошутил.

Зинаида. Я тебе говорю, ты с ума сойдешь!

Стук в дверь.

Да, да!

Вбегает Шпак.

Тимофеев. Антон Семенович, мне сейчас приснилось, что вас обокрали.

Шпак (*заливаясь слезами*). Что приснилось? Меня действительно обокрали!

Тимофеев. Как?

Шпак. Начисто. Пока был на службе. Патефон, портсигар, костюм! Батюшки! И телефонный аппарат срезали!.. Зинаида Михайловна, позвольте позвонить. Батюшки! *(Бросается к телефону.)* Милицию! Где наш управдом?

Зинаида *(распахнув окно, кричит)*. Ульяна Андреевна! Где Иван Васильевич? Шпака обокрали!

В радиорупоре сильнее грянула музыка.

З а н а в е с

К о н е ц

Дон Кихот

Дон Кихот

ПЬЕСА ПО СЕРВАНТЕСУ

в четырех действиях,
девяти картинах

Действующие лица:

Алонсо Кихано, он же Дон Кихот
Ламанчский.

Антония — его племянница.

Ключница Дон Кихота.

Санчо Панса — оруженосец Дон Кихота.

Перо Перес — деревенский священник,
лицензиат.

Николас — деревенский цирюльник.

Альдонса Лоренсо — крестьянка.

Сансон Карраско — бакалавр.

Паломек Левша — хозяин постоялого
двора.

Мариторнес — служанка на постоялом
дворе.

Пэгонщик мулов.

Тенорио Эрнандес	} постоянльцы Паломека.
Педро Мартинес	
Слуга Мартинеса	

Работник на постоялом дворе.

Герцог.

Герцогиня.

Духовник Герцога.

Мажордом Герцога.
Доктор Агуэро.
Дуэнья Родригес.
Паж Герцога.
Свиновод.

Женщина.

Первый и Второй старики, Первый и Второй монахи, Первый и Второй слуги, погонщики лошадей, свита Герцога.

Действие происходит в Испании в самом конце XVI века.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Летний вечер. Двор дома Дон Кихота с конюшней, колодцем, скамейкой и двумя калитками: одной — на заднем плане, выводящей на дорогу, и другой — сбоку, ведущей в деревню. Кроме того, внутренность дома Дон Кихота. В комнате Дон Кихота большая кровать за пологом, кресло, стол, старые рыцарские доспехи и множество книг.

Николас (с цирюльными принадлежностями появляется во дворе). Сеньора ключница! Нету ее? (Поднимается в дом, стучится.) Сеньор Кихано, можно войти? Сеньор Кихано!.. Видно, никого нет. (Входит в комнату Дон Кихота.) Сеньора племянница!.. Куда же это они все девались? А велел прийти стречь! Ну что же, подожду, благо спешить мне некуда. (Ставит цирюльный тазик на стол, обращает внимание на рыцарские доспехи.) Скажи пожалуйста, какая вещь! Откуда же он все это взял? А, знаю, эти латы он с чердака снял. Чудак! (Садится, берет со стола книгу, читает.) Зер-ка-ло, ры-цар-ства... Гм... До чего он любит этих рыцарей, уму непостижимо...

Дон Кихот (за сценой). Бернардо дель Карпио! Бернардо дель Карпио!

Николас. Его голос? Его. Он идет. (Высовывается в окно.)

Дон Кихот (за сценой). Великий Бернардо дель Карпио задушил в Ронсевале очарованного дон Ролдана!..

Николас (в окне). Что это он плетет?

Дон Кихот (появляется через калитку на заднем плане с книгой в одной руке и с мечом в другой). Ах, если бы мне, рыцарю Дон Кихоту Ламанчскому, в наказание за смертные мои грехи или в награду за то доброе, что я совершил в моей жизни, пришлось бы наконец встретиться с тем, кого я ищу! Ах!..

Николас. Какому Дон Кихоту? Эге-ге, да с ним, кажется, неладно!

Дон Кихот. Да, если бы мне довелось встретиться с врагом моим — великаном Брандабарбараном в змеиной коже...

Николас. Брандабар... Да наш идальго окончательно спятил?!..

Дон Кихот. ...я последовал бы примеру Бернардо. Подняв великана, я задушил бы его в воздухе! (Отбрасывает книгу и начинает рубить воздух мечом.)

Николас. Праведное небо!

Дон Кихот поднимается в дом, Николас прячется за рыцарские доспехи.

Дон Кихот. Здесь кто-то есть?.. Кто здесь?

Николас. Это я, милейший сеньор Кихано, это я...

Дон Кихот. А, наконец-то судьба осчастливила меня встречей с тобой, мой кровный враг! Выходи же сюда, не прячься в тени!

Николас. Помилосердствуйте, сеньор Кихано, что вы говорите! Какой я вам враг?

Дон Кихот. Не притворяйся, чары твои предомной бессильны! Я узнаю тебя: ты — лукавый волшебник Фристон!

Николас. Сеньор Алонсо, придите в себя, умоляю вас! Всмотритесь в черты моего лица, я не волшебник, я цирюльник, ваш верный друг и кум Николай!

Дон Кихот. Ты лжешь!

Николас. Помилуйте!..

Дон Кихот. Выходи на бой со мною!

Николас. О, горе мне, он не слушает меня! Сеньор Алонсо, опомнитесь! Перед вами христианская душа, а вовсе не волшебник! Оставьте ваш страшный меч, сеньор!

Дон Кихот. Бери оружие и выходи!

Николас. Ангел-хранитель, помоги мне!.. *(Выскакивает в окно и выбегает через боковую калитку.)*

Дон Кихот успокаивается, садится, раскрывает книгу. За оградой прошел кто-то, зазвенели струны, и тяжелый бас пропел:

Ах, краса твоя, без спора,
Ярче солнечного дня!
Где же ты, моя сеньора?
Иль забыла ты меня?

Альдонса *(входит во двор с корзиной в руках.)* Сеньора ключница, а сеньора ключница!..

Дон Кихот. Чей голос слышу я? Неужели опять меня смущает колдун?.. Это она!

Альдонса. Сеньора ключница, вы дома? *(Оставляет свою корзину внизу, поднимается в дом, стучится.)*

Дон Кихот. Это она стучит? Нет, нет, стучит мое сердце!

Альдонса (входит). Ах! Простите, почтеннейший сеньор, я не знала, что вы здесь. Это я, Альдонса Лоренсо. Вашей ключницы нет дома? Я принесла соленую свинину и оставила ее внизу, в кухне.

Дон Кихот. Вы появились вовремя, сеньора. Я отправляюсь в путь для встречи с великаном Каракулиамбро, повелителем острова Мамендранья. Я хочу победить его и прислать к вам с тем, чтобы он упал перед вами на колени и просил бы вас распорядиться им по вашему желанию...

Альдонса. Ах, сударь, что вы говорите, помилуй нас господи!

Дон Кихот. Я хочу, чтобы он рассказал вам, как произошло его столкновение с Дон Кихотом Ламанчским... Знайте, безжалостная, что этот Дон Кихот перед вами!

Альдонса. Сеньор Кихано, зачем вы стали на колени?! Я просто не знаю, что и делать...

Дон Кихот. Каракулиамбро расскажет вам, как было дело. А было так... (Берет книгу и начинает читать.) «Лишь только румянощекий Аполлон разбросал по земле нити своих золотых волос, а златотронная Аврора поднялась с пуховиков своего ревнивого супруга...».

Альдонса. Перестаньте, сеньор, прошу вас! Я простая девушка, но и мне не пристало слушать такие речи...

Дон Кихот (читает). «В это время дон Белианис сел на своего коня и тронулся в путь...». (Берет меч.)

Альдонса. Побегу, скажу ключнице... (Бесшумно скрывается.)

Дон Кихот. Я заменяю имя Белианиса именем

Дон Кихота... Дон Кихот отправился навстречу опасностям и мукам с одной мыслью о вас, владычица моя, о Дульсинея из Тобосо! (Оглядывается.) Исчезла! Угас блистающий луч! Значит, меня посетило видение? Зачем же, зачем ты, поманив, покинула меня? Кто похитил тебя? И вновь я один, и мрачные волшебные тени обступают меня. Прочь! Я не боюсь вас! (Поражает воздух мечом, потом успокаивается, берет книгу, садится, читает, бормочет что-то.)

Сумерки. За оградой послышался тихий таинственный свист. Над оградой показывается голова Санчо Панса. Санчо свистит еще раз, потом голова его скрывается. Санчо входит во двор, ведя в поводу своего серого осла, нагруженного бурдюком и вьюками. Санчо привязывает осла, тревожно оглядывается, поднимается по лестнице и входит в комнату Дон Кихота, предварительно еще раз свистнув.

Санчо. Сударь...

Дон Кихот. А! Ты опять появился, неугомонный чародей? Ну, теперь ты не уйдешь! Сдавайся!

Санчо (став на колени.) Сдаюсь.

Дон Кихот (приставив острие меча ко лбу Санчо). Наконец-то ты в моей власти, презренный колдун!

Санчо. Сеньор! Протрите свои глаза, прежде чем выколоть мои! Я сдаюсь, сдаюсь, дважды и трижды. Сдаюсь окончательно, бесповоротно, раз и навсегда. Всмотритесь наконец в меня, грешника! Какой же я, ко всем чертям, колдун? Я — Санчо Панса!

Дон Кихот. Что такое? Этот голос знаком мне. Ты не лжешь? Да это действительно ты, мой друг?

Санчо. Я, сеньор, я!

Дон Кихот. Почему же ты не подал мне условленного сигнала?

Санчо. Сударь, я троекратно подавал сигнал, но проклятый волшебник заложил вам уши. Я свистел, сударь!

Дон Кихот. Ведь ты был на волосок от гибели! Очень хорошо, что ты догадался сдаться. Ты поступил, Санчо, как мудрец, понимающий, что в отчаянном положении самый храбрый бережет себя для лучшего случая.

Санчо. Я сразу догадался, что нужно сдаться, лишь только вы начали тыкать мне в глаза вашим мечом, будь он проклят!

Дон Кихот. Ты прав. Но скажи мне, мой друг, читал ли ты где-нибудь о рыцаре, обладающем большей отвагой, нежели я?

Санчо. Нет, сударь, нигде не читал, потому что я не умею ни читать, ни писать.

Дон Кихот. Ну что ж, садись, и мы окончательно уговоримся обо всем, пока никого нет дома. Итак, ты принимаешь мое предложение стать моим оруженосцем и сопровождать меня во время странствований по свету?

Санчо. Принимаю, сеньор, так как надеюсь, что вы сдержите свое обещание сделать меня губернатором острова, который вы собираетесь завоевать.

Дон Кихот. Никогда не сомневайся в том, что сказано тебе рыцарем. Некоторых оруженосцев за их верную службу рыцари назначали властителями целых царств. И я надеюсь завоевать такое царство в самом скором времени. А так как самому мне оно не нужно, то я подарю его тебе. Ты станешь королем, Санчо.

Санчо. Гм... Об этом надо еще очень и очень подумать...

Дон Кихот. Что тебя смущает?

Санчо. Жена моя, Хуана Тереса. Я опасаясь, ваша милость, что королевская корона вряд ли придется ей по голове. Пусть уж она лучше будет простой губернаторшей, и дай бог, чтобы она справилась хоть с этим.

Дон Кихот. Положись во всем на волю провидения, Санчо, а сам никогда не унижайся и не желай себе меньшего, чем ты стоишь.

Санчо. Королем все-таки меня делать не надо, а стать губернатором я согласен.

Дон Кихот. Прекрасно. Теперь мы договорились обо всем, и самое время нам уехать тайно, пока никого нет.

Санчо. Это верно, сударь, а то ваша ключница... откровенно сказать вам, это такая женщина... я ее боюсь как огня!

Дон Кихот. Помогите мне надеть доспехи.

Санчо помогает Дон Кихоту надеть доспехи.

Посмотри, какой шлем я соорудил своими силами!

Санчо. Я немного опасаясь, сударь, достаточно ли он прочен?

Дон Кихот. Ах ты, малонер! Давай испытаем его. Надень его, я нанесу тебе самый сильный удар, какой только в состоянии нанести, и ты увидишь, чего он стоит.

Санчо. Слушаю, ваша милость. *(Надевает шлем. Дон Кихот берет меч.)* Стойте, сударь! Меня вдруг охватило дурное предчувствие. Давайте-ка лучше

испытаем его, поставив на стол. (*Ставит шлем на стол.*)

Дон Кихот. Твоя трусость смешит меня. Смотри! (*Ударяет мечом по шлему и разбивает его вдребезги.*)

Санчо. Благодарю тебя, небо, за то, что в нем не было моей головы!

Дон Кихот. Ах!.. Ах!.. Это несчастье непоправимо! Без шлема мне нельзя тронуться в путь.

Санчо. Сеньор, лучше отправиться в путь совсем без шлема, чем в таком шлеме.

Дон Кихот. Что же нам делать? Ах, я безутешен... Ах, Санчо, гляди! (*Указывает на цирюльный таз.*) Недаром говорится, что если перед кем-нибудь судьба закрывает одну дверь, то немедленно открывается какая-нибудь другая. О радость! Трусливый Фристон, убегая, забыл свой шлем!

Санчо. Сеньор, это цирюльный таз, не будь я сыном своего отца!

Дон Кихот. Колдовство запорошило твои глаза. Смотри и убедись! (*Надевает таз на голову.*) Это шлем сарацинского короля Мамбрино.

Санчо. Вылитый тазик для бритья.

Дон Кихот. Слепец!

Санчо. Как вам будет угодно, ваша милость.

Дон Кихот. Ну вот все готово. Перед тобой нет более мирного идальго Алонсо Кихано, прозванного Добрым! Я присваиваю себе новое имя — Дон Кихота Ламанчского!

Санчо. Слушаю, сударь!

Дон Кихот. А так как рыцарь, у которого нет дамы сердца, подобен дереву без листвы, то своей дамой я выбираю прекраснейшую из всех женщин

мира — принцессу Дульсинею из Тобосо. Ты знал ее, наверно, под именем Альдонсы Лоренсо.

Санчо. Как не знать, сеньор! Но только вы напрасно называете ее принцессой, она простая крестьянка. Милейшая девушка, сеньор, а здоровà до того, что приятно взглянуть на нее. Любого рыцаря она способна одним взмахом выдернуть за бороду из грязи!

Дон Кихот. Перестань, несносный болтун! Пусть в твоих глазах Дульсинея не знатная дама, а крестьянка. Важно то, что для меня она чище, лучше и прекраснее всех принцесс. Ах, Санчо, я люблю ее, и этого достаточно, чтобы она затмила Диану! Я люблю ее, и это значит, что в моих глазах она бела, как снегопад, что ее лоб — Елисейские поля, а брови — небесные радуги! О недалекий оруженосец! Поэт и рыцарь воспеваает и любит не ту, что создана из плоти и крови, а ту, которую создала его неутомимая фантазия! Я люблю ее такой, какой она являлась мне в сновидениях! Я люблю, о Санчо, свой идеал! Понял ли, понял ли ты меня наконец? Или ты не знаешь слова «идеал»?

Санчо. Слова этого я не знаю, но я вас понял, сеньор. Теперь я вижу, что вы правы, а я осел. Да, вы правы, рыцарь печального образа!

Дон Кихот. Как? Как ты сказал?

Санчо. Рыцарь печального образа, сказал я, не гневайтесь на меня, сударь.

Дон Кихот. Почему ты произнес такие слова?

Санчо. Я глядел на вас сейчас при свете луны, и у вас было такое скорбное лицо, какого мне не приходилось видеть. Быть может, вы утомились в боях, или произошло это оттого, что у вас не хватает

нескольких зубов справа и спереди. Кто выбил их вам, сеньор?

Дон Кихот. Это несущественно! Интересно то, что внезапно налетевшая мудрость вложила в твои уста эти слова. И знай, что с этого мгновения я так и буду называть себя, а на щите моем я велю изобразить печальную фигуру.

Санчо. Зачем, сеньор, вам тратить на это деньги? Стоит вам открыть лицо — и всякий сразу смекнет, кто стоит перед ним.

Дон Кихот. Э! Под твоей довольно туповатой наружностью скрывается колкий человек! Ну что же, пусть я буду рыцарем Печального Образа — я с гордостью принимаю это наименование, — но этот печальный рыцарь рожден для того, чтобы наш бедственный железный век превратить в век золотой! Я тот, кому суждены опасности и беды, но также и великие подвиги! Идем же вперед, Санчо, и воскресим прославленных рыцарей Круглого Стола! Летим по свету, чтобы мстить за обиды, нанесенные свирепыми и сильными — беспомощным и слабым, чтобы биться за поруганную честь, чтобы вернуть миру то, что он безвозвратно потерял, — справедливость!

Санчо. Ах, сеньор-рыцарь, хорошо, кабы это все сбылось! А то не раз мне приходилось слышать, что люди отправляются стричь овец, а возвращаются сами остриженными.

Дон Кихот. Нет, не смущай мою душу своими пословицами... Я не хочу, чтобы меня терзали сомнения! Поспешим, Санчо, пока не вернулись домашние.

Выходят во двор.

Сейчас ты увидишь моего коня, он ничем не хуже

Буцефала, на котором ездил Александр Македонский. (Открывает дверь конюшни.) Я назвал его Росинантом.

Санчо (осмотрев Росинанта). Кто был этот Македонский, сударь?

Дон Кихот. Я расскажу тебе о нем дорогой. Поспешим. Но позволь, на чем же поедешь ты?

Санчо. На своем ослике, сударь.

Дон Кихот. Э... Мне не приходилось читать, чтобы оруженосцы ездили на ослах...

Санчо. Прекрасный крепкий ослик, сударь...

Дон Кихот. Ну что же поделаешь, едем! Прощай, мое родное и мирное селение, прощай! Вперед, Санчо, луна освещает наш путь, и к утру мы будем далеко-далеко. Вперед!

Санчо. Вперед! Но!..

Уезжают.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Летнее утро. Перекресток дорог. С одной стороны лес, с другой — поле. Видно крыло ветряной мельницы. Выезжают Дон Кихот и Санчо и останавливаются.

Дон Кихот. Вот мы и достигли перекрестка, Санчо. Я уверен, что здесь полными пригоршнями мы будем черпать из озера приключений. (Смотрит вдаль.)

Санчо слезает с осла и привязывает его в стороне от дороги.

Судьба благосклонна к нам. Гляди, гляди туда, Санчо!

Санчо. Я ничего не вижу, сеньор.

Дон Кихот. Неужели ты ослеп? Почему ты не поражаешься? Перед нами строй гигантов с длиннейшими костлявыми руками!

Санчо. Помилуйте, сеньор, это ветряные мельницы!

Дон Кихот. Как мало смыслишь ты в рыцарских приключениях. Это злые волшебники-великаны, и я немедленно вступаю с ними в бой! Я истреблю эту злую породу!

Мельницы начинают двигать крыльями.

Вы не испугаете меня, хотя бы рук у вас было больше, чем у великана Бриарея! Не бегите, мерзкие создания! Против вас только один рыцарь, но он один стоит вас всех!

Санчо. Опомнитесь, сударь, что вы собираетесь делать?

Дон Кихот. А, страх охватил тебя! Ну что же, оставайся здесь под деревьями и читай молитвы! Вперед, во имя прекрасной и жестокой покорительницы сердца Дульсины! *(Пришпоривает Росинанта и уезжает.)*

Санчо. Сеньор, остановитесь! Сеньор, куда вы? *(Становится на колени.)* Господи, господи, что же это делает мой господин? Силы небесные, он на крыло бросился с копьём! Сеньор!! Стойте! Так и есть, потащило! Потащило!.. Господи, помилуй нас, грешных!

За сценой тяжелый удар. На сцену выкатывается цирюльный таз, затем падают обломки копья, а затем обрушивается Дон Кихот и остается лежать неподвижен.

Так я и знал!.. Царство ему небесное! Как быстро закончились наши приключения! Ах, подумать только,

вчера вечером мы выехали с ним живые и здоровые, полные надежд, и не успел я дослушать до конца рассказ про изумительную лошадь Александра Македонского, как мой почтенный господин с перебитыми ребрами перелетел в другой мир! Эх, эх, эх!.. (Снимает с осла бурдюк, садится рядом с Дон Кихотом, пьет вино.) Как же я повезу его домой? Придется положить его поперек седла... А поперек какого седла? (Смотрит вдаль.) Бедная лошадь лежит неподвижно, как куль с ячменем. Придется класть его на осла. Бедный друг мой, ты никогда еще не носил такой печальной ноши.

Дон Кихот простонал.

Кто стонет здесь? Мой господин стонать не может, он мертв. Уж не сам ли я простонал от горя? (Пьет вино.)

Дон Кихот (слабо). Санчо...

Санчо. Что слышу я? Вы живы, сеньор?

Дон Кихот. Раз я подаю голос, значит, я жив.

Санчо. Благодарение небу, сеньор! А я уже собирался взвалить вас на своего серого, чтобы везти вас в деревню и там похоронить с почестями, которых вы заслуживаете. И при мысли о том, что мне скажет ключница, я отчаянно страдал, сеньор! Хлебните!.. Эх, сударь, сударь, ведь я же вас предупредил, что это мельницы!

Дон Кихот. Никогда не рассуждай о том, чего ты не понимаешь, Санчо, и знай, что и впереди нас ждут постоянные чародейства и волшебные изменения. Проклятый мудрец, все тот же ненавистный Фристон, лишь только я вонзил свое копьё в руку первого из великанов, немедленно превратил их всех в мельницы, чтобы отнять у меня сладость победы.

Фристон, Фристон! Доколе меня будет преследовать твоя ненависть и зависть?.. Приведи ко мне моего коня.

Санчо. Даже сам Фристон, сеньор, не в состоянии это сделать. Бедное животное лежит неподвижно. Самое лучшее — дать коню отлежаться, и, если провидению будет угодно, он поднимется сам, если же нет — наша забота о нем будет заключаться только в одном: мы снимем с него его старую шкуру и продадим ее на первом же базаре. Эх, сударь!

Дон Кихот. Поддай мне мое копьё.

Санчо. Не много проку теперь от этого копьё, ваша милость. *(Подает Дон Кихоту обломки копьё.)*

Дон Кихот. Ах, это серьезная утрата! Что может сделать рыцарь без копьё? Впрочем, не будем тужить. Ведь ты читал, конечно...

Санчо. Ах, сударь, ведь я же говорил вам уже!..

Дон Кихот. Ах да, ведь ты не мог читать.

Санчо. Не мог, сударь, не мог.

Дон Кихот. Ну, так я тебе скажу, что храбрый рыцарь Дон Диего Перес де Варгас, лишившись в бою оружия, отломил от дуба громадный сук и в тот же день перебил им столько мавров, что тела их лежали, как дрова на черном дворе.

Санчо. Как звали его, сударь?

Дон Кихот. Дон Диего Перес де Варгас. Принеси мне сук потяжелее, Санчо.

Санчо. Слушаю, сеньор. *(Уходит и возвращается с громадным суком, надевает на него наконечник копьё.)* Вот вам новое копьё. Желая вам наколотить мавров не меньше, чем наколотил... Эх, выскользнуло из памяти, а красивое имя!

Дон Кихот. Дон Диего Перес де Варгас. Он не один, Санчо, бил мавров. Доблестный Родриго

Нарваэсский, алькад крепости Антекера, взял в плен сеньора мавра Абиндараэса как раз в тот момент, когда тот испускал свой страшный боевой клич: «Лелилес!»

Санчо. Вас совсем перекосило набок, сударь.

Дон Кихот. Да, мой друг, страшнейшая боль терзает меня, и я не жалею на нее лишь потому, что рыцарям запрещено это делать.

Санчо. Если вам запрещено, ничего не поделаешь, молчите. Но про себя я скажу, сударь, что я буду стонать и жаловаться, если со мной случится что-нибудь вроде того, что с вами. Или, быть может, запрещение жаловаться касается и оруженосцев?

Дон Кихот. Нет, в уставе ордена об оруженосцах нет ни слова по этому поводу.

Санчо. Очень рад этому.

Дон Кихот. Постой, постой! Я вижу пыль на дороге. Да, это место незаменимо для приключений! Но, Санчо, я должен тебя предупредить, что, сколько бы ни увлекала тебя твоя горячность, ты не должен браться за меч, в какой бы опасности я ни находился, разве что на меня нападут люди твоего звания.

Санчо. Вам не придется повторять два раза этот приказ, сударь.

Дон Кихот. Смотри туда! Я был прав. Ты видишь, идут две черные фигуры в масках, а там вдалеке за ними — карета. Все понятно: эти двое — волшебники, а в карете — принцесса, которую они похищают!

Санчо. Я советую вам немного одуматься, сеньор! Эти двое в черном — монахи, за ними идут их слуги, и никаких волшебников нет!

Дон Кихот. Ты близорук или вовсе слеп!

Санчо. Сударь, это дельце будет похуже, чем с ветряными мельницами!

Дон Кихот. Не мешай мне! Твое дело — следить за боем, а затем овладеть богатейшей добычей, которая нам достанется.

Показываются двое монахов.

Стойте, черные дьяволы!

Санчо прячется за дерево.

Дон Кихот. Стойте! Я требую, чтобы вы немедленно вернули свободу этой даме в карете! Вы обманом завлекли несчастную в плен!

Первый монах. Что такое? Мы ничего не понимаем, сударь! Какая дама? Мы — мирные бенедиктинцы, следуем свой дорогой и к этой карете не имеем никакого отношения... она и повернула-то совсем на другую дорогу.

Дон Кихот. Я не поверю вашим обманным словам!

Первый монах. Сударь, вы в каком-то странном заблуждении...

Дон Кихот. Молчать!

Санчо (за деревом). Молчать!

Дон Кихот. Сейчас вы испробуете, коварные, силу моего меча! (Выватывает меч.)

Первый монах. Помогите! Слуги! На помощь! Здесь разбойники! (Убегает.)

Второй монах. На помощь!

Дон Кихот (убегая вслед за Первым монахом). Остановись, гнусное отродье! Ты мой, ты побежден!

Санчо (пронзительно свистит, выскакивает из-за дерева, бросается ко Второму монаху.) Лелилес! Ты побежден, ты мой!

Второй монах (*падая на колени*). О небо, защити меня!

Санчо. Снимай одежу, проклятый Перес де Варгас! (*Срывает с монаха шляпу и маску.*)

Второй монах. Берите все, но оставьте жизнь! (*Отдает одежду Санчо.*)

В это время вбегают двое слуг.

Защитите меня! (*Убегает.*)

Первый слуга. Ты что же это делаешь, ока-
янный разбойник, на большой дороге?!

Второй слуга. Грабитель!

Санчо. Ну-ну-ну, отойдите от меня, милые лю-
ди, это вас не касается. Моя добыча, и дело с кон-
цом! Мы победили волшебников, а не вы!

Второй слуга. Ах ты, наглый бродяга!

Первый слуга. Бей его!

Слуги бросаются на Санчо с палками.

Санчо. Что вы, взбесились, что ли? Сеньор, на
помощь! Отнимают добычу у вашего оруженосца!

Первый слуга. Ах ты, мошенник!

Второй слуга. Вот тебе! (*Вцепляется в бо-
роду Санчо. Слуги нещадно бьют Санчо.*)

Санчо. Сеньор!.. Сеньор!.. Сеньор!.. Лелилиес!..
(*Падает и остается неподвижен.*)

Второй слуга. Будешь знать, как раздевать
прохожих!

Слуги убегают с одеждой монаха.

Дон Кихот (*вбегают*). Убежал презренный, как
заяц в поле!.. Что с тобой? Боже, да он мертв!! Что
же мне теперь делать?..

Санчо. Ох...

Дон Кихот. Ты жив?!

Санчо. Если я подаю голос — чтоб меня черти взяли! — стало быть, я жив... И если я еще раз...

Дон Кихот. Ах, проклятая память! Если бы я не забыл перед отъездом приготовить склянку Фьерабрасова бальзама, нам с тобой не были бы страшны никакие раны!

Санчо. Что это за бальзам, сударь?

Дон Кихот. Это чудодейственное лекарство, Санчо. Если ты когда-нибудь увидишь, что меня в бою разрубили пополам, — а это нередко случается со странствующими рыцарями, — не теряйся. Возьми обе половинки, сложи их, но только поаккуратнее, конечно, и дай мне глотка два этого бальзама. Ты увидишь, что я мгновенно поднимусь на ноги и стану свеж и здоров, как яблоко. Вот какое это лекарство, Санчо.

Санчо. Сударь, мне не нужно губернаторства на острове, которое вы мне великодушно обещали. Снабдите меня рецептом этого бальзама.

Дон Кихот. Не беспокойся, мой друг, я сообщу тебе еще более удивительные тайны и облагодетельствую тебя на всю жизнь.

Санчо. В таком случае, сеньор, я счастлив, что поехал с вами... и даже боль моя как будто стала уменьшаться... (*Разворачивает вьюк, достает провизию.*) Следует подкрепиться, сударь. Впрочем, вы не станете есть моей простой пищи.

Дон Кихот. У тебя неверное представление о рыцарях, мой друг. Рыцари ели хорошо только на торжественных пирах, устраиваемых в их честь, а в обычное время, то есть во время странствований, они питались чем попало, а большей частью, увы, цветами и мечтами.

Санчо. Цветов у меня нет, сударь, есть хлеб, чеснок, сыр и желуди, а мечтание у меня теперь только одно — овладеть рецептом вашего бальзама. Кушайте, сударь.

Дон Кихот. Садись и ты, что же ты стоишь, мой друг? О чем ты задумался?

Санчо. Я вот думаю о том, как вы, рыцарь, едите мою простую пищу?

Дон Кихот. А я думаю о другом. Ты вот сказал: мою пищу. Я думаю о том веке, когда не было этих слов: мое и твое. Когда люди, мирно сидя, вот как мы сейчас сидим с тобой на зеленой траве, щедро делились друг с другом тем, что им послала благостная, ни в чем не отказывающая природа. Да и что людям, пасшим свои стада, было прятать друг от друга? Прозрачные ключи давали им воду, а деревья — плоды. Не было золота, которое породило ложь, обман, злобу и корыстолюбие, и хоть его и не было — этот век, Санчо, назывался золотым веком, и вот мечтание странствующего рыцаря, как я уже говорил тебе, заключается в том, чтобы возродить этот сверкающий век! Ах, Санчо, если бы на мою долю не выпало тревожное счастье стать рыцарем, я хотел бы быть пастухом! Я назвался бы Кихотисом, а ты — Пансино, и мы стали бы бродить по горам и лугам, то распевая романсы, то вздыхая от полноты души. Днем нас спасала бы от жгучего солнца буйная листва дубов, а ночью нам светили бы мирные звезды. Ах, неужели ты не понимаешь, что только в такой жизни человек может найти настоящее счастье, что это его наилучший удел?

Санчо. Вы — ученый человек, сеньор, и знаете множество интересного. Так что, если вы начнете рассказывать, вас можно слушать, развесив уши, це-

лыми часами. Но самое интересное — это бальзам. Быть может, все-таки вы мне сообщите рецепт сейчас? А то потом, чего доброго, во время приключений и забудется...

Дон Кихот. А я-то полагал, что ты задумался о золотом веке! Потерпи; лишь только мы приедем куда-нибудь под кров, я приготовлю бальзам и открою тебе его секрет.

Вдали послышались мужские голоса, кто-то насвистывает песенку.

Дон Кихот. Кто там такой?

Санчо (*всматриваясь*). Это компания погонщиков лошадей, сеньор, из Янгуэсского округа. Лихие ребята, сударь, эти янгуэсы и дружные такие! Я полагаю, что они с ярмарки возвращаются.

Вдали послышался хохот.

Дон Кихот. Что их рассмешило?

Санчо. Да один из них ударил вашего Росинанта. Они смеются над ним, сеньор.

Дон Кихот. Что ты сказал? Наглец осмелился затронуть рыцарскую лошадь? Клянусь, что я не успокоюсь до тех пор, пока мы не проучим всю эту компанию негодяев!

Санчо. Помилуйте, сударь, как это мы их проучим, когда их двадцать человек по крайней мере, а нас только двое, или, вернее, полтора человека!

Дон Кихот. Ты забыл, что я один стою больше чем целая сотня врагов!

Входят трое погонщиков.

Смелее, Санчо, потребуй их к ответу!

Санчо (*Первому погонщику*). Ты зачем ударил чужую лошадь?

Первый погонщик. Какую такую лошадь?

Санчо. Не строй из себя дурака!

Второй погонщик. Ах эту! Что лежитверху ногами? А мы думали, что это не лошадь, а скелет.

Входит Четвертый погонщик.

Дон Кихот. Ты, каналья, смеешь смеяться над лошадью славнейшего в мире рыцаря?

Санчо. Да, каналья, я тебя требую к ответу, ты смеешь?

Второй погонщик. Да, смею.

Санчо. Смеешь?

Погонщики. Смеем!

Входит Пятый погонщик.

Санчо. Так на же тебе! (*Дает в ухо Второму погонщику.*)

Второй погонщик. А вот тебе сдачи! (*Дает в ухо Санчо.*)

Санчо. На помощь, сеньор!

Дон Кихот (*ударив плашмя копьем Третьего погонщика*). Защищайся, презренный сброд!

Третий погонщик. На помощь, ребята!

Первый погонщик. На помощь, ребята! Наших янгуэсов бьют!

Бегают Шестой и Седьмой погонщики.

Четвертый погонщик (*ударив Санчо*). Сюда, братцы! Наших янгуэсов бьют!

Пятый погонщик (*ударив Дон Кихота*). Не выдавай, ребята, наших!

Шестой погонщик (*бросается на Дон Кихота, отнимает у него копье.*) Не робей, ребята!

Седьмой погонщик (*ударив Санчо*). Сюда, ребята! Наших бьют!

Вбегает Восьмой погонщик.

Погонщики (*набрасываясь на Дон Кихота, валят его на землю*). Не выдавай, ребята!

Бьют Санчо.

Санчо (*пытаясь защищаться*). На помощь, сеньор, нас бьют!!

Четвертый погонщик. Защищайся, ребята, на нас напали!

Погонщики бьют Санчо и Дон Кихота смертным боем. Вбегают Девятый, Десятый и Одиннадцатый погонщики, набрасываются на Санчо и Дон Кихота.

Санчо. Караул! Говорил я... Говорил я... Сеньор!!

Дон Кихот (*хрипя*). Презренные!.. Санчо, на помощь!..

Санчо. Абиндараэс... (*Затихает.*)

Двенадцатый погонщик (*вбегает*). Стойте, черти, стойте! Обрадовались! В ответ за них попадем! Гляди, они не дышат!

Первый погонщик. Стой, черти, стой!

Второй погонщик. Довольно, черти, стой!

Погонщики. Стой, черти, стой! Стой, стой, стой!..

Первый погонщик. Довольно, ребята! Ну их к дьяволу, этих забияк!

Второй и Третий погонщики. Мы так испугались!..

Второй погонщик. Этот меня по уху раз!..

Первый погонщик. Да ну их к дьяволу, влетит из-за них! Айда отсюда, ребята!

Погонщики. Айда отсюда!

Все погонщики уходят. На траве остаются неподвижные Дон Кихот и Санчо. Грустный ослик стоит возле них.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Летний вечер. Постоялый двор Паломека Левши. Колодезь, ворота на заднем плане, раскрытый сарай с дырявой крышей, два флигеля. Из окон одного из них слышится хохот, звон стаканов — там ужинает веселая компания постояльцев.

Мариторнес развешивает белье на веревке.

Мариторнес (*напевает*).

Вот лежит пастух безгласный,
На груди широкой кровь.
Отчего погиб несчастный?
Он зарезан за любовь...

Погонщик мулов. Здорово, красотка!

Мариторнес. Ах! Как не стыдно так пугать людей? Здравствуйте!

Погонщик мулов. Здравствуй, Мариторнес! А я ведь тебя давненько не видал и соскучился по тебе. Надо сказать, что ты очень похорошела за это время!

Мариторнес. Ах, перестаньте шутить!

Погонщик мулов. Я не шучу, драгоценная Мариторнес. Пойди-ка сюда ко мне поближе, я тебе хочу что-то шепнуть.

Мариторнес. Как вам не стыдно!

Погонщик мулов. Вот тебе раз! Да откуда ты знаешь, что я хочу тебе шепнуть?

Мариторнес. Нам известно, о чем шепчут на ухо... (*Напевает.*) «Вот лежит пастух безгласный...».

Погонщик мулов. Ну, слушай... сегодня я намерен ночевать у вас... так вот, когда все угомонятся... ты меня навести...

Мариторнес. Ишь, что выдумал! Да ни за что на свете! А где же тебя поместит хозяин?

Погонщик мулов. Я попрошусь в сарай.

Паломек (*во флигеле*). Мариторнес! Мариторнес!

Мариторнес. Отойди от меня! Слышишь, хозяин зовет!

Паломек (*выглянув в окно*). Мариторнес! Где эта дрянная девица?

Мариторнес. Чего это вы так раскричались? Я здесь, где же мне еще быть?

Паломек. Ты что там делаешь?

Мариторнес. А что же мне делать? Видите, белье вешаю.

Паломек. Знаем мы это белье! С тебя глаз нельзя спускать.

Погонщик мулов (*выходя из-за белья*). Здорово, хозяин! Здравствуйте, сеньор Паломек Левша!

Паломек. Ах вот оно какое белье! Что это за необыкновенная девица! Скажите на милость! Чуть только отвернешься — начинаются шашни!

Погонщик мулов. Нет, хозяин, вы напрасно браните ее, она хорошая девушка. Я только что вошел во двор и не успел ей сказать и трех слов...

Паломек. Разные бывают слова. Иные три слова хуже, чем целая длинная речь. Эта красотка всем известна.

Мариторнес. Мало того, что всякие семейные несчастья вынудили меня служить на постоялом дворе за гроши...

Паломек. Ну-ну-ну, довольно, перестань хныкать, бездельница!

Мариторнес скрывается.

Ты ко мне?

Погонщик мулов. Да, хочу у вас переночевать.

Паломек. Все занято, нет ни одной постели... разве что в сарай... В сарае желаешь?

Погонщик мулов. Это, стало быть, укрываться небом со звездами? Ведь крыша-то у вас дырявая?

Паломек. Ах, простите, почтеннейший сеньор! Ежели бы я знал, что вы пожалуете к нам, я бы приготовил вам дворец под золотой крышей и с шелковыми одеялами. Не нравится — ступай, ночуй в поле. Я ведь тебя не приглашал, говорю, что все занято.

Погонщик мулов. Ну ладно, ладно, согласен в сарай.

Паломек. На попону! *(Выбрасывает в окно попону.)* Подстели, заснешь, как на перине, по-королевски, еще все завидовать будут.

Погонщик мулов берет попону и, проходя мимо Мариторнес, делает какие-то таинственные знаки.

Мариторнес *(тихо)*. Что вы, что вы!.. *(Напевает.)* «Отчего же на нем кровь? Нож ему вонзили в сердце, и погиб он за любовь...».

Эрнандес *(в окне флигеля)*. Эй, хозяин! Дайте-ка нам еще винца!

П а л о м е к. Сию минуту, сеньоры! (*Пробегают во флигель с бурдюком, потом возвращается к себе.*)

Из флигеля доносится хохот, зазвенели струны.

Э р н а н д е с (*во флигеле поет*). «Ах, маркиз мой Мантуанский, Мантуанский, Мантуанский, дядя мой и господин!..»

В ворота входит С а н ч о, согнувшись в три погибели, и ведет в поводу своего осла. На осле — полуживой Д о н К и х о т. Сзади идет хромающий Росинант, нагруженный измятыми доспехами и самодельным копьем. Голова Санчо обвязана тряпкой, под глазом синяк, половина бороды выдрана.

С а н ч о. Благодарение небесам, добрались до постоянного двора! Ох!.. (*Садится на край колодца.*) Эй, девушка... девушка!.. Подойди-ка сюда!

М а р и т о р н е с. Вот так так! Таких у нас еще не бывало!

С а н ч о (*Дон Кихоту*). Очнитесь, сеньор, приехали на постоянный двор!

Д о н К и х о т. Что?

С а н ч о. Держите себя бодрее, сударь, а то вы похожи на мешок с навозом. Мы прибыли на постоянный двор.

Д о н К и х о т. Что говоришь ты, Санчо? Мы прибыли в замок? Подожди, сейчас выйдет карлик, протрубит, подъемный мост опустят, и мы войдем...

С а н ч о. Какие там мосты и карлики, сеньор! Очнитесь!

Послышался звук рога Свинопаса.

Д о н К и х о т. Маловерный оруженосец, ты слышишь трубные звуки? Это нас встречают. (*Кряхтя, слезает с осла.*)

М а р и т о р н е с. Вот потеха-то!

Дон Кихот (*Мариторнес*). О прекрасная сеньора! Позвольте мне представиться вам. Я — странствующий рыцарь Дон Кихот Ламанчский, которого молва прозвала рыцарем Печального Образа. Я — тот рыцарь, подвиги коего затмили подвиги Пылающего Меча и Рейнальдоса де Монтальбана, похитившего золотой идол Магомета! Я — ваш покорный слуга!

Мариторнес. Ах, чувствительно вам благодарна, кавалеро! (*Санчо*.) Он так сладко говорит, так хорошо, но до того чудно, до того чудно, что ничего не поймешь!

Погонщик мулов (*выглядывая из сарая*). Это что такое? Кажется, эта облезлая крыса подъезжает к Мариторнес?

Мариторнес (*Санчо*). Он что же, грек, что ли?

Санчо. Грек, грек, только устрой нам, девушка, переночевать.

Мариторнес. Хозяин! Хозяин!

Паломек (*выглядывая из окна*). Чего тебе надо?

Мариторнес. Принимайте постояльцев.

Паломек (*вытирашив глаза, глядит на Дон Кихота, потом выходит*). Чем могу служить?

Дон Кихот. Сеньор кастелян, вы видите перед собой рыцаря, принадлежащего к ордену странствующих, и его оруженосца.

Паломек. Как вы говорите?.. Ордена?!..

Дон Кихот. Мы были бы вам крайне признательны, если бы вы приютили нас в вашем замке.

Паломек. Сеньор кавалеро, всем, за исключением комнаты и постели — нет ни одной свободной, — могу служить вам.

Дон Кихот. Мы удовольствуемся малым, ибо битва — отдых для рыцаря, оружие — его украшение, а ложе его — твердые скалы.

Погонщик мулов. Ишь, как размазывает, черт бы его побрал!

Паломек. Ну, если так, сударь, то лучшего места, чем у меня в сарае, вам не найти!

Погонщик мулов. Кой черт, хозяин, ведь вы же мне отдали сарай.

Паломек. Там и для троих достаточно места. (*Дон Кихоту.*) А где это вас так отделали, сударь?

Санчо. Это он со скалы упал.

Мариторнес. С какой же скалы? Тут у нас и скал-то нет.

Санчо. Раз я говорю, что упал со скалы, значит, есть где-то скала.

Паломек (*Санчо*). А тебя, что ли, тоже угрозило сверзиться со скалы?

Санчо. Ох, и меня... То есть я не падал, а как увидел, что он упал, сейчас же почувствовал, что и сам весь разбит.

Мариторнес. Ах, это бывает! Я иногда вижу во сне, что падаю, и просыпаюсь совсем, совсем разбитая!

Паломек. Знаем мы, что ты видишь во сне, можешь не рассказывать! Эй!

Вбегает Работник.

Бери лошадь и осла, ставь в конюшню.

Дон Кихот. Я покорнейше прошу вас, сеньор кастелян, позаботиться хорошенько об этой лошади, потому что это лучшая верховая лошадь, какая когда-нибудь существовала на свете!

Погонщик мулов. Вот эта? (Делает Паломку знаки, означающие, что Дон Кихот не в своем уме.)

Работник уводит осла и Росинанта.

Санчо (Дон Кихоту). Вы бы рассказали им, сеньор, про Македонского, а то они не верят вам. Пойдемте-ка в сарай. (Уводит Дон Кихота в сарай.)

Все расходятся со двора.

Как вы полагаете, сеньор, через сколько времени мы с вами будем в состоянии шевелить ногами, я уже не говорю — ходить?

Дон Кихот. Признаю, что во всем том, что произошло, безусловно виноват я. Мне ни в коем случае не следовало поднимать меч против людей, не принадлежащих к рыцарскому званию. Если когда-нибудь еще на нас нападет шайка вроде сегодняшней, мы поступим так: я даже не притронусь к мечу, ты же вынимай свой и руби их безжалостно. Если же за них заступятся рыцари, тогда только я вступлю в дело и уж сумею защитить тебя. Хороший план?

Санчо. Очень хороший, сеньор, пусть меня убьет громом! Вот что, сударь: я — человек миролюбивый, тихий, кроткий, спокойный, добродушный и покладистый, это — во-первых. Во-вторых, у меня нет меча, чему я очень рад, и, в-третьих, я не выну его ни против человека пррстого звания, ни против дворянина, ни против крестьянина, ни против рыцаря, ни против козопаса, свинопаса, черта или дьявола!

Дон Кихот. Как жаль, что у меня от боли захватывает дыхание, а то я возразил бы тебе как следует. Одно могу лишь сказать — что с таким ми-

ролюбием, как твое, тебе следует стать пастухом Пансино, а управлять островом тебе нельзя. Ведь ты будешь иметь дело с врагами, а для этого требуется мужество. Несчастный! Пойми, что бури, подобные сегодняшней, неразрывно связаны с нашим званием, и без них оно бы потеряло всякую прелесть.

Санчо. Вы мне скажите только одно, сеньор: урожай, вроде того, что мы собрали сегодня, непрерывно будут следовать один за другим, или между ними будут все-таки какие-нибудь промежутки? А то, чего доброго, собрав два из них, мы к третьему можем оказаться и вовсе неспособными?

Дон Кихот. Забудь о горести, постигшей нас, Санчо. Нет воспоминания, которое устояло бы против времени, нет и боли, которую не исцелила бы смерть. Сейчас мы приступим к приготовлению Фьерабрасова бальзама.

Санчо (оживившись). Что требуется для этого, сударь, скажите? Эй, девушка, девушка!

Мариторнес. Чего вам?

Санчо. Вот что, голубушка: мы сейчас бальзам будет готовить...

Мариторнес. Какой бальзам?

Санчо. Это, душенька, бальзам волшебный! Одного, понимаешь ли, в бою разрубили пополам... ох!.. дали ему хлебнуть, и он пошел рубить мавров!..

Мариторнес. Дайте мне попробовать хоть немножечко, у меня такая тоска на сердце, как будто его кошка скребет когтями!

Санчо. Так и быть, дадим. (Дон Кихоту.) Так чего, сударь, требуется?

Дон Кихот. Возьмите большую кастрюлю...

Санчо (Мариторнес). Слышишь, кастрюлю?

Мариторнес. Кастрюлю.

Дон Кихот. Влейте в нее пять бутылок сладкого красного вина.

Санчо (*Мариторнес*). Понимаешь?

Мариторнес. Понимаю.

Дон Кихот. Положите туда пригоршню тертого чеснока.

Санчо (*Мариторнес*). Запомнила — пригоршню чеснока?

Погонщик мулов (*входит*.) Это что такое будет?

Мариторнес. Они бальзам знают... бальзам будут готовить. Такой бальзам... Одного, понимаешь, разрубили пополам...

Погонщик мулов. Ага, ага!

Дон Кихот. Соли ложек четыре или пять, больших.

Санчо (*Мариторнес*). Ты послушай!

Погонщик мулов. Я запомню. Соли пять ложек. Это правильно.

Мариторнес (*загибая пальцы*). Пять.

Дон Кихот. Щепотку красного перца... желудей тертых горсть, уксусу, три бутылки лампадного масла и маленькую ложечку купоросного масла.

Погонщик мулов. Все правильно. Я этот бальзам знаю.

Дон Кихот. Все хорошенько размешать и подогреть на огне.

Мариторнес. Поняла, сейчас сделаю.

Погонщик мулов. Я тебе помогу. Это хороший бальзам, он даже мулам помогает, в особенности от чесотки.

Мариторнес, Погонщик мулов и Санчо уходят
в кухню.

Паломек (*появляется в сарае*). Почтенный сеньор, моя служанка сказала мне, что вы владеете секретом всеисцеляющего бальзама. Я счастлив, сеньор, что судьба привела вас ко мне. Все, что требуется, уже выдано мною служанке. Я надеюсь, что и мне вы дадите испробовать этого лекарства? В последнее время меня очень мучает поясница. А я, со своей стороны, готов вам служить наилучшим образом.

Дон Кихот. Я с удовольствием исполню вашу просьбу, сеньор кастелян.

Паломек. Как ножом режет поясницу!

Работник (*с кружечкой*). Сударь.

Паломек. Тебе чего надо?

Работник. Бальзаму хочу попросить... Громаднейший ячмень на глазу.

Паломек. Ну-ну-ну, нечего, не помрешь ты от этого!

Дон Кихот. Не гоните его, сеньор кастелян, надо пожалеть и его. Я охотно дам ему этого бальзама.

Паломек. Ну, если вы так великодушны, сеньор...

Появляются Мариторнес с кастрюлей в руках, Санчо, Погонщик мулов и Слуга дона Мартинеса, все с кружечками.

Мариторнес. Готово, сударь.

Паломек (*Слуге Мартинеса*). А тебе что?

Слуга Мартинеса. Мой господин, дон Педро Мартинес, услышав про бальзам, просит отпустить ему одну порцию.

Паломек. Эге-ге!.. (*Слуге*.) Давай два реала.

Слуга Мартинеса. Пожалуйста. Только самого крепкого. (*Дает деньги Паломеку*.)

Мариторнес. Лучше никто бы не подогрел, сеньор!

Дон Кихот (*простирает руки над кастрюлей и начинает шептать какие-то заклинания. Паломек, Слуга Мартинеса и Погонщик мулов снимают шапки*). Можно пить.

Паломек. Стой, стой, по порядку! (*Разливает бальзам по кружкам.*)

Слуга Мартинеса убегает во флигель. Остальные пьют бальзам. Первому делается плохо Дон Кихоту, он падает навзничь.

Ой!.. Ой!.. Ой!.. Что же это такое?!

Мариторнес. Хозяин, священника мне... Требую священника за мою верную службу... смерть пришла...

Музыка во флигеле внезапно прекращается, загремела посуда, послышался хохот.

Санчо. Будь он проклят, ваш бальзам, отныне... и во веки веков!..

Паломек срывается с места и убегает, за ним устремляются Мариторнес и Работник. Из флигеля выбегает дон Педро Мартинес, а за ним — его Слуга с кружкой.

Мартинес. Исчадие ада! Чем же ты напоил меня?! Палач!..

Слуга Мартинеса. Два реала, сеньор, два реала я отдал, как одну полушку... Наилучший бальзам... вы же сами приказали!

Мартинес. Убийца! (*Убегает.*)

Слуга Мартинеса. С чего это он так взбесился? Надо попробовать. (*Допивает остатки бальзама, некоторое время топчется на месте, затем убегает вслед за Мартинесом.*)

Санчо. Что же это вы, сеньор, делаете с людьми?

Погонщик мулов (*медленно пьет бальзам, вытирает рот, обращается к Санчо*). Что, худо, приятель?

Санчо. Уйди от меня...

Погонщик мулов. Я тебе скажу, в чем дело: мало перцу положили, а так он правильный бальзам. Правда, он забористый бальзам, мы им мулов постоянно лечим. Ну, сперва мул бьется очень сильно, лягается, но зато потом целый год, как железный, и летит, как стрела из арбалета. Ты не бойся. Сейчас тебе станет еще хуже, а зато потом вскочишь здоровый.

Санчо. Уйди, проклятый, куда-нибудь в сторону! Мне нехорошо, когда ты торчишь перед глазами.

Погонщик мулов. Не унывай, друг! Эге! Кажется, и на меня действует. (*Уходит.*)

Дон Кихот. Я знаю, Санчо, отчего тебе стало худо: ты не посвящен в рыцари, а этот бальзам...

Санчо. Так какого же дьявола, сеньор, вы меня не предупредили!..

Дон Кихот. А мне легче стало. Теперь бы только заснуть... (*Засыпает.*)

Возвращаются Паломек, Мариторнес, Работник.

Паломек. Вот принесло чертей ко мне на постоялый двор! То есть никогда ничего подобного не было в жизни!

Мартинес (*появляется в сопровождении своего Слуги*). А знаешь, это хорошая штука! Сперва, точно, немного жутко становится, но зато потом облегчение! Купи еще кружку у этого коновала.

Слуга Мартинеса. Слушаю, сеньор. (*Уходит во флигель с Мартинесом.*)

В сарай возвращается Погонщик мулов.

Санчо. Ох... за что же такое наказание? Днем две взбучки подряд, а вечером этот бальзам... Что же, сударь, вы доконать меня хотите? Что это за жизнь, я вас спрашиваю?

Погонщик мулов. Какие взбучки? Ты же говорил, что со скалы упал?

Санчо. Не приставай ко мне...

Быстро темнеет, вырезывается луна. У Паломека в окне появляется свет, потом гаснет. Во флигеле некоторое время еще слышен хохот, пение, звон стаканов.

Мартинес (*во флигеле*). Ваше здоровье, сеньоры!

Потом и флигель затихает, окна гаснут. Во дворе появляется Мариторнес.

Мариторнес (*прокрадываясь к сараю*). Кажется, все заснули. (*Прислушивается.*) Да, спят... Ох, страшно!.. Эй, погонщик, ты спишь?

Дон Кихот (*просыпаясь*). Что слышу я?

Мариторнес в сарае ищет постель Погонщика.

(*Взяв Мариторнес за руку.*) Очаровательная сеньора!

Мариторнес. Это ты? Видишь, ты шепнул мне...

Дон Кихот. О страстная сеньора, как бы я хотел быть в должной мере признательным вам за ту честь...

Погонщик мулов (*просыпаясь*). Это что такое?

Мариторнес. Ах, не тот, не тот! Это не ты!
Дон Кихот. Судьба швырнула меня, израненного...

Мариторнес. Отпустите меня, сеньор!

Дон Кихот. Сеньора...

Погонщик мулов. Эге-ге! Да эта козлиная борода, оказывается, хват! А поглядеть на него — тихоня! Бальзам приготовляет, со скалы упал...

Дон Кихот. Я понимаю ваше намерение...

Мариторнес. Пустите меня, сеньор!

Дон Кихот. Знайте, сеньора, что я верен несравненной Дульсинее Тобосской...

Погонщик мулов. Ну, к черту это пение!
(Подкрадывается к Дон Кихоту, ударяет его тазом по голове.)

Дон Кихот. Ах коварный мавр!

Мариторнес. Ах!

Санчо (проснувшись). Кто тут? Кто тут? Ты что здесь делаешь, голубушка? (Схватывает Мариторнес за руку.)

Погонщик мулов. А ты не лезь не в свое дело! (Ударяет Санчо.)

Санчо. Ох! Это опять, стало быть, начинается?
(Ныряет под попону.)

Дон Кихот (схватываясь за меч). Ну погоди же, вероломный, напавший на меня из-за угла! Эй, Санчо!

Санчо. Я сплю, сударь.

Мариторнес. Куда же деваться-то мне?!

Погонщик мулов. Не сюда, не сюда! Хозяин проснулся, увидит тебя!

В окне у Паломека свет.

Лезь через крышу! (Подсаживает Мариторнес, и та

скрывается из сарая. Бросается на свою постель и укрывается попоной.)

Дон Кихот. Замок очарован! Здесь волшебники! А! Вот вы где притаились, злостные создания! Вас много, я один, но вы не устршите меня! (Поражает мечом бурдюк с вином.) Вот хлынула черная кровь! Ты повержен, злодей!

Мартинес (во флигеле). Что случилось? Эй, огня!

Эрнандес (во флигеле). Огня, огня!

Паломек (выбегает во двор). Что там случилось в сарае? Эй! Голову прозакладываю, что это штуки проклятой Мариторнес! Эй! Мариторнес, где ты, подлая?

Дон Кихот. Враг побежден!

Мариторнес (в окне). Чего вам? Чего вас ночью будит нечистая сила, хозяин?

Паломек. Как? Ты здесь? Я был уверен, что ты уже в сарае!

Во двор вбегает Эрнандес, Мартинес со шпагой, его Слуга с кочергой и еще один Постоялец со светильником.

Мартинес. Кто напал? Что случилось? Эй, кто убит?

Эрнандес. Воры? Где воры? Эй, там, в сарае!..

Светает.

Дон Кихот. Убит мой враг, почтенный кастелян! Смотрите, вот бежит его кровь!

Паломек (уронив светильник). Я желал бы видеть вашу кровь вместо этой! Смотрите, сеньоры, этот сумасшедший пропорол бурдюк с вином!

Погонщик мулов (делая вид, что проснулся). А какого черта не дают спать?

Санчо. Да, в самом деле, что же это спать не дают ни мне, ни моему рыцарю?

Дон Кихот. Остальные бежали, Санчо! Скорее в путь, мы их догоним!

Санчо. Да, сеньор, нам пора, я предчувствую, что здесь будет большая кутерьма. (*Бежит к конюшням, выводит Росинанта и осла.*)

Появляются Работник и Мариторнес.

Паломек. Полюбуйтесь, сеньоры, на то, что натворила эта парочка полоумных! Вино, мое лучшее вино!

Эрнандес. Действительно, это какие-то черти! Не правда ли, сеньор Мартинес?

Мартинес. Это — который делал бальзам?

Слуга Мартинеса. Он самый, сударь.

Мартинес. Прекрасный бальзам, только почему их леший будит по ночам?

Дон Кихот (*сидя в седле*). Сеньор кастелян, я в отчаянии, что мне приходится спешно покинуть ваш гостеприимный замок. Я должен отправиться в погоню за моими врагами. Благодарю вас за внимание, оказанное мне и моему оруженосцу, и желаю вам всего хорошего.

Погонщик мулов. Опять запел! Накостылять бы ему шею на прощанье!

Санчо. Не надо длинных речей, сеньор, едем.

Паломек. Оставьте ваши благодарности при себе, господин аптекарь, и платите за ночлег, за корм, а главное, за вино, которое вы погубили на моем постоялом дворе!

Дон Кихот. Как, это постоялый двор? Вы говорите правду? Значит, я был в заблуждении, полагая, что нахожусь в замке. Но, впрочем, это ничего

не значит. Жар и зной, непогода и холод терзают странствующих рыцарей в то время, как они скитаются по свету для блага человечества, и никто и никогда, нигде не смел требовать с них какой-либо платы. Таков устав ордена. Прощайте.

Паломек. Стойте! Правосудие, сеньоры!

Дон Кихот (*угрожая копьем*). Прочь, если дорожишь жизнью, жадный трактирщик! (*Уезжает в ворота.*)

Паломек. Правосудие! Правосудие! Меня ограбили! Держите второго! (*Работнику.*) Закрывай ворота!

Санчо окружают.

Ты будешь платить, каналья, или нет?

Санчо. Жар и зной... терзают наш орден... Пропустите-ка меня.

Паломек. Вы видите, сеньоры, каковы мошенники?!

Эрнандес. Проучить его, негодяя?

Мартинес. Повторяю: бальзам великолепный, но он действительно жулик! Давай сюда одеяло!

Санчо. На помощь, сеньор!.. Не бегите, презренные создания! На помощь!..

Голова Дон Кихота появляется за оградой. На Санчо набрасываются и валят его на одеяло.

Дон Кихот (*за оградой*). Гнусные негодяи! Отпустите сейчас же моего оруженосца!

Санчо подбрасывают.

Паломек (*в паузе*). Ты будешь платить?

Санчо. И рад бы, да не могу...

Паломек. Швыряйте его в самое небо!

Маритнес. Довольно! Ну его к черту!

Паломек (*овладевая бурдюком Санчо*). Отдай бурдюк и убирайся с глаз моих, темный мошенник!

Все расходятся со двора, кроме Мариторнес и Погонщика мулов.

Погонщик мулов. А мне нравится этот парень! Упорный парень! Ведь так-таки и не заплатил. Молодец!

Мариторнес. На, попей воды.

Дон Кихот (*за оградой*). Не пей эту воду, Санчо, она отравлена. У меня осталась еще склянка бальзама, она тотчас поставит тебя на ноги.

Санчо. Поберегите, сеньор, ваш бальзам для Рейнальдоса Монтальбана, для золотого идола Магомета и для всех чертей! А меня оставьте в покое!

Дон Кихот. Несчастный! Я не могу видеть, как ты отравляешь себя! Опомнись! (*Отъезжает от ограды.*)

Санчо. Дай-ка мне, девушка, винца. (*Шепотом.*) Тебе я заплачу.

Мариторнес приносит вина.

Погонщик мулов. Давай и мне за компанию.

Санчо. Спасибо тебе. (*Дает монету Мариторнес.*)

Погонщик мулов. Не надо, я тебя угощаю. Ты мне понравился за свой твердый характер.

Санчо. Вы — единственные добрые создания среди всех мучителей на этом постоялом дворе. Прав-

да, девушка, твое поведение немного предосудительно, но я не люблю осуждать людей. Спасибо вам, прощайте.

Мариторнес. Прощай.

Погонщик мулов (провожая Санчо к воротам). Перцу надо больше класть, это ты запомни. Тогда смело продавайте по реалу кружка.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

У Дон Кихота. День. В комнате — Антония, Ключница, Перес и Николас.

Перес. Итак, что же делать нам теперь? Мудрость недаром говорит, что подобное лечится подобным...

Николас. Я совершенно с вами согласен, почтеннейший мой кум.

Перес. Жажда подвигов выгнала бедного идаьго из дому. Дадим же ему возможность совершить такой подвиг, который привел бы его домой. И вот что я придумал вместе с сеньором Николасом: вы, Антония, примете на себя роль очарованной принцессы.

Антония. Я не понимаю вас, сеньор лицензиат.

Николас. Стоит развязать этот узел — и вы сразу все поймете! (Вынимает из узла богатый женский наряд, большую привязную бороду, гитару и маски.)

Перес. Запомните, Антония, что вы — очарованная принцесса, дочь короля Тинакрио Мудрого и королевы Харамильи, наследница великого королевства Микомикон в Гвинее. Злой великан Пандо-

фирандо Косой отнял у вас царство. Мы поедем вдогонку за вашим безумным дядюшкой, и вы обратитесь к нему со слезной просьбой заступиться за вас и отвоевать это царство у великана.

Ключница. Господи, помилуй нас, грешных!

Николас. И не будь я цирюльник здешнего села, если он не последует за вами куда угодно!

Перес. Но внушите ему, что путь в ваше королевство лежит через Ламанчу.

Антония. Ах, теперь поняла!

Николас (*подает платье и маску Антонии*).
Переодевайтесь, Антония.

Антония. Сейчас. (*Уходит в соседнюю комнату.*)

Ключница. Милосердное небо, на какие уловки приходится пускаться, чтобы возвратить к родному очагу нашего бедного хозяина! Пусть дьявол и разбойник Варрава унесут в преисподнюю рыцарские книги, погубившие самый светлый ум Ламанчи! А вместе с книгами и толстобрюхого Санчо, сманившего сеньора Алонсо из дому! (*Уходит.*)

Перес. Приступим, дорогой кум.

Перес надевает бороду. Николас одевается в женское платье и головной убор, надевает маску, берет гитару, Антония входит в богатом наряде, в маске.

Антония. Вы ли это, маэсе Николас? Кто же вы такой теперь?

Николас. Я — дуэнья, сопровождающая вас в вашем скорбном изгнании. Запомните мое имя — Долорида. (*Наигрывает на гитаре.*)

Перес. Я же, сеньора Антония, ваш дядюшка, брат убитого короля Тинакрио.

Антония. Поняла, поняла!

Перес. Важно только одно — заманить его сюда, а там уж мы что-нибудь придумаем, глядя по обстоятельствам.

Во двор дома в это время въезжает на своем осле Санчо, и в тот же момент из кухни выбегает Ключница.

Ключница. Это он! Да, это он! Меня не обманывают мои бедные глаза!

Санчо. Это я, сеньора ключница.

Ключница. Да это он, смутьян и всесветный бродяга!

Санчо. Да, это она...

Антония, Перес и Николас бросаются к окну, смотрят на эту сцену.

Ключница. Отвечай, поганый попугай, повторяющий чужие слова, где сеньор Кихано? Куда ты девал его? Ты один? Отвечай, ты один вернулся?

Санчо. Я не настолько глуп, сеньора ключница, чтобы утверждать, что нас двое. Вы же видите, что я один.

Ключница. Куда же ты девал, окаянный, сеньора Алонсо?

Санчо. Кто-нибудь, у кого доброе сердце, на помощь! Дорогая ключница, меня били за эти дни много раз, но каждый раз били к концу нашего пребывания где-нибудь, а теперь трепка начинается, лишь только я сунул нос в ворота! Помогите!

Антония. О боже! Она терзает его!

Перес. Погодите, погодите, мы сейчас все узнаем.

Ключница. Куда ты девал моего господина?

Санчо. Спасите меня от адской ключницы! Сеньор цел, жив и здоров! Вы не имеете права бить меня! Не сегодня-завтра я стану губернатором!

Ключница. Слыхали вы что-нибудь подобное, добрые люди? Кто вбил тебе в голову эту мысль, алчный чурбан? Где сеньор Кихано? Почему ты молчишь?

Санчо. О боже праведный! И нет никого, кто вырвал бы меня из рук ключницы, терзающей меня, как ястреб куренка!

Перес. Сеньора ключница!.. Почтенная сеньора, подавите свой гнев, который вы обрушиваете на этого ни в чем не повинного человека!

Санчо. Это кто же такой?

Ключница. Пусть он скажет, где он покинул сеньора Алонсо!

Перес. Мы узнаем это скорее, чем вы. Я очень советую вам, сеньора ключница, продолжать готовить нам пищу, нам предстоит неблизкий путь.

Ключница. Ну хорошо, сеньор. Но узнайте, умоляю вас, где бедный мой господин! (Уходит.)

Перес. Почтеннейший, оставьте вашего осла и подите сюда.

Санчо (входя в комнату). Доброго здоровья, глубокоуважаемые сеньоры и сеньор!

Перес. Позвольте, да это он!

Николас. Верить ли мне моим глазам?

Перес. Да, принцесса, это он, Санчо Панса, оруженосец прославленного рыцаря Дон Кихота. Я не успокоюсь до тех пор, пока не облобызаю его!

Антония. Нет, нет, первая это сделаю я!

Николас. Нет, уж пустите меня первую! (Обнимает Санчо.) Моя душа взволнована, а в этих случаях единственно, что может успокоить меня,— это музыка. (Играет на гитаре.)

Перес и Антония обнимают Санчо.

Санчо. Покорнейше вас благодарю за музыку и ласки, которыми вы осыпали меня, но скажите откуда вы меня знаете?

Перес. Слава вашего рыцаря уже побежала по свету, как огонь бежит по лесу, а следом за ней, конечно, побежала и ваша слава. Садитесь, любимый нами всеми оруженосец, и скажите нам, где же ваш рыцарь?

Санчо. Сяду я с удовольствием, так как очень устал после побоев ключницы, а где находится мой господин, я не скажу.

Перес. Но почему же?

Антония. Что слышу я? Жестокий оруженосец хочет отнять у меня последнюю надежду?

Николас. Почему вы не хотите открыть нам место, где находится ваш господин?

Санчо. Потому что он приказал мне держать это в тайне.

Николас. Дорогой оруженосец, это странно! Вы уехали вдвоем, а вернулись один. Люди, чего доброго, могут подумать, что вы убили сеньора Дон Кихота.

Санчо. Пусть каждого, почтенная донья, убивает его судьба, я же не занимался этим никогда, и все знают это.

Антония. Нет, он скажет, где Дон Кихот. Знайте, Санчо, что перед вами принцесса Микомикон!

Санчо. Ага! Это очень интересно. Я никогда в жизни не видел принцессы.

Антония. Теперь, надеюсь, вы сообщите мне местопребывание вашего рыцаря, которого я разыскиваю для того, чтобы просить у него помощи и защиты.

Санчо. Нет, принцесса, не сообщу.

Антония. Так слушайте же, злой оруженосец, печальнейшую повесть моей жизни. Я жила в неопи-суемой роскоши в королевском дворце моего незаб-венного отца Тинакрио Мудрого и безутешного ныне его брата...

Перес. Это я — перед вами.

Антония. Да, это он. Мне воздавали королев-ские почести, я сидела на золотом троне днем, а по ночам в парке принцы пели под моими окнами се-ренады.

Николас играет на гитаре.

Санчо. Повесть ваша очень интересна, принцес-са, но только я не вижу в ней ничего печального.

Антония. Слушайте, несчастный, дальше! В один ужасный день полчища великана Пандофи-ландо напали на наше королевство...

Санчо. А! Вот это хуже!.. Это я представляю себе ясно... Небольшое полчище погонщиков-янгүэ-сов напало однажды... и до сих пор у меня... впро-чем, не стоит об этом рассказывать. Ну и что же было дальше?

Антония. Мою мать, королеву Харамилью... и отца моего...

Санчо. Этого Тинакрио?

Антония. Да, да! Зарезали!

Санчо. Насмерть обоих?

Антония. Да, они в могиле оба.

Санчо (*Пересу*). А как же вы уцелели, коро-левский брат? Вы, наверно, сдались? В отчаянных положениях самый храбрый бережет себя для луч-шего случая.

Николас (*Пересу*). До чего он придиричиво слушает, черт его возьми!

Перес (*Николасу*). Кажется, он немного расстрогался.

Николас играет на гитаре.

Антония. И вот я в сопровождении моей дуэньи бросилась искать Дон Кихота Ламанчского, чтобы найти у него покровительство. Теперь-то уж вы мне, конечно, скажете, где Дон Кихот?

Санчо. Не скажу.

Николас (*швырнув гитару*). А, чтоб тебя совсем!..

Перес. Милейшая дуэнья Долорида, вы напрасно сердитесь. Мне кажется, что оруженосец поступает правильно, сохраняя тайну, доверенную ему его господином. А скажите, добрейший Санчо Панса, что же вас-то привело сюда одного?

Санчо. Я привез письмо племяннице от моего господина.

Перес. Она уехала вместе с лицензиатом и местным цирюльником...

Санчо. Я его знаю, с Николасом.

Николас. Ну да, с Николасом. Прекрасный человек этот Николас!

Санчо. Хитрый очень.

Николас. Ну-ну-ну...

Перес. Погодите... в город, чтобы узнать что-нибудь о пропавшем дядюшке. А вы привезли важное письмо?

Санчо. Очень важное и, главное, приятное.

Перес. Скажите!..

Санчо. Оно заключает в себе приказание выдать мне в награду за верную службу двух ослят. (*Шарит в карманах.*) Ах!!.. Ах!!.. Ах!!..

Перес. Что такое?

Санчо. Ах я несчастный олух и дон болван! Ах я скотина и свинья! Будь я проклят! (*Бьет себя по лицу.*) Вот тебе! Вот тебе!

Антония. Что с вами, оруженосец?

Николас. Что с вами, дорогой упрямец?

Санчо. Бейте меня, сеньоры, прошу вас, потому что мне самому бить себя неудобно! Я потерял это письмо, а стало быть, потерял и ослят! Я ехал всю ночь, мечтая о том, как обрадуется им моя Хуана Тереса! Ах, осятки мои, осятки! Я дрожал от радости, я как будто уже ощущал вас в своих руках, я ласкал вашу нежную шерстку, я видел вас в моем хлеву! Кто мне поверит без этого письма, что мой господин действительно подарил мне этих ослят? Пандофиладо, зачем ты не зарезал меня вместо Тинакрио Мудрого?

Перес. Да, это плохо.

Николас. Да, придется вам расстаться с мечтой об осятах! (*Играет на гитаре.*)

Санчо. Перестаньте играть! Что у вас за ужасная привычка! Как только случится что-нибудь гадкое, вы тотчас беретесь за гитару!

Перес. Успокойтесь, Санчо. Я знаю, кто может помочь в вашем горе. Это она, добросердечная принцесса Микомикон. Стоит ей сказать одно слово ключнице — и осята будут в ваших руках.

Санчо. Сатанинская ключница послушается ее?

Перес. Ручаюсь вам в этом. Но, само собой разумеется, что после этого великого одолжения вы скажете, где скрывается Дон Кихот.

Санчо (*подумав*). Скажу.

Антония. Ах добрый оруженосец! (*В окно.*) Сеньора ключница! Сеньора ключница!

Перес, Николас и Санчо высовываются в окно.

Ключница. Что вам угодно?

Антония. Вот что, дорогая ключница: потрудитесь выдать Санчо, по приказу сеньора Алонсо, двух ослят.

Ключница. Что? Что? Что вы сказали? Двух ослят?

Санчо. Ага!

Ключница. Да душу мою скорее вынут из меня, чем я этому негодяю...

Санчо. Ага! Что я говорил!

Перес (тихо, в окно). Если вы хотите увидеть сеньора Алонсо, вы немедленно...

Ключница. Этому... этому... ах, что вы сказали?.. Санчо? Ну, ему-то я охотно выдам двух ослят. Иди сюда, подл... иди сюда, Санчо, открывай хлев, бери ослят! О небо, что же это у нас происходит? (Скрывается.)

Санчо. О радость! О радость и еще раз радость! Признаться, я вам не верил, а теперь убедился в том, что вы действительно принцесса Микомикон!

Перес. Да, но вы не забудьте сказать, где находится Дон Кихот?

Санчо. В ущелье, в Сиерра-Морене.

Антония. Что же он там делает?

Санчо. Он решил безумствовать в горах вследствие жестокости Дульсиныи Тобосской, подражая Роталанду и Амадису. Я покажу вам туда дорогу.

Антония. Немедленно в путь, пока с ним не случилось какой-нибудь беды!

Санчо. Позвольте мне расцеловать вас, дражайший брат Тинакрио Мудрого! (Заключает Переса в объятия, и у того слезает борода.) Ах, что это?! Сеньор лиценциат?

Николас (*принимая в объятия Санчо*). Чего? Кого? Какой такой лицензиат? Где лицензиат?

Перес надевает бороду.

Санчо. У меня от радости помутилось в глазах и показалось, что вдруг Пандофиландо вам оторвал бороду и вместо вас появился лицензиат! Но теперь я вижу, что мне это померещилось!.. О радость! (*Выбегает во двор, бежит к хлеву, открывает двери его.*) Вот они, вот они, мои драгоценные! (*Кричит.*) Вот теперь, почтенная дуэнья, вы почему-то не играете на гитаре!

Николас играет на гитаре. Слышно, как подкатывает повозка.

Антония. В Сиерра-Морену!

Перес. В Сиерра-Морену!

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

У Дон Кихота. День. К калитке подъезжает громадная колымага, на которой помещаются Д о н К и х о т и переодетые А н т о н и я, П е р е с и Н и к о л а с. Николас, сидящий рядом с возницей, играет на гитаре. Вслед за колымагой подъезжает на осле С а н ч о.

Последним появляется Росинант, привязанный к седлу Санчо. К л ю ч н и ц а выбегает из кухни.

К л ю ч н и ц а. Здравствуйте, сеньор Алонсо! В час добрый! В час добрый! Как рады все любящие вас сердца, что вы наконец соблаговолили вернуться в родной дом! Ах, сеньор Алонсо. В час добрый.

Д о н К и х о т. Здравствуйте, добрейшая ключница!

Антония, Перес и Николас помогают прихрамывающему Дон Кихоту сойти с колымаги. Колымага отъезжает. Санчо с ослом и Росинантом пробирается к конюшне.

Светлейшая принцесса, позвольте представить вам нашу почтенную ключницу.

А н т о н и я. Мне это чрезвычайно приятно.

Д о н К и х о т (знакомя). Дуэнья... ключница... Я уверен, что вы полюбите друг друга с первого взгляда.

Николас. Я мечтала об этой встрече! (*Обнимает Ключницу.*)

Дон Кихот. Прошу вас, дорогие гости, пожаловать в мой дом.

Антония, Перес и Николас, раскланиваясь, уходят в дом.

Где же Антония?

Ключница. Антония в доме, сударь, и уже принимает эту принцессу, не знаю, как ее зовут, и этого бородача.

Дон Кихот (*садясь на скамью*). Тсс... это не бородач, как вы выражаетесь, а высокопоставленный, хотя и глубоко несчастный, дядюшка этой принцессы. Я до сих пор под впечатлением трагедии его брата, гвинейского короля, зарезанного Пандофирандо Косым.

Ключница. Да бог с ним, достопочтенный сеньор! Ну зарезали этого гвинеяца, что же поделаешь! Туда ему и дорога! Ведь вы его не воскресите? Я же в вашу честь зарезала двух лучших жирных кур, чтобы варить вам бульон, и, право, от этого вы получите больше пользы, чем от гвинейского короля!

Антония (*в обычном своем наряде, выбегает из дома*). Бесценный дядюшка! Как я счастлива, что вы вернулись!

Дон Кихот. Здравствуй, Антония, ты позаботилась как следует о принцессе и ее дуэнье?

Антония. Как же, дядюшка! Вы слышите, дуэнья уже играет в моей комнате?

Санчо (*выходя из сарая*). Да, она играет, да не лишит создатель ее вечного спасения! Но если бы какой-нибудь очарованный мавр украл у нее ги-

тару, я был бы счастлив! Ведь она играет по всякому поводу и во всякое время!

Дон Кихот. Твоя натура грубовата, Санчо. Музыка нельзя не любить. Где музыка, там нет злого.

Санчо. Даже жареные голуби могут надоесть, сеньор, если ими кормить человека с утра до вечера. А от этой музыки мне иногда хочется прыгнуть через забор. Позвольте, сеньор, мне отлучиться на короткое время, я хочу навестить мою Тересу.

Ключница. Ступай, ступай, Санчо, тебя никто не задерживает.

Дон Кихот. Ступай, мой друг, но возвращайся поскорее.

Ключница (шепотом). Ступай и не возвращайся больше сюда. Ты меня понял?

Санчо. Но мой господин...

Ключница (шепотом). Не возвращайся, если не хочешь лишиться и остатков бороды. Ты меня знаешь?

Санчо. Кто же вас не знает... Вот в какие клещи я попал! (Уходит.)

Дон Кихот. Ну что же, Антония, пойдем в дом. (Идет в сопровождении Антонии в дом, а Ключница уходит в кухню.)

В комнате Антония помогает Дон Кихоту снять доспехи, усаживает его в кресло. Из внутренней двери появляется Перес в своем обычном виде.

Перес. Здравствуйте, дорогой кум. Мы с маэсе Николасом узнали, что вы возвращаетесь, и немедленно явились, чтобы засвидетельствовать вам свое почтение.

Дон Кихот. Как я рад видеть вас, дорогой ли-

ценциат. Антония, пригласи сюда королевского брата! Я хочу познакомить его с сеньором Перо Пересом.

Антония. Сейчас, дядюшка! *(Начинает целовать Дон Кихота, и в это время Перес ускользает во внутренние комнаты.)* Я сейчас позову его, дядюшка. *(Уходит во внутренние комнаты.)*

Перес *(выглянув из дверей в бороде)*. Сеньор Дон Кихот...

Дон Кихот. А, ваше высочество! Прошу вас, пожалуйста к нам сюда!

Перес *(в дверях)*. Я не совсем одет, сеньор Дон Кихот.

Дон Кихот. Ничего, ничего, вы в дороге, никто вас не осудит.

Перес скрывается.

Сеньор лиценциат, познакомьтесь с королевским братом. Позвольте, а где же лиценциат? Ведь он только что был здесь! *(Идет к выходным дверям. Перес без бороды выходит из внутренних дверей.)*

Перес. Я здесь, сеньор Дон Кихот.

Дон Кихот. Что за чудеса! А я вас потерял! Вы отлучались куда-нибудь?

Перес. И не думал.

Дон Кихот. Ээ... я все более убеждаюсь в том, что в доме моем нечисто! Антония, куда же ты ушла?

Антония *(в костюме принцессы и в маске)*. Прошу извинить меня, доблестный рыцарь, что я задержалась...

Дон Кихот. Позвольте мне, очаровательная принцесса Микомикон, представить вам моего друга — сеньора Перо Переса.

Перес. Я счастлив, принцесса.

Антония. Я так много слышала о вас!

Николас (*в костюме дуэньи*). Вот и я, доблестный рыцарь!

Дон Кихот. А, наконец-то все собрались! Ах, нет не хватает почтенного, но своенравного королевского брата.

Перес. Я сию минуту приведу его. (*Уходит во внутренние комнаты.*)

Дон Кихот. А где же маэсе Николас?

Перес (*в виде королевского брата*). Вот наконец и я.

Николас ускользает во внутренние комнаты.

Дон Кихот. Я хочу познакомить вас, господин королевский брат, с друзьями моими — лицензиатом и цирюльником. Маэсе Николас!

Николас выходит в своем обычном виде. Антония скрывается за пологом.

Перес. Так это он, добродетельный цирюльник, о котором вы мне так много говорили! Точно таким я представлял его себе!

Николас. А я, в свою очередь, горько плакал, слушая рассказы об ужасах, которые натворил Пандофирандо в королевстве вашего брата!

Дон Кихот. Антония, да иди же наконец сюда!

Антония (*входя в своем обычном виде из-за полога*). Я здесь, дядюшка!

Перес скрывается за креслом Дон Кихота.

Дон Кихот. Я хотел бы, чтобы ты выслушала из уст королевского брата о тех бедствиях, которые поразили королевскую семью. Сеньор лицензиат, пожалуйста поближе!

Перес (*выглянув из-за кресла без бороды*). Я слушаю внимательнейшим образом. (*Прячется за кресло, потом выглядывает в бороде.*) Да, этот отвратительный великан до сих пор стоит у меня перед глазами! (*Прячется за кресло, снимает бороду, становится перед Дон Кихотом.*) Что вы говорите, почтенный королевский брат!

Николас (*Антонии*). Мы пропали!

Антония (*Николасу*). Давайте скорее волшебника! (*Дон Кихоту.*) Да, да... Какой ужас, дя-дюшка!

Перес (*выходя из-за кресла в бороде*). Я лучше прекращу свой рассказ, любезнейшая сеньора племянница, если он вас волнует.

Антония. Ах, нет, нет, продолжайте!

Дон Кихот. Да, продолжайте, но я попросил бы всех сесть, а то должен сознаться, что у меня почему-то рябит в глазах...

Николас ускользает в соседнюю комнату. Перес бросается к окну.

...и по временам я даже не понимаю, кто передо мной.

За сценой раздается гром разбитой посуды. Перес опускает жалюзи, в комнате темнеет.

Что такое? Что здесь?

Николас (*за сценой*). На помощь! Здесь волшебник!

Перес. На помощь!

Дон Кихот (*схватывается за меч*). Где он?

Николас (*вбегая*). Волшебник похитил принцессу Микомикон на моих глазах!

Перес. А где же королевский брат?

Антония. Дуэньи тоже нет!

Дон Кихот. Этого следовало ожидать! Мы увлеклись беседой, и коварный прилетел неожиданно! Оруженосца мне! В погоню!

Перес. Бесполезно, бесполезно, сеньор Дон Кихот! Ведь не можете же вы лететь за ним по воздуху!

Николас. Я сам видел, как он, в черной мантии, пролетел над домом, волоча за бороду королевского брата!

Дон Кихот. Почему же вы не отрубили ему руку?

Николас. Промахнулся!

Дон Кихот. Ах, я не прошу себе этого! Где была стража? Щит и коня мне!

Антония. Дядюшка, молю вас, успокойтесь!

Дон Кихот. Принцесса была под защитой моего слова! Расступитесь! Вы поражены страхом, а я не боюсь его и догоню его, хотя бы он летел по воздуху с быстротой ветра! Пустите меня! *(Роняет меч, опускается в кресло.)*

Антония. Дядюшка, что с вами?!

Дон Кихот. Ах, открылись раны... Бессилие поразило меня вдруг... он очаровал меня...

Антония. Дядюшка, послушайте голоса любящей вас племянницы, вам нужно окрепнуть и отдохнуть. Драгоценный дядюшка, послушайте меня!

Перес. Послушайте нас, сеньор рыцарь, ложитесь в постель, благодетельный сон укрепит вас.

Дон Кихот. Да... я не в состоянии сейчас двинуться с места... колдовство сковало меня, как цепями...

Антония и Перес ведут Дон Кихота к постели и укладывают его.

Антония *(задергивая полог)*. Он заснул. Бедный, бедный дядюшка!

Перес. Не надо отчаиваться, сеньора племянница. Сон освежит его, и, быть может, проснувшись, он станет спокойнее. Идемте отсюда, маэсе Николас. Прощайте, сеньора племянница, вечером мы придем его навестить.

Антония. До свидания, сеньоры, от всей души благодарю вас за все то, что вы сделали для дяди.

Перес. Мы лишь исполнили свой долг. (Уходит с Николасом.)

Антония уходит вниз, в кухню. Через некоторое время через калитку, ведущую с дороги, появляется Сансон Карраско.

Сансон. Вот он, милый моему сердцу двор! Два года я не был в родных местах, и ничего не изменилось здесь за время моего отсутствия... Вот и скамейка, на которой я сидел с Антонией два года тому назад... Кто дома? Отзовитесь!

Входят Ключница и Антония.

Антония. Ах!..

Ключница. Да неужто это он?

Сансон. Я, я, милейшая сеньора ключница!

Ключница. Праведный боже, кто бы мог подумать, что сын Бартоломео Карраско, простого крестьянина, станет ученым и важным господином! Ах, Сансон, до вас теперь рукой не достанешь!

Антония. Вы, пожалуй, не захотите теперь знаться с нами. Сансон, то есть, я хотела сказать, сеньор Карраско?

Сансон. Многоуважаемая ключница, вы правы только в одном: я действительно стал ученым. Перед вами — бакалавр Саламанкского университета, у меня за пазухой четыре ученые степени, и я украшен лав-

ровой ветвью! Но, ключница, я не стал важным, нет! И в доказательство позвольте мне обнять вас!

Ключница. Ах Сансон, как радуется сердце, что вас не обуяла гордыня и вы по-прежнему ласковы с земляками!

Сансон. Антония! Как вы похорошели! Нет, нет, я чужд гордыни, будь я хоть двадцать раз бакалавр! *(Обнимает Антонию.)*

Антония. Сеньор бакалавр!

Ключница. Ах, в этом нет дурного, ведь он не чужой, он из нашей деревни. Вас вскормила одна и та же земля, одно и то же солнце грело вас!

Сансон. Нет, душа моя в волнении оттого, что я опять в родном селе, и в особенности оттого, что я вижу вас, Антония! *(Устремляется, чтобы обнять Антонию, но та ускользает, и Сансон обнимает Ключницу.)* И вас, почтенная ключница! *(Протягивает руку Антонии, целует ей руку.)* Я не раз видел вас во сне...

Ключница. И я вас, дорогой Сансон!

Сансон. А у вас-то, Антония, есть ли хоть капелька радости оттого, что я приехал?

Антония. Я рада... рада...

Ключница. И я рада...

Неожиданно обе начинают плакать.

Сансон. Никогда не видел, чтобы радость выражалась в рыданиях? Что с вами?

Антония. Дядюшка помешался!

Сансон. Да что вы говорите?!

Ключница. Проклятые книги помрачили рассудок умнейшего и добрейшего сеньора!

Антония. Надел на себя заржавленные латы и убежал из дому, чтобы бороться с какими-то ги-

гантами и спасти принцесс... Надел на голову цирюльный таз, размахивает мечом... Он совершенно замутил мозги нашему соседу Санчо Панса, назвав его своим оруженосцем, и тот убежал вместе с ним! Мы еле вернули его при помощи хитрости... Сансон, наверно, голоден, сеньора ключница, может быть, вы накормите нашего гостя?

Ключница. Как же не поесть, придя к родным и близким? Обед скоро будет готов. *(Уходит в кухню.)*

Сансон. Ваше горе меня глубоко тронуло, дорогая Антония!

Антония. Вы всегда были умным, а теперь еще стали и ученым. Если бы вы придумали, как нам избавиться от беды, я бы расцеловала вас, Сансон!

Сансон. Как вы говорите? Расцеловали бы? А знаете, у меня есть план! Целуйте меня, Антония!

Антония. Вы правду говорите?

Сансон. Я никогда не слыл лгуном в нашей деревне, Антония.

Антония. Я верю, что вы не обманываете меня, Сансон!

Антония целует Сансона, и в то же время голова Санчо показывается над забором.

Сансон. Ах, черт возьми! Да ведь это Санчо!

Антония. Он самый.

Сансон. Да, у меня зреет план. Оставьте меня с ним наедине, Антония.

Антония. Хорошо, хорошо, я верю в вас, Сансон! *(Оглядывается в дверях кухни.)* Сансон...

Сансон. Поцелуйте меня еще раз, Антония!

Голова Санчо опять появляется над забором.

Антония. Потом. (Скрывается.)

Сансон. А что же вы стесняетесь, почтеннейший? Входите, раз пришли.

Санчо. Аспид здесь?

Сансон. Про кого вы говорите?

Санчо. Про кого же это можно сказать? Про ключницу, конечно.

Сансон. Она в кухне.

Санчо вводит своего осла и ставит его в уголок.

Да это вы, уважаемый Санчо Панса?

Санчо. Если только это не штуки поганого волшебника Фристана, передо мной Сансон, земляк, сын старого Бартоломео?

Сансон. Да спасет нас небо от волшебников, это я!

Санчо. Черт побери, вы — бакалавр, Сансон! (Целует его.)

Сансон. Но скажите мне, дорогой сосед, куда же девалась половина вашей бороды?

Санчо. В доме повешенного не говорят о веревке, сеньор Карраско, или этого вы еще не проходили в вашем университете? Дай бог, чтобы у вас в кармане бренчало столько монет, сколько пучков волос надрали из моей бороды за последнюю неделю!

Сансон. Это грустно, сеньор Панса, но я надеюсь, что вы отрастите новую и она будет еще пышней прежней.

Санчо. В свою очередь желаю, чтобы ваша ученость была так же пышна, как моя будущая борода.

Сансон. Э, как ловко вы отвечаете! Уж не учились ли и вы в Саламанке?

Санчо. Мне нет надобности учиться в Саламан-

ке, и без этого я надеюсь получить губернаторство в самом скором времени.

Сансон. Как? Научите меня! Я тоже хочу стать губернатором.

Санчо. Сколько бы я ни учил вас, это вам не поможет. Для этого нужно стать оруженосцем великого рыцаря Дон Кихота Ламанчского!

Сансон. Да, сумасшествие заразительно, как я это теперь вижу.

Санчо. Что вы сказали?

Сансон. Я сказал это в сторону.

Санчо. Вы сказали это в мою сторону.

Дон Кихот (*просыпается*). Санчо! Ко мне!

Санчо. Слышите? Меня зовет мой господин.

Сансон. Очень хорошо. Ведите меня к нему,
Санчо.

Входит вместе с Санчо в дом.

Санчо. Сеньор, к вам гость.

Дон Кихот. Я очень рад.

Сансон. Позвольте мне, сеньор Дон Кихот Ламанчский, приветствовать вас! Слава ваша уже распространилась и достигла ушей покорного вашего слуги и скромного земляка — бакалавра Сансона Карраско.

Дон Кихот. Вы — сын Бартоломео Карраско?

Сансон. Точно так, сеньор, это я.

Дон Кихот. Я очень счастлив видеть у себя земляка, достигшего такой высокой ученой степени.

Сансон. Я еще более счастлив быть в гостях у рыцаря, слава о подвигах которого гремит по всей округе.

Дон Кихот. Садитесь, сеньор бакалавр. Вы навестили меня в момент ужасного несчастья...

Сансон. Вы огорчаете меня, сеньор.

Дон Кихот. Вечный враг мой, коварный волшебник Фристон — ученому нечего говорить, кто он, вы, конечно, сто раз читали о нем — только что похитил из моего дома находившихся под моим покровительством несчастную сироту принцессу Микомикон, ее очаровательнейшего королевской крови дядюшку и дуэнью Долориду!

Санчо (в отчаянии). Абиндараэс де Варгас!.. Будь я проклят со всей родней! (Швыряет шапку.)

Дон Кихот. Вы видите, сеньор бакалавр, даже эту, довольно черствую, признаюсь, натуру известие повергло в отчаяние!

Санчо. Как же мне не впасть в отчаяние, когда губернаторство ускользнуло из моих рук! А я уже держал в руках хвост губернаторской мантии, я мечтал о том, как вы разобьете войско великана и царство будет наше!

Дон Кихот. Так вот, сеньор бакалавр, что случилось!

Сансон. Я поражен всем этим! Что же вы теперь намерены предпринять?

Дон Кихот. Я немедленно пускаюсь за ним в погоню!

Сансон. И это ваше решение непреложно?

Дон Кихот. Вам ли это спрашивать, бакалавр? Для меня это долг чести!

Санчо. Ну натурально, вы же не янгуэс какой-нибудь!

Сансон. Что?

Санчо. Ничего... была одна история, не стоит о ней рассказывать... пятнадцать человек лупят двух чем попало, выдирают половину бороды...

Сансон. О боже!.. (Дон Кихоту.) Но где же вы намерены искать эту принцессу и ее похитителя?

Дон Кихот. Какой-то добрый чародей послал мне сон, убеждающий меня в том, что злодей направился на северо-восток, во владения герцога. Туда же тронусь и я. Санчо, латы мне!

Санчо начинает надевать доспехи на Дон Кихота.

Сансон. Скажите мне, сеньор, что, если судьба будет неблагоприятна к вам и кто-нибудь из ваших противников победит вас?..

Дон Кихот. Что же, если я буду повергнут в поединке, я приму условия моего противника точно так же, как он примет мои в случае моей победы.

Сансон. Немедленно поезжайте, рыцарь Дон Кихот!

Дон Кихот. Сеньор, бакалавр, вы — человек, понимающий вопросы чести так же, как и я! Санчо, коня мне!

Выходят во двор. Из кухни выходят Ключница с блюдом и Антония.

Ключница. О горе! Сеньор Алонсо опять в латах! И этот толстый выродок уже выводит своего осла, чтобы ему переломили все четыре ноги!..

Санчо. Сеньора ключница... покорнейше прошу вас... *(Проворно выезжает в ворота.)*

Дон Кихот. Прощай, Антония! Прощайте, сеньора ключница!

Ключница. О горестная жизнь! Опять перед ним распахнулись ворота безумия и он бросается в них, чтобы погибнуть, закрыв глаза!

Антония. Что вы делаете, сеньор Алонсо, опомнитесь! Сансон, вы обещали мне, отговорите его!

Дон Кихот *(в седле)*. Как, сеньор бакалавр, вы станете отговаривать меня совершить то, чего требует честь?

Сансон. Никогда в жизни! Поезжайте, рыцарь Дон Кихот Ламанчский, я горячо желаю вам удачи!

Дон Кихот. Прощайте же мои верные дети! Я знаю, что вы любите меня, но не задерживайте меня больше и не горюйте обо мне! *(Уезжает.)*

Ключница. Какие слова найти мне, бакалавр, чтобы отплатить вам за то, как вы отнеслись к нашему горю! Вы своими руками толкаете несчастного безумца в калитку! Видно, ученость съела у вас последнюю совесть, и вы не только не посочувствовали бедным людям, попавшим в беду, но вы еще насмеялись над ними!

Сансон. Не спешите меня осуждать, не выслушав!

Ключница. Я не хочу вас слушать! Будь он проклят, ваш Саламанкский университет! *(Убегает в калитку вслед за Дон Кихотом.)* Сеньор Алонсо! Заклинаю вас всем святым, остановитесь!..

Сансон. Антония!

Антония. Не подходите ко мне, Сансон! Я не верю ни глазам, ни ушам! Неужели вы хотели умышленно причинить нам зло? Скажите — за что? Что мы сделали вам, бедные?

Сансон. Антония!

Антония. Я знаю, вы из трусости, чтобы угодить сеньору Алонсо, вместо того чтобы его остановить, сами толкнули его на новое безрассудство! Вы обманули меня, Сансон!

Сансон. Да замолчите же! Я трус? Вы увидите, Антония, каков я трус, и горько раскаетесь в этих своих словах! Ведь я же сказал вам, неразумная девушка, что я хочу его спасти, и я его спасу!

Антония. Я не верю вам больше!

Сансон. Не впадайте в безумие, Антония, и не оскорбляйте меня! Я поеду за ним и верну его домой, но навсегда! Если же мне не удастся это сделать, то сам я не вернусь никогда! Это будет печально, Антония, потому что я летел сюда домой, чтобы увидеть вас! Ну что же! Значит, мне больше вас не видать! У меня нет времени разговаривать сейчас, я боюсь потерять его след. Прощайте, Антония! (Убегает.)

Антония. Сансон! Сансон! Я вам верю. Скажите мне, что вы задумали?

Сансон (издалека). Не скажу...

Ключница (далеко). Сеньор Алонсо, остановитесь!..

КАРТИНА ШЕСТАЯ

День. Зал во дворце Герцога.

Герцог (входит). Ко мне! Сюда!

Сбегается свита.

Сейчас в замке будет гость, тот самый сумасшедший идалго, именующий себя Дон Кихотом Ламанчским, со своим оруженосцем. Принять его со всеми почестями, и чтобы никто не смел подать и виду сомнений в том, что он странствующий рыцарь. (Мажордому.) А вас прошу и (доктору Агуэро) вас отправиться в загородный замок и приготовить все для приема оруженосца в качестве губернатора. Сказать ему, что он находится на острове Баратария. Мы с герцогиней приедем туда через несколько дней посмотреть на его чудачества.

Ма жор дом. Слушаю, ваша светлость.

Доктор Агуэро и Ма жор дом с несколькими пажами уходят. Остается дуэнья Родригес, еще несколько дуэний и пажей. Звуки рогов. Появляется Герцогиня, отдает своего сокола Пажу. За Герцогиней входят Дон Кихот и Санчо.

Герцогиня. Милости просим, рыцарь Дон Кихот, в наш дом!

Дон Кихот (*у дверей*). После вас, ваша светлость!

Санчо входит первым.

Великодушная герцогиня, простите этого неуча!

Герцогиня. Не беспокойтесь, сеньор, его простодушие и непосредственность очень милы.

Герцог. Я рад, сеньор Дон Кихот, вам будет оказан прием, приличествующий рыцарю.

Дон Кихот. Я счастлив, ваша светлость. (*Санчо.*) Если ты, вечный олух и шут гороховый, осрамишь еще раз меня, я отрублю тебе голову!

Санчо. Я сделал что-нибудь не так сеньор? Обещаю впредь держать себя самым приличным образом, и если выйдет какая-нибудь промашка, то уж, во всяком случае, не я буду виноват.

Дон Кихот. Молчи!

Герцог. Прошу вас, рыцарь, в эту комнату — умыться с дороги.

Герцогиня уходит.

Санчо, помоги своему господину.

Санчо. После вас, ваша светлость. (*Обращается к дуэнье Родригес.*) Ваша милость, там у ворот остался мой ослик. Велите его отвести в конюшню, а

еще лучше — сделайте это сами, я никому его не доверяю. Только имейте в виду, что он очень пуглив.

Родригес. Вы с ума сошли!

Санчо. Я? Нет. Мой господин рассказывал мне, что за рыцарем Лансаротом ухаживали сеньоры, а дуэньи — за его конем. Правда, я приехал на осле, но, ей-богу, он стоит любого коня!

Родригес. Вот напасть! К нам в замок на осле приехал другой осел! Я, дуэнья Родригес, поведу осла в конюшню? Вот вам за это! *(Показывает Санчо фигу.)*

Санчо. Ах так? Очень хорошо. *(Дон Кихоту.)* Погодите, сеньор, не уходите. *(Тихо.)* Вот эта старушка сейчас мне фигу показала.

Дон Кихот. Ты лжешь, негодяй!

Санчо. Я сказал правду, сеньор. Как прикажете мне быть: оставить эту обиду без ответа?

Дон Кихот. Ты поклялся с меня голову снять, разбойник?

Герцог. Что такое, сеньор Дон Кихот?

Дон Кихот. Ах, ваша светлость, не слушайте его!

Санчо. Нет, как же не слушать? *(Герцогу.)* Фигу мне показала.

Герцог. Родригес? Да, у нее скверный характер. Ну что же, покажите такую же ей.

Санчо. Конечно, потому что мне обидно.

Дон Кихот. Ваша светлость!..

Герцог. Ничего, ничего, пойдемте умываться, сеньор Дон Кихот. *(Уходит с Дон Кихотом.)*

Санчо *(Родригес)*. Вот вам от меня такая же.

Родригес. Ах!.. Ах!.. Ах!.. *(Убегает.)*

Санчо уходит вслед за Дон Кихотом. Музыка. Свита подает вино. Через несколько времени возвращается Дон Кихот.

Герцогиня, Герцог и садятся за стол. Санчо становится возле кресла Дон Кихота. Входит Духовник Герцога, садится поодаль.

Герцогиня. Скажите нам, Дон Кихот, давно ли вы имели известия от прелестной очарованной Дульсины Тобосской?

Дон Кихот. Ах, светлейшая сеньора, мои несчастья бесконечны! Я победил уже не одного гиганта и всех их посылал к ней для коленопреклонения, но они не могут разыскать ее, так как злые волшебные силы превратили ее в простую безобразную крестьянку.

Герцог. Это печально.

Духовник. Что я слышу? (Герцогу.) Ваша светлость, а ведь вам придется за это дать ответ на Страшном суде. Вы, к общему соблазну, поощряете этих двух сумасшедших? (Дон Кихоту.) А вы? Как могли вы вбить себе в голову, что вы странствующий рыцарь, побеждающий гигантов и берущий их в плен? Перестаньте шататься по свету, глотая ветер и служа посмешищем добрых людей! Бросьте ваши безумства, вернитесь в свой дом, учите ваших детей, если они у вас есть, заботьтесь о хозяйстве!.. Где в Испании вы видели странствующих рыцарей, гигантов и очарованных принцесс? Где все эти нелепости, которыми вы смешите людей?

Герцог. Погодите, святой отец!..

Герцогиня. Святой отец, я умоляю вас!..

Дон Кихот. Нет, ваша светлость, разрешите ответить мне! (Духовнику.) Имейте в виду, что только то, что я нахожусь в гостях у герцога, да еще ваш сан сдерживают мою ярость, иначе вам пришлось бы плохо. Ну что же, я буду сражаться с вами вашим оружием — языком. Скажите мне, за какое именно

из моих безумств вы осуждаете меня больше всего и приказываете мне учить детей, которых у меня никогда не было? Вы считаете, что человек, странствующий по свету не в поисках наслаждений, а в поисках терний, безумен и праздно тратит время? Люди выбирают разные пути. Один, спотыкаясь, карабкается по дороге тщеславия, другой ползет по тропе унижительной лести, иные пробираются по дороге лицемерия и обмана. Иду ли я по одной из этих дорог? Нет! Я иду по крутой дороге рыцарства и презираю земные блага, но не честь! За кого я мстил, вступая в бой с гигантами, которые вас так раздражили? Я заступался за слабых, обиженных сильными! Если я видел где-нибудь зло, я шел на смертельную схватку, чтобы побить чудовищ злобы и преступлений! Вы их не видите нигде? У вас плохое зрение, святой отец! Моя цель светла — всем сделать добро и никому не причинить зла. И за это я, по-вашему, заслуживаю порицания? Если бы меня сочли сумасшедшим рыцари, я был бы оскорблен до глубины души, но ваши слова я не ставлю ни в грош, они мне кажутся смешными!

Санчо. Прекрасно сказано, клянусь губернаторством, которое завоюет мне мой господин!

Духовник (Санчо). Опомнись, жалкий безумец! О каком губернаторстве мечтаешь ты, темный невежда?

Санчо (тихо, Дон Кихоту). Сеньор, он обругал меня!

Герцог. О нет, нет, тут уж вы ошибаетесь, святой отец! Тут же, при всех, я объявляю, что назначаю оруженосца Санчо Панса губернатором острова Баратария, входящего в мои владения.

Герцогиня. Я восхищена вашим поступком, герцог!

Санчо (*Духовнику*). Вот вам и темный невежда! Ах, как жаль, что нет ее здесь, моей жены Хуаны Тересы, она окоченела бы от радости!

Дон Кихот. Благодарю, Санчо, светлейшего герцога за то, что наконец исполнились твои заветные мечтания!

Духовник. Ваша светлость, теперь я вижу, что вы проявляете такое же безрассудство, как и они сами! Но так как не в моей власти изменить ваши поступки, а порицать их бесплодно я не намерен, я ухожу! (*Уходит.*)

Герцогиня (*Дон Кихоту*). Вы хорошо ответили духовному отцу, сеньор! Все видят, что гнев его был безрассуден.

Герцог. Истинно так. Отправляйтесь же, Санчо, на остров, жители которого ждут вас, как майского дождя.

Дон Кихот. Разрешите мне, ваша светлость, дать ему несколько наставлений, чтобы в новом своем высоком положении он мог бы уберечься от ложных шагов.

Герцог. Это очень хорошая мысль, сеньор.

Герцогиня. Мы удаляемся и оставляем вас наедине.

Уходят все, кроме Дон Кихота и Санчо.

Дон Кихот. Слушай меня, Санчо, внимательно. Я взволнован, душа моя потрясена. Ты внезапно получил то, для получения чего иной тратит невероятные усилия и, гонимый честолюбием или алчностью, прибегает ко всяким, порой нечистым средствам и, бывает, все же не добивается своего. Это я сказал

тебе для того, чтобы счастье, свалившееся на тебя, ты не приписывал бы собственным заслугам, чтобы ты не надувался, как лягушка, и избежал бы насмешек над собой, а может быть, и злой клеветы, от которой не спасает никакое, даже самое высокое положение. Гордись, Санчо, тем, что ты простой крестьянин, и не считай унизительным признаваться в этом кому бы то ни было. Нет надобности тебе доказывать, что бедный, но честный человек ценнее знатного грешника и негодяя. Не отрекайся ни от своего происхождения, ни от своих родных. Что еще мне хотелось сказать? Ах да! Ведь ты будешь судить людей! Это трудно, Санчо. Слушай же меня и не забудь ничего. Когда будешь судить, не прибегай к произволу. Запомнил ты это?

Санчо. Запомнил, сеньор.

Дон Кихот. Ищи истину повсюду неутомимо, и пусть слезы бедного больше действуют на тебя, чем уверения богача, а в особенности его посулы. Руководись законом, но помни: если этот закон суров, не старайся придавить всей его тяжестью осужденного! Знай, что слава строгого судьи никак не громче славы судьи милостивого. Все может быть на суде. Например, перед тобой может предстать твой враг. Что должен ты сделать в таком случае? Немедленно забыть обиду, нанесенную им тебе, и судить его так, как будто ты видишь его впервые в жизни. Бывают случаи, Санчо, когда судейский жезл вдруг задрожит в руке судьи, и, если это случится с тобой, не вздумай склонить его потому, что кто-то шепнул тебе что-нибудь и сунул звякнувший мешок к тебе в капюшон. Последнее в особенности запомни, Санчо, если ты не хочешь, чтобы я стал презирать тебя. И если ты когда-нибудь, в состоянии малодушия, вздумаешь

склонить жезл судьи, то только из сострадания! Что еще мне сказать тебе? Не будь грубым с низшими, Санчо, и — прошу тебя — перестань ты болтать! Знай, что болтовня может довести тебя до виселицы, и... будь опрятен. Если ты исполнишь эти мои советы, ты будешь счастлив в новом положении. Ты понял меня? Понял ли ты меня?

Санчо. Не тревожьте больше свою душу, сеньор, я вас понял.

Дон Кихот. Погляди мне в глаза. Я верю тебе. Ну что же, давай попрощаемся. Мы больше с тобой не увидимся, дороги наши разошлись. Я отдохну здесь, в замке герцога, и тронусь в путь, туда, куда влечет меня мой долг.

Санчо. Эх, сударь...

Дон Кихот. Чего ты вздыхаешь?

Санчо. Я думаю о том, как это вы будете без оруженосца?

Дон Кихот. Я найду какого-нибудь другого.

Санчо. Пойдет ли еще кто-нибудь с вами, вот вопрос в чем! Знаете что, сеньор, я вам посоветую — вы тоже ему посулите остров. Я бы остался с вами, но...

Дон Кихот. Нет, нет, я хорошо понимаю.

Санчо. И позвольте мне, сеньор, на прощанье дать вам несколько наставлений. Что я хотел сказать вам? Да. Мое сердце чувствует, что вас будут бить, сеньор. Поэтому во время драки в особенности берегите голову, не подставляйте ее под удар. Она у вас полна очень умных мыслей, и жалко будет, если она разлетится, как глиняный горшок. Пусть уж палки гуляют по вашим бокам, одно-два ребра, куда ни шло!.. Что еще, сеньор? Да, там у вас осталась еще одна склянка этого Фьерабрасова бальзама. Вылейте

вы ее, сеньор, к дьяволу, потому что если вас не прикончат в бою, то уж, наверно, прикончит этот бальзам. Исполните мои заветы, сударь,— будете счастливы в вашем новом положении! А я о вас буду очень скучать.

Дон Кихот. Спасибо тебе, что ты позаботился обо мне. Прощай и поезжай!

Послышались звуки труб, двери распахнулись, появляются Герцогиня, Герцог, паж и с губернаторским одеянием.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Зал в загородном замке Герцога. Судейский трон. Кровать под балдахином. Слышны трубы. Санчо, в губернаторском наряде, входит в сопровождении свиты и садится.

Мажордом. Сеньор губернатор, на нашем острове Баратария издревле существует обычай, согласно которому новый губернатор, вступая в исполнение своих обязанностей, должен публично разрешить два или три головоломных дела для того, чтобы население узнало, умен ли новый губернатор или же он бесповоротный и окончательный идиот, и, в зависимости от этого, знало бы, что делать ему, то есть ликовать или сразу впадать в отчаяние.

Санчо. Давайте же сюда ваши дела!

Мажордом. Слушаю, ваша светлость!

Входят двое тяжущихся стариков, у Второго в руках палка.

Санчо. Что скажете, друзья мои?

Первый старик. Я, ваша честь, дал ему взаймы десять золотых и, когда настал срок, попросил

его вернуть мне их. И тогда он ответил, что он отдал мне их. А на самом деле это неправда, а свидетелей у меня нет. И сколько я ни ходил по судам, я ничего не могу поделать, потому что он клятвенно утверждает, что эти деньги мне вернул. Заступитесь, сеньор губернатор!

Санчо (*Второму старику*). Он давал тебе десять золотых займы?

Второй старик. Давал, ваша милость, давал, но я их вернул ему.

Первый старик. Лжет он, ваша честь, никогда он мне их не возвращал!

Второй старик. Нет, он лжет, я вернул ему деньги сполна.

Санчо (*Второму старику*). И ты готов присягнуть в этом?

Второй старик. Готов в любую минуту.

Санчо. Хорошо, присягай.

Второй старик (*Первому старику*). Будь добр, сосед, поддержи мою палку.

Первый старик берет палку.

(*Взявшись за жезл Санчо.*) Клянусь в том, что я вернул ему десять золотых, которые он дал мне займы.

Первый старик. Как же небо его не покарает?

Второй старик протягивает руку, чтобы взять у Первого палку.

Санчо. Нет, друг, ты сказал правду, когда присягал, но палка-то пусть останется у него навсегда.

Первый старик. Но разве она стоит десять червонцев, ваша честь?

Санчо. Стоит! Стоит, или вместо мозгов у меня кирпичи! Взломать сейчас же эту палку!

Палку взламывают, и из нее выкатываются деньги.

Первый старик. Мои денежки! О мудрейший из всех губернаторов!

Второй старик (падая на колени). Простите меня, сеньор губернатор!

Санчо. Уходи, хитроумный мошенник! Но помни, что, если ты вздумаешь еще раз окопачить кого-нибудь, тебе придется худо!

Первый старик. О великий губернатор!

Мажордом } Великий губернатор!
Свита }

Старики уходят. Появляется Женщина, за ней — Свиновод.

Женщина. Правосудия! Правосудия! И если мне откажут в нем здесь на земле, я буду искать его на небесах!

Санчо. А что случилось с тобой, голубка?

Женщина. Ваша милость, этот негодяй, встретив меня сегодня в поле, силой отнял у меня честь!

Санчо (Свиноводу). Ээ, да ты, как я вижу...

Свиновод (в отчаянии). Ваша светлость! Я, извольте ли видеть, свиновод...

Санчо. Ну так что же, что ты свиновод? Из этого ничего, дружочек, не следует... это... нет...

Свиновод. Я к тому говорю, ваша милость, что я действительно встретил ее сегодня в поле. Я, извольте ли видеть, продал сегодня четырех сви-ней... и... точно, случился грех... но с обоюдного согласия... и я даже заплатил ей.

Женщина. Лжет он!

Санчо. Ну, дорогой свиновод, есть ли у тебя при себе деньги?

Свиновод. Есть, ваша милость. Двадцать дукатов серебром.

Санчо. Ну что же, друг мой, плати.

Свиновод с отчаянием отдает кошелек Женщине.

Женщина. Да продлит господь жизнь нашего губернатора, защитника всех угнетенных! (Уходит.)

Санчо (Свиноводу). Чего горюешь, друг?

Свиновод. Душа моя тоскует при мысли о моих погибших денежках!

Санчо. Ну, если тоскует, то ты отними у нее кошелек.

Свиновод бросается вон. Послышался крик, потом вбегают Женщина, волоча за собой Свиновода.

Женщина. Сеньор губернатор! Этот разбойник среди бела дня при всех пытался отнять у меня кошелек, который вы мне присудили!

Санчо. Ну что же, отнял?

Женщина. Да я скорей расстанусь с душой моей, чем с этими деньгами! Он львиными когтями не вырвет их у меня!

Свиновод. Отказываюсь от денег!

Санчо (Женщине). Дай-ка сюда кошелек.

Женщина. Сеньор губернатор, как же так?..

Санчо. Давай сейчас же кошелек сюда! Если бы ты с такой же силой защищала свою честь, как эти деньги, Геркулес не отнял бы ее у тебя. Уходи отсюда, жадная лгунья! (Свиноводу). На тебе твой кошелек.

Свиновод. Благодарю вас, великодушный сеньор губернатор!

Санчо. Ну нечего, нечего, уходи отсюда и впредь не будь так легкомыслен.

Свиновод (удаляясь). Да здравствует наш губернатор!

Мажордом. Население в восторге от вас, сеньор губернатор! Дела закончены, и ужин готов.

Санчо. Тогда и я в восторге, давайте его сюда!

Появляется богато накрытый стол. Санчо усаживается за него. За креслом Санчо появляется доктор Агуэро. Лишь только Санчо прикасается к какому-нибудь блюду, Агуэро касается тарелки жезлом, и ее тотчас убирают.

Это что же значит?

Агуэро. Сеньор губернатор, я — доктор, назначенный специально для того, чтобы состоять при вашей особе и следить за тем, чтобы вы не съели чего-нибудь, что может повредить вашему драгоценному здоровью. Это блюдо вредно вам.

Санчо. Так дайте кусок куропатки!

Агуэро. Ни-ни-ни! Гиппократ, отец медицины и учитель всех врачей, говорит, что...

Санчо. Хорошо, хорошо, если он говорит. Дайте мне кусок кролика!

Агуэро. Что вы, сеньор губернатор?

Санчо. Позвольте спросить, как вас зовут, господин доктор, и где вы учились?

Агуэро. Я — доктор Педро Ресио де Агуэро, уроженец местечка, находящегося между Каракуэлой и Альмадавар дель Кампо, а докторскую шапку я получил в Оссунском университете.

Санчо. Вот что, дорогой доктор Педро Ресио де Агуэро, уроженец местечка Альмадавар дель Кампо! Вон отсюда ко всем чертям вместе с шапкой, полученной в Оссунском университете! Вон!

Агуэро. Сеньор губернатор!

Санчо. Вон!!

Агуэро убегает.

Подать мне кролика!

Мажордом. Слушаю, сеньор губернатор.

Санчо начинает есть. Слышен звук трубы.

(*Подает Санчо письмо.*) Письмо вашей светлости от герцога.

Санчо. Кто тут мой секретарь?

Мажордом. Я, ваша светлость.

Санчо. Читать умеете?

Мажордом. Помилуйте, ваша светлость!

(Санчо. Читайте, хотя бы по складам, я разберу.

Мажордом (*читает*). «Дорогой губернатор, до меня дошли сведения, что в одну из ближайших ночей враг намерен напасть на вверенный вам остров. Примите соответствующие меры...».

Санчо. Отодвиньте от меня кролика. Пропал аппетит. (*Мажордому.*) Очень вам благодарен за прочитанное. Искренне сожалею, что вас выучили читать.

Мажордом. Тут есть еще кое-что.

Санчо. Добивайте меня сразу.

Мажордом (*читает*). «Кроме того, извещаю вас, дорогой губернатор, что враги покушаются на вашу жизнь. Будьте осторожны во время еды, вас могут отравить. Ваш герцог».

Санчо. Я так и думал, что конец будет еще лучше начала. Убрать немедленно этот стол! Все убрать! (*Встает.*) Боже мой, боже мой! Дайте же мне хоть поспать спокойно, если уж мне не дают есть после всех трудов!

Мажордом. Слушаю, сеньор губернатор!

Темнеет. Санчо ведут к пологу, за которым он и скрывается; стол убирают. Зал пустеет. Слышна тихая музыка. Потом тревожный колокол, шум вдали.

Санчо (*выглянув из-за полога*). Это что же такое?

В отдалении выстрел.

Ну так и есть, сбылось написанное в этом проклятом письме! (*Скрывается за пологом.*)

Мажордом (*вбегая со шпагой*). Сеньор губернатор! Сеньор губернатор!

Санчо (*выглянув*). Что такое? Я надеюсь, что на острове все благополучно?

Мажордом. Никак нет! Враг внезапно напал на остров! К оружию, сеньор губернатор, к оружию! Становитесь во главе войска, иначе нас всех пережуют, как цыплят!

Санчо. К оружию? Ах, если бы здесь был мой господин! Чума меня возьми! (*Скрывается за пологом.*)

Мажордом (*отдергивая полог*). Ваша светлость, что же вы медлите?

Свита (*врываясь с факелами*). К оружию!

Мажордом. Подать сюда большие щиты!

Санчо запаковывают в два огромных щита, так что он становится похож на громадную черепаху.

Вперед, сеньор губернатор, вперед!

Санчо. Какое там вперед, когда я не могу двинуться с места!

Мажордом. Поднять губернатора!

Санчо поднимают и выносят. Шум боя, блеск факелов. Щиты вкатываются обратно и беспомощный Санчо остается лежать неподвижен, втянув голову в щиты. Вокруг него бешено топчет свита, за окнами крики и выстрелы.

Мажордом (вскочив на верхний щит Санчо, командует). Вперед, островитяне, вперед! Давайте сюда кипящее масло! Так, хорошо! Поливайте их! Сбрасывайте со штурмовых лестниц! Вперед! Вперед! Ага, они дрогнули! перевяжите раненых! Сюда! Ко мне! (Танцует на щите.)

Свита. Неприятель дрогнул!

— Он бежит?

— Победа!

— Победа!..

Бой затихает.

Мажордом (соскочив со щита). Победа! Развяжите губернатора!

Санчо развязывают и поднимают.

Поздравляю вас, ваша светлость! Под вашим предводительством армия островитян отразила неприятеля! Вы можете торжествовать!

Санчо. Дайте мне глоток вина.

Санчо подают вино.

Или, впрочем, не надо. Быть может, и вино у вас отравлено? Не надо. Приведите сюда моего осла.

Мажордом. Слушаю, сеньор губернатор.

Санчо. Расступитесь, сеньоры!

Свита расступается, и Санчо скрывается за пологом. К террасе, которая находится за залом, подводят осла.

(Выходит из-за полога, одетый в свою обычную

одежду). Ко мне, мой ослик! Ко мне, мой верный серый друг! (Обнимает осла.) Когда-то мы жили друг для друга: ты для меня, я для тебя. И тогда у меня не было никакой заботы, кроме одной — напитать твое маленькое тело. И как счастливо текли тогда наши годы и дни, и дома и в скитаниях! А теперь, когда я из честолюбия поднялся на эту высоту, тысяча беспокойств, две тысячи печалей начали терзать мою душу и тело! Дорогу мне, сеньоры! Верните мне мою прежнюю жизнь! Я возвращаюсь к моему рыцарю, я не рожден быть губернатором! Я умею подрезать виноградные лозы, а управлять островами не умею. Я привык держать в руках серп, и мне он нравится больше, чем губернаторский жезл. Я спокойнее сплю на траве, чем на тончайшей губернаторской простыне, и в моей куртке мне теплее, чем в губернаторской мантии. Прощайте же, сеньоры, прощайте! Но подтвердите перед герцогом, что я ушел отсюда таким же бедняком, как и явился к вам. Я ничего не потерял, но ничего и не присвоил. Смотрите, карманы мои пусты, я ничего здесь не украл! Прощайте! (Садится на осла.)

Ма ж о р д о м. Сеньор губернатор, мы просим вас остаться с нами.

С в и т а. Оставайтесь с нами!

С а н ч о. О нет, ни за что! Душа моя избита и изломана так же, как и мое тело.

А г у э р о. Я дам вам, сеньор губернатор, наилучшие пластыри и лекарства!

С а н ч о. О нет! Никакими пластырями вам не вытянуть из меня моего упрямства! Я из рода Санчо, и если я сказал что-нибудь, значит, сказал твердо!

Мажордом. Мы полюбили вас, губернатор. за ваш ум и находчивость! Оставайтесь с нами!

Санчо. Нет, нет, дорогу мне!

Мажордом. Ну что же поделать! Прощайте. Санчо Панса! Вы были самым честным и самым лучшим из всех губернаторов, управлявших этим островом! Прощайте!

Санчо. Прощайте! ((Уезжает.))

Конец третьего действия.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Терраса и сад у Герцога. Огни в саду. Слышна музыка. Герцог и Герцогиня сидят на террасе.

Дон Кихот (за сценой). «О ревность, жестокая владычица в стране любви, обвей цепями руки!..»

Герцогиня. Опять им овладел припадок. Вы слышите, как он выкрикивает стихи под музыку? Мне жаль его. Я думаю, что, если бы не это злосчастное безумие, он был бы одним из умнейших людей. Когда его оставляют видения, он рассуждает здраво, мысли его светлы.

Герцог. Вы ошибаетесь, дорогая, он неизлечим, и остается желать только одного — чтобы его безумие хоть чем-нибудь развлекало людей.

Послышались звуки труб, входит Паж.

Паж. Ваша светлость, в замок приехал какой-то рыцарь и просит принять его.

Герцог. Какой рыцарь?

Паж. Его никто не знает, ваша светлость, он в латах и в забрале.

Герцог. А, плуты пажи! Конечно, это шутка мажордома!

Паж. Нет, ваша светлость, право нет! Этот человек неизвестен никому, а назвать себя он отказывается.

Герцог. Ну хорошо, хорошо, во всяком случае, это забавно. Зови его сюда.

Паж уходит, послышались трубы, входит Сансон, в доспехах, с мечом и со щитом. На груди у него изображение луны.

Сансон. Простите меня, ваша светлость, за то, что я, непрощенный, явился к вам в замок.

Герцог. Я очень рад. Кто вы такой?

Сансон. Я — рыцарь Белой Луны.

Герцог. А, это очень интересно! (Герцогине.) Значит в замке теперь двое сумасшедших. (Сансону.) Какая же причина вас привела сюда, рыцарь? Впрочем, какова бы она ни была, я рад вас видеть.

Сансон. Мне сообщили, что Дон Кихот гостит у вас. Я приехал для встречи с ним.

Герцог. Да, Дон Кихот здесь у меня, и я охотно дам возможность вам увидаться с ним. (Пажу.) Проси сюда Дон Кихота.

Паж. Слушаю. (Уходит.)

Герцогиня. У меня какая-то смутная тревога, герцог, нет ли чего опасного в этой встрече?

Герцог. Не беспокойтесь, дорогая, ручаюсь вам, что это шутка придворных.

Дон Кихот (за сценой декламирует). Да, смерть моя близка... Я умираю. И ни на что я больше не надеюсь как в жизни, так и в смерти!.. (Входит в доспехах, но без шлема. Увидев Сансона.) Кто это? (Герцогу.) А, ваша светлость! Отчего же вы не пригласите сюда вашего духовника? Ведь он же говорил, что нет в Испании ни рыцарей, ни чудовищ! Он убедился бы теперь, что странствующие рыцари су-

ществуют! Вот, кроме меня, второй стоит перед вами! Вот стоит второй! Вы видите, огни плавают в его панцире и боевой отвагой горят его глаза — я вижу их в щели забрала! Итак, зачем же меня позвали сюда?

Сансон. Я приехал к вам, Дон Кихот Ламанчский.

Дон Кихот. Я здесь.

Сансон. Дон Кихот! Меня зовут рыцарем Белой Луны.

Дон Кихот. Что же привело вас ко мне?

Сансон. Я приехал, чтобы бросить вам вызов, Дон Кихот! Я заставляю вас признать, что моя дама, как бы она ни называлась, прекраснее вашей Дульсиныи Тобосской! И если вы не признаете этого, вам придется сражаться со мной. Один из нас будет повержен и примет повеления победителя. Я жду ответа.

Дон Кихот. Рыцарь Белой Луны, я, правда, ничего не читал и не слышал о ваших подвигах, чтобы поражаться ими, но ваше высокомерие поражает меня. Нет сомнений в том, что вы никогда не видели Дульсиныи Тобосской, иначе вы бы не осмелились заговорить о ней так!

Сансон. Я смею говорить о ней, как я хочу, раз я вас вызываю! Отвечайте мне: принимаете вы мой вызов или нет?

Дон Кихот. Довольно, рыцарь Белой Луны, ваш вызов принят! *(Пажу.)* Подайте мне мой шлем и щит! Герцог, разделите между нами солнце!

Герцогиня. Будет поединок? Я боюсь!

Герцог. Что вы, герцогиня, это чрезвычайно интересно! Эй, факелы сюда!

Вносят факелы. Паж подает Дон Кихоту цирюльный таз и щит.

Где вы хотите стать, рыцарь Белой Луны?

Сансон. Там, где стою.

Герцог. Становитесь здесь, Дон Кихот.

Дон Кихот. Моя дама, помоги тому из нас, кто прав!

Герцог. Сходитесь.

Дон Кихот бросается на Сансона, успевает ударить его мечом.
Левая рука Сансона повисает.

Сансон. Ах!.. (Устремляется на Дон Кихота, в ярости переламывает его меч, разбивает его щит и панцирь, сбивает с головы цирюльный таз).

Дон Кихот падает.

Герцогиня. Довольно! Довольно! Он повержен!

Герцог. Остановитесь!

Сансон. Нет, отойдите все! У нас с ним свои счеты! (Приставляет острие меча к горлу Дон Кихота.) Сдавайтесь, рыцарь Печального Образа, вы побеждены! Исполняйте условия поединка и повторяйте за мной: да, ваша дама, рыцарь Белой Луны, прекраснее Дульсинеи. Повторяйте!

Дон Кихот. Да, ваша дама... Нет, не могу! Я побежден, я побежден, я признаю это... но не могу признать, что есть на свете что-нибудь прекраснее Дульсинеи! Нет никого прекраснее ее! Но вот что вдруг стало страшить меня гораздо больше, чем острие вашего меча! Ваши глаза!.. Ваш взор холоден и жесток, и мне вдруг стало казаться, что Дульсинеи вовсе нет на свете! Да, ее нет!.. Мой лоб покрывается холодным потом при этой мысли!.. Ее нет!.. Но все равно, я не произнесу тех слов, которые вы хотите у меня вырвать. Прекраснее ее нет!

Впрочем, вашему железному сердцу этого не понять. Колите меня, я не боюсь смерти.

Сансон. Я убью вас!

Герцог. Остановится, я приказываю!

Санчо (появляется). Сеньор Дон Кихот!.. Мой дорогой сеньор... Я вовремя поспел... я бежал с острова, я более не губернатор! Послушайтесь же совета своего оруженосца — признайте себя побежденным! (Герцогу.) Ваша светлость, не дайте отнять жизнь у честнейшего и мудрейшего идальго!

Герцогиня. Остановите поединок! Я не позволяю!

Сансон. Еще раз повторяю — оставьте нас! (Дон Кихоту.) Я освобождаю вас от этих слов. Живите со своим мечтанием о Дульсине, ее на свете нет, и я удовлетворен: моя дама живет на свете, и уже потому она прекраснее вашей! Повторяйте за мной другое: я готов по требованию победившего меня рыцаря Белой Луны удалиться навсегда в свое поместье в Ламанче, подвигов более не совершать и никуда не выезжать!

Дон Кихот. Каменное сердце...

Сансон. Клянись, моему терпению приходит конец!

Герцогиня. Клянись!

Санчо. Клянись!

Дон Кихот. Я клянусь... я побежден...

Сансон вкладывает меч в ножны, отходит.

Кто же со мной?.. Санчо... Санчо, помоги мне, у меня разбита ключица...

Санчо. Помогите поднять его!

Пажи бросаются к Дон Кихоту, поднимают его.

Герцогиня. Послать за доктором!

Дон Кихота уносят, и на сцене остаются Герцог и Сансон.

Герцог. Шутка зашла слишком далеко, и теперь я требую, чтобы вы подняли забрало и назвали свое имя.

Сансон (*поднимая забрало*). Я — бакалавр Сансон Карраско из Ламанчи, рыцарем я никогда не был и быть им не желаю. Мне жаль было бедного идальго Алонсо Кихано, я его уважаю и люблю, и я решил положить конец его безумствам и страданиям.

Герцог. Гм... Ваш поступок благороден, бакалавр, я вижу, вы заплатились рукой за него. Ну что же, это делает вам честь! Но все же не могу не пожалеть о том, что похождения Кихано прекратились. Они были забавны, и он и его оруженосец развлекали людей.

Сансон. Не будем жалеть об этом, ваша светлость. Разве мало иных развлечений на Свете! Соколиная охота, танцы при свете факелов, пиры и поединки... У знатных людей нет во всем этом недостатка, и нужно ли для развлечения рядить в шуты, увеличивая число шутов природных, человека, который этого совершенно не заслуживает?

Герцог. В ваших словах, почтенный бакалавр, мне чудится дыхание какого-то нравоучения, а к ним я вовсе не привык.

Сансон. Да сохранит меня небо от этого, герцог! Я не настолько дерзок, чтобы осмелиться вас учить. Считайте, что я рассуждаю сам с собой.

Герцог. Так знайте же, бакалавр, что для таких рассуждений наиболее удобным местом является

ваш собственный дом. Если бы я знал о вашем замысле, я бы не допустил вас в замок!

Сансон. О, я догадался об этом и поэтому проник в замок в виде развлечения, желая этим угодить вашей светлости.

Герцог. Довольно! Прощайте.

Сансон поворачивается и уходит.

Эй! Выпустить из замка рыцаря Белой Луны!

Трубы.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Двор дома Дон Кихота. Закат. И комнаты и двор пусты. На холме, на дороге, за калиткой появляются сгорбленный и опирающийся на палку Дон Кихот с перевязанной рукой и Санчо, ведущий Росинанта и осла. На Росинанта нагружены доспехи, так что кажется, что верхом на лошади едет пустой внутри рыцарь со сломанным копьем.

Санчо. Вот она, наша деревня, сеньор! О желанная родина! Взгляни на своего сына Санчо Панса, открой ему свои объятия. Он возвращается к тебе не знатным, но чрезвычайно обогащенным опытом, полученным благодаря бедствиям, волнениям и несчастиям всякого рода. Он испытал все, начиная от града палочных ударов, сыпавшихся на его бедное, незащитное тело, насмешек и издевательств людей, не понимающих, что такое оруженосец, и вплоть до неслыханных почестей, свалившихся ему на голову, когда он стал губернатором! И вот разлетелось это губернаторство как дым, прошла боль от палочных ударов, и сын своей родины явился туда, откуда он

вышел,— под сень этих деревьев, к родному колодезю! (*Привязывает Росинанта и осла.*)

Дон Кихот в это время стоит неподвижно на холме, над двором и смотрит вдаль.

Племянница! Сеньора ключница! Я безбоязненно оглашаю воздух криками, потому что знаю, что вы, сеньора ключница, теперь уже не вцепитесь в меня своими острыми когтями и не осыпете меня бранью, от которой холодеет сердце у самого храброго. Мы возвратились навсегда!.. Сегодня суббота, она в церкви... Сеньор Дон Кихот, что же вы не входите к себе? Куда вы смотрите, сеньор?

Дон Кихот. На солнце. Вот он, небесный глаз, вечный факел вселенной, создатель музыки и врач людей! Но день клонится к ночи, и неудержимая сила тянет его вниз. Пройдет немного времени, и оно уйдет под землю. Тогда настанет мрак. Но этот мрак недолог, Санчо! Через несколько часов из-за края земли брызнет свет и опять поднимется на небо колесница, на которую не может глядеть человек. И вот я думал, Санчо, о том, что, когда та колесница, на которой ехал я, начнет уходить под землю, она уже более не поднимется. Когда кончится мой день — второго дня, Санчо, не будет. Тоска охватила меня при этой мысли, потому что я чувствую, что единственный день мой кончается.

Санчо. Сеньор, не пугайте меня! У вас открылись раны. Всем известно, что, когда начинает ныть тело, ноет и душа. Вы больны, сударь, и вам нужно как можно скорее лечь в постель.

Дон Кихот входит во двор, садится на скамью.

Идемте, сударь, я уложу вас, вас накормят, а сон принесет вам исцеление.

Дон Кихот. Нет! Я хочу поглядеть на деревья... Смотри, листва пожелтела... Да, день кончается, Санчо, это ясно. Мне страшно оттого, что я встречаю мой закат совсем пустой, и эту пустоту заполнить нечем.

Санчо. Какую пустоту, сеньор? Я ничего не понимаю в этих печальных и мудреных мыслях, не смотря на то, что я необыкновенно отточил свой ум в то время, когда был губернатором. Неужели этот проклятый рыцарь Белой Луны — чтоб его раскололи в первом же бою, как перезревшую дыню, — своим мечом испортил не только ваше грешное тело, но и бессмертную душу?

Дон Кихот. Ах, Санчо, Санчо! Повреждения, которые нанесла мне его сталь, незначительны. Также и душу мою своими ударами он не изуродовал. Я боюсь, не вылечил ли он мою душу, а вылечив, вынул ее, но другой не вложил... Он лишил меня самого драгоценного дара, которым награжден человек, — он лишил меня свободы! На свете много зла, Санчо, но хуже плена нету зла! Он сковал меня, Санчо!.. Смотри, солнце срезано наполовину, земля поднимается все выше и выше и пожирает его. На пленного надвигается земля! Она поглотит меня, Санчо!

Санчо. Ах, сударь, чем больше вы говорите, тем меньше я что-либо понимаю. Я вижу только одно — что вы тоскуете, и не знаю, чем вам помочь! Чем мне развеселить вас? Где прежний рыцарь? Ну хорошо, он победил вас и больше вам не странствовать и меч не обнажать. Но вспомните, сударь, вы же хотели на крайний случай стать пастухом! И я охотно пойду с вами, сударь, если вы мне подарите еще па-

рочку ослят, потому что я к вам очень привык... Да не молчите же, сударь! Ах, вот сама судьба приходит ко мне на помощь! А вот теперь я посмотрю, как загорятся сейчас огнем ваши глаза! Сударь, встаньте, идет ваше мечтание, к вам приближается Дульсинея Тобосская!

Из калитки, которая ведет в деревню, выходит Альдонса Лоренсо с корзиной. Увидев Дон Кихота, пугается.

Альдонса. Ах ты, горе какое! Вот он опять, сумасшедший идалго, на моем пути!

Санчо. Принцесса красоты и королева величия! Перед вами покоренный рыцарь Дон Кихот Ламанчский!

Альдонса. И ты уже сошел с ума, толстый Санчо Панса? Или ты хочешь подшутить надо мной? Если так, то побереги свои шутки для кого-нибудь другого, а мне дай дорогу! И не смей меня называть Дульсинеей! Я Альдонсой была и Альдонсой останусь. И так надо мной все смеются по вине твоего господина, несчастного дона Алонсо! Отдай эту корзину ключнице, а меня выпусти!

Санчо. Не слушайте ее, сеньор, она все еще очарована!

Дон Кихот. Альдонса!

Альдонса. Что вам угодно, сударь?

Дон Кихот. Вы боитесь меня?

Альдонса. Да, боюсь. Вы, сударь, так странно говорите и никого не узнаете...

Дон Кихот. Я вам скажу, кто вы такая. Вы — Альдонса Лоренсо, крестьянка из соседней деревни. Вы никогда не были Дульсинеей Тобосской, это я вас так прозвал, но в помрачении ума, за что прошу простить меня. Ну, теперь вы не боитесь меня?

Альдонса. Нет, не боюсь. Неужто вы узнали меня?

Дон Кихот. Узнал, Альдонса... Идите спокойно своей дорогой, мы вас не обидим. Санчо, не держи ее.

Альдонса убегает.

Санчо. Ну, сударь, теперь я вижу, что Белая Луна действительно все перевернула в голове у вас! Пусть меня повесят, если и мне не мерещится все время этот рыцарь... и, когда мы подходили с вами к деревне, мне все казалось, что он крадется за нами по полям.

Дон Кихот. Тебе не померещилось. Санчо, это так и было. Он действительно шел по полям за нами, хоть он и не рыцарь и никогда им не был. Да, он не рыцарь, и тем не менее — он наилучший рыцарь из всех, которых мы с тобой встретили во время наших скитаний. Но он жестокий рыцарь.

Санчо. Клянусь детьми, этой загадки не поймет даже лучший губернатор!

Дон Кихот. Идем домой.

Идут в дом, причем Санчо несет доспехи. В комнате Санчо ставит их в угол, отдергивает полог.

Санчо. Ох, вот теперь я вижу, что вы больны, сударь! Ложитесь немедленно, а я сейчас слетаю за сеньором лицензиатом и цирюльником, они помогут вам. Я сейчас же вернусь, сударь! (Убегает во двор и уходит, увозя осла.)

Через некоторое время показывается Антония, входит во двор, а на холме за оградой, на дороге, возникает фигура Сансона в доспехах. Сансон идет медленно, и рука его, так же как и у Дон Кихота, на перевязи.

Антония. Помилуй нас, господи! Кто же это там? Дядюшка? Нет, это не он! Уж не лишилась ли я от горя и сама рассудка? Я вижу рыцаря на закате, или это заходящее солнце играет со мной? Луна горит на груди у него, и перья колышутся на шлеме! Или мы все сумасшедшие, а дядюшка один здравомыслящий? Неужели он был прав, когда утверждал, что странствующие рыцари существуют?.. Кто вы такой?

Сансон (входя). Антония, это я. (Снимает шлем.)

Антония. Сансон!

Сансон. Осторожнее, Антония, рука моя болит.

Антония. Вы ранены, Сансон? Что с вами?

Сансон. Нет, нет. (Освобождается от доспехов.) В преисподнюю щит с изображением луны и туда же меч!

Антония. Сансон, вы говорили, что вы вернетесь только в том случае... Где дядюшка? Он не погиб?

Сансон (указывая на дом). Он дома. Я сдержал свое слово, Антония, и Алонсо Кихано никогда больше не покинет родной очаг.

Антония. Дома?.. Дома?! Если это так, Сансон, вы настоящий колдун! Недаром вас сделали бакалавром! Как же не сделать бакалавром самого умного человека на свете! Ах, что я говорю!.. У меня путаются мысли... Но это от радости, Сансон! Как же вы сделали это? Сансон! Сансон! (Целует Сансона.)

Сансон. Зачем же вы целуете труса и обманщика?

Антония. Не говорите так, Сансон! Какой вы

злой, зачем вы мстите мне? Ведь я была тогда в горе, оттого и вырвались у меня эти слова. Нет, нет, Сансон, вы лучший друг наш, вы самый замечательный и благородный человек! (*Целует Сансона и убеждает в дом.*)

Солнца уже нет, темнеет.

Дядюшка! Где вы?

Дон Кихот (*за пологом*). Кто тут?

Антония. Это я, сеньор Алонсо, я, Антония! (*Отдергивает полог.*)

Дон Кихот. Мне что-то душно, Антония...

Антония. Ложитесь! Ложитесь скорей опять!

Дон Кихот. Нет, нет, мне душно... и беспокойно... я лучше сяду здесь... и позови кого-нибудь, Антония, позови!

Антония. Дядюшка, здесь бакалавр Сансон, позвать его?

Дон Кихот. Ах, он явился? Я ждал этого. Зови его сюда, но зови скорее.

Антония. Сансон! Сансон!

Сансон. Я здесь, сеньор Дон Кихот.

Дон Кихот. Зачем вы так называете меня? Ведь вы же прекрасно понимаете, что я не Дон Кихот Ламанчский, а тот самый Алонсо Кихано, прозванный Добрым, так же как и вы — бакалавр Сансон Карраско, а не рыцарь Белой Луны.

Сансон. Вы все знаете?

Дон Кихот. Да, знаю. Я узнал ваши глаза в забрале и голос, безжалостно требовавший повиновения... тогда, на поединке. Мой разум освободился от мрачных теней. Это случилось со мной тогда, Сансон, когда вы стояли надо мной в кровавом свете фа-

келов в замке... Словом, теперь я вижу вас, я вижу все.

Сансон. Простите меня, сеньор Кихано, что я напал на вас!

Дон Кихот. Нет, нет, я вам признателен. Вы своими ударами вывели меня из плена сумасшествия. Но я жалею, что эта признательность не может быть продолжительной. Антония, солнце село?.. Вот она!..

Антония. Сеньор Алонсо, успокойтесь! Здесь никого нет!

Дон Кихот. Нет, нет, не утешай меня. Антония, дочка моя, я не боюсь. Я ее предчувствовал и ждал сегодня с утра. И вот она пришла за мной. Я ей рад. Когда Сансон испугнул вереницу ненавистных мне фигур, которые мучили меня в помрачении разума, я испугался, что останусь в пустоте. Но вот она пришла, и заполняет мои пустые латы, и обвивает меня в сумерках...

Сансон. Вина ему, Антония, вина!..

Дон Кихот. Антония... Ты выйди замуж за того, кто не увлекался рыцарскими книгами, но у кого рыцарская душа... Сансон, у вас есть дама, и эта дама действительно прекраснее Дульсинеи... Она жива, ваша дама... Ключницу позовите... Нет, нет, Санчо!.. Санчо мне! Санчо!.. *(Падает.)*

Через двор пробегает Санчо, появляется в доме.

Санчо. Сеньор бакалавр! Помогите ему!

Сансон. Антония, вина ему! Санчо, огня!

Антония убегает.

Санчо. Сеньор Кихано! Не умирайте! Синьор

Дон Кихот, вы слышите мой голос? Взгляните на меня! Это я, Санчо!.. Мы станем пастухами, я согласен идти с вами!.. Почему вы не отвечаете мне?..

Антония (*вбегает со светильником*). Что делать, Сансон? Что делать?

Санчо. Он не отвечает мне!

Сансон. Я сделать больше ничего не могу. Он мертв.

К о н е ц

ПРИМЕЧАНИЯ

Биографическая справка

Михаил Афанасьевич Булгаков родился 3(15) мая 1891 года в Киеве в семье профессора Киевской духовной академии. В Киеве окончил гимназию (в 1909 г.) и медицинский факультет университета (в 1916 г.). Два года (1916—1917) работал земским врачом в селе Никольском, Сычовского уезда, Смоленской губернии, потом вернулся в Киев, занимался частной практикой. В 1919 году Булгаков медицину бросил — его влекло к литературе, к театру. В 1920 году он работал во Владикавказе, в подотделе искусств, печатался в местной газете, писал пьесы для Владикавказского театра. Известно, что три его ранние пьесы были поставлены. (Недавно обнаружена рукопись пьесы «Сыновья муллы».) В 1921 году Булгаков побывал в Тифлисе и в Батуме, затем переехал в Москву, начал работать в газете «Гудок» репортером и фельетонистом. Сотрудничал также в газете «Накануне», издававшейся в Берлине, там печатались краткие, но живые московские очерки Булгакова, своеобразные «зарисовки с натуры», проникнутые явной симпатией к Советской власти, к жизни революционной столицы. В «Гудке» сблизился с В. Катаевым, И. Бабелем, И. Ильфом, Е. Петровым, Ю. Олешей. Начал писать фантастические повести, новеллы — в 1923 году в журнале «Россия»

были опубликованы «Записки на манжетах», в 1925 году в альманахе «Недра» появилась новелла «Роковые яйца». Горький тогда же заметил: «Остроумно и ловко написаны «Роковые яйца» Булгакова...» («Молодая гвардия», 1956, № 1, стр. 148). Первая книга Булгакова — сборник рассказов «Диаволиада» — вышла также в 1925 году. В этом же году Булгаков пишет «Рассказы юного врача», опубликованные в 1963 году в журналах «Москва», № 5, и «Огонек», № 21. В журнале «Россия» в 1925 году печатался роман Булгакова «Белая гвардия». Однако журнал «Россия» в этом году прекратил свое существование, и «Белая гвардия» полностью напечатана не была. Действие романа происходит в Киеве в годы гражданской войны. Написанный Булгаковым по личным впечатлениям 1918—1919 годов, роман этот обладает большими художественными достоинствами. А. Фадеев, например, относил его к лучшим произведениям русской советской прозы (см. «Новый мир», 1957, № 2). Появление «Белой гвардии» привлекло к творчеству Булгакова внимание Московского Художественного театра. По мотивам романа была написана первая известная пьеса Булгакова «Дни Турбиных» (1926).

В 1926 году Булгаков написал комедию «Зойкина квартира», поставленную в театре им. Евг. Вахтангова А. Поповым. В спектакле участвовали Р. Симонов (Аметистов), Ц. Мансурова (Зойка), Е. Алексеева (мадам Иванова), Б. Щукин (Иван Васильевич) и другие. Комедия подверглась резкой критике в печати и была снята с репертуара. Не была допущена к исполнению драма Булгакова «Бег» (1927), готовившаяся к постановке в Художественном театре. Комедия «Багровый остров», поставленная в 1928 году, была исключена из репертуара Камерного театра.

Эти административные меры были вызваны тем, что И. Сталин отрицательно отзывался о Булгакове, о его пьесах «Бег» и «Багровый остров», заявлял, что автор «неповинен в успехе «Дней Турбиных» и т. п.

С 1930 по 1936 год Булгаков работал в Московском Художественном театре в должности режиссера-ассистента. Он участвовал в работе над постановками «Мертвых душ», «Пиквикского клуба», «Мольера»; в спектакле «Пиквикский клуб» исполнял эпизодическую роль Президента суда. Драматургическое мастерство Булгакова обнаружилось в его чрезвычайно удачной работе над «Мертвыми душами» Гоголя: Булгаков создал сценический вариант романа, который с 1932 года до наших дней сохранился в репертуаре МХАТ и ставился во многих театрах страны.

В 1931 году была написана пьеса «Адам и Ева».

В 1933 году Булгаков написал биографическую повесть «Жизнь господина де Мольера», вышедшую в свет в издательстве «Молодая гвардия» в 1962 году (в серии «Жизнь замечательных людей»). Затем были написаны драмы «Кабала святош» («Мольер», 1930—1936) и «Последние дни» («Пушкин», 1935), фантастические комедии «Иван Васильевич», «Блаженство», создан сценический вариант «Дон Кихота» (1938), пьеса «Батум» (1939). В последние годы жизни Булгаков написал несколько оперных либретто («Минин и Пожарский», «Черное море», «Петр Великий», «Рашель» по Мопассану), закончил роман «Мастер и Маргарита». Незавершенной осталась рукопись сатирического романа «Записки покойника».

М. А. Булгаков умер в Москве 10 марта 1940 года.

Талант Булгакова высоко ценили виднейшие мастера советского театра — К. Станиславский, Вл. Немирович-Данченко, В. Качалов, Н. Хмелев, А. Попов, А. Таиров. «Булгаков, — писал Вл. Немирович-Данченко, — едва ли не самый яркий представитель драматургической техники. Его талант вести интригу, держать зал в напряжении в течение всего спектакля, рисовать образы в движении и вести публику к определенной заостренной идее — совершенно исключителен...» (газ. «Горьковец», 1934, 15 февраля).

«Дни Турбиных»

Пьеса написана М. Булгаковым в 1925—1926 годах по мотивам его романа «Белая гвардия». Первоначальный ее вариант обладал всеми характерными признаками инсценировки— был фрагментарен, слишком покорно следовал за текстом романа. В первом варианте инсценировки «Белой гвардии» было шестнадцать картин (экземпляр Музея МХАТ № 361). В работе с режиссером И. Судаковым и заведующим литературной частью МХАТ П. Марковым автор постепенно добился энергичной концентрации действия, драматургической цельности и самостоятельности произведения. Процесс создания пьесы был сложным и трудоемким, об этом свидетельствуют сохранившиеся рукописи нескольких вариантов произведения. Количество картин все уменьшается, сокращается также число действующих лиц, зато образы постепенно обретают все большую жизненность, завершенность характеристик, а пьеса в целом — динамичность развития и зрелость мысли. Работа над текстом «Дней Турбиных» продолжалась в процессе репетиций, на этом этапе в ней принял участие К. Станиславский.

Сам Булгаков активно участвовал в подготовке спектакля. Впоследствии К. С. Станиславский писал: «Вот из него может выйти режиссер. Он не только литератор, но он и актер. Сужу по тому, как он показывал актерам на репетициях «Турбиных». Собственно — он поставил их, по крайней мере, дал те блестящие, которые сверкали и создавали успех спектаклю» (Собр. соч., т. 8, стр. 269). Незадолго до премьеры в печати появились сообщения, верно формулировавшие цели, которыми руководствовались и автор и театр. «Пьеса, — сообщалось 7 января 1926 года в «Вечерней Москве», — охватывает эпоху гетмановщины и петлюровщины на Украине до прихода красных. Цель пьесы — показать, как революция меняет людей, показать судьбу людей, принявших и не принявших революцию».

Премьера «Дней Турбиных» в Московском Художествен-

ном театре состоялась 5 октября 1926 года. Художественным руководителем постановки был К. Станиславский, режиссером — И. Судаков. Оформил спектакль художник Н. Ульянов. Роли исполняли: Алексей Турбин — Н. Хмелев, Николка — И. Кудрявцев, Елена Тальберг — В. Соколова, Тальберг — В. Вербицкий, Мышлаевский — Б. Добронравов, Шервинский — М. Прудкин, Студзинский — Е. Калужский, Ларисик — М. Яншин, Гетман «всея Украины» — В. Ершов.

Спектакль вызвал бурную полемику в печати, некоторые критики увидели в пьесе Булгакова оправдание белогвардейщины, хотя, разумеется, действительный смысл ее состоял именно в полном развенчании «белого движения» и «белой идеи», в утверждении мысли об исторической закономерности и справедливости Октября. В некоторых статьях и выступлениях высказывалось требование запретить постановку «Дней Турбиных».

Однако нарком просвещения А. В. Луначарский занял по отношению к спектаклю «Дни Турбиных» более терпимую позицию. Несмотря на то, что он отчасти поддержал тех критиков, которые называли пьесу «полуапологией белогвардейщины», Луначарский тем не менее увидел в ней и «очень яркое изображение контрреволюционной гнили» и признавал огромный успех постановки ее в Художественном театре. «Театр, — писал он, — и при этом именно молодая его труппа, внес в спектакль много таланта. Спектакль сыгран первоклассно» («Известия», 1926, 8 октября). В другой статье Луначарский писал, что «пьеса «Дни Турбиных» является огромным шагом вперед для Художественного театра» («Известия», 1926, 14 декабря).

Действительно, в истории Художественного театра первая встреча с Булгаковым сыграла большую и важную роль. Коллектив театра, который не мог по-настоящему сплотиться в работе по возобновлению старых спектаклей и не находивший современных пьес, был охвачен единым дружным порывом творчества. «Турбины» для нового поколения Художест-

венного театра стали новой «Чайкой»,— писал в 1934 году В. Сахновский.

Пьеса «Дни Турбиных» была разрешена к постановке только в Художественном театре.

Спектакль МХАТ шел со все нарастающим успехом. «Дни Турбиных» за период с 1926 по 1941 год выдержали 987 представлений. С большим успехом играли в этом спектакле также А. Тарасова в роли Елены Тальберг, В. Топорков в роли Мышлаевского, В. Вербицкий и А. Кторов в роли Шервинского. Декорации спектакля погибли в Минске в июне 1941 года, в первые дни Великой Отечественной войны. С тех пор «Дни Турбиных» в МХАТ не возобновлялись.

В 1954 году М. Яншин в Государственном драматическом театре им. Станиславского поставил «Дни Турбиных», сохранив в основном режиссерское решение спектакля МХАТ. В 1955 году новую режиссерскую интерпретацию пьесы дал Л. Варпаховский в спектакле Тбилисского государственного русского театра им. Грибоедова. В 1957 году «Дни Турбиных» поставила В. Редлих в новосибирском театре «Красный факел».

В 1938 году «Дни Турбиных» были поставлены режиссером Морисом Сен Дени в лондонском театре «Феникс» в переводе Роднея Экланда.

В 1960 году в Лондоне прошла телевизионная постановка «Дней Турбиных», осуществленная режиссером Рудольфом Картье, с участием Мариуса Горинга в роли Алексея Турбина, Сары Лоусон в роли Елены Тальберг, Дейвида Камерона в роли Шервинского.

«Бег»

Над пьесой «Бег» М. Булгаков работал в 1926—1928 годах. Центральный образ произведения — образ Хлудова — воспроизводит фигуру белогвардейского генерала Я. Слащова, возглавлявшего в 1920 году врангелевские войска в Крыму. «Слащов,— писал Д. Фурманов,— это имя, которое не мог

никто из нас произносить без гнева, проклятий, без судорожного возбуждения. Слащов — вешатель, Слащов — палач, этими черными штемпелями припечатала его имя история. В каждой статейке, очерке, рассказе, воспоминаниях о крымской борьбе 1920 года вы встретите имя Слащова только с этими позорными клеймами». И далее: «Вся жестокость и бессмысленность белого террора, в котором повинен и Слащов, конечно, не может быть отнесена целиком на долю его личных, индивидуальных качеств. Дело не в том. Дело в самой структуре белой, бывшей царской, армии, в том духе, которым она была пропитана, в тех традициях и навыках, которыми она жила, в той системе отношений, которые она воспитывала. И Слащов-палач — это живое воплощение старой армии, самое резкое, самое подлинное» (Д. Фурманов, Предисловие к книге Я. Слащова «Крым в 1920 году», М.—Л., 1923).

Естественно, что Слащов заинтересовал М. Булгакова именно как «самое резкое, самое подлинное» воплощение белогвардейского движения в момент, когда белогвардейщина была уже при последнем издыхании. В фигуре Слащова выразилась агония всей «белой идеи». Кроме того, фигура эта интересна была еще и тем, что вскоре после разгрома белых в Крыму Слащов с повинной вернулся из эмиграции в Советскую Россию, был помилован и последние годы жизни честно работал в Красной Армии. Эмиграция объявила его изменником. Слащов же в своей книге «Крым в 1920 году» весьма подробно рассказал о полном внутреннем разложении в крымском лагере белых. М. Булгаков в работе над «Бегом» пользовался и книгой Я. Слащова. В образе Корзухина, например, мы узнаем сотника Фроста, в образе архиепископа Африкана — епископа Вениамина, в образе Белого главнокомандующего — самого Врангеля и т. д.

Выводы, к которым приходит в «Беге» Булгаков, решительны и бесповоротны; по сравнению с «Белой гвардией»

и даже с «Днями Турбиных» это произведение отмечено печатью возросшей зрелости мастера. Если в «Днях Турбиных» Булгаков ограничился утверждением, что «белое движение» обречено на гибель, что оно антинародно, что народ — с большевиками, то в «Беге» мысль его идет дальше. Центральная фигура пьесы, Роман Хлудов, — это иступление белой гвардии, ее отчаяние и ее бешенство, ее смертник и ее смерть.

Булгаков обвиняет белую гвардию в кровавых преступлениях против народа, он говорит, что русский патриотизм возможен после Октября только как патриотизм советский.

«Бег» был принят к постановке Московским Художественным театром. Хлудова должен был играть Н. Хмелев, Чарноту — В. Качалов, Серафиму — А. Тарасова, Люську — О. Андровская, Корзухина — В. Ершов, Африкана — И. Москвин, Белого главнокомандующего — Ю. Завадский. Руководил постановкой Вл. И. Немирович-Данченко, режиссеры спектакля — И. Судаков и Н. Литовцева. Однако работники Главреперткома, вопреки мнению Горького, Луначарского, Станиславского, Немировича-Данченко и других, добились запрещения «Бега», утверждая, что и эта пьеса — «инсценированная панихида белому движению», что Булгаков идеализирует белых генералов и т. п. В своих опубликованных недавно мемуарах (см.: О. Литовский, Так и было, М., 1958, стр. 232—234; Н. Равич, Памятные встречи. — «Звезда», 1958, № 7, стр. 153—154) инициаторы запрещения «Бега» пытаются доказать, что они были правы.

Во время обсуждения «Бега» Художественным советом МХАТ 9 октября 1928 года М. Горький говорил: «...не вижу никакого раскрашивания белых генералов. Это — превосходнейшая комедия, я ее читал три раза и читал и другим товарищам. Это — пьеса с глубоким, умело скрытым сатирическим содержанием. Хотелось бы, чтобы такая вещь была поставлена на сцене Художественного театра... «Бег» — великопная вещь, которая будет иметь анафемский успех, уверяю

вас». Вл. И. Немирович-Данченко тогда же заметил: «Главрепертком ошибся в своей оценке пьесы, по всей вероятности, потому, что в пьесе очень много комедийного, которое пропадает, когда пьеса читается не на публике. Что касается ролей, вызвавших сомнения, то если Чарнота — герой, то только в том смысле, как и герои — Хлестаков, Сквозник-Дмухановский. И он будет высмеян так же, как типы гоголевских комедий. Самый важный момент в пьесе — появление Хлудова. Сразу чувствуется, что он болен. Он сознает, что делает неправое дело, и продолжает его делать, и этим-то он и болен».

Напряженная борьба вокруг «Бега» сначала привела к тому, что постановка пьесы, как и «Дни Турбиных», была разрешена только Художественному театру («Правда», 1928, 11 октября). Но очень скоро последовало безусловное запрещение пьесы («Правда», 1928, 24 октября).

Пьеса впервые была поставлена лишь в 1957 году в Волгоградском драматическом театре им. Горького режиссером Н. Покровским в декорациях Н. Медовщикова. Роли исполняли: Хлудов — В. Ключкин, Чарнота — К. Синицын, Корзухин — А. Машков, Серафима — Т. Коновалова, Начальник станции — И. Овчаренко и другие. В рецензии журнала «Театр» (1957, № 8) отмечалось, что «зритель понял и горячо принял спектакль, в котором замысел драматурга воплощен талантливо и правдиво», что работа над «Бегом» была «не просто подготовкой очередной премьеры, а событием, кровным делом всего коллектива». С особенной силой исполнил В. Ключкин роль Хлудова. Рецензент местной газеты писал: «Ключкин развенчивает Хлудова до конца и в то же время создает сложный характер. В конце спектакля Хлудов приходит к решению возвратиться на родину, хотя знает, что там его ожидает смерть, справедливая расплата за совершенные им злодеяния. Но морально Хлудов уже давно мертвый...» Спектакль, продолжал рецензент, убеждает в «творческой зрелости театра, ибо идея сложной пьесы нашла

правильное сценическое воплощение» (газ. «Молодой ленинец», 1957, 18 мая). Чрезвычайно углубленная и серьезная режиссерская работа Н. А. Покровского завершилась подлинным успехом.

27 июня 1958 года состоялась премьера «Бега» в Ленинградском государственном академическом театре драмы им. Пушкина. Ставил спектакль Л. Вивьен. Хлудова играл Н. Черкасов, Чарноту — Ю. Толубеев, Голубкова — В. Честноков, Корзухина — В. Янцат, Люську — Т. Алешина. Оформлял постановку художник А. Босулаев.

Нарекания критики вызывал финал спектакля, в котором возвращение Хлудова на родину подавалось с необоснованной торжественностью и патетичностью, что, разумеется, никак не соответствует замыслу Булгакова. Критик Р. Беньяш замечала, что для верного сценического звучания «Бега» «нужна не снизводительная лира, а нержавеющее оружие разящей сатиры», что в конце спектакля «напряжение снимается, а внутреннее смятение сменяется внешней суетливостью». Тем не менее образы, созданные в этом спектакле и Н. Черкасовым и Ю. Толубеевым, были образами большого масштаба и богатого эмоционального содержания.

В 1959 году «Бег» был поставлен режиссером Мирославом Махачеком в Пражском Камерном театре. Роли исполнили: Хлудов — Рудольф Грушински, Чарнота — Йозеф Бек, Серафима — Бланка Богданова, Люська — Ружена Лисенкова, Голубков — Святоплек Бенеш, Корзухин — Эдуард Дубски. Спектакль был оформлен художницей Эстер Крумбаховой.

В Польше «Бег» шел в Театре Земли Поморской (г. Быдгощ) в постановке Гугона Морициньского. Премьера состоялась 23 апреля 1960 года. Роль Хлудова играл Эдислав Карчевский, Чарноты — Славомир Мюзиревич.

Пьеса издана в Чехословакии (отдельным изданием, 1964) и в Польше (в журнале «Диалог», 1960, № 1).

«Кабала святош»

(«Мольер»)

Над пьесой о Мольере М. А. Булгаков работал на протяжении длительного периода — с 1930 по 1936 год. Он изучил русскую и французскую литературу о Мольере и его времени и настолько глубоко освоил материал, что кроме пьесы написал повесть о Мольере, которая донныне является одной из лучших беллетризованных биографий великого драматурга, и, по свидетельству виднейшего советского мольериста Г. Н. Бояджиева, с большой полнотой и силой воссоздает живой образ Мольера. «Фигура Мольера,— пишет Г. Бояджиев,— под пером у Булгакова обрела героический и драматический отсвет, его страсть к театру воспринимается как подвижничество, его жизнь предстает как непрерывная цепь писательских подвигов» («Краткое предуведомление» Г. Бояджиева к книге М. Булгакова «Жизнь господина де Мольера», М., «Молодая гвардия», 1962, серия «Жизнь замечательных людей»).

В эту пору Булгаков перевел также комедию Мольера «Скупой», создал оригинальную вариацию на темы мольеровских комедий «Полоумный Журден» (1932).

Пьеса «Кабала святош» («Мольер») была передана Булгаковым в Московский Художественный театр и принята к постановке еще осенью 1932 года. Тогда же в газетах появились сообщения, что роль Мольера будет исполнять И. Москвин в очередь с М. Тархановым («Советское искусство», 1932, 16 октября). Ставил спектакль Н. Горчаков. Работа над спектаклем тянулась более четырех лет. Взаимоотношения автора с театром в процессе работы были очень сложными и трудными. В Музее МХАТ хранится такое письмо М. Булгакова Н. Горчакову: «Получив сегодня выписку из протокола репетиций «Мольера» от 17 апреля сего года и ознакомившись с нею, сообщаю Вам, что ввиду полного разрушения моего художественного замысла и попыток вместо принятой театром

моей пьесы сочинить другую, я категорически отказываюсь от переделок пьесы «Мольер», о чем и сообщаю одновременно Константину Сергеевичу». Станиславский лишь эпизодически принимал участие в работе над пьесой. Н. Горчаков был далек от правильного понимания замысла Булгакова. «Вся пьеса в целом, а следовательно, и постановка,— писал он накануне премьеры,— рассматривалась нами как своеобразная современная транскрипция знаменитого некогда жанра исторической мелодрамы» («Литературная газета», 1936, 10 февраля). Булгаков же, напротив, стремится избежать мелодраматизма, ему хотелось выразить глубоко трагедийное столкновение таланта с властью, великого художника-гуманиста с неограниченным монархом. Именно в этом смысл произведения Булгакова.

Сохранился отзыв М. Горького: «О пьесе М. Булгакова «Мольер» я могу сказать, что — на мой взгляд — это очень хорошая, искусно сделанная вещь, в которой каждая роль дает исполнителю солидный материал. Автору удалось многое, что еще раз утверждает общее мнение о его талантливости и его способности драматурга. Он отлично написал портрет Мольера на склоне его дней, Мольера, уставшего и от неурядиц его личной жизни, и от тяжести славы. Так же хорошо, смело и — я бы сказал — красиво дан Король-Солнце, да и вообще все роли хороши... Отличная пьеса» (архив А. М. Горького, копия — в архиве Е. С. Булгаковой).

Пьеса Булгакова, как замечено Горьким, показывает «Мольера на склоне его дней». Это Мольер, создавший уже и «Тартюфа», и «Дон-Жуана», и «Мизантропа», и «Жоржа Дандена», и «Скупого», Мольер, переживший уже великое пятилетие высшего расцвета своего гения, нанесший страшные удары духовенству, феодальной аристократии и буржуазии, Мольер, высмеявший все основные социальные силы, на которые опиралась монархия «короля-солнца» Людовика XIV. С точки зрения конфликта между королем и Мольером произведение Булгакова звучит как высокая и мощная трагедия.

Премьера спектакля в Художественном театре состоялась 15 февраля 1936 года. Вопреки первоначальным намерениям заглавную роль играл В. Станицын, роль Людовика XIV — М. Болдуман, Бутона — М. Яншин, Арманды Бежар — А. Степанова, Мадлены Бежар — Л. Коренева, Муаррона — Б. Ливанов, Шаррона — Н. Соснин. Декорации к спектаклю писал художник П. Вильямс, который стремился, как он сам говорил, выразить «тяжелую мощь эпохи» Людовика XIV. Роскошные костюмы были сшиты по эскизам Н. Ульянова.

Первая же рецензия указывала, что пьеса Булгакова превращена Горчаковым в «типичную мещанскую мелодраму, в которой Мольер, в конце концов, играет вполне второстепенную роль». Рецензент О. Литовский писал об исполнении В. Станицыным роли Мольера: «Фигура получается недостаточно насыщенная, недостаточно импонирующая, образ суховат», — и замечал, что М. Болдуман играет Людовика с «флегматичным холодком» («Советское искусство», 1936, 11 февраля). Другие отзывы прессы были еще менее утешительны. Редакционная статья, появившаяся в «Правде» 9 марта 1936 года, называлась «Внешний блеск и фальшивое содержание». В ней автору предъявлялся упрек в искажении и умалении исторического облика Мольера. Театру ставилась в вину чрезмерная, оперная пышность постановки. Это последнее замечание вполне соответствовало истине. «Декорации, костюмы, расстановка актеров, — писала «Правда», — все это имеет своей задачей поразить зрителя блеском дорогой парчи, шелка, бархата и всякими побрякушками». После семи представлений спектакль, который, несмотря на ошибки режиссуры и чрезмерную пышность оформления, пользовался успехом, был снят с репертуара.

26 июля 1963 года состоялась премьера «Мольера» в Городском театре Остравы (Чехословакия) в постановке Радима Коваля и в декорациях Владимира Шрамека. Роли исполняли: Мольера — Милослав Голуб, Людовика XIV — Эденек Древожанек, Арманды — Юлина Барашова, Мадлены — Зоя Розжи-

палова, Шаррона — Франтишек Чек. Спектакль пользовался большим успехом.

Польский перевод пьесы опубликован в 1964 году в журнале «Диалог», № 8.

«Полоумный Журден»

Комедия, представляющая собой вариацию нескольких мольеровских тем и сюжетов, была написана Булгаковым в период увлеченного изучения Мольера и его творчества, в 1932 году. «Полоумный Журден» предназначался для Театра-студии под руководством Ю. Завадского, роль Бежара, в частности, писалась в расчете на О. Абдулова. Постановка не осуществилась.

«Последние дни» («Пушкин»)

В 1934—1935 годах Булгаков написал пьесу, посвященную трагической гибели Пушкина. Оригинальная мысль построить пьесу о Пушкине так, чтобы сам Пушкин ни разу не появлялся на сцене, проще всего и вернее всего была впоследствии объяснена К. Фединым. «Основное желание Булгакова,— писал Федин,— вполне очевидно: он хотел избежать опошления драгоценного образа великого поэта», хотел «изображением общественной среды, в которой жил Пушкин, раскрыть его трагедию» («Литература и искусство», 1943, 24 апреля). Целомудренно избегая появления Пушкина на сцене, драматург как бы декларативно отказывался от попытки «раскрытия гения» в сценическом действии. Ему важно было другое — вновь, как и в «Кабале святош», показать неравное трагическое противоборство между великим художником и самодержавной властью, между поэтом и стоявшими у трона палачами «свободы, гения и славы». Общая концепция пьесы Булгакова бесспорно воодушевлена этими гневными строками знаменитого стихотворения Лермонтова «На смерть поэта».

В «Последних днях» запечатлены выразительные черты целой эпохи. Николаевская Россия, Россия дворцовая, парадная, надменная. Белые колонны, золотые эполеты. В дворцовых залах и казенных кабинетах вершатся дела государственные, решаются судьбы человеческие. Вершатся дела эти и определяются судьбы эти согласно строгому, раз навсегда установленному регламенту — в превосходно налаженную, жесточайше организованную государственную машину живой человек поступает словно «входящий» документ, проходит сквозь ряд казенных кабинетов и выбрасывается в жизнь уже в новом, «исходящем» качестве: с повышением или с понижением — и сам тотчас занимает свое место в одном из казенных кабинетов, чтобы в свою очередь и в меру своей власти вершить и решать... «Страна рабов, страна господ», страна голубых мундиров и послушного им народа, как бегло и точно охарактеризовал николаевскую Россию Лермонтов, страна, где «все чиновники, везде чиновники, всё чиновники», как ядовито заметил Сухово-Кобылин.

Фигура поэта заранее и заведомо враждебна этому жестоко организованному бюрократическому миру. Когда же поэт гениален и солнечно щедр, когда он верит, что «оковы тяжкие падут, темницы рухнут», когда он мечтает о свободе, когда его вдохновение подчинено блистательному уму, — короче говоря, когда этот поэт — Пушкин, тогда конфликт между поэтом и бездушной государственностью неминуем. Этот конфликт и приводит в движение драму Булгакова.

Пьеса была закончена Булгаковым в 1935 году, поставлена же через несколько лет после смерти драматурга. Премьера «Последних дней» в МХАТ в постановке В. Станицына и В. Топоркова и в декорациях П. Вильямса состоялась 10 апреля 1943 года. Роли исполняли: Наталья Николаевна Пушкина — А. Степанова, Александра Гончарова — С. Пилявская, Жуковский — В. Станицын, Битков — В. Топорков, Никита — В. Орлов, Дантес — П. Массальский. Ду-

бельт — Н. Свободин, Бенкендорф — В. Вербицкий, Салтыков — В. Готовцев, Богомазов — М. Тарханов, Долгоруков — А. Кторов, Кукольник — Г. Конский. Воронцова — О. Андровская, Николай I — В. Ершов и другие.

Незадолго до премьеры, весной 1943 года, одну из черновых генеральных репетиций спектакля просмотрел и прокорректировал Вл. И. Немирович-Данченко. Чрезвычайно высоко оценивая пьесу Булгакова, чувствуя в отдельных ее сценах «какую-то необыкновенную глубину», Немирович-Данченко видел в ней «трагедию Пушкина» и добивался трагедийной напряженности исполнения каждой роли, звучания каждого эпизода. Он провел несколько бесед с участниками спектакля. Это была последняя режиссерская работа Вл. И. Немировича-Данченко. Замечания Немировича-Данченко по спектаклю «Последние дни» опубликованы в первом томе его «Театрального наследия» (Вл. И. Немирович-Данченко, Статьи, речи, беседы, письма, «Искусство», 1952, стр. 328—346).

Отзывы критики о спектакле были в целом одобрительными. В годы Великой Отечественной войны спектакль, посвященный Пушкину, вызывал глубокие патриотические чувства. Правда, почти во всех статьях выражалось сожаление, что самого Пушкина нет на сцене. Премьера «Последних дней» в Художественном театре была воспринята как большое общественное событие.

За пять лет (1943—1948) спектакль прошел более 150 раз и сохранялся в репертуаре театра до 1959 года.

«Иван Васильевич»

Комедия написана М. Булгаковым в 1935—1936 годах и готовилась к постановке в Театре сатиры. Режиссер Н. Горчаков довел работу до генеральной репетиции. В пьесе были заняты лучшие артисты театра: управдома Буншу играл Ф. Курихин, его жену Ульяну Андреевну — Е. Милютина, Иоанна Гроз-

ного — Д. Кара-Дмитриев, Жоржа Милославского — П. Польша. Премьера предполагалась в марте 1936 года, были проданы билеты на первое представление. Но появление в «Правде» 9 марта 1936 года редакционной статьи о спектакле «Мольер» повлекло за собой и запрещение комедии «Иван Васильевич».

«Дон Кихот»

Пьеса по мотивам романа Сервантеса «Дон Кихот» была написана в 1938 году. Влюбленность в гениальное творение Сервантеса сопутствовала Булгакову на протяжении многих лет его жизни. Приступая к работе над созданием сценического варианта бессмертного романа, Булгаков прекрасно понимал, что полностью передать его огромное содержание театральная пьеса заведомо не может. Поэтому он поставил перед собой сравнительно скромную задачу выделения основных тенденций произведения Сервантеса, создания театральной формы, способной дать артистам возможность вывести на сцену самого рыцаря печального образа и его верного оруженосца Санчо Пансу. Взаимоотношения Дон Кихота и Санчо стали основной темой пьесы. Кроме того, Булгаков с присущей ему смелостью ввел в пьесу историю любви Карраско и Антонии, племянницы Дон Кихота. «Эта их настоящая, живая любовь,— пояснил незадолго до премьеры пьесы в театре им. Вахтангова режиссер И. Рапопорт,— как бы противопоставлена восторженному, но иллюзорному чувству Дон Кихота к Дульцинее». Известный советский литературовед И. Анисимов писал, что пьеса Булгакова «чудесно передает не только сатирический, но и поэтический, музыкальный колорит романа Сервантеса». Хотя попыток инсценировать «Дон Кихота» — и до Булгакова и после него — было множество, все же пьеса Булгакова поныне остается лучшим сценическим переложением романа Сервантеса.

«Дон Кихот» был впервые поставлен в Ленинграде, в Государственном академическом театре им. Пушкина, в

1941 году. Премьера состоялась 13 марта. Спектакль шел в постановке В. Кожича, был оформлен художницей С. Юнович. Роли исполняли: Дон Кихот — Н. Черкасов, Санчо Панса — Б. Горин-Горяинов, Ключница — А. Козлова, Мариторнес — А. Белоусова, Цирюльник — Ю. Свирин, Хозяин постоянного двора — А. Джобинов, Погонщик мулов — А. Чекаевский, Герцог — К. Матросов, Антония — В. Воинова, Священник — И. Карпов и другие. Константин Державин, известный театральный критик, писал в «Известиях» (20 марта 1941 г.): «Пьеса М. Булгакова бесспорно является одной из наиболее удачных попыток инсценирования произведения Сервантеса... В воплощении Н. Черкасова Дон Кихот сохраняет свою глубокую значительность. Он смешон, жалок, трогателен и патетичен — этот оскудевший кастильский идалго, возомнивший себя странствующим рыцарем, встающим на защиту справедливости. Н. Черкасов находит ту простую человеческую искренность, которая заставляет любить сервантесовского рыцаря в его нелепом, но трогательном безумии. Образ Дон Кихота, созданный Н. Черкасовым, нужно признать большим и серьезным достижением советского актерского искусства. Б. Горин-Горяинов в исполнении роли Санчо Пансы раскрывает лучшие стороны своего большого дарования и высокого мастерства. Созданная им фигура простодушного, лукавого оруженосца вполне отвечает сервантесовской характеристике... Живописная сочность портрета испанского крестьянина сочетается с сервантесовской теплотой изображения Санчо Пансы».

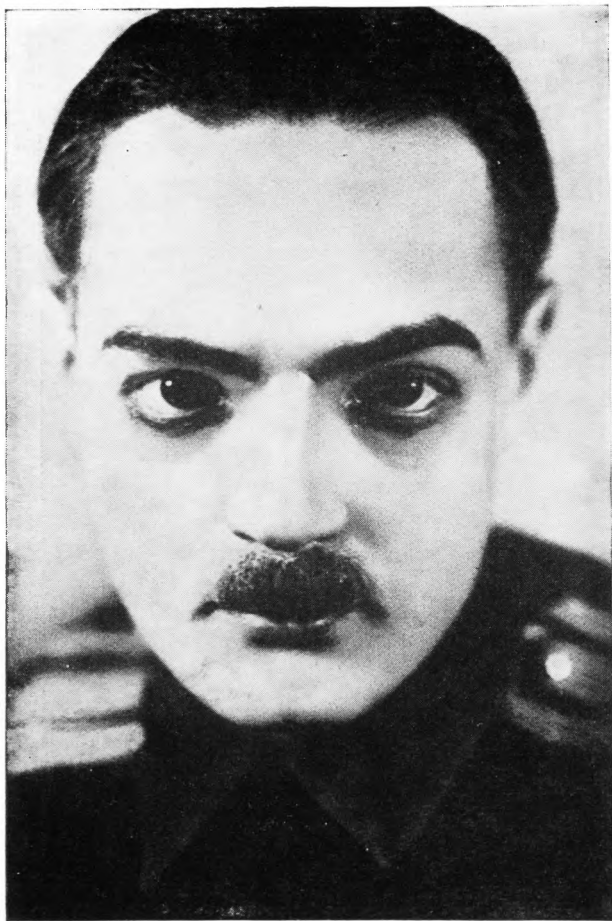
Высоко оценивая режиссерскую работу В. Кожича и дарование художницы С. Юнович, сумевшей передать «прекрасные краски скудного и сурового кастильского пейзажа», критик резюмировал: «В этот спектакль вложено много искренней любви к гуманному творению великого испанца. Коллектив театра можно поздравить с серьезным и настоящим творческим успехом».

8 апреля 1941 года, через месяц после ленинградского спектакля, состоялась премьера «Дон Кихота» в Москве, в театре им. Евг. Вахтангова. Ставил пьесу И. Рапопорт, оформлял спектакль П. Вильямс, музыка была написана Т. Хренниковым. Роли исполняли: Дон Кихот — Р. Симонов, Санчо Панса — А. Горюнов, Мариторнес — Д. Андреева, Ключница — Е. Понсова, Герцог — В. Осенев, Паломек — Н. Пажитнов, Погонщик мулов — А. Хмара, Свиновод — Г. Мерлинский и другие.

В рецензиях на вахтанговский спектакль оспаривалась трактовка образа Дон Кихота. И. Анисимов писал: «Дон Кихот, каким его играет Симонов, только трогателен, только забавен, только картинен, а прославленное «безумие» его лишено трагического своего смысла и совсем не так грозно и великолепно, как у Сервантеса». Критик зато высоко оценил актерскую работу А. Горюнова, который раскрыл «простую душу и верное сердце человека из народа с превосходной естественностью» («Советское искусство», 1941, 21 апреля). Г. Бояджиев также считал, что Р. Симонов играл «человека, сознающего обреченность своих замыслов. Он был сосредоточен и степенен. Собственно, донкихотского в этой фигуре ничего не было. Не было наивной непосредственности, бездумной веры в свои фантазии, увлеченности подвигами» («Очерки истории русского советского драматического театра», т. 2, стр. 234). Действительно, нарядная внешность и элегическая умиротворенность спектакля вахтанговцев, а также сентиментальность толкования роли Дон Кихота Р. Симоновым давали повод к такого рода замечаниям. Разумеется, автор в таком толковании пьесы и центрального образа ее был неповинен. Пьеса Булгакова дает театру полную возможность действительно глубокого и полнокровного воплощения образов Сервантеса.

К. Рудницкий

Дни Турбиных

Алексей — Н. Хмелев.
МХАТ. 1926

Елена — В. Соколова.
МХАТ. 1926

Николка — И. Кудрявцев.
МХАТ. 1926

Лариосик — М. Яншин.
МХАТ, 1926

Мышлаевский — Б. Добронравов.
МХАТ. 1926

Шервинский — М. Прудкин.
МХАТ. 1926

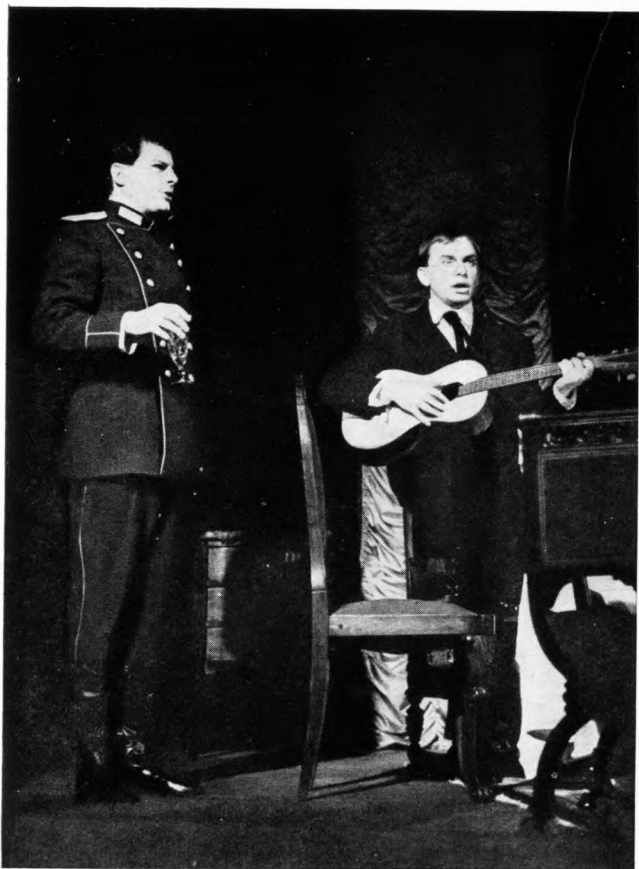
Студзинский — Е. Калужский.
МХАТ. 1926

Сцена из четвертого действия.
Мышлаевский — С. Маркушев. Ларносик — Е. Леонов.
Драматический театр имени К. С. Станиславского, Москва, 1954.

Сцена из первого действия.
Тальберг — Ф. Кало, Елена — И. Каллаи.
Театр имени Атиалы Йожефа. Будапешт. 1964

Сцена из первого действия.
Николка — Ф. Барань, Лариосик — Д. Бодроги.
Театр имени Атилы Йожефа, Будапешт. 1964

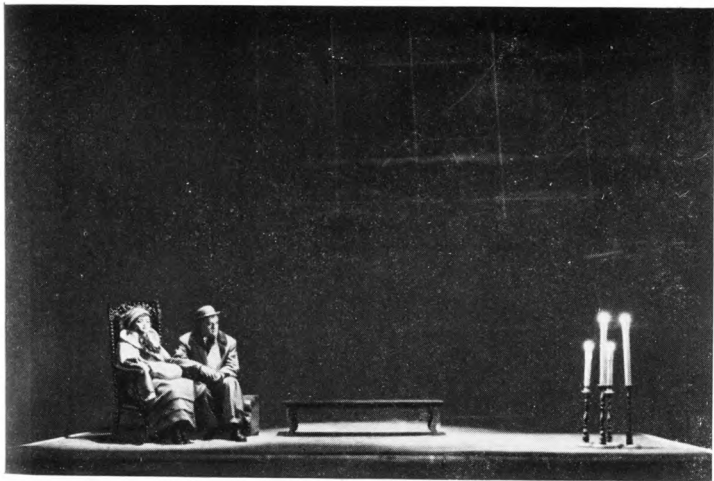

Хлудов — Н. Черкасов.
Театр драмы имени А. С. Пушкина. Ленинград. 1958

Чарнота — Ю. Толубеев.

Театр драмы имени А. С. Пушкина. Ленинград. 1958

Сон первый.
Серафима — Б. Богданова, Голубков — С. Бенеш.
Камерный театр. Прага. 1959

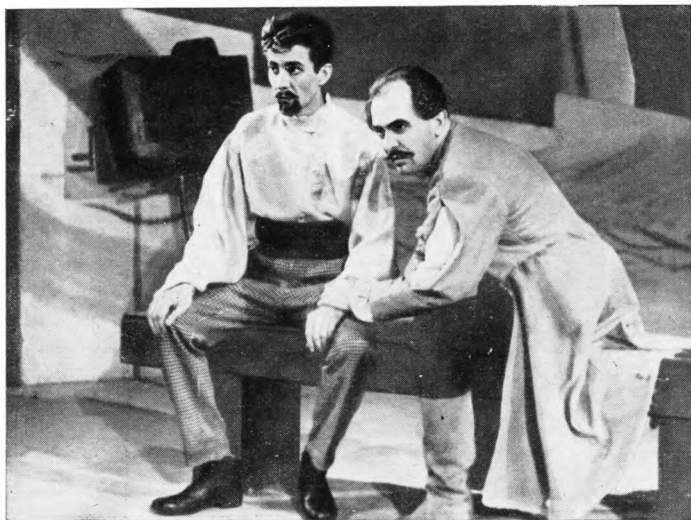
Сон седьмой.
Голубков — С. Бенеш, Чарнота — И. Бек, Корзухин — Э. Дуб-
ский.

Камерный театр. Прага. 1959

Сон второй.

Театр Земан Поморской, Польша. Быгдош. 1960

Сон шестой.
Голубков — И. Кониичный, Чарнота — С. Мизуревич.
Театр Земли Поморской. Польша. Быгдош. 1960

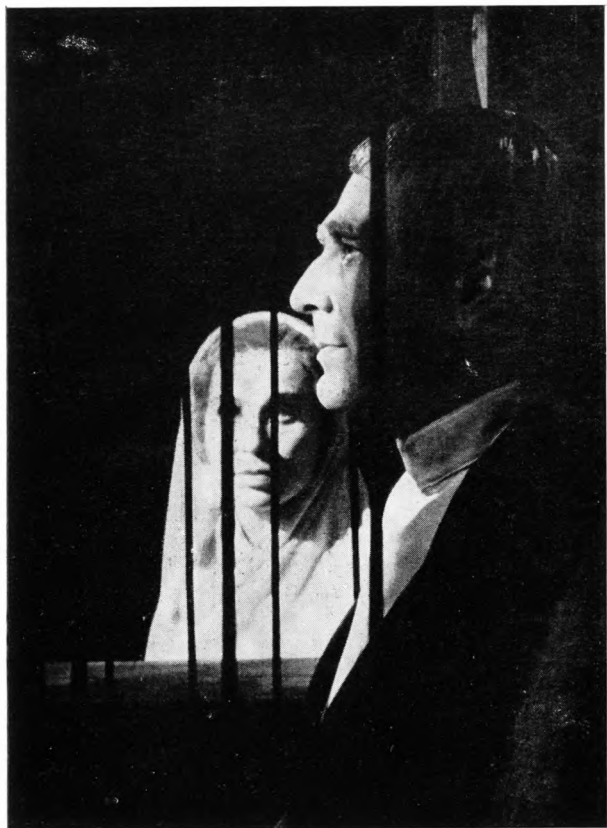
Шаррон — Н. Соснин.
МХАТ. 1936

Одноглазый — Н. Подгорный.
МХАТ. 1936

Сцена из первого действия.
Мадлена — Э. Роципалова, Мольер — М. Голуб.
Государственный театр. Чехословакия. Острава. 1963

Сцена из третьего действия.
Мадлена — Э. Роципалова, Шаррон — Ф. Шек.
Государственный театр. Чехословакия. Острава. 1963

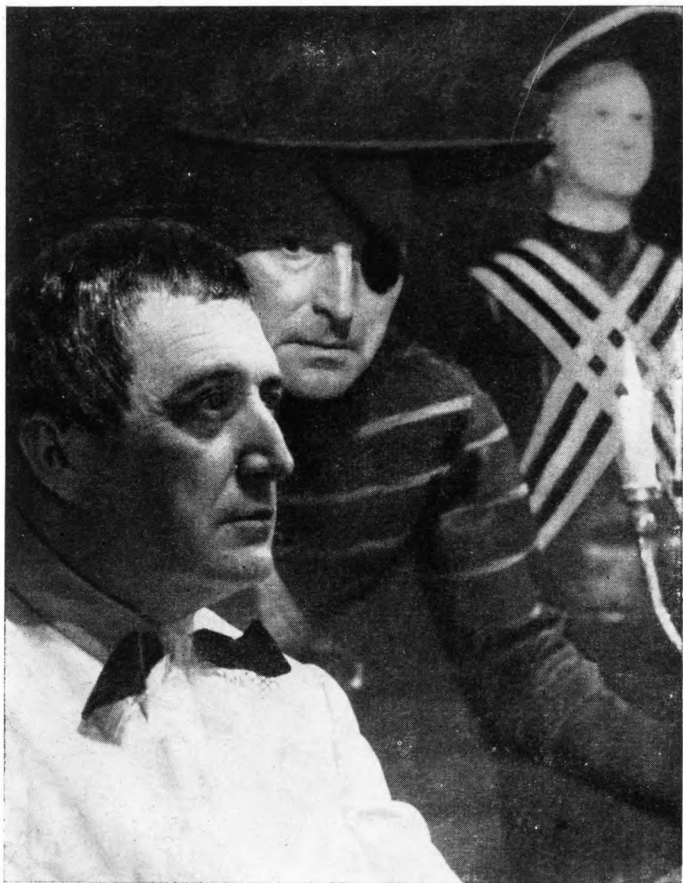
Сцена из третьего действия.
Людовик — Э. Древожанек, Шаррон — Ф. Шек.
Государственный театр, Чехословакия. Острава. 1963

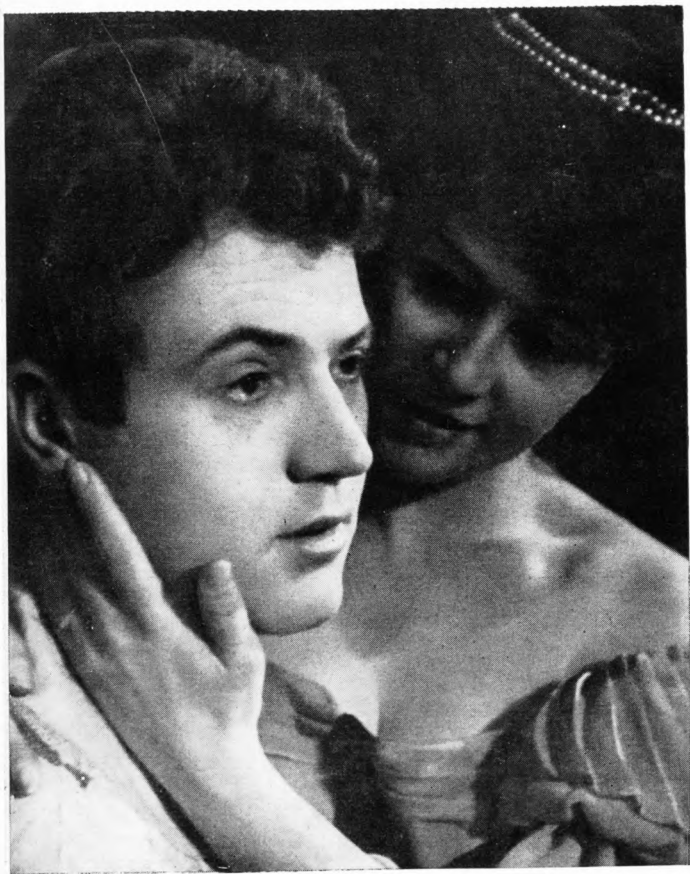
Мольер — Ф. Марек.
Областной театр. Чехословакия. Млада Болеслав. 1964

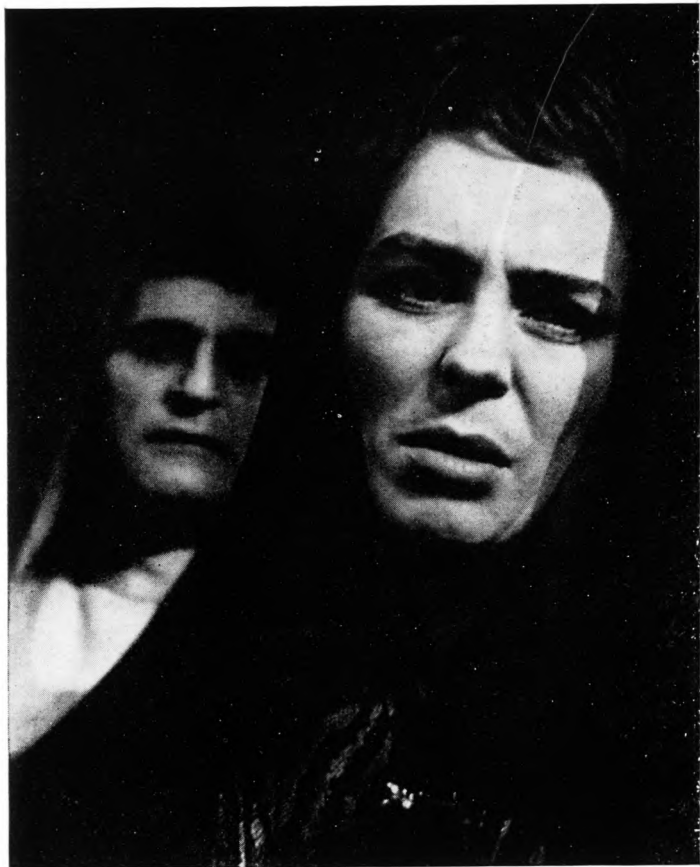
Сцена из первого действия.
Мольер — Ф. Марек, Мадлена — Я. Тиха.
Областной театр, Чехословакия. Млада Болеслав. 1964

Сцена из второго действия.
Людовик — Я. Петрик, Одноглазый — Р. Зеранил.
Областной театр. Чехословакия. Млада Болеслав. 1964

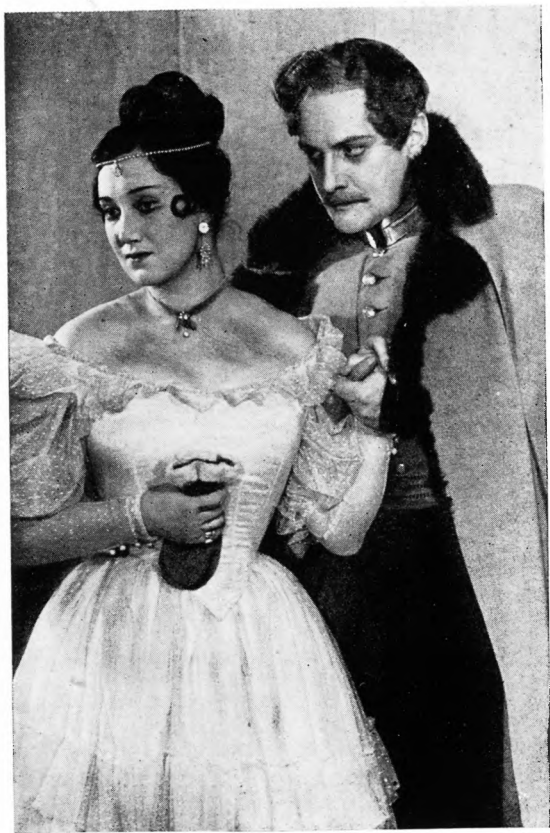

Сцена из второго действия.
Муаррон — Б. Полочек, Арманда — Я. Рендлова.
Областной театр. Чехословакия. Млада Болеслав. 1964

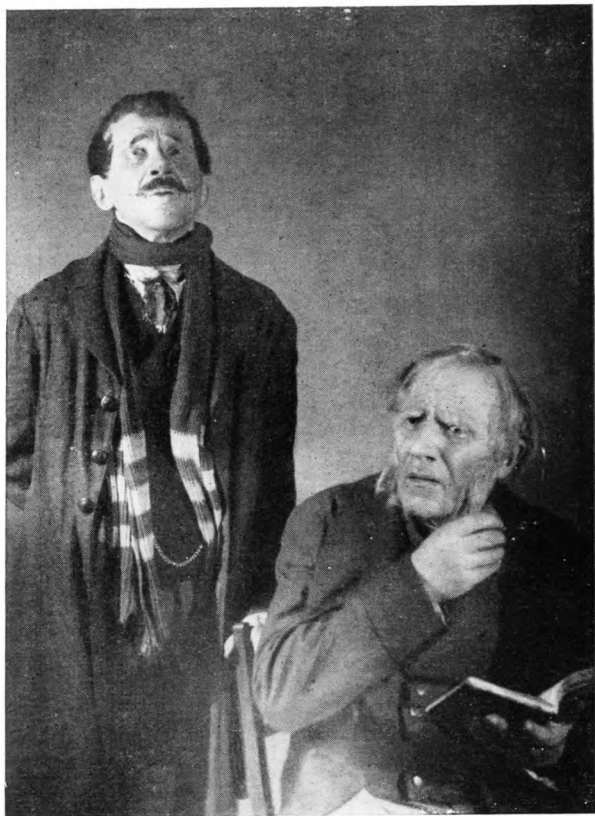

Сцена из третьего действия.
Мадлена — Я. Тиха, Шаррон — О. Варски.
Областной театр. Чехословакия Млада Болелав. 1964

Последние дни

Сцена из первого действия.
Наталя — К. Головки, Дантес — П. Массальский.
МХАТ. 1943

Сцена из третьего действия.
Битков — В. Топорков, Никита — В. Орлов.
МХАТ. 1943

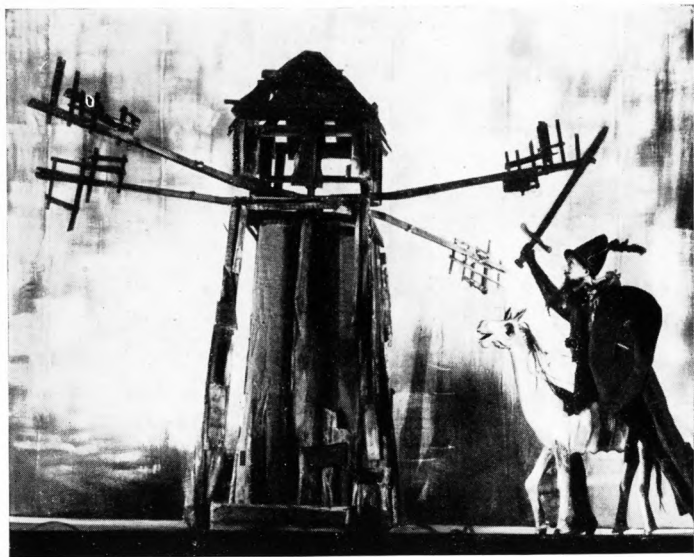
Сцена из первого действия.
Александра Гончарова — М. Шизановская, Наталья —
Н. Андрыч.

Польский государственный театр. Варшава. 1949/1950

Дон Кихот

Сцена из первого действия.
Дон Кихот — Н. Черкасов, Санчо — Б. Горин-Горяинов.
Театр драмы имени А. С. Пушкина. Ленинград. 1941

Сцена из первого действия.
Дон Кихот — В. Осто-Суски.
Польский государственный театр. Варшава. 1964/65

СОДЕРЖАНИЕ

О ДРАМАТУРГИИ БУЛГАКОВА	5
ДНИ ТУРБИНЫХ	17
Б Е Г	123
КАБАЛА СВЯТОШ (МОЛЬЕР)	215
ПОЛОУМНЫЙ ЖУРДЕН	285
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ (ПУШКИН)	339
ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ	413
ДОН КИХОТ	475
Примечания	578

Михаил Афанасьевич Булгаков

ДРАМЫ И КОМЕДИИ

М. Искусство, 1965, стр. 596+32 илл., Р-2

Редактор *Э. Пекарская*. Оформление художников *Т. Толстой*,
Ю. Маркова. Художественный редактор *Э. Шарова*. Техниче-
ский редактор *М. Панкратова*. Корректор *Т. Кудрявцева*

Сдано в набор 28/V 1965 г. Подп. в печ. 30/VIII 1965 г.
Форм. бум. 70×108¹/₃₂. Печ. л 19,625 (условных 27,47) Уч.-изд.
л. 23,538. Тираж 10 000 экз. Изд. № 12598. А11780. «Искус-
ство», Москва, И-51, Цветной бульвар, 25 Зак. тип. 285.

Цена 1 р. 31 к.

Московская типография № 20 Главполиграфпрома Государствен-
ного комитета Совета Министров СССР по печати. Москва,
1-й Рижский пер., 2

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

КАБАЛА СВЯТОШ

ПОЛОУМНЫЙ ЖУРДЭН

Булгаков

Михаил

